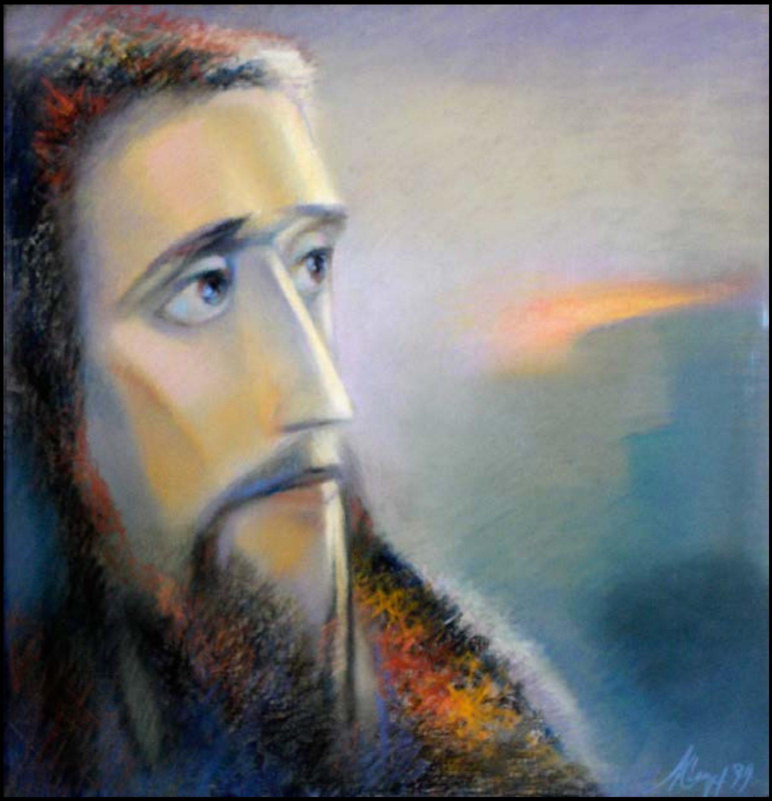
ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения *№ 1* | *2013*



Полиптих «Вифлеемская звезда»
1999 | холст на ДВП, пастель

Иоанн Предтеча *(нижняя часть)*
40 × 40

Полиптих «Сказочные птицы»
1995 | бумага, пастель

Сирин *(центральная часть)*
50 × 50

Людмила Смирнова

(1948–2008)

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения *№1 | 2013*

В номере

ДиН галерея

Людмила Гайдукова
3 Городу повезло…

мосты над облаками

Марина Саввиных
5 Ангелы Че и его окрестностей

ДиН мемуары

Сергей Есин
31 Из дневника 2012 года

ДиН память

Андрей Дёмкин
63 Увековечить память о Сурикове

Вадим Ковда
68 Лев Николаевич Таран

Лев Таран
69 Обрыв

Елена Атланова
71 «Клеть свободы» Александра Файнберга

Александр Файнберг
74 Вольные сонеты

ДиН стихи

Сергей Ставер
78 Цветные звуки

Игорь Куницын
81 Разлитый йод

Сергей Скорый
83 По тропе на алом небосводе

Марина Туманова
85 Почти по Чехову

Евгений Степанов
87 В который раз

Юрий Татаренко
131 Двенадцатым шрифтом

Вадим Керамов
170 Живой звезды простой орденоносец

Наталья Мамлина
172 Чёрные чётки

Вячеслав Тюрин
173 Лицо погоды

ДиН публицистика

Ирина Горская, Владимир Шанин
88 Вы с ним встречались

Евсей Цейтлин
93 Тайна голоса

Армен Зурабов
96 Возвращение к будущему

ДиН антология

Борис Чичибабин
95 Я верил в дух, безумен и упрям

Василий Жуковский
177 Мнилося мне…

ДиН диалог

Юрий Беликов, Михаил Ремизов
108 Клей для державы

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Салахитдин Муминов
114 Аплодисменты в зеркале

Татьяна Ефремова
118 Универсальная стрижка

Артур Чёрный
132 Город Страшной Ночи

Михаил Стрельцов
135 По встречке

Д*и*Н ПРОЗА

Александр Матвеичев
146 И возвратится прах в землю…

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ

Елена Зейферт
175 Сложилось ли высоцковедение?

Игорь Дуардович
176 Скорый день

Анастасия Астафьева
185 Доверие к миру

Д*и*Н СДВИГОЛОГИЯ

Сергей Бирюков
178 Польское

Денис Безносов
179 выбранные звуки

Д*и*Н ПОЛЕМИКА

Геннадий Волобуев
181 Воображаемый диалог с Владимиром Алейниковым

Д*и*Н СКАЗКИ

Алексей Чернец
188 Самый счастливый грузовик

Д*и*Н ПАРОДИЯ

Евгений Минин
194 Разнообразное

Д*и*Н РЕВЮ

30 На достаточных основаниях

67 Реальность континуума

Сергей Арутюнов
77 Хор Вирап

Дарьяна Антипова
107 Козулька

Галина Кудрявская
134 Вечность встречи

Нина Ягодинцева
184 Избранное

195 Д*и*Н АВТОРЫ

РЕДАКЦИЯ ПРИНОСИТ ИЗВИНЕНИЯ

В подборке стихов, опубликованной в «ДиН» №6 за 2012 год под общим заголовком «Будем жить! Праздник самодеятельной поэзии», на стр. 137 следует читать «Валентина Заварзина, г. Дудинка, Таймыр. *Памяти Л. П. Комаровой-Ненянг…*»—и далее по тексту.

Людмила Гайдукова

Городу повезло…

О художнице Людмиле Смирновой

Как счастливо то место, которое рождает своих творцов. Когда они живут и работают здесь, рядышком, ходят с тобой по одним и тем же улицам, смотрят из окна на закаты, лес, реку, которые и ты видишь. И когда творцы покидают место, где работали и жили, дарили тебе свою дружбу, что-то меняется и в самом месте, и в твоей жизни.

Мне, как и городу, крупно повезло: я знала Людмилу и смею назвать себя её подругой.

С появлением в городе семьи художников — Людмилы Смирновой и Валентина Савинова — в нём забурлила творческая жизнь, их дом стал центром притяжения для живущих здесь художников, для людей, которые тянулись к ним, грелись у их огня. В городе как будто стало больше радости и света. Всегда интересный собеседник, гостеприимная хозяйка дома, Людмила была постоянно окружена друзьями и знакомыми, и всё, что она творила, — будь то живописные работы, графика, роспись камней, пробовала даже делать декоративные вещи из солёного теста, — всё создавалось буквально на моих глазах. И всё, что ею создавалось, а потом раздаривалось и продавалось (думаю, за бесценок), всегда принималось мною безоговорочно и с восхищением. На её мольберте оживали библейские сюжеты, мифологические персонажи, летящие, парящие грустно-прекрасные лики. Сияние её творчества для меня было завораживающим. Казалось, что работы выполнялись с лёгкостью, на одном дыхании, — в рисунке и линиях не было изъянов. Но однажды, когда мы о чём-то спорили с ней, она, пытаясь поставить точку в споре, каким-то очень серьёзным и даже трагичным тоном сказала: «Ты представить себе не можешь, что такое муки творчества…» — и прочла «К Жуковскому» А. С. Пушкина. Особенно запало в душу мою то, как она прочла: «…и быстрый холод вдохновенья власы подъемлет на челе…»

Мне всегда было радостно следовать за ходом её мыслей в наших беседах и черпать, черпать из этих драгоценных минут общения то, что потом явится источником вдохновения и для меня. Мало того, я пыталась идти вслед за её привязанностями в литературе, поэзии, музыке. Были ещё живы поэты Арсений Тарковский, Иосиф Бродский. И когда нам удавалось раздобыть их сборники, мы читали вслух, а потом и наизусть их стихи. Меня всегда потрясала её великолепная память на поэзию. Однажды мы небольшой компанией пошли на ночную службу на Пасху в церковь (она находилась в домике по ул. Комсомольской), и, дожидаясь крестного хода, примостившись у дороги, она прочла нам от начала и до конца довольно длинное стихотворение «На страстной» Б. Пастернака.

Гуляя по вечерам со своей таксой, она серьёзно начала изучать звёздное небо и для этого раздобыла книгу по астрономии. Когда мы гуляли с ней по набережной, она всегда точно могла назвать, что сейчас над головой, а что только всходит или уже заходит, альфу или бету всех видимых на тот момент созвездий, точно определяла и показывала положение планет. И это было поразительно.

Как-то зимой нам вздумалось пойти на другой берег Кана. Стоял мороз в двадцать пять градусов. Найдя пятачок, разожгли костёр, зажгли свечи. Небо было звёздное, деревья в снегу. И плотная тьма подходила к нашему огоньку. И мы читали стихи. В очередной раз я была потрясена её памятью, когда она прочла «Телец, Орион, Большой Пёс» Арсения Тарковского. Божественные мгновения!

После их отъезда из нашего города она писала мне длинные письма. Письма…

Она признавалась, что скучает по городу, по всем оставленным здесь знакомым и друзьям и что годы, прожитые здесь, были счастливыми.

Думаю, что зеленогорский период в её творчестве был самым плодотворным, насыщенным, богатым на открытия и откровения.

Свет её работ, их глубина и высота — как бесценный дар — сделали мою жизнь и счастливей, и богаче!

Людмила Смирнова

Маленькая ода маленькому городу

Что мы оставили в маленьком городе?
Маленький кров в три крохотных комнаты,
где в час любой были рады мы людям,
тем, кого помним в разлуке и любим.
Где быт был замешан на красках и сказках
о том, как Зевес похищает Европу.
(А здесь мы рисуем, как ждёт Пенелопа
домой Одиссея, тихонько седея.)
Мы тоже—скитальцы. И наша «Итака»—
наш город родной—нас дождался. Однако—
как много оставлено в царстве Цирцеи!
Ни много ни мало, я тут разумею
тот маленький город. Там магия—эхо
с гор дальнего берега. Магия смеха
и звонкого пения рыжей подружки
с глазами Востока. Кудрявой, как Пушкин.
Она и сама—поэтесса. Так Ося,
бывало, слова волновал, как колосья
под ветром, что дует незнамо откуда,
на крыльях неся своё свежее чудо.
А в окна подруги летит Орион,
что грустен, высок, одинок и влюблён.
Нет в маленьком городе женщин прелестней,
чем наши подружки. Вы—каждая—песня.
Как сердце вас помнит, как слух наш лелеет
ваш голос! Звонок… Телефон холодеет
и падает в обморок—с полки на кухне,
влюблённый и нежный—вот, кажется, рухнет!
А маленький город вновь вздрогнет… Проводит
ещё одного. Постепенно уходят
его старожилы.—Не все! Пусть живётся
легко и привольно всем, кто остаётся.
Видней издалёка: не худшее место—
ваш маленький город. Как милое детство,
прошедшее в этом зелёном просторе,
под этим огромным распахнутым небом!
Ах, маленький город! Ты был или не был?
Не будем разлуку приравнивать к горю.
Спасибо тебе. Пусть в домах твоих наши
картины живут. Мы здесь тоже их мажем.
Здесь нас принимают. Два шага до славы.
И это приятно, хоть слава—отрава.
Но как же отрадно не слышать вопросов:
—Что может быть доброго из Назарета?
Родная земля… И тепло, и непросто
всё—сызнова…
Это—не счастья ль приметы?

Марина Саввиных

Ангелы Че и его окрестностей

1.

Метафизическое вступление

Никогда не разделяла конспирологических теорий. Это же так удобно—без конца списывать результаты собственной глупости и за десятки тысяч лет не истреблённого во человецех зверства на всевозможных агентов потустороннего влияния, кто бы они ни были: жидомасоны, инопланетяне или «мировая закулиса». Однако бывают и у меня минуты, когда, посмотрев, подобно Лермонтову, «с холодным вниманьем вокруг», я—внутренне содрогнувшись, обнаруживаю в окружающей действительности неопровержимые свидетельства целенаправленной работы какой-то мерзкой, бессердечной, против всего человечества направленной силы. Тогда—горько шутя—я говорю себе и близким товарищам: наш мир захватили гоблины! Кого ещё винить в жутком разорении человеческого обустройства на Земле? В попрании завещанных прапращурами норм человеческого; в безудержном истреблении природных ресурсов, более всего напоминающем тупое и упорное пиление сукá, на котором мы все сидим и который уже так надломлен, что при малейшем движении отчётливо слышен хруст; в непрекращающихся атаках на семью, последний оплот традиционной морали, грозящих превратить всю мультимиллиардную человеческую популяцию в стада безмозглых особей, производимых и выращиваемых на убой?..

Школьницей я, как и большинство моих сверстников, строгой классике учебных программ по литературе предпочитала научную фантастику. Брэдбери, Шекли, Лем, Азимов, Кларк… Чуть раньше—Уэллс. Чуть позднее—Оруэлл. И, конечно, Стругацкие. И вот теперь, оглядываясь по сторонам, я думаю: Господи, если мысль материальна, то… неужели *это всё они придумали*? Неужели на наших глазах *реализуются* выдумки авторов антиутопий? И мы вынуждены жить в мире, *придуманном* чьим-то недобрым воображением, в мире без будущего? В мире, где целенаправленно, методично и неотступно распространяется и торжествует *зло*?

Сергей Кургинян, лидер движения «Суть времени», за которым я с интересом наблюдаю, можно сказать, от момента зарождения, называет современное жизнеустройство «зоной Че»—«зоной бедствия» (Чернобыль?) или «зоной пропорционального воздаяния», как у Стругацких в «Пикнике на обочине»… Мы все—заложники «зоны Че», контролируемой неведомыми злобными сущностями, могущественными, недосягаемыми и не подвластными законам природы и формальной логики. Впрочем… на заре европейской цивилизации ровно теми же качествами гомеровские греки наделяли своих богов. То есть—так было всегда. Только теперь, когда люди добрались чуть ли не до самых сокровенных тайн материи, разрушительная мощь безнравственного разума достигла поистине космического масштаба и способна уничтожить всё. Так что кажется: сопротивление бессмысленно и бесполезно. «Демоны Че» неустанно вырабатывают в своих виртуальных организмах вездесущую ядовитую паутину, которая уже обволокла бóльшую часть мира. Некуда ступить, нет простора, нет воздуха, чтобы расправить крылья.

И не видно «выхода из этого исхода».

Читаю последние—о нет! самые свежие!—статьи, очерки, интервью Валентина Курбатова, нашего давнего друга и члена редколлегии «ДиН», и—мороз по коже: что же это деется-то с нами, люди добрые?

«Первой пошатнулась любовь к Родине. Давно ли вы слышали само это слово из уст, скажем, руководителей государства? Стесняются они его. Нечего, мол, высокие слова тратить, а только высокие-то слова—знак высоты мысли.

А как тебя заставили стесняться их, так жди, что и Родина твоя спятится на вторые роли. И эта потеря, может быть, самая невосполнимая. Мы уже никогда не сможем любить свою Родину с естественностью и простотой—так, чтобы написать в песне: «Как невесту, Родину мы любим»,—и радостно показать эту строчку друзьям, как Пушкин когда-то—лицеистам своё святое обращение: «Пока свободою горим, пока сердца для чести живы…» Представьте сегодня поэта, который напишет эти строки живым, искренним

нетерпением сердца. А все остальные утраты — уже только производные от этой».

И дальше — о современной «гражданской поэзии»:

«Отчего сердце сопротивляется этой правде и иронии? Злое искусство мстительно. Маяковский-то криком кричал и кончил пулей. А тут ведь брезгливое самодовольство, будто не об Отечестве речь, а о какой-нибудь Новой Гвинее. И, кажется, отними у Димы Быкова злую нашу реальность, стань общество здоровым, и он возненавидит его, потому что добро так «скучно»…

Кажется, оно «скучно» и нашим политикам. Им вот и «единой», «справедливой», «либерально-демократической» и «коммунистической» Россий мало — они принимают решение считать партией группу, начиная с 500 человек. А чего? Гулять так гулять! Вот уж мир позабавится нашими «тараканьими бегами». Ведь у каждой такой «партии» и «аппаратик» свой появится, свои спичрайтеры и имиджмейкеры, газетки и канальчики. Боюсь, что с принятием этого закона центробежность наша сделается необратимой на радость умным грифам мировой идеологии (дяденьке Збигневу Бжезинскому, тётенькам Хиллари Клинтон и Мадлен Олбрайт). Ефрем Сирин в великопостной молитве знал, что писал, когда просил отвести от человека соблазн «любоначалия», понимая, что эта пагуба разрушает человека и целые государства, но матушка-власть и «началие» всё манят и манят.

Вычеркни, как мы сделали, из словаря два вечных слова «Родина» и «народ» — и нет великой страны. Но они ещё живы, ещё теплятся в нашем сердце, и значит, «точка невозврата» ещё подождёт. И пока мы не потеряли своего языка, «ключ от темницы» ещё в наших руках»[1].

В статье «Свидетель обвинения», размещённой в юбилейном номере журнала «Литературный меридиан» (он уже пять лет издаётся в Приморском крае), Валентин Яковлевич — с горьким воздыханием — цитирует В. Распутина:

«…мы оказались на другом берегу. Там, где мы были только что, закончилась история, в которой человек ещё мог принимать участие… а вместе с историей закончилась человеческая цивилизация и общественная эволюция. Позади остались захоронения тысячелетних трудов и упований. Вокруг нас подобие прежней жизни, те же картины и те же дороги, к которым мы привыкли, но это обманчивое видение, тут всё другое. И мы другие. И этот «подарок» новой календарной эре и всему миру сделала Россия. Она вдруг сошла с орбиты и принялась терять высоту. Но значение и влияние её в человеческом мироздании было настолько огромным, удерживающая её роль настолько велика, что вся планета, независимо от того, что кто-то считает себя в выигрыше, почувствовала неуверенность и тревогу, всех обожгло наступление новой реальности на противоположном берегу Реки Жизни»[2].

Так неужели нет надежды? Неужели прав Распутин в своём отчаянье? Неужели прав Курбатов, воскликнувший в завершение статьи: «Горе времени, оставляющем по себе такие свидетельства»?

Смутное — вне всякой логики и прагматики — чувство, инстинктивное, как стремление перелётных птиц в определённый момент сбиваться в стаи, уже несколько лет кряду гонит меня по земле. Я почему-то знаю, что если «демоны Че» распространяют по нашим градам и весям заразу, пожалуй, похуже чумы и холеры, то из глубин природы человеческой (той, которая по образу и подобию Божию!) не могут не подниматься силы, активно вырабатывающие противоядие! Встают — подобно богатырям из вод морских — воинства «ангелов». Вот их-то и надо мне разыскать. Они-то и мостят «мосты над облаками», что, соединяя людей, ведут к Человеку.

2.

Челябинск и окрестности: накануне «конца света»

— Куда? Уж эти мне поэты!

Но мне всё равно, что ворчат вслед, — еду на Южный Урал. В самое подходящее для этого время: накануне предрекаемого «конца света», — с тем чтобы встретить его с челябинскими друзьями. Ура, товарищи!

Поезд Красноярск — Адлер. За бортом — мороз градусов под тридцать. В вагоне то жарко, то холодно. Но окна — не замерзают, и волшебство заснеженной тайги — сосны да ели в серебристых мехах, на солнце подсвеченных синькой и золотом, полупрозрачные ватажки берёз, осенённых розовато-коричневым мерцанием голых ветвей, пухлые кочки сугробов, вызывающих кулинарные ассоциации, — всё это постепенно, как в кино, разворачивается перед любопытным взором прилипшего к окошку пассажира.

По пути из Красноярска в Челябинск — два раза пересекаешь государственную границу. Таковы издержки размежевания некогда братских республик. Известный отрезок Транссибирской магистрали проходит по территории Казахстана. У пограничников, в основном, вполне-таки славянские лица. Мои документы их не заинтересовали ни разу. А вот моих попутчиков-кавказцев (специфика маршрута, знаете ли) проверяли с пристрастием. Вплоть до скрупулёзного исследования содержимого баулов и тщательного сличения фотографии в паспорте с наличествующей персоной.

1. http://www.aif.ru/society/article/51596
2. «Литературный меридиан», №1, 2013, с. 17.

На границе в Петропавловске (уже Казахстан!) поезд стоит около двух часов. Всё это время по вагонам—и не без успеха—носятся, если так можно выразиться, представители duty-free, приграничной торговли. Местный коньяк, мелкая техника—сотовые телефоны, DVD-проигрыватели, видеокамеры. Игрушки. Прошёл даже торговец песцами и чернобурками—предлагая их в виде шапок и воротников.

На российской стороне такой оживлённости не наблюдается.

Тем временем вторые сутки моего путешествия приближаются к середине, и я начинаю уже всерьёз прикидывать в уме: а как там Челябинск?

Лев Толстой в «Севастопольских рассказах» говорит о патриотизме, что это чувство, «стыдливое в русском». То ли из-за этого стыда, то ли из лёгкой фамильярности, свойственной нашему общению с ближними, вместо официальных имён мы нередко даём родным городам забавные домашние прозвища. Красноярцы между собой иногда именуют свой город Кырском, жители Владикавказа и Владивостока, не сговариваясь, присвоили собственным genius loci одно и то же ласковое имя—Владик.

А Саша Петрушкин, поэт, издатель и популярнейший «литературтрегер» Урала, в одном из писем ко мне обмолвился: «Берите билет на поезд, чтобы он прибывал 20-го числа в Че… по приезде в Че ищите Марину Волкову!»

Так вот оно что! Так вот ты какой… цветочек аленький! Я еду в город Че! Мистическим холодком повеяло в душу, и—уже на последнем перегоне перед местом назначения—я придирчиво перебираю в памяти всё, что мне было доселе известно о городе Че и его окрестностях.

Южный Урал. Древняя вотчина арийских племён. Говорят даже, что легендарный Заратустра—отсюда родом. Археологические раскопки вдоль восточных склонов Урала свидетельствуют о культурах, превосходящих по возрасту Крит и Микены. Аркаим. Загадочный город, современник древнего Вавилона, построенный в соответствии с точнейшими расчётами, с мастерством не меньшим, чем у полумифических зодчих Стоунхенджа и Долины Царей. Можно только догадываться, какую энергию излучают в мир его потревоженные руины[3].

Историки считают, что именно здесь кочевые племена—скифы и сарматы, гунны и хазары, печенеги и половцы—наиболее плотно соприкасались с оседлыми земледельцами. Как в огромном котле, клокотали на этой земле амбиции и интересы множества народов. Отсюда—как таковое—пошло и казачество. Яицкие казаки. Волнения башкир. Ермак Тимофеевич. Емелька Пугачёв. Пушкинская «Капитанская дочка».

В восемнадцатом веке здесь возникло металлургическое производство. В памяти, привыкшей обращаться к петровской эпохе, металлом отдаётся: Невьянск… Демидовы… Златоуст… Касли… Сам же Челябинск строился как крепость. Словно узлом завязывались здесь торговые пути и караванные тропы. Недаром до сих пор на гербе Челябинска—верблюд с поклажей на спине. Что человеку несведущему может показаться географическим курьёзом. Перед отъездом я даже сделала выписку из энциклопедии—слова служащего оренбургской экспедиции полковника Тевкелева, который в 1736 году отписал своему начальнику В. Н. Татищеву: «…на реке Миясе в урочище Челябы, из Миясской крепости в тридцати верстах заложил город». А спустя сто лет В. А. Жуковский, сопровождавший цесаревича Александра в путешествии по стране, проезжая через Челябинск, отметил: «…Челябинск. Бедный городишко».

Однако в конце девятнадцатого века сюда пришёл Транссиб—со всеми последствиями, вытекающими из реальности стремительно набиравшего темп молодого русского капитализма.

Революции, войны, индустриализация и коллективизация, репрессии и реабилитации—ничто не прошло мимо. Горное дело, металл, ударные стройки—и лагеря, лагеря…

Марина Волкова, та самая, которую мне нужно было найти «по приезде в Че», позднее усмехнётся, рассказывая о Челябинской области: местные жители не отличаются открытостью и доверчивостью—здесь ведь издавна половина населения сидит или сидела, а другая половина—охраняет или охраняла. Это как-то не располагает к откровенности.

Что ещё? В городе Че живёт Николай Година, поэт и автор оригинальных прозаических миниатюр, сотрудничавший с нашим журналом ещё при Астафьеве; я познакомилась с ним в конце девяностых в Овсянке—на широко прогремевших тогда по стране «Литературных встречах в русской провинции», организованных по инициативе Астафьева и некоторое время после его ухода ещё теплившихся в крае под названием Астафьевских чтений. Мы наверняка увидимся. Хорошо.

Нина Ягодинцева. Личность, легендарная не только на Урале. Поэт, литературовед, культуролог, педагог. Из её литературной мастерской вышли чуть ли не все наиболее заметные сегодня поэты региона. Заочно знакомы давно—теперь надеюсь на личную встречу.

Что уж говорить о Саше Петрушкине! Наше знакомство состоялось на почве революционной темы, которая в моём дневнике условно обозначена как «литературный сепаратизм». Проблемы сосуществования и взаимодействия «столичного»

3. С Аркаимом на Южном Урале связаны, помимо всего прочего, научные и идеологические баталии, нешуточным образом сотрясающие Интернет.

и «нестоличного» потоков современной художественной литературы мы обсуждали в Сети ещё в 2009-м. Дискуссия развернулась вокруг литературной жизни вообще, творческих союзов, журналов и фестивалей как факторов организации и движущих сил этой жизни.

Александр Петрушкин проявил здесь не только бойцовские качества, но и стратегическое чутьё в совокупности с мощным организаторским талантом. История евразийского литературного портала «Мегалит», сегодня успешно конкурирующего с таким масштабным явлением, как «Журнальный зал», собственно, и началась с этого момента — в декабре 2009-го.

Теперь хочется и себе, и Саше, и другим участникам той дискуссии — напомнить, а читателям «ДиН» представить некоторые соображения, которые тогда прозвучали.

АП. Я говорю о ресурсе, объединяющем журналы и альманахи, не выступающие идеологически (позиционно) как единое целое, но представляющие полный спектр происходящего в нестоличной литературе… В сибирском регионе туго со знанием того, что происходит не только в соседнем городе, но и на соседней улице. Это я про то, что для самого начала (каких бы то ни было разборок в литературном пространстве) его необходимо показать — продемонстрировать друг другу бегунов, чтобы они начали движение. А соединять нам не надо — необходимо *показать*, что происходит и в поэзии, и в прозе, и в критике вне мегаполисов. Может быть, именно благодаря этому здесь появится литературный процесс, а не его имитация, причём производимая для внутреннего пользования (заранее извиняюсь перед сибиряками — за использование утрированных обобщений).

…Политика предпочтений и так далее — должны и будут (если мы дойдём до начала) вестись ещё на подходе, то есть форму сот определяет пчеловод (что естественно), а мёд (наполнение) — сами пчёлы. Или иначе — мы должны понять: чем руководствоваться при отборе участников? Какие критерии использовать для определения значимости того или иного авторского проекта?

МС. Что касается меня и моих коллег — нам очень важно сохранить «ДиН» в бумажном виде, хотя бы потому, что значительная часть наших авторов и читателей — люди старшего поколения. И вообще, наша глобальная цель — восстановление «связи времён». Это и критерий, между прочим. Даже если сильно спонсоры просят — тянем на самых высоких нотах… Актуально же в искусстве — только то, что вечно. Актуальнее Баратынского — лишь Гаврила Романович Державин!

АП. Общее заблуждение: чтобы чем-то стать на литературной арене — необходим выход на Москву, точнее, на московскую тусовку. Многих молодых литераторов эта мифологема просто убивает как Творцов. То есть литератор начинает думать уже как о конечном продукте своей работы — о славе и признании московской или околомосковской литературной тусовкой, а не о качестве своих произведений… Центростремительное (околомосковское) сообщество выступает единым фронтом и потому кажется монолитом — «страшным и ужасным». Если мы (говоря «мы», я имею в виду центробежное сообщество или сознательную провинцию) будем делиться, то у нас опять ничего не получится, и идея не имеет смысла. Если же мы сможем предъявить провинциальную литературу как единый и мощнейший фактор русской культуры, то появится децентрализованная версия русской литературы и альтернатива у молодых.

МС. Процесс, о котором вы говорите, идёт давно и всё активнее и шире. Я нынче — уже в качестве главреда — поездила по градам и весям и убедилась, как сильна центробежная тенденция и как провинциальные литераторы тянутся друг к другу. Причём «провинциальность» в высоком позитивном смысле этого слова и в столицах проступает именно теми чертами, которые вы отметили. Поэтому к нам в «ДиН» постоянно «стучатся» и москвичи, и питерцы. Как правило, с очень хорошими вещами. Мы их печатаем охотно — к взаимному удовольствию. Подтягивается даже и литературный «зарубеж», пишущий по-русски. Так что, думаю, здесь и не в территории дело, а в особом «русском (российском?) духе», который уже заметно отличается от «московского». Круг «ДиН», с одной стороны, держится как бы причастностью этому «духу», с другой — принципиальной установкой на «цветение всех цветов». Оказалось, что это возможно! Мы сейчас активно налаживаем контакты с литературными сообществами (язык не поворачивается назвать «тусовками») Урала, Сибири, Дальнего Востока, с журналами, альманахами — для обмена и взаимной поддержки.

Уделяю так много внимания (и места) этой дискуссии лишь потому, что, в сущности, именно её «активные точки» стимулировали широкомасштабное движение, которое в течение четырёх лет (в 14-м году «Мегалит» отметит свой первый — пятилетний — юбилей!) радикально изменило не только литературное пространство «за МКАДом», но и культурную карту «русского мира» вообще. В авангарде этого движения — по-прежнему Петрушкин и его сподвижники, тоже очень разные, иногда с трудом сопоставимые, однако — при всём

при этом — удерживающие равновесие, что разительно отличает мир «Мегалита» от иных ему подобных явлений.

Собственно, в Челябинск я и еду теперь по приглашению Александра Петрушкина. Он давно меня звал — приехать и увидеть собственными глазами, как обстоят дела с литературным бытием и сознанием на Южном Урале. Это ведь особое место, очень уж оно гудит, вибрирует и… влияет.

Долго не могла выбрать время, но… «Мосты над облаками» позвали. Еду.

3.

Марина Волкова.
Книги, писатели, дети — глобально

МС. Мы как прогрессоры на этой планете. Десант сброшен, а центр управления потерян.

МВ. Так мы ещё делали «Школу прогрессоров» — если что.

Поздно вечером 20 декабря я наконец выбралась на перрон из вагона своего неспешного скорого. С единственной мыслью: где же, интересно, стану искать я обещанную Марину Волкову? Нашариваю в кармане телефон, слышу вдруг своё имя, оборачиваюсь: с виадука навстречу, чуть ли не перепрыгивая через ступеньки, спускается высокая худощавая женщина в очках — с удивительным, сразу располагающим к себе лицом.

— Ой, да как же вы меня узнали?

— Просто крикнула «Марина» — вы и обернулись.

Несмотря на моё отчаянное сопротивление, Марина хватает мою сумку, как всегда, неподъёмную (журналы! книги!), — и мы устремляемся по виадуку к её машине, припаркованной у вокзала. Дело к полуночи. Челябинск погружён в огни и сполохи предновогодней иллюминации. Мороз крепчает. Кажется, сам воздух светится и хрустит, как накрахмаленная кисея. Но в автомобиле тепло: сиденья с подогревом, уютный плед, который Марина заботливо набрасывает мне на колени. Едем. Хозяйка — за рулём.

Изумительная женщина! Из тех, кто не только коня на скаку и там… в горящую избу… Оказывается, она в каком-то смысле ученица Г. П. Щедровицкого и была участницей не одной ОДИ[4]. Мы моментально нашли множество пересечений и соприкосновений и, приехав к ней домой, наговорились от души.

Легли поздно, и хотя на ночь меня устроили с максимальным удобством, «забыться сном» мне долго не удавалось — одолевали впечатления дороги и воспоминания об орлах-методологах, чьи образы — конечно, изменённые до неузнаваемости — я пыталась сохранить для потомков в романе «Люди картонного города», до сих пор не законченного, к сожалению.

Думаю и о Марине, конечно. Я познакомилась с ней благодаря Янису Грантсу и Сергею Гордиевскому, в ноябре 12-го представлявшим «Издательство Марины Волковой» на книжной ярмарке в Красноярске. Яниса, спасибо опять-таки Саше Петрушкину, заочно я знала довольно давно, а тут — едва мы обменялись первыми приветствиями — он, вместе с красноярским поэтом Рустамом Карапетьяном, повлёк меня к павильону своего издательства. Художественный уровень и издательская культура книг, живописно разложенных на прилавке и расставленных на полках павильона, меня, как говорится, приятно удивили. Я тут же накупила книжек, а вечером встряхнула Google — навести справки.

Вот что, например, пишет о моей новой знакомой М. Садчикова (www.lady74.ru):

«Марина Владимировна Волкова — человек интересный во всех отношениях: преуспевающая бизнес-леди, лихо бороздящая на своём автомобиле просторы нашей необъятной Родины, педагог, журналист, директор издательского дома, носящего её имя, лазерщица, любящая и любимая дочь, мама, бабушка — это тоже всё о ней. Она любит и умеет принимать решения и реализовывать их. Ей по душе нестандартные ситуации, требующие сосредоточенности мысли и воли. Она склонна к аналитической работе, инновациям, с удовольствием сочиняет мифы («объяснялки») по любому поводу, легко увлекает ими других. Любит и умеет писать, увлекается фотографией, настольным теннисом. Обожает путешествовать».

Нежа измученные конечности на необъятном ложе и глядя в слабо освещённый заоконным лунно-снежным сиянием потолок — уже почти во сне, — я думаю, что обликом и повадкой Марина

4. Оргдеятельностные игры родились на стыке психологии, методологии, драматургии и бизнеса. Игра идёт несколько дней с полным погружением участников. Главное действующее лицо в игре — ведущий, модератор, он же фаситатор (посредник в передаче основной мысли, идеи). В игре обязательны игротехники — наблюдатели, аналитики, посредники. Анализ результатов занимает около месяца: отсматриваются видеоматериалы, фиксируется этап перехода с одного этапа мышления на другой отдельными игроками и группы в целом, определяются эффективные приёмы для дальнейшего использования в компании, эффективные стратегии принятия решения именно для данной компании. «День на игре по плотности подобен году жизни. И если у человека нет воли к мысли, ценности мышления, он «вылетает». Его никто не держит, есть право выхода в любой момент, при условии, однако, что человек сформулирует, почему он это делает», — заметил Г. Блинов, учёный, философ, методолог, в одном из своих интервью.

http://tot-consult.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=70&Itemid=50

Волкова до боли напоминает мне Юнну Петровну Мориц, великого поэта и великую женщину… Юнна Мориц, общение с которой судьба подарила мне ещё в начале восьмидесятых, до сих пор для меня — образец нравственной стати и безупречного гражданского поведения. «Главное — оставаться самой собой». Ею ли — на заре туманной юности — внушён мне этот девиз, или как-то выработался в процессе жизнепрохождения, — не помню. Только Марина Волкова утверждает то же самое: «Карьера и успех для женщины — не самое главное для счастья, нужно оставаться самой собой. А «успешная карьера» — это позапрошлый век. Вот Кабаниха из «Грозы» Островского — пример успешной женщины: богата, все её знают, держит в руках и семью, и город, красива по меркам того времени… Прямо идеал современной бизнес-леди! Но что-то не хочется такого „счастья“».

Засыпаю с мыслью: какая удача встретить — так близко! — человека, не просто созвучного тебе самой, но созвучного — столь глубоко и тонко…

Чуть свет — на машине в Кыштым. Марина предложила два маршрута на выбор: один короче, другой — живописнее. Разумеется, я выбрала второй. Весь путь — около двух часов, плюс-минус полчаса не сделают погоды. И мы поехали. Правда, насладиться красотами пейзажа в полной мере не удалось — выехали затемно, обочины тонули во мраке. Зато я всю дорогу почти не выключала диктофон.

Монолог Марины Владимировны Волковой, предпринимателя, издателя, педагога

Мне действительно очень понравился ваш проект — и тем, что это самостийно, отдельно от меня, и тем, что это параллельно моим собственным усилиям похожестью мыслей и действий. У нас сейчас разворачивается два похожих проекта.

Первое — я очень много работаю с местным самоуправлением, у меня есть друг, который занимается этими вопросами практически профессионально. В Челябинской области есть ассоциация сельских муниципальных образований и городов, которую я обожаю, потому что там такие хорошие, нормальные мужики. Нормальные отношения, нормальные люди. Мы работаем с этой ассоциацией почти с самого начала, с тех пор как она образовалась. Я бываю не на всех мероприятиях, но стараюсь быть по возможности. Я их люблю, они меня тоже любят, потому что я выступаю как «методолог»… в качестве эксперта-аналитика: во-первых, взгляд со стороны всегда нужен, и нужна «упаковка», нужно вытащить главное, сформулировать; изнутри это сложно — и словарного запаса не хватает, и техника не та, и самое главное — нужна позиция внешнего системного «развивателя».

Мы с ними очень много ездим. Заседания обычно проходят то в одном месте, то в другом, а поскольку я ещё ездить люблю — у меня тут два в одном получается. И людям вроде хорошо, и мне интересно. Причём самобытный местный колорит… если приехать просто в качестве зрителя, гостя, то многого не увидишь, а тут оказываешься внутри вот этого словарного потока, образа мысли, образа жизни, что само по себе для меня — ценность.

Мы получили грант на эту деятельность. Я вам не скажу, как он называется, там что-то про народную дипломатию — по правилам гранта, но смысл очень похожий на то, что вы делаете. Только он более многосторонний. Берём деревню А, готовим её к поездке в деревню Б, те готовятся к приёму. Деревня А отправляет делегацию в деревню Б. И представляет там свою миссию, своё видение, свою культурную составляющую. Деревня Б, готовая к этому, показывает им, чем сами богаты. По разным параметрам. Главный, ключевой — конечно, культурный. Местная интеллигенция, местные писатели-поэты. Самодеятельность, библиотекари, учителя. Это именно те, кто держит традиции и может проектировать будущее. Вторая часть — те показывают достопримечательности, природные и культурные. Чем богаты — тем и рады. Идёт круглый стол с обсуждением проблем местного самоуправления. Передача управленческого опыта на местах. Причём главное здесь — не теоретическая часть. А показать — вот проблема: вот как это представлено в законодательстве — и вот как это у нас работает. Я была и на таких встречах, это по эффекту, конечно, — сила! Особенно для тех, кто работает на конкретике. Потом мы всё это фиксируем, пишем — брошюры и фильмы. Потом деревня Б — после всего этого — готовит свой визит в деревню С. И — идёт такой вот круг.

По сути дела, если оперировать модными терминами, речь идёт о брендинге территории и выстраивании связей, которых никогда не было. Например, один из моих любимых городов, Троицк, — просто необыкновенный город. А на севере, например, Нязепетровск. Эти два города — и разных времён, и разного географического пространства, и разных культурных пластов… и даже сама по себе переброска вот этих смыслов в виде конкретных событий и вещей — мощнейший культурный шок и стимул!

Когда я читаю это у вас в проекте… но вы это делаете как бы «на себе», а здесь — условно говоря — организаторы остаются в какой-то степени за кадром, мы это организуем, а сам процесс осуществляется конкретными людьми, носителями, которые всё это «везут на себе»… получается своеобразный культурологический миксер таких мест…

Здесь, во-первых, новые смыслы, новые формы деятельности. Например, местное самоуправление

5. http://www.lady74.ru/articles/4214/7

как отдельный блок, ради которого всё затевается. А во-вторых, ведь там что ещё происходит… делегация возвращается в деревню А. Она же возвращается не просто так. Она возвращается с фотографиями, с впечатлениями. И обязательно собирает уже всех жителей деревни А с рассказом, а как у них там живут. Причём этот процесс идёт не так, как в клубе,—просто посидели-послушали. Каждый из них становится «агентом влияния» среди своих знакомых и друзей. Формируется то, что, в общем, свойственно для русской культуры… «Лучше там, где нас нет»? Ну да—там-то лучше, но у нас зато… к нам же тоже приедут, а у нас чего лучше? Так что, с одной стороны, «дальние страны», а с другой—условно говоря, Донцова как социальный фактор. Она ведь первая сказала: «Я такая дура, я так себя люблю»… и вот это «я так себя люблю» становится гораздо важнее, чем «как у них хорошо». У нас-то вот это, ребята, есть. Это же такая драгоценность, которую надо ценить!

А второе—это наши «читательские марафоны». Здесь принцип «партизанской диверсии». Сели, приехали, всех «на уши поставили», уехали. Живите, ребята, как хотите. Ребята некоторое время гудят, гудят, а потом говорят: «А может, вы ещё приедете?»

У нас пока за историю марафонов не было ещё ни одного места, куда бы мы съездили—и точка. Там обязательно что-то просыпается, обязательно, когда снова приезжаем, уже новые дети выросли, а те дети уже сделали что-то—и получается… вот сейчас съездили (в Курган), там, правда, с опозданием… там медленнее процессы все; тем не менее, следующее приглашение мы уже получили… сначала ездим, так сказать, в чистом виде «по детям», а потом… сейчас, особенно в малых городах, обязательно встречи с местными литературными студиями… Верхний Уфалей, например. Там вообще—здорово! Поговорим, расскажем, а потом они: «А можно стихи почитать?»

У Яниса Грантса есть великолепная лекция о современной уральской поэзии. Просто великолепная лекция. Мы её проверили на старшеклассниках, которые совершенно далеки от процесса. Старшеклассники сидели, открыв рты. Во главе с учительницей. Потому что они просто не знали, что это есть. Есть ли жизнь на Марсе (смеётся). Оказывается, есть бурная жизнь, которая проходит мимо,—и это так интересно!

И наконец—уже не по действиям, а по мыслям. Здесь я точно уже про методологов скажу. О Г. П. Щедровицком уже мы вспомнили сегодня… развитие может быть только при столкновении разного—разных идей, разных культур. Множество параллелей в культуре, по сути говоря, к этому механизму и сводится…

Сам жанр очерков становится всё более популярным. Здесь просто политики вытеснили писателей с их поля. За счёт собственных фантазий, собственного вранья, сочинительства и чего-то там ещё. Поле искусственно сломанных конструкций—то, что всегда было инструментом писателей,—стало инструментом политиков. И поэтому сам очерк, который предполагает определённый документализм, становится главным. Народ уже потерял ориентиры: на самом-то деле что происходит? Есть мощная потребность в достоверности не идеологической, а буквально описательной. И ваша ещё удача, что вы начали с Осетии, потому что «горячие точки»—это ещё более интересно. Потому что про это вообще нет ничего. То, что есть,—сводится к СМИ, которые не являются сейчас источником информации…

Взаимодействие с властью—вопрос вообще сложный. Вот сейчас принят в области бюджет на тринадцатый год. На развитие спорта выделено миллиард триста тысяч рублей, на продвижение книг и чтения—ноль рублей ноль копеек. Это уже характеристика.

Мы вот сейчас ездили, разговаривали с библиотекарями. Иногда возникает эта тема. Когда не возникает—хорошо. Когда возникает—уже неприятности. Такой, например, разговор: «А как у вас власть?» Мой ответ: «Не читающая».—«Сочувствуем».

Такой разговор повторялся несколько раз. Потом я стала сама уже спрашивать. Слово «не читающая»—убийственная характеристика.

В этом направлении мы очень много работаем. И власти наконец стали нас замечать. Хотя и с большим трудом. Нам огромного труда стоило вообще начинать марафоны. С первым-то всё нормально было. Я получила грант Минатома, мы отрабатывали все эти технологии на закрытых городах. Там уровень культуры на порядок выше. Так сложилось исторически. И нам повезло. Там у нас не было проблем. С готовой хорошей командой. С качественной книгой, с хорошими поэтами, которые умеют вести встречи, они сами к этому времени стали поэтами великолепными. Потом мы начали уже в Челябинске, и самое трудное было: «А, местные?» Вроде местные—значит, плохие. Не надо. Это в какой-то степени объективная характеристика, потому что народ замучили самиздатовские тётеньки и дяденьки… они книжку сочинили, издали за свои деньги и пошли в школу: вот у меня книжка, вот у меня корочки Союза писателей, дайте мне детей для встречи. И понеслось. Это примерно то же, как обязательные встречи с людьми из совета ветеранов. И нам пришлось первое время настойчиво добиваться, чтобы нас позвали. Теперь уже за нами очередь. Теперь у народа понимание, где хорошие предложения, где плохие. Водораздел поставлен. Представление о качестве задано. Но начиналось именно вот так. С неким недоверием.

Дескать, вот сейчас придут и будут чего-то там бубнить…

«Бумажная» книга и электронная—это как классическая музыка и попса. Есть люди, которые всегда будут слушать классическую музыку, а есть такие—кто попсу…

Да, книги становятся дороги. Это западный рыночный вариант. Дорожает бумага, сам технологический процесс становится дороже. Но меня удорожание книги только радует. Это говорит о повышении ценности книги как продукта, как товара.

Я могу психологическое обоснование в этой части сделать. Человек отличается от прочих млекопитающих всего одним—второй сигнальной системой. Возможностью овладевать речью и, следовательно, мышлением. Но чтобы это стало возможно, надо все остальные чувства «загрузить», у нас их пять. Поэтому ребёнок без знакомства с бумажной книгой не сможет точно сформировать вторую сигнальную систему. Это уже физиология в чистом виде. Никакой романтики. Книгу надо понюхать, попробовать на зуб. Дети делают это абсолютно нормально. Полистать, ощутить на вес, послушать, как страницы шуршат, почувствовать, как пахнет типографская краска. Погладить её, почувствовать её тактильно и так далее. Когда сформирован вот этот образ книги—тогда, пожалуйста, пусть будет электронная книга… Книга—это тот продукт, который делает из плоского—объёмное, наполненное запахами, наполненное звуками…

У меня даже классификация детских поэтов есть. Четыре типа поэтов, которые мне попадаются. Первый тип—это графоманы, которых в детской литературе больше, чем во взрослой. Тут критиков-то меньше, место попросторнее. Второй тип—это поэты-дети, которые до старости сохранили детское восприятие. Удивление как основную эмоцию. Восторг перед жизнью. Если у этого человека—хорошая культурная предыстория, развивался, читал книги, имеет хороший культурный запас, то из него при определённых условиях может получиться очень хороший детский поэт. А может и не получиться. Это дело случая. А бывает так: детство переживается, а культурного запаса нет. «Ааааа!!! хорошо на свете жить!!!» Такое стихотворение—это не стихотворение, а способ выражения восторга. Есть такие, которые умеют писать правильные скучные стихи. Про то, например, как надо любить родину и т. д. Ну и четвёртый тип—профессионалы. Это те, кто работает над стихотворением, независимо от возрастной категории читателя. Для меня идеал детского поэта на нынешнем этапе—Маршак. Профессионалов вообще единицы. Потому что здесь главное—работа над словом, над текстом. И при этом ещё не забывать удивление—основную, главную эмоцию, которая, собственно, и делает стихи универсальными. Хорошее детское стихотворение читается людьми всех возрастов. Если детское стихотворение взрослому не интересно, можно смело его отправлять в корзину…

Мне очень везёт на хороших людей. И самое трудное в моей работе—ждать, чтобы звёзды так сложились. Терпеливо. Чтобы возникла такая ситуация. Проще сериями работать. Вот—«от семи до двенадцати». Допустим, Янис Грантс и Дима Сиротин. «Стихи на вырост». Книжка для мальчиков. Я её на самом деле называю энциклопедией мужской жизни. Мальчиковая книга. И то, что писали её «мальчики» и рисовал «мальчик». И главные герои—мальчик и папа. В Минске… я редко книги продаю, но в Минске я сама была продавцом. Миша проводит марафон, а я стою. Подходит мама. Вижу, тянется к этой книге—значит, у неё мальчик. Книжка притягивает, как магнит. Спрашиваю: мальчик? Да. Ни одного непопадания. И мальчики тоже её берут. Потому что там диапазон всех состояний, ситуаций, в которые пацаны попадают и мужчины… и вот Сергей Андрусенко, который её рисовал. Он попал ко мне по наследству. Работал в типографии, которая потом развалилась. Сидел там тихой мышкой. Дизайнер от Бога. И когда я Сергея взяла на работу, то понимала его по движению бровей. А он мне недавно рассказал, что когда он пришёл, то вообще первую неделю сидел у себя не раздеваясь, потому что ждал, когда я его выгоню.

У нас с ним очень странная работа. Я обычно выступаю, что я хотела бы вот так, вот так, вот так. И моё выступление для него обычно—некоторый образец. Он меня вежливо выслушивает—и рисует… не то чтобы с точностью до наоборот… но это абсолютно другое. Хотя я понимаю: моё выступление ему нужно для того, чтобы это была точка, относительно которой он строит свою систему координат. В системе координат главное—не график, нужно—ось задать, точку поставить, дальше уже будет само разворачиваться. Примерно так же я работаю и с поэтами…

С системой образования отношения, скажем так… «ревнивые». Я конкретные примеры приведу. У меня ещё был учебный центр Марины Волковой. Главную линию я хотела сделать в нём—повышение квалификации педагогов, учителей начальной школы. Во-первых, потому что у меня за плечами опыт преподавания в нашем педколледже. Внештатным лектором. Я работала и в педучилище, и в пединституте. Я когда работала в образовании, я как-то успевала работать во всех его структурах. И когда я оттуда ушла… в какой-то степени вынужденно… мне уже настолько тесно и душно стало, я очень хотела это сохранить и учебный центр планировала сделать как раз для повышения квалификации, потому что я работала по системе развивающего обучения, для меня

это было классно, я сама много училась, у меня и публикаций много было, и опыта, и, главное, множество людей, с которыми я знакома, которые мне абсолютно доверяют.

И когда новый стандарт... ещё тот, первый, появился... я возрадовалась, потому что там как раз идеи Давыдова—Эльконина в основу легли... поехала в министерство, там со всеми договорилась, побывала на первом совещании, с нашим институтом договорилась, что они мне полностью доверяют повышение квалификации всей начальной школы, потому что это огромная работа, наш институт просто не справится. К тому же там по закону же должны быть альтернативные вещи, как минимум вторая организация, которая бы на это пошла. Договорённости все были, программу я разработала... всё вроде бы решили. Но потом началась тянучка... и в результате мне сказали, что не будет ничего. Не потому, что Волкова плохая, не потому, что Волкова... а потому, что просто они решили этого не делать. По сути, само повышение квалификации оказалось вычеркнуто из приоритетов госстандарта. Или его предполагалось проводить в таких формах, что лучше бы и не проводилось. И я... не то чтобы хлопнула дверью, а просто сказала себе: ну, всё, Волкова, здесь это бесполезно.

Единственное, что я всё равно успела сделать,— провела несколько мероприятий мощных. Одно из них—по медиа-образованию. Это то, что в России, по сути говоря, вообще отсутствует. Это всё здорово, классно получается, но если не работать в тандеме с управлением образования—тоже бесполезно...

Хотя... есть некоторые места... вот опять же места отдельные, люди... Марина! Двадцать шестая гимназия в Миассе! Пожалуйста, зайдите какнибудь на сайт, посмотрите! Я влюбилась в этого директора, который экскурсию по школе начал мне с туалетов... с девичьих... вот об этом даже можно вообще уже ничего не говорить... и дети там необыкновенные... это отдельная история, потому что сразу видно, как они там себя чувствуют!

В Челябинске таких нет—однозначно. Или, например, в Каргополье—моя любимая школа. Мы там когда-то проводили игру... ещё давненько-давненько, лет семнадцать назад. Директриса меня затащила, мы в этой деревне такую мощную игру провели! А сейчас эта школа два раза получала гранты Президента. Малокомплектная школа, представляете? Малокомплектная, начальная. Но там—высочайший уровень преподавания... цифровые доски первые—ещё в Челябинске о таких только мечтали—там появились. Это необыкновенно! Там вся деревня только за счёт этой школы живёт[6]... вот такая *локальная* работа. И сейчас она продолжается. Ко мне обращаются директора, завучи и те, кто меня помнит, знает. По наследству кому-то досталось. Я—безвозмездно, добровольно—то с одной, то с другой школой работаю. Даже работой это не назовёшь—разговариваю с ними. Человеку надо иногда предметно обкатать мысли... толчок получить... а иногда просто сформулировать схему. Это как раз не централизованная работа. Это—сеть.

...Монополизация книжного рынка идёт стремительно. Конечно, учебники этих монополистов—отдельная тема. В этом году мне попался букварь... новый. Я глазам своим не поверила. Моей маме восемьдесят один год. Она сильнейший у нас методист по начальной школе. Язык литературы. Издала много книжечек. И сейчас ещё пишет. Семинары проводила. И раз в год мы с ней идём в магазин, и я ей показываю, что есть. И она тоже приходит в ужас. А я пришла в ужас от качества полиграфии и, главное, бумаги. Бумага—просвечивает насквозь. Взрослым читать невозможно! Как санитары пропустили? Санитарам сунули взятки, наверное. Это невозможно, но это факт. И когда я увидела—я поняла, что это... не только последняя точка в развитии российского образования, но огромный восклицательный знак, потому что так мы уже не выплываем... Короче говоря, про учебники—это уже отдельная песня. Потом... сейчас же практически невозможно просто так взять и выпускать учебники. Там такие процедуры, которые нормальному человеку просто невозможно выдержать, чтобы получить заветный приз. Даже с самым гениальным учебником.

И если говорить по сути работы—вот такие, как мы с вами, работают неизмеримо эффективнее, чем министерства образования и культуры, вместе взятые. Я вообще про себя говорю—так, скромно: у нас есть в Челябинской области неофициальные министерство досуга и министерство культуры—это Волкова. Я делаю книжки и чтения, а они пляшут, поют, фестивали самодеятельности устраивают... ну и всё остальное. Наш поэт Виталий Кальпиди как-то сказал: я всегда думал, что планка—это уровень качества, к которому надо стремиться, а потом понял, что уровень качества—это планка, ниже которой нельзя опускаться.

Так вот: похоже, в Челябинске её нет.

Марина—неуёмна. Кажется, нет такого контрагента—будь то сам Джеймс Бонд!—который мог бы её остановить. Она—из породы универсальных генераторов бытия... Мощнейший соленоид, создающий вокруг себя магнитное поле. И даже не

....

6. Тут я просто вздрогнула: это—один в один!—как знаменитая Жеблахтинская школа Ермаковского района Красноярского края, где директором—Н. Н. Ульчугачева, подвижница, благодаря которой несколько лет подряд в Жеблахтах с чрезвычайным успехом работал районный филиал Красноярского литературного лицея.

потому, что она этого хочет. Просто потому, что она—такова. Основополагающая суть её—претворять воду, часто гнилую и негодную, в целебное вино. Малейшую возможность «воды» стать «вином» она улавливает каким-то запредельным нюхом и мчится «на запах», как высокопородная ищейка. И, Господи, сколько радости, когда из ничего—как по волшебству—возникает великолепное Нечто! Кажется, именно это великий философ Соловьёв называл «теургией». Впрочем, да… Щедровицкий. Роскошное рыцарское фихтеанство, которое когда-то и меня притянуло.

«Издательство Марины Волковой»—только центр. Котёл, в котором кипит и сублимируется всё самое талантливое, что имеется в культурном обиходе Южного Урала. Поэты экстра-класса, пишущие для детей.

Помню, в восемьдесят втором году, сетуя на литературную ситуацию в стране, не позволявшую в известных журналах печатать—как сейчас сказали бы—реальную поэзию, Юнна Петровна Мориц писала мне: «Попробуйте написать что-нибудь детское, стихи или сказки, я смогла бы это, в случае удачи, напечатать в хорошем месте. Да и вообще, это—сладко и радостно—писать для детей!» К детской литературе и сейчас прибиваются самые яркие—самые честные и чистые—литераторы. Марина это знает, конечно, и всячески сей «сад» культивирует.

Но не только поэты. Художники. Дизайнеры. Учителя. Дети! Всё это—живые клетки постоянно обновляющейся питательной среды, которую Волкова подогревает и помешивает.

Знаете ли вы, высокочтимый читатель, что в 2014 году исполнится сто лет с начала Первой мировой войны? Трагические события открыли драматическую историю двадцатого века, породили волну социальных потрясений и государственного переустройства на всём евразийском континенте. После Первой мировой люди в Европе были убеждены, что прошла последняя война. Но через двадцать лет история повторилась в большем масштабе.

Так вот, об этом первыми вспомнили в Белоруссии—общественная организация «Белорусский зелёный крест» (координатор Наталья Алексеевна Святкина). И придумали дело, редкое по красоте и культурной значимости. Международный культурно-просветительский проект «Перекличка веков: Первая мировая война и мир сегодня». В России его подхватили… кто? Конечно же, команда и окружение Марины Волковой. Не стану ничего интерпретировать, просто цитата:

«Проект основан на сопоставлении духа времени, вопросов и ответов, волновавших и волнующих творческую интеллигенцию начала XX и XXI веков, отражённых в литературе и искусстве своего времени.

В фокусе проекта—работа международных групп художников и графиков. Первые работают на натуре по местам событий, а также готовят сюжетные композиции по теме. Вторые создают серию иллюстраций к мировой классике, связанной с темой Первой мировой. В составе групп вместе работают молодые художники и опытные мастера. Для обеих групп организуется глубокое погружение в тему и культуру начала XX века, знакомство с историей, литературой, философией и искусством эпохи. Важным этапом является ознакомление участников с наиболее значимыми произведениями современных литературы и искусства. В результате рождается серия передвижных художественных выставок.

Одновременно готовится музейно-библиотечная программа. Её задача—организовать цикл культурно-просветительных мероприятий на местах, где будут проходить выставки. Цикл включает: книжную выставку, литературные чтения, конференции, музыкальные вечера, демонстрацию видео- и фотопрезентаций, хроники и художественных фильмов по теме, театральные представления, выступления историков, философов, литературоведов, учёных, обсуждения и дискуссии. Для этого готовится специальная модульная программа и комплект методических материалов. Представители библиотек и музеев приглашаются на 3–4-дневный методический семинар и получают комплект материалов. Примерный список вопросов и тем, поднимаемых в ходе мероприятий, открытый для изменения и дополнения:

- Вопросы, поднимаемые литературой и искусством начала XX века.
- Что общество/люди приобрели и что утратили за 100 лет.
- Вызовы нашего времени и где искать ответы на них.
- Понимание человеческих ценностей, свободы, ответственности, прав, долга и жизни в начале прошлого и нынешнего веков.
- На чём держится «мир» сегодня».

А результаты? Готовьтесь, читатель!

«Более 100 молодых художников и графиков и опытных мастеров из разных стран примут участие в творческих мастерских и создадут более 200 работ на тему «Перекличка веков: война 1914—мир 2014».

Ряд произведений мировой классической литературы о Первой мировой (Ремарк, Барбюс, Хемингуэй, Олдингтон, Гашек и др.) и современных значимых литературных произведений обогатится новыми художественными и графическими образами. В том числе появятся иллюстрации к роману А. Солженицына «Красное колесо. Август 1914»,

Б. Пастернака «Доктор Живаго», Н. Гумилёва «Записки кавалериста» и др.

Будет привлечено внимание художников и общественности к ряду современных значимых произведений литературы и искусства, созданы графические иллюстрации для них с перспективой использования в ходе издания новых книг.

Будут созданы 55 передвижных выставок (5 с оригинальными художественными и графическими работами и 50 с их копиями) и последовательно представлены в библиотеках и музеях 200 городов пространства СНГ и Европы. Они будут сопровождаться широким циклом культурно-просветительских мероприятий.

Будет издан альбом с художественными и информационными материалами проекта и распространён среди 500 библиотек стран СНГ и Европы. Будет проведён пилотный цикл выставок в ряде стран Европы.

Электронная копия выставки, фото и видео, а также информационные материалы будут широко представлены в Интернете на сайтах организаторов проекта, партнёров, участвующих библиотек и музеев, электронных СМИ.

В работе по проекту примет участие до 1000 человек, а с идеей, материалами и вопросами, поднятыми проектом, ознакомятся более 500 000 жителей Беларуси, России и Украины и других стран».

Амбициозно, да? Однако не сомневайтесь, невыполнимых задач люди, подобные Марине Волковой, перед собой не ставят. Всё так и будет. Если, конечно, не вмешается форс-мажор, сопоставимый разве что с «концом света».

4.

Кыштым: поэтический бум и «конец света»

Кыштым и Озёрск при Челябинске — как Фобос и Деймос при Марсе. К тому же ещё неотвязное ощущение, что не два часа в автомобиле провела ты с обаятельной своей собеседницей, а переместилась во времени лет на сорок назад. А то и на все двести сорок.

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит.
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Всё именно так. По-пушкински. Жизнь в Кыштыме не то чтобы замерла, а как-то — притаилась. Дышит сдержанно и степенно — как речка подо льдом. Дышит и блестит.

Прежде здесь были знаменитые железоделательные заводы. О них и теперь напоминает, кажется, каждый камень. Кыштымские развалины живописны, как романтические руины Давида Каспара Фридриха, знаменитого пейзажиста и современника основателя Кыштымских заводов Никиты Демидова. Кыштымский «Белый дом» — шедевр русского классицизма восемнадцатого века. И веет от него такой — неуместной в веке нынешнем — красою печали, что сердце щемит поневоле и просится в очи слеза… Центральный фасад и коринфский портик из четырёх колонн сверкают белизной свежего ремонта, всё же остальное охвачено разрухой, и видеть это страшно — будто созерцаешь княгиню с прекрасным высоким челом, окружённым роскошными локонами, умирающей в грязном бараке среди гнилого тряпья и всяческих отбросов.

Тем не менее, чистота снегов, блеск ледяных прогалин на заснеженных озёрах, древние деревья, распростёршие свои тёмные кружева по изливающим свет небесам, сверкающие на солнце золотые купола церквей — вместе с камнем и железом руин — создают неотразимое впечатление уникального культурного артефакта. Что-то подобное я всегда чувствую у нас в Енисейске.

У Озёрска же, к несчастью, слава недобрая. Здесь на секретном химическом комбинате в 1957 году произошла первая в СССР радиационная техногенная катастрофа, последствия которой дают о себе знать до сих пор. В СМИ эту аварию привычно называют Кыштымской, хотя Кыштым она почти не задела. Просто Озёрск был засекречен, и в сводках фигурировал ближайший к нему город — Кыштым.

Саша Петрушкин живёт с семьёй в собственном доме — так сказать, на земле. Живёт — и тут же строит. Чада и домочадцы, включая некоторое количество кошек, которых я так и не сумела счесть, пользуются отрадной свободой.

В Сашином маленьком кабинете — книги, книги, книги. Я уже имела удовольствие убедиться в его — редкой для «актуального» поэта — начитанности. Между окошками — компьютер, на котором, кстати, и делается «Мегалит». Это уже история, друзья мои. Как ни крути — История!

Над диваном — иконы. Настоящий иконостас. Саша — человек глубоко православный.

И — сторонник крепкой российской державы. Тоже — по-пушкински.

— Пушкин был очень верноподданным человеком. И в этом смысле православие мне ещё более симпатично. Оно говорит: не важно, кто царь. Ты встаёшь на эту землю, где власть — любая! — преходяща. А государство стоит, — Саша усмехается. — На самом деле меня власть в нынешней России — не устраивает. Ни эта власть, ни та, что может прийти (не дай Бог!) ей на смену. Ни Путин с Медведевым. Ни оппозиционеры. Не устраивают. Никто из них не знает, что надо делать. Они борются за власть ради власти. Игра, почти виртуальная, у них такая, а реальные люди им не интересны.

— А какая власть нужна России? — спрашиваю.
— Православного розливу, — смеётся он.
— Теократия? Как Ватикан?
— Думаю, что да. Может быть, даже иранского извода (как Хомейни). В России, как в литературе, демократия неприемлема в принципе.
— А почему в литературе демократия неприемлема? Что такое «демократия в литературе»?
— Демократия в литературе — это «Вавилон». Все средние. Нет ценностной шкалы. Нет иерархии, плоскостная (не вертикальная) структура. А нам оно надо?
— Согласна. А демократия есть власть денежного мешка. Так было всегда.
— И она была придумана — кем? Банкирами.
— Так России нужна теократическая монархия?
— По крайней мере, из тех моделей, которые я вижу сейчас, — наверное. Думаю, что это путь к возвышению Русской империи. Это именно то, чего боится Запад. Почему все эти акции и были предприняты... вроде «пусек» и прочих «Фемен» — корни же пытаются подточить.
— А есть в Русской Православной Церкви силы, которые могли бы принять на себя эту невероятно сложную и ответственную роль?
— Осмелятся ли?
— Не просто — осмелятся, а потянут ли? Это каким же должен быть Патриарх всея Руси?!
— Нонешний вполне замечательный. И то, как корёжит интернетовскую братву от патриарха Кирилла, — очень показательно и говорит только в пользу иерарха...
— Саш, а современная литература — всё-таки сосредоточена в Сети? Для чего нужны издательства, книжки, бумажные журналы? Какая разница между сетевой литературой и литературой «бумажной»?
— Доступность. Сетевая литература как только выходит из-под пера — тут же получает доступ к читателям. Без редактора, без всяких препон. А тем не менее, мы все стараемся опубликоваться в толстых журналах. Потому что толстый журнал — это легитимизация твоей творческой деятельности. Литературе нужна иерархия. Нужна диктатура. Нужен тот, кто обитает на самом верху. В нынешней литературе, к сожалению, нет этой верхней точки, живой. У нас есть Пушкин. У нас есть Бродский. Или Юрий Кузнецов. А живых равномощных нет.
— Я часто говорю, что рынок текстов скоро вообще переместится в Интернет. Это уже начинается. Как ты думаешь, будут продаваться тексты через Интернет?
— А надо? Нельзя из журналов делать коммерческие проекты. Это моя любимая мысль у Кальпиди, которого здесь всегда к месту и не к месту поминают. Он сказал, что если ты литературу не делаешь частью бизнеса, а делаешь частью своей судьбы, то у тебя всё получится. Он это написал где-то году в две тысячи втором. Я это прочитал: как здорово! И начал всё это претворять в жизнь. Вообще, когда не пытаешься деньги заработать — во-первых, и деньги появляются неизвестно откуда. Во-вторых, судьба делается. Стихи правильные пишутся. Литература не может быть профессией! Голос Божий не может быть профессией. Вообще, в принципе. Если тебе дано говорить — тебе всё равно, платят тебе или нет. Публикуют тебя или не публикуют. Ты будешь писать, ты будешь мучиться. У тебя нет выхода к публике? А сейчас в любом случае выход есть — «стихира» та же самая. Но говорить от этого ты не перестанешь. Ты же обязан говорить!

Саша рассказывает о челябинских поэтах, которых так или иначе притянул на свою орбиту, в какой-то степени конкурируя и с Ниной Ягодинцевой, и с Виталием Кальпиди. Я слышу имена Маргариты Ерёменко, Владимира Тарковского, Андрея Санникова, Елены Оболикшты... и вспоминаю, как во время нашей прошлогодней встречи в Красноярске Петрушкин мечтал, что когда-нибудь в Кыштыме будет Академия поэзии! Ей-богу, в эту минуту верю: так тому и быть!

Прогулка по Кыштыму. Саша и его жена Наташа Косолапова, тоже человек артистический в широком смысле слова, — прекрасные экскурсоводы. Морозец изрядный, но это только бодрит.

Обедаем в симпатичном кафе, где вечером, судя по убранству и весёлой болтовне официанток, намечаются торжества по поводу «конца света». Мы тоже смеёмся и шутим. У нас вечером — встреча с местными писателями и читателями в библиотеке им. Б. Швейкина.

Как обычно в маленьких городах, библиотека — основной культурный центр. Здесь — и выставочная площадка, и клуб, и литературные вечера, и чаепития, и дискуссии, и встречи с более или менее известными гостями. Зал — полон. Пообщаться со мной собралась, в основном, конечно, пишущая братия. Помимо кыштымских — озёрские. Я долго рассказываю о журнале, а потом выясняется, что все хотят слушать и читать стихи. Так, за чтением и слушанием, мы незаметно опрокидываем все временные ограничители и расстаёмся уже поздно вечером — при свете молодой белой луны.

«Конец света» встречаю во сне. Ничего достойного запоминания мне даже не приснилось.

5.

Касли. «Россия» и вокруг

22 декабря, с удовлетворением констатировав очередное фиаско апокалиптических предсказателей, собираемся с Петрушкиным в темпе вальса и отправляемся на автобусе в Касли.

Касли — пожалуй, город-близнец Кыштыма. Те же — хорошо просматривающиеся — исторические

дали и те же расплывчатые перспективы, в которые верится с трудом. Город славен знаменитым каслинским литьём. Ещё в конце восемнадцатого века здесь делали уникальные ажурные решётки, надгробные памятники, ограды, предметы паркового убранства, подсвечники и прочую кабинетную утварь редкого изящества и благородства. Побывать в Касли и не увезти с собой чугунный сувенир—разумеется, моветон. Я покупаю в специализированном отделе придорожного супермаркета очаровательную пепельницу в сугубо демоническом стиле и совершенно успокаиваюсь на этот счёт.

В кинотеатре «Россия» сегодня праздник. Одиннадцать лет со дня основания Каслинского литературного объединения. Руководитель оного и—заодно—директор кинотеатра—интереснейшая уральская поэтесса, автор нашего журнала, журналист и общественный деятель, а также молодая мама—Маргарита Ерёменко.

Праздник есть праздник. Чай, шампанское, сладости, танцы. Много живой музыки.

В конце концов садимся в кружок и читаем стихи. Сначала—я, потом—хозяева вечеринки. Незаметно всё это превращается в стихийный семинар: мы обсуждаем услышанное, делимся соображениями по поводу традиций и новаций, вечных тем и модных «трендов» современной литературы. Все становятся как-то особенно милы друг другу. А у меня снова чувство дежавю: точно так же проходят в Красноярске встречи литературного клуба при журнале «День и ночь», которые я называю «заседаниями общественной редколлегии». Все участники—пишут. Уровень у всех разный. От почти профессионального—до очевидно самодеятельного. И возраст—от старшего школьного до старшего пенсионного. Поразительно, но это никоим образом не мешает общению на равных. Я никогда не наблюдала у самодеятельных авторов—ни у себя в Красноярске, ни в других местах, где мне приходилось встречаться с участниками ЛИТО,—ни зависти к сильнейшим, ни взаимного подсиживания и ревности, что, скажем прямо, весьма характерно для артистических кругов, почитающих себя профессиональными. И пусть большей части стихов, которые читаются на таких собраниях, никогда, скорее всего, не досягнуть до планки, о которой—словами Виталия Кальпиди—говорила мне Марина Волкова, смысл тяготения этих людей друг к другу—иной. Вместе они образуют очаги самовозгорания духа. Местные ЛИТО по всей стране—уникальные точки формирования квалифицированной читательской среды, без которой литературный процесс давно уже задохнулся бы.

Маргарита Ерёменко (она же Халтурина—когда выступает в качестве журналиста) уже в конце января написала об этой встрече: «На семинаре говорили о возможностях сотрудничества между Уралом и Сибирью, делились опытом, рассуждали о том, что «собирание культурного пространства, которое распалось из-за распада СССР»—это наша обязанность, это миссия таких вот небольших объединений людей-единомышленников, это задача поэтов, писателей, литераторов, общественных деятелей, людей культуры. «Взявшись за руки, мы можем объединиться и противостоять распаду, тому, что творится вокруг, в том числе и в нашем государстве»… Вот такие мысли звучали на встрече и звучат, честно говоря, всё чаще из уст творческих людей»[7].

Конечно, водоворот событий и всяческих культурных потоков раскручивается здесь вокруг самой Маргариты. Мне едва удалось—между её выступлениями, управленческими движениями и даже кормлением грудного сына, которого специально принесли в кинотеатр из дома,—записать рассказ Риты о собственной судьбе и наполнении литературного поля в радиусе действия её экстраординарной энергетики. Привожу эту запись почти целиком, настолько ярко и точно она, мне кажется, отражает характерные черты современного «духовного лидера». Хотя ничем таким Маргарита себя, конечно, не считает. Просто делает своё дело—именно так, как считает нужным. То есть как можно лучше—для дела. А оно, дело, в определённый момент обязательно начинает работать на того, кто никогда не превращал его ни в банальную кормушку, ни даже в подпорку собственных амбиций.

Монолог Маргариты Леонидовны Ерёменко, поэта, журналиста, директора и депутата

Мне в жизни повезло с литературным сообществом. Когда мне было девятнадцать лет—кажется, в две тысячи первом году,—я попала в литературную мастерскую при Челябинском отделении Союза писателей, которым тогда руководила Нина Александровна Ягодинцева. Пришла и увидела примерно вот такую же компанию. Сначала я, как все молодые авторы, думала, что то, что я пишу, чего-то стоит. И первая мысль у меня была: «Боже мой, неужели все эти люди… отовсюду, может быть, пришлые люди… что общего они имеют с литературой?»

Я сначала даже не поняла, куда попала. А потом, когда стала общаться с Ниной Александровной, приезжала специально из Каслей, ездила на выходных на литературные посиделки в Челябинск, на семинары… так вот, благодаря Нине Александровне, благодаря этим людям я очень многое поняла. Мысль такова—её и Нина Александровна всё время повторяла, и я придерживаюсь в жизни этого девиза: в литературном сообществе не важно, качественно или некачественно человек пишет.

7. http://mediazavod.ru/articles/130335

Есть люди, которые создают атмосферу… за этот воздух, за атмосферу мы должны беречь их, мы не имеем права дать им от ворот поворот, показать на дверь. Из этих людей мы растим профессиональных читателей. Это очень важно. Именно эти люди тогда меня поддержали. Прошло очень бурное обсуждение моих стихов, после которого я, наверное, год не могла писать вообще.

Я поняла, что люди, которые долго «варятся» в этом котле,—самые настоящие и самые прекрасные критики, они умеют читать, умеют слушать, слышать, они научаются в процессе общения отделять жемчуг от шелухи… Понятно, что и тогда из литературной мастерской у Ягодинцевой не все вышли профессиональными литераторами, но оттуда вышли Саша Петрушкин, Полина Потапова, я… ещё ряд авторов, и Нина Александровна продолжает сейчас с ними работать, но уже при Академии культуры. У неё свои, новые, ребята есть, и уровень-то чувствуется!

И когда в Каслях мы с мамой решили организовать какое-то литературное пространство, собрали людей… так как я журналист… собрали тех людей, которые приходят в редакцию газеты со своими рукописями, со стихами. Таких—море. У нас огромный Каслинский район, все жаждут быть услышанными, жаждут быть опубликованными. Жаждут поделиться всем, что наболело. Ведь писание «в стол» спасает только на каком-то этапе. Когда ты один на один со своим текстом. Наступает момент, когда оно уже не работает. И человеку нужно кому-то показать это всё, ему очень важно, чтобы он это принёс не кому-нибудь, а именно людям подготовленным, которые это примут или не примут, но которые точно по рукам не ударят. Из этих авторов мы и собрали костяк нашего ЛИТО. Постепенно стали присоединяться и другие люди. От мамы я этот принцип унаследовала: самое главное—не оттолкнуть. Пусть он сегодня принёс совершенно слабую вещь, да, мы обсуждаем, мы не каждый день за такими столами сидим. Обсуждаем, подчёркиваем плюсы-минусы. Итог нашей работы—коллективные подборки. Мы печатаемся в областных журналах… конечно, всё это, может, на каком-то любительском уровне, но автор видит свой текст опубликованным, он видит, что, в принципе, он может отработать, может сделать качественный продукт. Сейчас мы уже пришли к тому, что с авторами мы в конце года составляем план работы и включаем туда те вопросы, которые мы бы хотели проработать: это работа с рифмой, с ритмикой, знакомство с новыми авторами, знакомство с классикой. Слава Богу, есть у нас в ЛИТО и филологи, которые могут что-то подсказать. Конечно, семьдесят процентов—это люди, которые в прошлом не имели с литературой ничего общего. Но сегодня они здесь, они с нами, и—слава Богу!

Конечно, на творческом пути меня всегда поддерживали родители. Мама—Раиса Петровна Боровкова. И папа—Леонид Александрович Ерёменко. Папа родом из Нижнего Тагила. Мама—каслинская. Папа—инженер-конструктор. После окончания Челябинского политехнического института папу направили в Красноярский край. В Минусинск. И потом он туда позвал маму. В Минусинске они жили. В восемьдесят втором году родилась я. В восемьдесят шестом—брат Александр. Он сейчас—гитарист.

Потом папины родители переехали в Касли, а у мамы родители здесь и жили. Мама моя, филолог, закончила УрГУ в Екатеринбурге, в Минусинске она заведовала библиотекой. Когда мне было шесть лет, мы переехали сюда, в Касли. На родину бабушек и дедушек. Мама здесь очень долго работала в училище. Преподавала русский язык и литературу. Папа работал на Каслинском заводе. Мама всю жизнь была общественником, она человек активной жизненной позиции. Из ребят, которые были у неё в училище… сами понимаете, какой уровень у детей, которые поступают в училища… так вот, мама с ними делала литературные гостиные, литературные вечера, чтобы как-то приобщить их к литературе… они там ставили Чехова… что угодно—только чтобы дети читали. Результат этой её работы—свой любительский театр при училище. Один из её выпускников стал настоящим актёром. Профессиональным режиссёром. Благодаря этому. И так как моя школа находилась очень близко, после уроков я всегда прибегала к ней в училище. Поэтому программу по литературе за девятый-десятый-одиннадцатый классы я проходила, наверное, несколько лет. Учила всё это и слушала. А как стала постарше, участвовала во всех её постановках. Когда мама вышла на пенсию, у неё родилась идея, что надо литераторов-то как-то собрать, потому что… пишущих много, пишет народу гораздо больше, чем читает… в две тысячи первом… как раз двадцать первого декабря мы их всех собрали—и с тех пор… они все безумно любят маму. Вы не представляете, сколько ей посвящено стихов—во всех формах… жалко, что её сейчас здесь нет, мы хотели её позвать—но она с внуками… она до сих пор редактирует все сборники наших авторов. У нас за одиннадцать лет вышло порядка тридцати и авторских сборников, и коллективных, и тематических. Мы к каждой дате нашего города стараемся что-то выпустить. Конечно, если бы не родители, которые и меня, и брата приобщили к творчеству… они никогда не говорили: давайте поступайте на экономиста, на юриста, на журналиста… они всегда давали нам полную свободу: к чему лежит душа, то и делай. Конечно, когда у меня родилась мысль поступить на факультет журналистики,

они меня поддержали. Когда брат решил стать музыкантом—тоже не были против.

Как журналист я писала в газету с четырнадцати лет; в конце школы встал вопрос, а куда же будет поступать Рита, и когда я директору школы сообщила, что буду поступать на факультет журналистики… у нас директор была такая властная женщина, Марина Павловна… она сказала: Рита, с твоим заиканием тебя на журналистику не пустят… тут я и решила, что обязательно буду поступать на журналистику. И почему-то я была уверена, что любое творчество—и стихи, и проза—это всё одно, это журналистика. А в университете сказали: стихи—этажом ниже, на филфак.

Я решила, что окончу факультет журналистики и потом поступлю на литературный факультет… но когда я пообщалась с людьми пишущими, то поняла, что литературное образование… оно, конечно, хорошо, но ведь и сама журналистика даёт массу тем… массу поводов для творчества… Разумеется, то, что я писала до две тысячи первого года, до встречи с Ягодинцевой… это была графомания чистой воды… даже Петрушкин, который меня очень любит, уважает, как он говорит… меня приглашал на разные мероприятия литературные—не читать, а просто—приходить.

Прошло два года после того, как я поварилась в этой литературной мастерской, у Нины Александровны, поначиталась всех челябинских авторов, самой Нины Александровны, Петрушкина… и только потом… трясущимися руками рискнула что-то показать Петрушкину—рассчитывая только на то, что он опять всё это отринет и скажет: не концептуально… он так всегда: нормально, чего там… и вот… это примерно две тысячи второй год… у меня стало уже что-то обозначаться… я благодарна Нине Александровне, которая в две тысячи втором… не знаю, что она во мне там увидела… но она меня отправила в Каменск-Уральский на Всеуральское совещание молодых литераторов. И вот там… там состоялось очень жёсткое обсуждение моих работ. Там были поэты, авторы из Москвы… меня очень долго обсуждали и сказали… хорошо пишете, всё в рифму, всё в строку… но както… судьбы у ваших стихов-то нету… текстов… даже не говорю, что стихи… тексты… нету судьбы.

Я долго ходила-думала, какая же судьба-то… как же… мне девятнадцать лет… какая же судьба там может быть? Куда деваться-то?.. кого ещё-то почитать? И вот там я познакомилась с очень многими ребятами, выкормышами Евгения Владимировича Туренко… с тех пор Женя Туренко стал для меня… я просто все книги его перечитывала, искала его где могла… познакомилась с Туренко, познакомилась с Наташей Санниковой, с Натальей Стародубцевой, с Екатериной Симоновой… с плеядой тагильских авторов… с Алексеем Сальниковым… и вот потом… это был уже две тысячи третий год… Петрушкин читает-читает меня… «Марго, ну это же тагильская школа. Я не знаю, как в Каслях может быть тагильская школа,—как это?»

А я никогда не ощущала себя человеком… именно каслинской земли. На самом деле сейчас же нет границ. У меня гораздо больше людей, человеков, с которыми я общаюсь, за пределами Каслей… это Екатеринбург, это Тагил, это Москва… это, понятное дело, Челябинск, это Пермь. Вот это всё… уральское… Конечно, Кальпиди, который всячески муссирует миф об уральской школе, возможно, прав… мы все здесь особенные, у нас всех, наверное, какой-то угол-то есть.

Потом, когда я уже всерьёз столкнулась с тагильской школой… уже чуть позже… это Казарин. Казарин в то время—в начале двухтысячных—как раз открыл в театральной академии в Екатеринбурге литературное отделение, на которое я и мечтала поступить… он там был мастером курса, я посещала все эти семинары, хотя не числилась там… это Казарин. Это Юра Аврех. Это Борис Рыжий. Это Андрей Торопов. Это Андрей Санников. Это Евгения Изварина. Это такое пространство… перекос-то, конечно, в сторону Екатеринбурга.

Виталий Кальпиди? На самом деле этого человека я видела в жизни раза два или три. Много читала. Он окружил себя ореолом таинственности и обозначил, что якобы именно он является мерилом некого уровня. Но то, что он сам, помимо себя, придумал миф о существовании уральской школы поэзии, это, наверное, имеет право на жизнь. Потому что то, как он всех подгребает в эту школу и как одних он принимает в эту школу, а других—нет, очевидно, является тоже свидетельством какой-то системы. Мы тут с Петрушкиным обязались написать несколько статей в его антологию… это явно попытка создания школы. То есть—энциклопедическая такая попытка. И если он создаст это по всем параметрам, какие школу обозначат, возможно, это и будет прецедентом. В плане умения создать идеологию… он, конечно, молодец. Но других таких я не знаю—разве ещё Петрушкин. Петрушкин более реальный, более живой человек. А Кальпиди—больше миф, наверное.

…У меня был очень сложный период—между полураспадом одной семьи и полусозданием второй… это было ужасно. Печальный и знаковый для меня две тысячи десятый год. Потому что в две тысячи десятом я наконец-то окончательно развелась с первым мужем, Алексеем Халтуриным, отцом Сони… это замечательный человек, режиссёр по образованию, актёр. Человек, который сочинял и сочиняет стихи и песни. У него потрясающий вокал. Народная постановка голоса. У нас такой тандем творческий был. И вдохновение было, и любовь. Всё это было здорово. Но… на одной кухне двум поварам не место. Не получилось:

два поэта, два творческих человека в одном доме — действительно, очень сложно. В две тысячи десятом я наконец-то развелась с первым мужем. Наконец-то защитила диссертацию кандидатскую. На фоне развода. Но, видимо, это было к лучшему. В две тысячи десятом я осталась без работы, потому что ушла из газеты… Касли — маленький город, обратной дороги нет. Все места заняты. Работала потом в Доме печати. Издательство самоликвидировалось. Готова была пойти работать уборщицей. С кандидатской степенью. Надо же как-то кормить семью и себя. Спасибо родителям, что помогали.

При этом я уже второй созыв — депутат Каслинской думы. Теперь я заместитель председателя Совета депутатов. И — член партии «Единая Россия», член её местного политсовета. Много чего хорошего мы делаем по линии партии, в том числе издаём сборники наших авторов, мне удаётся это делать…

И когда меня спрашивают: для чего? что тебе дала партия? — много чего она мне дала, много чего. И — слава Богу! Я ещё заместитель председателя Молодёжной палаты в Каслях.

Муж мой первый терпел-терпел всю мою активную деятельность. И не вынесла душа поэта. А я… осталась без работы. Потом меня всё-таки приняли, в конце две тысячи десятого года, работать в два вуза. В филиалы. Всё-таки — преподаватель остепенённый. Преподавала в Южноуральском университете… в Кыштымском филиале… русский язык и культуру речи (с моей-то речью!) и подвизалась ещё в Озёрском ЮУрГУ — и там-то встретила своего будущего мужа, Марата.

Из проектов, которые были связаны с темой моей диссертации, собственно, и появилось наше ЛИТО. Оно же изначально собралось из авторов нашей редакции, из авторов газеты. Слово, журналистика, поэзия — это всё единое пространство, здесь всё связано.

Преподавала-преподавала, то есть моталась Касли — Кыштым — Озёрск… несмотря на то, что это близко… машины нет… ребёнок с родителями… в общем, безумный у меня был год. Марат меня в таком состоянии увидел…

До этого мы были знакомы лет семь. Марат родом из Озёрска. Он окончил музыкальное училище по классу гитары. Окончил Уральский университет, филфак. Долго работал на Украине, жил там, там у него была семья. Трое детей. Потом они развелись, он приехал обратно в Озёрск. Умерла его мама, он остался один. И ещё семь лет назад мы с ним где-то случайно пересекались… он автор-исполнитель, а я ещё руководила клубом авторской песни… потому что я пою и играю на гитаре… и вот уже одиннадцатый год — опять же при поддержке партии и администрации — мы проводим фестиваль авторской песни, региональный тур…

…Я пожила без семьи, я пожила в семье, где было сплошное творчество и раздолбайство… А сейчас я хочу жить ради семьи, ради детей… конечно, при этом я не оставляю никаких своих дел, потому что, буквально когда я преподавала в ЮУрГУ в Кыштыме, мне предложили работу… в начале две тысячи одиннадцатого — как только у меня всё определилось с семьёй, с Маратом, с детьми… наконец-то всё устаканилось… И вот — с две тысячи одиннадцатого года я являюсь директором этого кинотеатра «Россия», который до этого был абсолютно злачным местом…

А в прошлом году — представляете? — у нас увеличилась посещаемость… в Каслях проживает семнадцать тысяч жителей. Проходимость нашего кинотеатра — пять тысяч в год. Это цифры рекордные! Несмотря на то, что мы работаем на плёночном оборудовании, нам удалось всё-таки как-то привлечь посетителей. Разумеется, я всех своих поэтов перевела сюда. Разумеется, у нас начались бард-кафе, литературные гостиные, вечера творческие… кто у меня уже тут только не был! И Санников был, и Петрушкин был, и Олег Николаевич Павлов выступал. То есть сейчас — в плане культуры — кинотеатр стал не только местом для показа фильмов, а сделался частью культурного пространства. Я этому очень рада, потому что, несмотря на то что я в декрете, я здесь появляюсь, делаю всё, что надо. Я это место люблю, здесь есть своя аура. Меня все спрашивают: как? ты журналист, как тебе всё это удаётся? Я не знаю, что мне удаётся… выбить бы ещё деньги на ремонт кинотеатра и на переоборудование, но, я думаю, со временем мы это сделаем. Планирую обратиться и в область, потому что… не могут они не заметить нас. В две тысячи одиннадцатом я стала лауреатом премии Законодательного собрания Челябинской области за активное участие в реализации молодёжной политики, то есть за все мои молодёжные проекты, за все мои молодёжные инициативы, в том числе и за то, что мы тянем с две тысячи первого года, в мае-апреле проводим ежегодно традиционные чтения Каслинские, на которые приезжает масса всякого народа. Проводим семинар. Проводим и слэм. То есть чтение на оценку, литература как спорт… но я учу авторов понимать, что оценка, балл — это сиюминутное… как и современные премии… это просто субъективная оценка в какой-то определённый момент какого-то круга лиц. И ничего больше.

Из диссертации Маргариты Халтуриной «Отражение культурно-исторических традиций в прессе малых городов России (на примере газет Челябинской, Свердловской областей и Пермского края)»

Пресса малых городов — уникальное явление в истории культуры и журналистики России. На

фоне активного взаимодействия с Западом в последние десятилетия XX-го и в начале XXI века представляются особенно актуальными её роль и значение как фактора сохранения и развития культурно-исторических традиций, духовного наследия нашей страны. В конечном счёте, речь идёт о процессе государственной национальной идентификации в условиях глобализации. Средства массовой информации (далее — СМИ) мегаполиса и СМИ малого города в последнее время, на наш взгляд, демонстрируют явное различие по реализации содержательных моделей. Каждая из газет, выходящих в малом городе, имеет своё лицо, свой индивидуальный журналистский почерк. И во многом именно эти обстоятельства предопределяют читательский интерес к ним.

В эпоху глобализации, информационной революции в современном обществе проблема сохранения культурного и исторического наследия не только не теряет своей значимости, но и приобретает особую актуальность. Проблема возвращения к истокам актуальна всегда. Сегодня особенно остро она значима для малых городов, ведь культура России состоит из множества самобытных культур, существующих в регионах.

<…>

Духовное, на наш взгляд, по определению пронизывает все формы социальной жизни, привнося нравственность, чувство любви, понимание свободы человеческой воли в политику, в национальные и межнациональные отношения, в правовую практику, в труд и хозяйство. В этом смысле духовная жизнь — ядро социальной жизни, способ осуществления общественного бытия, всех его материализуемых форм.

В периодической печати тема культуры, увы, давно не значится в верхних строках основных приоритетов журналистов, а зачастую и их читателей. К сожалению, в силу ряда экономических, а чаще организационных и технических причин, жители регионов сегодня не имеют возможности в достаточном количестве выписывать региональную и местную периодическую печать — газеты и журналы. Снизился уровень посещаемости библиотек. По результатам исследований, более 40% взрослого населения страны вообще не читает книг. К газетам не обращаются 30% россиян. 79% опрошенных россиян в последнее время не покупали никаких книг или журналов. Молодые люди читают только то, что включено в учебную программу. Тревожное положение и с детским чтением. Согласно исследованиям, охватившим детей из 32 стран, юные россияне по регулярности чтения находятся лишь на 27-м месте. Таким образом, уже в нескольких поколениях российских семей книга не является безусловной духовно-нравственной ценностью, растёт недоверие к телевизионным программам, центральной периодике. По мнению экспертов, одним из типов СМИ, ещё не исчерпавших лимит доверия аудитории, в регионах России остаётся местная печать: городская или районная газета.

Одной из причин этого является… то, что большая культура России конкретизирована духовной аурой малых городов… это та сумма духовных ценностей и материальных артефактов исторического наследия, которые есть только в провинции и позволяют нам говорить о таких понятиях, как, например, «малая родина», «родной край».

Малые города — это не только территориальная единица, но и особая социальная и культурная ниша, особый хозяйственный уклад, особый тип жизненных планов. В городах с числом жителей от 10 до 100 тысяч в Российской Федерации проживают 32 миллиона человек, в городах с населением от 100 до 500 тысяч — 29 миллионов. Это около 42% населения РФ. Старорусские города со славной историей, старинные уральские промышленные центры, бывшие не одно столетие средоточием развитой промышленности и металлургии, сегодня в большинстве случаев оказались на обочине экономического развития.

«В России центр на периферии». Эта мысль В. О. Ключевского переносит акценты научного внимания на практическую и духовно-нравственную значимость всего происходящего в регионах огромной страны. Таким образом, анализ и осмысление закономерностей и особенностей, свойственных именно провинции, диалектики отношений людей в провинции являются, по нашему мнению, актуальными в ситуации, характерной для России начала XXI века. При этом концепт «провинция» — из тех, что не замеряются непосредственно. Его, безусловно, нельзя «пощупать», однако описать — вполне возможно.

Из книги Маргариты Ерёменко
«Господу и детям»

● ● ●

речи твои несвязные
реки твои до дна
никому не подсказывай
строчки слова имена
никому не рассказывай
даже в беду в бреду
как я иду и падаю
как я иду иду

крестиком вышивается
гладью надеется
научи меня жить и любить
я позабыла уже
как это делается.

● ● ●

как у тебя живот
кто у тебя живёт
кто там у нас распят
в доме где трое спят

Бог мне любовь или стыд
как у тебя живот—

болит?

Рита разволновалась, молодое светлое лицо её горит, а к нам в директорский кабинет поминутно кто-нибудь заглядывает—то с одним, то с другим вопросом. Дверь выходит в рекреацию второго этажа, где идёт концерт. Страстно, хотя и сдержанно, ведёт мелодию саксофон. Прислушиваюсь и понимаю, что эта музыка меня теперь не отпустит. Не ожидала встретить здесь музыкантов такого масштаба!

— Это Лена Одинцова,—шепчет Маргарита,—её муж—пастор протестантской церкви в Каслях. Лена закончила консерваторию, аспирантуру. Закончила «Ипполитовку» в Москве. Они с Михаилом тоже как-то прикипели к нашему ЛИТО. Хотя и не пишут. В конце ноября мы организовали её концерт в Озёрске. Зал просто ломился! Все билеты были распроданы за три дня. Между тем Лена—абсолютно скромный человек. Она сейчас в декрете с младшим сыном. И очень рада приходить—выступать просто так. Я их очень люблю. Мне кажется, это совершенно наши люди. Вы с ней поговорите! Это будет так интересно!

Сказано—сделано. Улучив момент, знакомлюсь с Одинцовыми и записываю ещё одну потрясающую женскую исповедь.

Монолог саксофонистки Елены Одинцовой

Есть люди, которые остро чувствуют мир и могут это как-то выразить, но не всегда эти люди на виду… часто ценителями даже очень высокого искусства оказывается узкий круг. Но верно и то, что настоящие музыканты, поэты и художники всегда найдут себе слушателя, зрителя… может быть, кто-то не при жизни, как говорил Иоганн Себастьян Бах.

Я первый раз даю интервью… это вообще так странно…

Я скрипачка по образованию. Закончила музыкальное училище в Петербурге. Поступила в консерваторию, но пределом моих мечтаний было тогда попасть в оркестр. Я работала в оркестре Театра оперы и балета, сидела на первом пульте—помощником концертмейстера. И вот когда мы начали работать в театре—оркестр находится в яме, как известно,—мне почему-то вдруг подумалось: «Господи, неужели я так всю жизнь и просижу в яме?» Ведь это был предел того, что я себе представляла для скрипачки.

И так получилось, что… я пришла к Богу. Раньше я не задумывалась об этом. Вернее, задумывалась, но это не было целостно… Нашёлся педагог, который научил меня играть на саксофоне. Я этого хотела, потому что скрипка для меня—это было что-то такое… рядом… не связанное со мной. Скрипачкой я была, по-моему, очень посредственной. Хотя вроде бы и оценки хорошие, и экзамены… всё было здорово. А саксофон—связан с твоим дыханием, с душой… буквально ты можешь петь—на инструменте—и, следовательно, всё, что у тебя внутри, можешь выразить. Поэтому я решила заниматься на саксофоне, и мой педагог, очень известный в Екатеринбурге, и привёл меня к Богу. Он сказал: «Лена, без Бога жить нельзя». Я сказала: «Да. Точно». Начала задумываться, и мы стали ходить в протестантскую церковь… это слово такое… почему-то пугает всех… а ведь это просто христианская конфессия—наравне с католиками, православными. Протестантизм—вообще полмира. И именно там я начала играть на саксофоне, потому что в протестантской церкви нужно играть на инструментах, там не только поют, но и играют.

Я могу сказать—сто процентов!—всё, чему я научилась, что, видимо, радует людей, которым нравится, как я играю… я всё это получила в церкви. Когда музыканты играют, они поклоняются Богу. В церкви они не просто играют музыку, как на обычных концертах… встречах, а это именно музыка, которая служит Богу. Бах тоже в протестантской церкви… в лютеранской… работал всю жизнь. Я по нему защищала ещё в консерватории работу одну. Я закончила аспирантуру уже на саксофоне… Потрясающе просто. Знаете, Бах на саксофоне так здорово звучит! Идеально. Я делала полностью баховские концерты.

А самое интересное, что Бах использовал все современные ему инструменты, которые в тот момент появлялись,—он их все использовал для прославления Бога. Он говорил, что если музыка не служит Богу, то ею пользуется Сатана. Середины нет. Поэтому саксофон, хоть он и современный инструмент… если бы Бах был жив, он для него непременно бы написал.

Так что в церкви произошло моё второе рождение—как личности, а в результате—и как музыканта.

Раньше, когда я играла на скрипке… помню, сдавала экзамены… у меня реально тряслись коленки… мне казалось, что это видно со сцены, мне было так стыдно, и смычок… не просто ровно шёл, а так… вибрировал. Я не могла выступать, я боялась публики… боялась не так сыграть, показаться смешной… всегда хотелось понравиться, но, видимо, не получалось. А Бог—даёт свободу. Мне педагог всегда говорил: Лена, что тебе терять, кроме своих амбиций? Я сначала обиделась: почему он

так говорит? А потом поняла, что действительно… почему Бог даёт свободу? Как это объяснить? Исчезает страх. Почему Иисуса называют Спасителем, от чего? Он спас нас от смерти. Те, кто верят в Него, верят в будущее, верят в жизнь, верят, что они будут с Ним после смерти… верят в Небесный Иерусалим… что верующий человек пойдёт на небо… то есть у них страх смерти отсутствует. Благодаря этому и все остальные страхи уходят, когда коренного уже нет. И ты стоишь на сцене—тебе терять действительно нечего. Жизнь сокрыта в Нём. И ты просто просишь… я всегда прошу: Господи, что Ты хочешь для этих людей сегодня? Для этих—конкретно… И всегда это без боязни—Бог любит каждого человека… Обычно люди плачут, когда я играю. Хотя мне хочется, чтобы и радовались. Но обычно—плачут… Я сама иногда плачу. Любая игра—всегда новая. Я просто купаюсь в том, что Бог даёт для людей. Это действительно такая любовь! Ты понимаешь, что Бог любит каждого человека. Боже, используй меня, помоги мне донести то, что Ты хочешь. Поэтому и людей касается моё творчество. Это не моя заслуга. И не моя какая-то слава… «Прославляющих Меня—Я прославлю». Видимо, это и происходит.

И встреча с мужем… как-то у меня не удавалась долго личная жизнь. Было два-три… нехороших опыта, неудачных… и я решила: ну, всё. Не вижу смысла. А потом… в церкви же… играю и думаю: Господи, как хорошо! Я Тебя славлю—у меня такой мир в сердце, такая любовь… мне так хорошо в Твоём присутствии… и вдруг такая мысль: Господи, если Ты хочешь, я всегда так буду играть—для людей. И мне больше ничего не надо. Если хочешь, чтобы я была одна, я буду одна. А если Ты хочешь дать мне мужа, дай того, кого Ты приготовил. И всё. Сказала—и страшновато стало, вроде как обет дала. Если Ты дашь—то да. А без Тебя мне ничего не надо. Сама я уже не буду искать. Спускаюсь со сцены после службы, подходит ко мне мужчина и говорит: можно с вами пообщаться? Я даже не поняла, чего он хочет… играю, наверное, здорово.

Я говорю: ну давайте. Завтра я в консерватории… а потом… назначила встречу, опоздала на неё на целый час, если не больше. Что-то прихорашивалась… Ой, Боже мой… наверно, уже всё, не ждёт. А когда приехала—смотрю, стоит на светофоре. Мне даже плохо стало: чего же он стоит, ждёт-то? Так долго? Тут я уже начала задумываться: наверно, это… уже ответ? И, в общем-то, мы один день с ним пообщались, погуляли… потом я пришла домой—с букетом цветов, визитка у меня была какая-то… переливающаяся… мама моя сказала: «Лена, это он!»

Потом он уехал в Америку… в общей сложности мы были знакомы неделю… и—всё. И поженились. И вместе шестнадцать лет. Мне уже сорок два года, но, кажется, только сейчас настоящая жизнь начинается. Всё интереснее и интереснее. С Богом. Моя жизнь очень изменилась с того момента, как я сидела в яме. Я уже выбралась оттуда, из этой ямы… всю Европу объездила. Германия, Швейцария, Франция. На Всероссийском конкурсе заняла третье место. По саксофону. Занималась полгода всего, но с таким педагогом! Мы просто молились. Поехала, знала только первый тур. Второй плохо знала, а третий вообще пришлось там учить. И вот—стала лауреатом. Удивительно.

Теперь я и в церкви играю—у нас же очень большая сеть протестантских церквей. Мы ездим, играем. Ну и так—концерты играю, конечно. В Екатеринбурге есть абонемент саксофонных концертов. Я там часто играла. Просто сейчас у меня ребёнок маленький—год и шесть месяцев… и ещё дети.

Кстати, о детях. Вечером, когда семейство Петрушкиных вроде бы затихло, разбрелось по спальным местам, а я—в отведённом мне для ночлега Сашином кабинете—собиралась поработать, дверь тихонько заскрипела—и ко мне на цыпочках проскользнула Аполлинария Александровна, пяти лет от роду, в красном платьице и оранжевых колготках. Влезла на диван и потянулась к иконам над диваном. Слева—Богородица с ангелами. И такой у нас с девушкой состоялся примечательный разговор.

ПОЛИНА. Я на неё смотрю и вспоминаю о Боженьке. Поклон Боженьке через свечку и через воду можно сделать.

Я. Поклон Боженьке? Через свечку? Расскажи про Боженьку, Полинка, расскажи!

ПОЛИНА. Я могу только сказку рассказать про Боженьку. Когда Боженька был со мной, Он мне сказал, что меня назовут Полина Петрушкина. И папа с мамой так меня и назвали. А это *(показывает на иконы)* все портреты от Боженьки. Я тебе покажу… *(Забирается на спинку дивана и показывает икону.)* Эта картина мне нравится. Видишь—это я. А это—Боженька. Он говорит: вот они, мои птенчики. И все мы тут сидим—семья. А здесь вот—Мать. Она выбирает, кто из нас я буду. И выбрала—вот такой меня. Боженька мне дал эти картинки, чтобы я ими любовалась.

Я. А ты в церкви была?

ПОЛИНА. Да, была. Но мне тебя не видно было.

Я. А теперь видно будет?

ПОЛИНА. Видно будет, если б ты себя мне показала бы. Если б я не знала, как тебя зовут, я не могла бы с тобой поздороваться. Просто я забыла, как тебя зовут.

Я. А если ты знаешь, как меня зовут, то меня в церкви видно?

ПОЛИНА. Да. Если бы фамилию тебя я знала бы.

я. А ты знаешь, кто такие — ангелы?
полина. Да, знаю. Это ангелы волшебные. Подлетают высоко, до Боженьки. Ангелы — это Его слуги. По-настоящему.
я. Ангелы приходят к человеку?
полина. Да, приходят. Ночью тоже приходят к человеку. Но я их совсем не видела. Потому что я спала очень крепко. Сначала не могла уснуть и думала: когда же ты уйдёшь?
я. Кто уйдёт?
полина. Ты. Я думала — ты уйдёшь навсегда. И не вернёшься.
я. Я скоро уйду. Я уеду завтра.
полина. А завтра мы будем ёлочку наряжать. Ну… тебе надо немного побыть с нами. А когда праздник закончится, ты уйдёшь. Когда будем начинать Пасху, без тебя не будем праздновать. Потому что на Пасхе должны быть украшены пасхальные яйца.
я. А что такое Пасха? Это когда бывает?
полина. Это — бывает!
я. А зачем на Пасху яйца красят?
полина. Это — пасхальные яйца. Они нужны, чтобы делать красоту! Если они разобьются, праздника не будет.
я. А для чего ёлку ставят?
полина. Чтобы праздновать. Новый год. Дед Мороз к нам летит в зиму. Он летит и раздаёт подарки.
я. А почему именно ёлку на праздник ставят?
полина. Это потому, что его называют — праздник. Когда Дед Мороз называет — мы идём в садик.
я. А кому он подарки приносит?
полина. Послушным детям. У него есть ледяные подарки. Но если будут ледяные подарки, растает ваш подарок.
я. Ты подарок попросила у Деда Мороза… думаешь, он принесёт?
полина. Да, принесёт. Но мы должны сделать — чи-сто-ту. И Дед Мороз принесёт. Нужно сделать чистоту. И порядок. Надо корону достать. *(Карабкается на книжную полку.)*
я. Ой, Полина, ты так опасно лазаешь. Смотри — упадёшь.
полина. Да я не падаю! Если не упала… Сначала надо надеть эту корону. И тебе лучше тоже надеть корону.
я. И что будет? Ну надену я корону — и что это значит?
полина. Она будет светиться в темноте. Только надо ночью надеть корону — полной ночью.
я. Я не хочу ночь, Полина. Я хочу поработать. Можно?
полина. Можно поработать? Я кое-что сделаю. Тут надо работать — го-ло-вой. *(Пытается добраться до выключателя в книжной полке.)*
я. Ты уронишь шкаф! *(Уже не могу сдержать смех.)* *Она выключает свет.*
полина *(в полном восторге).* Оно горит! Ой, включаю свет! Это будет корона, светящая в темноте. Она волшебная. И даже может кого-нибудь схватить! И кого-нибудь об-кра-со-вить!

Обкрасовлённая светящей в темноте короной, в конце концов договариваюсь с принцессой о разделе территории на предстоящую ночь, падаю в постель и засыпаю как убитая.

6.

И снова Челябинск: свистать всех наверх!

В помещении челябинской ячейки спр — температурный режим рефрижератора. Окружающая среда нынче в ночь остыла, кажется, ещё на несколько градусов. Мороз продолжает крепчать. Писателям же, видимо, надлежит греть друг друга теплом собственных сердец. Что, по всей вероятности, и происходит постоянно: свидетельство тому — умопомрачительная быстрота, с которой меня, продрогшую с мороза, Олег Николаевич Павлов, Янис Грантс и другие оказавшиеся здесь писатели накормили горячим пирогом, напоили горячим чаем и всячески обогрели.

Настолько, что я даже шубу сбросила с плеч, чтобы дать интервью челябинскому телевидению: «многостаночник» Янис, будучи поэтом и, как водится, «литературтрегером», ещё и репортёр Челябинской гтрк. Из картинки, которая должна будет предстать взорам челябинских зрителей, телеоператор мою шубу категорически исключил. Но мне не стало холодно. Отнюдь.

Зал собраний постепенно заполняется. Приходит Николай Година — грустный, уставший, ещё не вполне оправившийся после недавней болезни, но — с новой книжкой стихов, с предложениями о дальнейшем сотрудничестве. Радуюсь встрече.

А вот и Нина Александровна Ягодинцева… Лена Оболикшта… ещё — знакомые и незнакомые лица…

Рассаживаемся за длинным столом. Я рассказываю о журнале, мне задают вопросы. Но на самом деле мне гораздо интереснее послушать, что сами писатели Че думают о своём житье-бытье, что их волнует, на что они надеются.

У Олега Николаевича в руках — свежий, пятый за 12-й год, номер литературной газеты «Творческий союз». Явление по нынешним временам редкое, а по исполнению — и вовсе исключительное. Стихи, проза, критика, хроника литературной жизни. Всё, как говорится, на уровне. Тираж, правда… «комнатный». Но — таковы условия нынешнего писательского бытия. Честь и хвала главному редактору и его немногочисленной команде.

Нина Ягодинцева представляет собравшимся Южно-Уральскую литературную премию и с гордостью говорит о Высших литературных курсах,

которые с 2011 года работают при Челябинской Академии культуры и искусства:

— Сейчас уже набрана третья группа. Я знаю, что в России нет таких больше… тем более что слушателям выдаётся сертификат государственного образца. Чем мы тихо гордимся и очень много работаем. У нас курсы — девять месяцев, год практически. Занимаются слушатели из Златоуста, из Трёхгорного, из Миасса, из Троицка. В этом году слушательница приезжает из Омска. Что нас вообще потрясло. Занятия раз в неделю. По принципу дополнительного образования. Но она находит такую возможность, приезжает на занятия, работает. Какие-то запросы мы обеспечиваем заочно.

Из книги Нины Ягодинцевой «Избранное»[8]

● ● ●

А мы — нездешние. Нездешним
Приказ: ютиться по скворешням
В предместье века, в тополях,
Где лепет переходит в ропот,
А ропот опадает в прах.

Мы опрометчиво мгновенны:
Снег заполняет наши вены,
Гроза вонзает в них персты,
И сердце ждёт прикосновенья
Блуждающей звезды…

Как тополя, тысячеусты,
Мы замираем от предчувствий:
Нет имени тому, что — мы…
Листва неведомого древа,
Мы добываем свет из тьмы.

На всех ветрах, клонящих долу,
Звучат бессонные глаголы,
Таинственные сторожа
Потрескавшейся колыбели,
Где спит и царствует душа.

Олег Синицын, поэт, бард, прозаик-фантаст и издатель, демонстрирует своё невероятное детище — «Альманах игровой фантастики».

«Да, этот народ непобедим! — думаю, слушая Олега. — Мысль его и страсть всё перемелют, везде пробьются; трещинка в асфальте, всего-то — ан, глядь, а уж выросло дерево в полный обхват!»

Настоящая поэзия, хорошая проза, увлекательная публицистика? Нужен выход к читателю? Не на что издавать? А вот есть в городе Геленджике ООО «Технолог», которое выпускает… игрушки. Солдатики, эльфы, орки… Персонажи фильмов и компьютерных игр, которые — прямо на наших глазах — из виртуального пространства переходят в реальное, становятся фигурками популярных настольных игр.

— Директор этого ООО, — улыбается Олег, — человек немного сумасшедший, как наш брат-писатель. Не от мира сего. Дмитрий Осетинский. Увлечённая, творческая натура. Он придумал целый мир, мир фантазии, волшебства. Тем не менее, он бизнесмен. Игровой мир был создан, и потянулись люди. Наш брат-писатель потянулся к нему. Пишет истории, действующими лицами которых становятся эти фигурки. У Осетинского — целый шкаф рукописей. Что с ними делать? А тут, в Челябинске, вообще «гнездовье» литераторов… И я — издатель. Мы как-то пересеклись с ним случайно. Я коллекционировал фигурки для настольных игр. Поэтому знал об их продукции. Мы встретились и — родили проект. Главная идея: «поэтом можешь ты не быть, а вот играть обязан». Искусство — оно ведь и есть игра. Мы начали делать проект — и обнаружилось огромное количество интересных личностей. Мне раньше казалось, что есть поэты, писатели — это интересные личности, а все вокруг — мелкие обыватели. Либо олигархи, либо власть… то есть — не люди. Оказалось, что среди предпринимателей, и даже очень успешных, — масса талантливых людей. Вот, например, Евгений Валякин. Он предприниматель, продаёт запчасти для автомобилей. Однако с детства рисует бумажных солдатиков. Видимо, денег не было в семье или ещё что-то… он ходил, облизывался возле витрин, на дорогие игрушки смотрел и думал: эх, как бы мне что-то такое самому сделать. Парень — с инженерным мышлением. Стал пробовать и с течением времени настолько усовершенствовал свою технологию! Его бумажные джипы ничем не отличаются от пластмассовых. И вот — он не пожалел денег, выкупил страницы в нашем альманахе, про себя немного написал, представил свою работу. У него столько идей! И сайт есть свой — «Стойкий бумажный солдатик». Там огромное количество поклонников.

Конечно, новый «АИФ» — журнал прежде всего рекламный. Здесь представлены всевозможные игры и аксессуары для них. Но авторы и редакция стараются всё это предъявить творчески. Это целая философия, задающая тон и смысл всему, что попадает в поле зрения читателя. Но главное — в этом фантастическом ореоле заново начинает светиться и дышать, казалось бы, очень далёкая от целей и задач рекламы художественная литература.

Монолог Олега Николаевича Павлова, поэта, прозаика, драматурга, члена правления Челябинского отделения Союза писателей России

Литературная ситуация в Челябинской области — сложная, но это не значит, что она — плачевная. На мой взгляд, она очень интересная — и уже не одно

8. Санкт-Петербург, изд. «Маматов», 2012.

десятилетие. Несмотря на то, что власти её не очень замечают, она бурлит, и весьма разнообразно.

Каковы проблемы? Нет какого-то единого поля, на котором бы все наши авторы могли регулярно встречаться и взаимно обогащаться. Нам необходим общий печатный орган. И он должен быть не так громоздок, как альманах, издающийся раз в год. Оптимально — литературная газета, которая выходила бы… ну хотя бы раз в квартал. Литераторы должны объединиться и пойти мимо всяких властей, от которых помощи не дождёшься. Мы же издаём сборники вскладчину. Почему не издавать вскладчину газету? Ввести в редколлегию газеты представителей каждого литобъединения: пусть они свои интересы отстаивают. Ради Бога! И в то же время они будут определённым препятствием для слабых материалов из другого ЛИТО. Моя мечта — создать такую газету, возглавить её и, может быть, повести.

Если же говорить о так называемой «актуальной» поэзии… о «тагильской школе», о круге Александра Петрушкина, то я к этому отношусь — философски. Они считают меня представителем «классического направления» — тем не менее, приглашают в жюри на свои конкурсы и фестивали. Говорят: нужно, чтобы присутствовала «эта струя». Я практически их всех знаю поимённо, многих очень высоко ценю. Но, к сожалению, основной массе я пожелал бы всё-таки искать свой голос. Потому что Петрушкин — это хорошо. И Бродский — отдельно — тоже хорошо. Но когда тысячи маленьких Бродских… и маленьких Петрушкиных… это — невозможно! Проводится фестиваль, и один за другим выходят разные люди и читают… как будто одно и то же стихотворение… меняются лица, но остаётся интонация, образы, строй, словарь… одно и то же! Увы, у многих начинающих поэтов, попавших под влияние поставангарда, как раз индивидуальность стёрта. Это лишний раз говорит нам, что в творчестве надо идти от себя, не от кого-то, не от кумира своего, не от учителя — от себя. Вот тогда проявится свой голос, своя интонация.

Самый близкий мне русский поэт двадцатого века — Арсений Тарковский. Я с ним лично был знаком. Мы познакомились буквально за два года до его кончины. Я приводил к нему молодого человека, пишущего стихи, для которого он был — всё. Из детских поэтов — конечно, Чуковский. С ним я тоже был знаком. Мне повезло: в шестьдесят втором году я был у него в гостях со своими братьями. Нас, как маленьких гениев, возили в Москву. Показывали столицу литературную, творческую, в том числе возили в Переделкино, в гости к Чуковскому. Я видел и знаю, как он относился к детскому творчеству.

Поэты Че *По страницам газеты «Творческий союз»*

Юрий Седов

● ● ●

Изгнаннику дано любить
всё то, что в прежней жизни было,
всё помнить, что душа забыла…
О, эта трепетная нить

от сердца к тем годам, местам,
где продолжается теченье
дней, чьё обратное свеченье
спешит сюда, к его стопам.

О, как он Родину свою
потерянную любит! Жгуча
любовь. Глаза его поют
о том, что мука слёз певуча.

Ему дано себя казнить
мечтой…
А ты по доброй воле
бежишь, чтобы сладко есть и пить,
ты вмиг и отчий дом, и поле
в душе решил похоронить…

Ирина Светлова

На стыке времён

Мы не продаёмся,
Но падаем в цене.
Юрий Шевчук

Где-то на стыке времён открывается правда:
Хаос рождает во мгле первородную смесь,
Счёт подытожен, но будет ли нынче предъявлен?
— Здесь Непокорные?
Слышится дерзкое: «Здесь!»

Грома раскаты грохочут в подвале Вселенной,
Вирусы страха слились в напряжённую взвесь,
Время-извозчик увозит с собой убиенных.
— Здесь Неотмщённые?
Слышится скорбное: «Здесь».

Блеском от звёзд прикрываются чёрные дыры,
Падают, падают цены на совесть и честь.
Кто-то лоскутное небо латает над миром…
— Здесь Неподкупные?
Слышится тихое: «Здесь».

Олег Ник Павлов

Звонок брату

Как бы я хотел позвонить брату,
Чтоб сказать ему:
«Здравствуй, брат Саша!
Знаешь, как племянники твои рады,
Что пока жива ещё страна наша…

Что покамест жив ещё язык русский,
Что читают Тютчева и Гумилёва…
Говорят, в двенадцатом лаз узкий,
И Земля вряд ли проскользнёт снова.

Только я не верю в эти кликушки
О Земле, тем более—о России!
Ведь хранит Россию поэт Пушкин,
Да и ты хранишь—по своей силе…»

Только жаль, такого звонка не будет—
Там, где брат, пока ещё нет связи.
Только вещий сон на заре разбудит,
И мороз наткёт на окно вязи.

Утро выбьет форточку, влетит с ветром,
Что несёт нам с поля полынь-брагу.
Я доволен, Господи, Твоим Светом.
Только вот хотел бы позвонить брату.

Янис Грантс

Зрачок

убийца зафиксирован в зрачке
убитого при вышнем волочке
как при аустерлице князь андрей
лежит под вековым среди корней
убитый никуда не торопясь
как при аустерлице графский князь

седая крона траурная вязь
стал невесом убитый заплелась
такая лёгкость что никак ничком
и он взлетел над вышним волочком
с убийцей теплокровным на глазу
оставив тело мёртвое внизу

убийца будто в капсуле летит
в зрачке того кто им вот-вот убит
убийца плачет я же не хотел
но он махрой делиться не хотел

а капсула туда где горячей
к звезде убитых
к солнцу палачей

Николай Година

* * *

У меня, как при советской власти,
Право на бесплатное жильё
До сих пор имеют всякой масти
Птицы—окружение моё.

Вон скворечник, а под ним—синичник,
Индивидуальное гнездо…
Наблюдаю зорче, чем зенитчик,
За небесной сферой от и до.

Мельтешит крылатая охрана
Яблочно-томатных рубежей.
Счастью—поздно, а несчастью—рано.
Хлопотней на воле, но свежей.

В «Издательстве Марины Волковой»—общий сбор. Подводятся итоги работы за 2012-й. Поэты, художники, библиотекари. Любая книга, изданная здесь, как говорится, живёт дальше. Живёт полной жизнью, потому что вся «волковская команда» сей жизнью—непременно—живёт. Поэты проводят читательские марафоны и мастер-классы с юными читателями. Держу в руках уникальный продукт этой деятельности—«Детский литературный альманах», в котором содержатся профессиональные литературоведческие разборы стихов и рассказиков, написанных школьниками. Разборы строгие, но доброжелательные. Такие, словно при их создании перед мастерами светились огненные буквы: «Не навреди!»

Поэт и педагог Константин Рубинский показывает (и дарит мне!) другой феноменальный фолиант—альманах «Внутренний дворик», который выпускает литературная студия «Твёрдый знакъ» физико-математического лицея.

Вслушиваюсь в темпераментные речи поэтов-педагогов и сама понемногу закипаю. Ведь именно так в Красноярске пятнадцать лет назад начинался Литературный лицей. Судя по тому, что я слышу, благие начинания челябинцев ждёт та же судьба—бурный взлёт, столкновение с государственной машиной, весь механизм которой направлен на прямо противоположные цели,—и неизбежность выбора: гнуть свою линию до полного изнеможения (вплоть до собственного психического и физического разрушения, в конце концов) или… подчиниться давлению и превратиться в кружок художественной самодеятельности или в банальный факультатив. Так обязательно будет, если уже сейчас не развернуть ситуацию—иначе. Как? Об этом мы с Волковой и говорили потом допоздна, пока мой скорый поезд не отчалил от перрона Челябинского вокзала.

Сама же Марина — на собственном портале издательства — об этом рассказала так:

«Отчёт прошёл в назывном-показном порядке: концептуальная книга года — «Если ветер запереть», самая целостно-целевая книга года — «Стихи на вырост», самая успешно продаваемая книга — «Практическое руководство для частных пилотов», самая успешно принятая государством книга — «Копилка секретов: календарь библиотекаря»; ярмарка в Красноярске, фестиваль в Екатеринбурге, марафоны в Минске и по России, новые имена и формы. Планы — график поездок, перечисление серий, краткое описание основных проектов. А потом второй вопрос: мастер-классы в Металлургическом районе, литературные детские конкурсы, работа литературных студий. Вот тут страсти разгорелись не на шутку. Говорил, правда, каждый о своём, общее содержательное поле разговора не сложилось, только эмоциональное. Ну и, конечно, неформальное общение (ради него и собирались). После сбора разговор о литературном образовании продолжился у нас с Мариной Саввиных, и мы до такой модели договорились! Похоже, родился очередной масштабный проект. Марина о литературной жизни Южного Урала напишет в первом номере всероссийского журнала «День и ночь», так что ждём!»

Уже в Красноярске получаю из Кыштыма некий «рефлекс» нашей встречи.

ОТВЕТЫ АЛЕКСАНДРА ПЕТРУШКИНА НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА «ДЕНЬ И НОЧЬ»

— Что такое «тагильская школа поэзии»? есть ли какая-то реальность за этой дефиницией? если да — то кого и по какой причине к этой школе можно отнести?

— Тагильская школа поэзии — это странное явление. Можно сказать, что такая есть, можно сказать, что нет. Как правило, так называют группу поэтов, вышедших из круга бывшего тагильского (ныне переехал в Венёв) поэта Евгения Туренко. Из тагильчан — это Екатерина Симонова, Наталия Стародубцева, Елена Сунцова (ныне Нью-Йорк), Руслан Комадей, Алексей Сальников. Частично элементы тагильской поэтики можно наблюдать и у поэтов из других городов Урала — та же Маргарита Ерёменко или я до 2008 года. Термин, насколько я помню, был запущен Аркадием Драгомощенко на одной из питерских литературных презентаций. Вообще, если раньше можно было говорить о какой-то реально существующей поэтической тагильской общности, то на данный момент — всё чаще сводится к применению неких формальных приёмов, но они как бы подвисают в воздухе (без какого-либо взаимодействия — можно сказать, внутритусовочного, — без взаимоучитывания, т. е. это, скорее, уже не школа, а воспоминания о прекрасной поре Тагила).

— В разговорах о поэзии Южного Урала постоянно присутствуют два имени — Виталий Кальпиди и Нина Ягодинцева. Что можно сказать о роли этих людей в литературном процессе Че и окрестностей?

— Я написал серию статей для одной из местных интернет-газет. Суть её сводилась к тому, что существует в местной литературе (на тот момент, возможно, так и было) два полюса, инь и ян, — между которыми, собственно, и моделируется местная литературная ситуация. Кальпиди прежде всего интересен литературный процесс, Ягодинцева — это нацеленность на результат. Вокруг первого из них группировались люди дионисийского начала, вокруг второй — апполонийского. А истина, как всегда, где-то посередине. Затем, в 2003–2008 годах, народ начал разбредаться, организовывать свои проекты, прибирать и формировать окружающий их литературный лес под себя. Одни ушли вовсе из литературы, вторые вошли в разные творческие союзы, третьи организовывают литературные фестивали, акции, занимаются издательской деятельностью, то есть роль Кальпиди и Ягодинцевой сейчас уже не столь велика и актуальна, но морфологически её переоценить невозможно. То есть мы же понимаем, что не может расти ветка, если нет стволов или корней. Но сейчас дерево разрослось, и думаю, что многие ветви, даже упав/отпав от основного древа, легко могут пустить уже самостоятельные корни.

— О «Мегалите». Как он появился? как теперь живёт? каковы перспективы? выполняет ли задачи, которые перед ним были поставлены? кто помогает? что мешает?

— История долгая. Здесь обязательно нужно вспомнить журнал «Новая реальность» и его предшественника «Транзит-Урал», который явил себя свету в марте 2003 года в Челябинске в формате восьмистраничной газеты со слепой печатью на ризографе. Вступительная статья первого номера заканчивалась следующими словами:

«Не столь важно — как и кем мы будем выглядеть для других, гораздо выше всегда будет стоять другое — проявление воздуха, из которого можно будет ткать литературное покрывало, появление реального выхода (выход = вход) из челябинского маниакально-депрессивного психоза, синтез в наших квартирах-катакомбах новых вирусов и бактерий, что смогут заразить новичков, и так далее, и тому подобное… Этот маленький шаг надо сделать сейчас — иначе так и будут подыхать (извиняться — за экспрессивность выражений — не посмею!) молодые авторы от древнерусской тоски: невостребованности другими собеседниками

(или коллегами) и, как следствие, невозможности самоидентификации — с вопросами типа: мама, я слон или блоха?

Нелепо говорить о процессе и своём месте в нём, надо жить, писать и помнить, что интересную (трагичную? весёлую? бесшабашную? безголовую? разумную? — выбирайте сами, но главное — свою) жизнь спровоцировать можем только мы сами. Никто нам не поможет. Только бумага или экран монитора и судьба, которую мы выбрали сами…»

Сказанное выше и стало основой стратегии журналов, а также сопутствующих им стратегий. Постепенно журнал «Транзит-Урал» разросся до 64-х страниц формата А4, со своим кругом авторов, своей группой читателей, приобрёл издателя, регистрацию как СМИ и, что, безусловно, важно, команду: Олег Синицын, Наталья Деревягина и ваш покорный слуга. Была запущена серия фестивалей современной поэзии Урала и Сибири с одноимённым названием. Единственное, что становилось препятствием на путях развития, — это региональная (уральская) направленность.

Затем, в 2006 году, произошло то, что называется биографией. Автор этих строк переехал в небольшой город, расположенный почти ровно между областными центрами Екатеринбургом и Челябинском. Город назывался Кыштым, и в городе был Интернет. Несколько отдохнув от перемен своей биографии, в 2007 году мотор опять закрутился — результатом чего стали литературные фестивали «Новый транзит» (правопреемник челябинского фестиваля) и фестиваль литературы малых городов им. Виктора Толокнова, а также организация межгородского поэтического семинара «Северная зона». Оказалось, что нет лучшего места для организации какого-либо проекта, чем отсутствие и здания литературного процесса, и даже развалин этого самого процесса. Неожиданно на базе перечисленных фестивалей через прямое общение за кулисами фестиваля (в том числе и через Сеть) сгенерировалась общность новых уральских писателей. Поколением их назвать нельзя — поскольку различие в жизненном и литературном опыте было огромно: от Яниса Грантса, рождённого сразу после смещения Хрущёва, или Салавата Кадырова, появившегося на свет за два года до похорон Сталина, до Дмитрия Машарыгина, явившегося в романтический период перестройки, и Александра Букасева, уже не знавшего СССР ни в каком виде. Что объединяло эту группу авторов? Общий метафизический код языка, общий глоссарий/шифр, и по сей день прозрачный лишь узкому кругу литераторов, общая идея, что стих пишется своей судьбой и на своём тощем теле, а поэты разговаривают на стрекозином языке (стрекоза предполагалась мандельштамовская). Когда собирается два человека — получается разговор, когда три — публикация, если авторов десять-пятнадцать — необходим журнал как овеществление стрекозиного крылатого гула, который должен быть услышан. Так в 2009 году был создан журнал «Новая реальность». Вначале через этот журнал в русскоязычный литературный процесс была инкорпорирована и узаконена в своих правах, собственно, новая уральская поэтическая общность. После того, как эта малая цель была достигнута в той или иной мере, журнал открылся, и это, понятное дело, послужило только его развитию. Сейчас у журнала — десять региональных представителей, которые предлагают материалы к публикации, — это позволяет, несмотря на прописку в Кыштыме, журналу выходить ежемесячно, а благодаря развитию в мире POD-технологии — иметь и бумажную версию издания. Ну и как бы самое важное (и в то же время абсолютно естественное), что случилось после появления «Новой реальности»: вокруг журнала стали объединяться другие издания, не вошедшие в основной журнальный пул («Журнальный зал») — это объединение сейчас называется евразийский журнальный портал «Мегалит» (http://www.promegalit.ru/), и в его состав входит более 30-ти изданий из самых разных точек мира.

Всё получилось.

Нет, не так.

Всё получается.

У истоков портала стояло четыре издания: «Новая реальность», «АльтерНация» (редактор Дмитрий Дзюмин), кемеровские «Знаки» во главе с Игорем Кузнецовым (этот журнал в результате манипуляций тамошних отдельных литературных чиновников прекратил своё существование) и «День и ночь».

Что такое «Мегалит» сейчас? Это тридцать журналов и альманахов, издающихся в современном русскоязычном литературном пространстве. Это электронная библиотека редких современных книг, которые доставляются до читателя электронным путём. Это кинозал «Мегалита», с помощью которого любой заинтересованный может побывать на литературном мероприятии, каковое в силу географических или временны́х причин — пропустил. Это обширный каталог биобиблиографических справок русского пишущего мира.

Каковы перспективы? Выполняет ли задачи, которые перед ним были поставлены?

Задачи по созданию вертикальных и горизонтальных коммуникаций, безусловно, выполняет. Внимание к порталу, а значит, и к его авторам растёт. Мы сейчас, безусловно, опосредованно можем ввести нового автора в современный литературный процесс; что будет с ним дальше — в его руках, поскольку нянчиться, конечно, никто не будет; хотя некоторые авторы и пытаются «присесть на шею» — тогда приходится их жёстко приводить в чувство.

Кто помогает? Смотря что называть помощью. Финансово проект существует на добровольные пожертвования изданий, вошедших в наш журнальный пул. Морально — за счёт поддержки наших читателей и авторов. И то, и другое — непостоянно (разве что кроме «ДиН»), но отдача от Вселенной всегда больше, чем ты рассчитываешь. Так и живём.

Что мешает? Да, в общем-то, ничего. Ну, есть некоторая леность редколлегий мегалитовских изданий — приходится напоминать о себе. Но к этому тоже относишься с пониманием.

Спасибо, спасибо, Саша! Спасибо славному городу Че и всему доброму и прекрасному, что дышит, радуется и печалуется вокруг. Ангелы Че и его окрестностей *заметно* освежают и в целом оздоровляют культурно-экологическую обстановку Южного Урала. Более того, я убедилась: эта задача и впредь им под силу. Всем вместе. А теперь — и с нами вместе. Да и с Божьей помощью.

7.

Метафизический эпилог

21 декабря я была в храме Рождества в Кыштыме. Когда я ставила свечу к иконе Спасителя, то — по своей всегдашней рассеянности и неуклюжести — задела рукавом уже стоявшие там свечи. Шуба вспыхнула, огонь побежал по рукаву... сама себе поражаюсь, что не только не испугалась, но... просто ладошкой собрала огонь — и он моментально погас. Это было при свидетелях. Я только потом осознала, что могло быть... а на улице в это время — под ослепительным солнцем сиял снег при двадцатипятиградусном морозе. Это и был... мой конец света.

8.

Космический постскриптум

Спустя почти два месяца после этих оптимистических итогов — утром 15 февраля — над Челябинском что-то неземным образом вспыхнуло, ахнуло, и по всему громадному городу выбило стёкла.

ДиН ревю

На достаточных основаниях

Молодые поэты Челябинска

«На достаточных основаниях...» — это лишённая контекста строка из стихотворения Андрея Черкасова. Молодые поэты Челябинска заявили о себе талантливо (мастеровито), нагло (эмоционально) и неожиданно (диапазон технических, тематических и других ресурсов оказался неожиданно широк). Всё это послужило *достаточными основаниями* для издания этой книги.

В сборник включены произведения пятнадцати авторов из поколения двадцатилетних челябинцев. Книга предназначена всем любителям поэзии. 16+.

Сборник,
составитель: Янис Грантс
Издательство Марины Волковой, 2013
твёрдая обложка, 142 стр.

Римма Аглиуллина, Евгений Горбачёв, Сергей Гордиевский, Александр Маниченко, Дмитрий Машарыгин, Елена Меньшенина, Елена Оболикшта, Артём Петров, Анастасия Порошина, Евгения Рябинина, Владимир Тарковский, Юлия Федотенко, Андрей Черкасов, Роман Япишин

www.mv74.ru/kniga/na-dostatochnyh/

Сергей Есин

Из дневника 2012 года

1 января, воскресенье

Сборы в дорогу для меня — самое трудное и нелюбимое из всех хозяйственных дел. Надо не забыть четыре комплекта необходимых вещей: что носить, чем лечиться, что читать, как работать. О том, чтобы остаться без работы, речи идти не может: и так полжизни пробездельничал, а сколько мог бы написать. Понятие «как работать» в наше время скорее означает «на чём». Расшифруем: надо брать большой компьютер, маленький компьютер, на котором я пишу на пляже, и к ним кучу «аксессуаров» — зарядные устройства, переходники, удлинители, причём надо учесть, какая в стране система подключения. А ещё надо взять деньги, туалетные принадлежности и прибор для измерения сахара в крови. Всё это — уже технология жизни в старости, которая не хочет смириться с положением вещей. Как хорошо было в молодости, можно было уехать в командировку с одним портфелем.

Проснулся после новогодних гуляний не поздно, часов в десять. Еда была хорошая, включая целую баранью ногу, зажаренную в духовке, и свежий пирог по рецепту Лены Богородицкой. А вот телевидение было таким дряхлым, и это по всем каналам. По «Культуре» маэстро Спиваков и вечная Безродная, а везде Филя Киркоров, Коля Басков и обрамление из певцов и артистов, которые являют себя зрителю за последние двадцать лет. Постаревшая рама режима. Правда, на этот раз не было — Аллы Пугачёвой. Ответ власти на её временную любовь с Михаилом Прохоровым или месть самой примадонны? В выступлении президента не было ни одной запоминающейся мысли. О какой-то образной системе я уже и не говорю.

В моих занудливых сборах в отпуск было одно утешение: я всё время прерывался, чтобы почитать книгу Дзеффирелли. Делаю отметки, чтобы потом сделать выписки. Безусловно, невероятно талантливый человек, но и судьба вела. В восемнадцать лет оказаться возле такого поразительного покровителя, как Лукино Висконти.

Перед отъездом из дома успел ещё залезть в свою интернетовскую почту. Два очень милых письма: Дмитриев, Резник.

2 января, понедельник

<…> Индия встретила нас традиционным мусором на улице, «бакшишем» и разбитыми автобусами. Индийские ребята в аэропорту за подноску чемодана требуют расплачиваться с ними рублём. В автобусе работал нерегулируемый кондиционер. Я пытался заткнуть холодом дышащее жерло шапкой и так её в автобусе и забыл, когда через час через пространство, полное мусора, нищеты и чудес, которые предполагает Индия, мы приехали в наш расположенный в стране пляжей отель. Гоа, кстати, являясь одним из самых маленьких штатов, даёт в бюджет чуть ли не двадцать процентов всех доходов государства.

Честно говоря, я думал, что это какая-то португальская колония на островах, наподобие Новой Зеландии. Приехали в отель и сразу оказались в царстве выстриженных английских газонов, пальм, показательной чистоты и бесконечного ряда молодой, всегда улыбающейся прислуги. Архитектура отеля традиционна для этого климата и задач. Огромная территория, аванзал, в котором расположена рецепция — здесь фонтаны, диваны с подушками, восточная нега. Словно паук, рецепция караулит все примыкающие к ней длинные двухэтажные корпуса с номерами. Номера традиционно прекрасны для отеля такой стоимости и звёздности. Из окна, с балкона — пальмы, газон, разгуливающие по газону цапли. Цапли небольшие, каких часто видел в Египте. Напастью здесь являются вороны. Они тащат со столов на террасу ресторана ложки и мобильные телефоны. Любят также развешивать по пальмам лифчики наших соотечественниц, украшенные блёстками. Терраса ресторана отгорожена от остального мира нейлоновой, почти невидимой сеткой. Проникают, залетая, как штурмовики, через дверные проёмы.

От вчерашней встречи Нового года остался роскошный, весь трепещущий фольгой павильон на танцевальной площадке. Ветерок с моря дует постоянно. На пальмах висят огромные серебряные звёзды. К сожалению, павильон уже разбирают.

Но праздник не заканчивается. Вечером состоялось большое «парти» на берегу. На площадке расставили столы. Можно было брать любую рыбу и морепродукты, которые тут же готовили

с десяток поваров. Изобилие стоило по пятьдесят долларов с носа. Повара жарили огромные королевские креветки, разрезанные вдоль на две половины. Это выдаётся за лобстеров. Мы с С. П. взяли ещё и бутылку кьянти, о котором несколько раз упоминалось в книжке Дзеффирелли.

Буквально потрясло сорокаминутное шоу «акробатов из Африки». Чего только они не вытворяли со своими телами под громкую музыку. «Шаг» у одного из парней был больше, чем у Цискаридзе. Ребята только не показывали фокусы. Жонглировали, показывали чудеса баланса, акробатики, глотали огонь, занимались эквилибристикой. Чудо как хороши. Номер мирового класса для Парижа, Лондона, Нью-Йорка, но дикие, не раскручены.

4 января, среда

Совершенно неожиданно, вчера днём встретившись с нашим гидом Олей, решились поехать сегодня на большую двухдневную экскурсию в древний заброшенный город Нампи. Пишу поздно вечером: позади уже и подъём в пять утра, и сам шестичасовый путь, уже и потрясающая экскурсия по древнему городу—вот уж о чём не жалею. Когда выбирали экскурсию, Серёжа очень точно определил этой самой Ольге: мы всё-таки преподаватели, и мы должны что-то принести и своим ученикам. Заплатить пришлось дорого, решили не париться, не мелочиться, ехать на легковой машине с удобствами, чтобы сидели, кроме гида, не пять человек впритирку, а только четверо. О спутницах, если получится, расскажу чуть попозже; в принципе, милые и современные девахи, которые отдыхают в Северном Гоа. Там менее комфортабельно, но вольнее, танцы, травка…

Утром, в шесть тридцать, подъехала машина, японский минивэн. Я уже сделал зарядку, поплавал в бассейне. Рассвет ещё не наступил. Гида на эту экскурсию звали Юля. Молодая, лет тридцати—тридцати пяти, женщина; потом оказалось, что возраст у неё предпенсионный. Она работает «вахтовым методом». Восемь месяцев, курортный сезон,—в Индии, которую изъездила практически всю, а четыре месяца—в Москве. Сразу заговорили о московских ценах. Из многого интересного, рассказанного Юлей, врезался в память несколько некорректный афоризм: «В Индии ощущаешь себя белым человеком». Остальное не запомнилось. Сразу скажу: пожалуй, так тесно и так близко я с Индией, побывав в ней раза четыре, не соприкоснулся. Вся её нищета и её необыкновенные богатства лишь промелькнули передо мной. Во-первых, дороги… в Индии невероятно разветвлённая их сеть. Показательно, что на этих дорогах, в отличие от российских, чаще встречаешь грузовики, нежели, как в России, легковые машины. Особенно грузовиков было много, пока мы не выехали из штата Гоа. Надо сказать, что в этой его части земля красная, иногда бордового цвета. Тут же всё об Индии знающая Юля пояснила, что, оказывается, не на туристах Гоа стал одним из самых богатых штатов. Эта самая земля содержит такое огромное количество железа и марганца, что её выгоднее всего не использовать под земледелие, а выскребать экскаваторами, грузить на огромные грузовики. Дальше—в порт и в Японию на переработку. Оттуда всё это возвращается новенькими автомашинами. Этот импорт и является самой доходной статьёй бюджета. Невероятная утренняя цепь этих огромных грузовых автомобилей запомнилась. На втором месте по доходам и прибыли стоит рыболовство, а туризм—только на третьем. Тем временем машина уже едет по нелёгкому серпантину через горы. То, что мы видим по бокам от машины, стену зелени,—джунгли, сухие, колючие. Где-то в глубине этих зарослей, по словам Юли, могут лежать деревеньки.

Но вот мы уже перевалили хребет, отделяющий Гоа от другого штата Индии—Корнатака. Здесь мы получили возможность уже поближе увидеть сухие тропические джунгли Индии. Вдоль всё той же довольно узкой асфальтированной дороги стоят небольшие посёлки и деревни. Двери домов открыты—виден негустой пролетарский быт. Шкафов нет, потому что нет лишней одежды. Штаны или сари единственные, выстираешь и носишь дальше. Спят на полу, значит, нет и кроватей. Детей—до десяти в семье, дети—это в будущем содержание в старости, а пока—лишние рабочие руки. Школа—двенадцатилетка, обучение бесплатное. В школе ребёнка два раза в день кормят и бесплатно одевают и обувают. Вот для меня и разрешилась загадка. В довольно бедной Индии всё время вижу на экскурсиях стайки одинаково одетых в школьную форму детишек. А армия, а атомные исследования, а вооружение, корабли, огромные металлургические комбинаты, невероятные успехи в компьютерной технике? И тем не менее, в почти полуторамиллиардной Индии половина населения живёт за чертой бедности, кормясь на две-три рупии в день. Это всего лишь—горсть риса. Рис—двенадцать рупий за килограмм. Есть специальные магазины для бедных. Четверть населения живёт на заработки, как наш водитель, в пятьдесят американских долларов в месяц. Но, Боже мой, какой же это отчаянный ездок, наш с пузцом водитель! Ему лет сорок, почти ежедневно он мотается по стране, преодолевая по пятьсот-шестьсот километров. Средний класс—это врачи, архитекторы, их заработки до полутора тысяч долларов в месяц. Самая востребованная сейчас в Индии специальность—инженер. Высшее образование здесь, между прочим, платное и доступно далеко не всем—это двести-триста долларов за семестр. Что бы, интересно, делало

наше правительство, если бы имело дело с миллиардным народом?

Из делового ещё. В Индии низкие банковские проценты на открытие дела. Банк, значит, не самая главная, как у нас, персона в экономике. Следовательно, в парламенте есть силы, способные обуздать безудержную власть прибыли. Отчётливо представляю, что когда наше правительство входит в парламент с очередной законодательной инициативой, то оно никогда не будет действовать против своих собственных интересов, как капиталистов и владельцев крупного бизнеса. Кстати, самое время вспомнить, что бывший министр печати и массовых коммуникаций господин Рейман, вместо которого сейчас министрирует господин Щёголев,—под судом в Штатах. Опять приходится вспомнить, какие надежды я возлагаю на американскую, израильскую и европейскую Фемиду. Но стоит опять вернуться в Индию.

Низкий процент налогов, которые платит мелкий и новый бизнес. Он начинает их платить, только перевалив за определённую сумму доходов. Естественно, дифференциальная шкала налогообложения. Сколько, оказывается, в мире моделей, а наши так называемые парламентарии всё выдумывают, дабы исподтишка потрафить в первую очередь большому олигархическому бизнесу.

Старый мой тезис: мы ездим за рубеж, чтобы в чужом зеркале увидеть себя. Тем временем разговор в машине, которая уже идёт по сухому плоскогорью в штате Карнатака, с автомобильных дорог соскользнул на дороги железные. Здесь опять много и нового, и поучительного. Переполненный вагон с пассажирами на крыше, который стал одной из экзотических деталей мирового кинематографа,—это лишь одна сторона проблемы. Но вот и другая: Индия обладает самой развитой сетью дорог в мире. Слава тебе, Англия. В этом смысле мы с ней похожи. Мы тоже оставили нашей Средней Азии большое и дорогое наследство. Но Индия обладает ещё и самой низкой стоимостью пассажирского проезда. Переполненные поезда—это невероятно дешёвые электрички и местные линии. Здесь крестьянин едет на сезонные работы в соседний штат, и, как всегда здесь бывает, со всей семьёй. Это тоже гастарбайтеры, но только с другой степенью эксплуатации, чем у нас. По дороге, на ремонте дорог, мы видели такие крытые пальмовым листом или более прочным пластиком палатки этих странников нужды. Вся Индия, как когда-то Советский Союз, ездит, передвигается. Кроме, как когда-то у нас в Гражданскую войну, «весёлых» поездов, существует и вполне привычный для нас железнодорожный транспорт. И плацкартные места, и скоростные поезда. Но и тут, имея в виду именно огромные пространства страны и её пёструю социальную и этническую картину, цены на железнодорожный проезд удивительно низкие. Переезжайте, смешивайтесь. Естественно, здесь есть и минусы: билет можно купить только за два месяца до поездки. Правда, иностранца могут внести в лист ожидания.

Я не специалист описывать красоты природы. Тощие коровы и буйволы, иногда появляющиеся на дороге, обезьяны, как у нас куры в пыли, отдыхающие на обочине. Но уже давно пошла ровная местность с буквально вырванными у природы полями. Пальм уже и нет, для них здесь высоковато, а в почве мало воды. Здесь хлопчатники.

Мне кажется, что я специально отодвигаю время, когда придётся начинать что-то говорить о цели путешествия. Это сам комплекс дворцов, храмов, крепостей и рынков Хампри. ЮНЕСКО недаром взяло этот комплекс по охрану. Это надо представить себе буквально лунный пейзаж, в котором расположены уже и рукотворные объекты. Полагаю, что ни описания, ни телевизионная съёмка не передадут впечатления. Здесь всё действительно надо видеть.

«Лунный пейзаж» окружён каменным забором и металлической сеткой. За ними между каменными громадами есть и пальмовые рощицы, и небольшие банановые и хлопковые плантации, даже деревеньки с населением. Собственно, всё это—столица древней империи или крупного королевства, которое образовалось где-то между четырнадцатым и шестнадцатым веками, когда государство пало под натиском монголов, прекратило существование. Именно это государство несколько веков сдерживало монгольский натиск от вторжения в Южную Индию. Естественно, есть целый клубок мифов и свидетельств о битве, в которой предатель-оруженосец подрезал сухожилия у королевского слона. Потом—о падении самого города, который взять боем было невозможно, а посему взяли предательством: предатели-слуги открыли завоевателям ворота. Город действительно взять невозможно, но здесь надо вспомнить другую стариннейшую легенду.

Я и не осмелился бы, да и не смог бы по незнанию переложить девятитомную «Рамаяну», но один эпизод напомню. Демон украл у божественного Рамы его жену Сету и спрятал её всего-навсего на Цейлоне. Цейлон сейчас—Шри-Ланка, я когда-то здесь побывал. Из местного ботанического сада долго хранился у меня листик с дерева, которое цесаревич Николай, будучи наследником престола, путешествуя, посадил на острове. Рама отчего-то не может отыскать жену и не в состоянии перебраться на Шри-Ланку. И тут ему на помощь приходит царь обезьян, любимец индийского эпоса Хануман.

Хануман издавна живёт в этом удивительном месте. Я уже назвал это место «лунным пейзажем». Лунным—потому что на Земле такого места быть просто не может. Это огромные валуны, будто бы

сложенные руками великанов в отдельные горки. Валуны с двух- и трёхэтажный дом, а иногда и с дом в пять этажей. Вот этими-то валунами Хануман, царь обезьян, со своими помощниками и забросали морской пролив, отделяющий Шри-Ланку от Индии. Неплохая, надо сказать, работёнка.

И вот теперь, когда масштабы определены, вношу последнее уточнение: вот в этой-то долине больших валунов и был выстроен огромный город, являвшийся одновременно и царской резиденцией, и огромным святилищем. Но опять это надо видеть, как на всех вершинках, притаившись между валунами или стоя прямо на них,—маленькие, только повернуться троим, или побольше, для сотни верующих, каменные храмы. Индия—страна многобожья, всем богам нужно по собственному дому. И здесь божьи дома, открытые всем тёплым ветрам, строили из гранита и преимущественно на базальтовом основании. Эти маленькие храмики, как ласточкины гнёзда, прицепились на каждой, как я уже сказал, вершинке. Большие, огромные храмы, крепости со стенами из гранитных плит, королевский дворец и цитадель—это всё внизу.

Начали осмотр с огромного храмового комплекса. В конце концов, мы все смотрим для того, чтобы описывать или чтобы любоваться? Исключительно для памяти: перед храмом, его двором, воротами, навершием над воротами, вдоль огромной дороги—каменные стойла для лошадей, которых приводили сюда на продажу,—конный рынок. Меня потом так же поразит в королевском дворце огромный каменный слоновник для королевских слонов, этих танков далёких эпох. Опять для памяти: невероятной тяжести каменная повозка-храм для праздничной поездки божества, на каменных же колёсах. Дух захватывает. Наконец—сам храм, в котором каменные скульптуры и барельефы рассказывают историю страны и культы её верований.

5 января, четверг

Утром мы все как миленькие сидели в холле гостиницы. Вчера вечером был закат, который мы наблюдали, сидя на высоченной каменной трибуне, на которой король принимал парады своего победительного войска, а сегодня утром предполагался бесплатный спектакль—рассвет. Опять через просыпающийся город—все поднимаются рано, чтобы до наступления изнурительной жары сделать побольше,—мимо уже знакомой королевской цитадели, мимо царской купальни,—написал ли я, что купальня была одна на двух цариц?—мимо циклопических стен крепости мы едем к какому-то высокому скалистому холму. На его вершине—оставленный храм Шивы. Вот здесь я снова почувствовал свой возраст. Подниматься пришлось по оползшим гранитным ступеням довольно быстро. Восход солнца—даже не скорый поезд, который начальник станции всё же сможет, если необходимо, задержать. Несколько раз стукался головой о гранитные перекрытия. Наконец выбрались на плоскую крышу, а здесь нас уже ждала целая стая обезьян—это приученные к дани с туристов побирушки. Здесь же в каком-то углублении скрывался и сам таинственный Хануман. Это был небольшой человечек в маске, в хорошо пригнанном костюме обезьяны. За небольшие деньги с этим Хануманом можно было и сфотографироваться. Немножко позже, проходя уже по плато, целиком усеянному маленькими храмами, мы наткнулись и на храм самого Ханумана. Портрет и облик игрушечного «стажёра» были в точности скопированы с древнего оригинала.

Здесь же наверху, у храма Шивы, уже были две или три небольшие группы туристов. Страсть наших туристов запечатлеть себя на историческом фоне или в сокровенном месте общеизвестна. Покормили обезьян, сняли друг друга на фоне «лунного пейзажа». И тут над кромкой гор показалось красное и совсем, казалось бы, нежаркое солнце. И—покатилось, покатилось, расширяясь, набираясь жары и цвета.

Если исключить эстетическую компоненту, тот магический смысл, который всегда содержится в торжестве света над тьмой, то всё это очень напоминало появление вагона метро из глубины тоннеля. Сначала светящаяся точка, а потом она, постепенно разгораясь, уже слепит глаза. А поезд уже на перроне. День так же краток, как остановка поезда. Впрочем, как и жизнь. Не успеешь оглядеться, а в тоннеле уже лишь, как уголёк сигареты, краснеет стоп-сигнал последнего вагона.

Пожалуй, впервые для меня немножко приоткрылось индийское искусство. В этом смысле гид Юля оказалась опытным и профессиональным специалистом. За шесть или семь часов, которые мы провели в машине, нам был представлен пантеон индийских богов, рассказано о боге-хранителе, так сказать, боге-традиционалисте Вишну и боге-разрушителе Кришне. Есть ещё, конечно, и высшее, всё создавшее существо—Брахма. В общем, диалектическая триада, которой характеризуется и христианство, сохранена и царствует. У главного действующего лица—вернее, больше и активнее всех действующего лица триады, у бога Шивы,—есть десять перевоплощений, аватар. Аватары эти точно отвечают на запросы времён. Есть даже аватара, которая носит имя Будды. Шива принял это имя и эту сущность, чтобы проверить подлинность веры в индуизм верующих людей. Здесь, конечно, можно порадоваться поразительной изворотливости и самой древней религии, и её толкователей, готовых отвечать на любой вызов времени. Но сейчас героем рассказа не является не Будда…

Снова, как козы, спускаясь, пропуская этаж за этажом, по гранитным, как плиты на Аничковом

мосту в Ленинграде, ступеням, на каждом этаже, казалось бы, покинутого храма можно было видеть небольшие пирамидки из осколков камней. Это до сих пор супружеские пары строят пирамидки, обращаясь с молением к Шиве послать им ребёнка мужского пола. Храм покинут, но бог ещё живёт в развалинах. Именно сын в дальнейшем должен поднести огонь к погребальному костру отца и матери. Лично у меня в этом отношении незавидная доля.

Второе, на что неизменно обращаешь внимание и на горé, и взбираясь к храму Шивы,—это постоянное, усиленное вполне, видимо, современной аппаратурой, пение. Совсем рядом с древнейшим храмом основного божества стоит огромный храм и одной его ипостаси—любимцу народа богу Раме.

Здесь всё традиционно: огромный двор, окружённый неприступными стенами, ворота, что-то вроде обелиска на входе, галереи для паломников, алтарь… Изнутри храма всё время слышатся пение и какие-то ударные, отбивающие прихотливый ритм. Это, эпизод за эпизодом, монахи поют «Рамаяну», все девять томов, и так, на протяжении чуть ли не тысячи лет,—служба, не прекращаясь ни на минуту. Монах-чтец меняется каждые два часа. Служба не прекращалась, даже когда пришли монголы. Здесь побоялись—незнакомый бог…

Существенный эпизод, который я пропустил, как раз касающийся монголов, а точнее, прихода в Индию мусульман.

Большинство больших храмов, которые я видел, исполнены по одному чертежу. Гранитный, ну каменный, низ, вся алтарная часть, внутренние залы, где выбиты в камне замечательные фигуры индуистского пантеона. Много каменных колонн, поддерживающих каменные перекрытия потолка. А на этом монументальном основании—знакомые по книгам и репродукциям многоярусные навершия. Они обычно делались из кирпича и чаще всего облицовывались керамическими пластинами. Здесь же стоят керамические фигуры, необходимые к данному случаю, богов и праведников. Видимо, это безумно смущало ранимую мусульманскую душу. Коран не разрешает реалистических изображений человеческого облика. Ну, кое-что удалось сбить и на нижних, «каменных», этажах. Но индивидуальная работа с непослушным, а часто очень упорным камнем тяжела, значительно проще пустить всё на поток. Технология была простая, но научно выверенная. Если в алтаре на пару дней развести костёр, а потом всё сооружение полить водой… И самому большому храму комплекса, и храму Рамы это довелось испытать… И храму, который мы рассматривали вчера, с каменной колесницей,—тоже.

Основное—не столько сохранить в памяти, унести на собственной сетчатке облик чужих стран и иного искусства, а пережить всё это. Переживания не стираются, в нужный момент они всплывают в душе соответствующим откликом. Поэтому дальше всё в схеме. Сильнейшие впечатления перекрывают более слабые.

Что же дальше? А дальше наша прогулка шла мимо банановой рощи, а за ней—храм тому предмету, ставшему неким символом возобновления жизни, при виде которого боярышни, героини романа Алексея Толстого, смущались. «А вы, девы, не косоротьтесь, лист у мужика фиговый». В силу особого, стыдливого отношения к этому предмету, вход в небольшой храм, похожий на цветочный ларёк, зарешечен. В обхват предмет больше бочки для горючего, на иностранный манер называемой баррелем. Обводы приблизительно те же, но чуть шире. Кому из-за решётки, когда мал манёвр для руки, удастся ухитриться и забросить монетку на узкий обвод—тот счастливец. Я оказался—тот!

В состоянии счастья я со своей группой и отправился осматривать другой гигантский, но уже действующий храмовый комплекс. Здесь что-то вроде монастыря. Идёт служба, толпы верующих берут входные билеты, здесь же дети. Обещали слона, который за денежку, которую получает не он, а служитель, творит благословение. Вернее, передаёт. Со слоном очень хотелось познакомиться, но слона увели купаться на реку. Показали, очень издалека, какую-то золотую маску, весящую шесть килограммов. Но самое главное—не тронутую монголами огромную одиннадцатиэтажную башню. Это, конечно, одно из чудес средневековой архитектуры. На стене, обращённой к Священному холму, где стоял небольшой храм Хануману, с лицом и раскраской маленького лицедея из храма Шивы, сохранились кое-какие поучительные позы и эпизоды, почему-то не шокировавшие завоевателей. Это некие фрагменты «Камасутры»—каменной поэмы о плотской любви. Правда, было высоковато, в деталях не рассмотрел. В Индии есть целый храм, посвящённый этой теме. Когда я впервые, лет сорок назад, побывал в Индии, продавались напечатанные на фотобумаге затёртые снимки некоторых знакомых по жизни сцен. Хотелось купить и привезти в Москву эти экзотические сюжеты как некое доказательство синхронности человеческого воображения, но привезти было «стрёмно». Я был тогда молодым специалистом. Очень надеюсь, что за тот крошечный отрезок жизни, который оставит мне судьба, мне удастся ещё этот храм увидеть.

Продолжая тему, должен поёрничать, что, видимо, из-за каменных любовных сюжетов этот храм облюбовали обезьяны. Они прыгают по стенам и выпрашивают бананы. Милые, естественные создания. Во дворе храма впервые за эту поездку я увидел скорченного от проказы или полиомиелита мальчишку, ползающего по каменным плитам. За что, Господи?

В семь часов мы были уже в отеле.

<…>

9 января, понедельник

…начал читать книжку Алисы Ганиевой; впрочем, я эту книжку почитываю уже несколько дней подряд. В её повести «Салам тебе, Далгат» совершенно замечательный язык. Сюжета, может быть, и нет, но есть и время, и столь любимый мною Дагестан. Ганиева, пожалуй, этой повестью становится лидером не только молодёжной русской прозы, но и безусловным лидером прозы дагестанской. Проза сразу существенно помолодела. Все эти описания стариков и старух, а я всё это раньше безумно ценил, объективно катастрофически обветшали. Жизнь вообще очень молодая штука. А если вспомнить прозу русскую, то Ганиевой удалось написать молодого героя без традиционных прибамбасов маргиналов в создании и поведении. Мы всё видим глазами весёлого и вполне современного парня, который не является моделью Сэлинджера или Миллера. Парень из ещё недавно советского Дагестана.

Книга Алисы вообще очень занятная. Здесь и результат, и высшие достижения, и истоки бытия писателя. Кроме небольшой повести, здесь ещё и очерки о Дагестане, воспоминания детства и молодости — быт и этнография. Дагестан, причём совершенно иной, тёплый, весёлый, живой. Не литературная фигура для упражнений в эпосе или фольклоре, а площадка для жизни и счастья. А молодёжь всегда хочет приключений и счастья. Если говорить о документальной части книги, то она подлинна и полна и современных, и очень старых подробностей. С точки зрения даже примитивного литературоведения сразу заметно, как написанный сначала документальный материал послужил основанием для повести. Разбирая вещи, связанные с молодостью автора, я сразу подумал, как много Алисе дали родители и советская застойная жизнь. А я вот, не выучив в молодости, всё учу и учу английский язык. Счастливые родители.

Но я не могу забыть, что при мне Алиса поступала в Литинститут на семинар В. И. Гусева и стала очень неплохим критиком. Я читал её статьи в «Новом мире» и других изданиях. Собранные вместе, они стали чуть ли не энциклопедией — по крайней мере, очень полным обзором современной молодой литературы. Ведь всё время думаю о своих ребятах, обязательно позову Алису к себе на семинар.

<…>

12 января, четверг

Вчера вечером — не ехать на общем автобусе, а в аэропорт взять такси. Наш отель чуть ли не последний в линии, значит, с нас и будут начинать, будем мотаться по всем курортным местам, пока не заберём всех, выезжать придётся чуть ли не за пять часов. Аэропорт маленький, только четыре стойки для регистрации. Автобусы должны приходить по расписанию. Но на такси можно приехать и чуть позже.

Такси, как я уже писал, по московским меркам очень дёшево.

Утром я поднялся рано, луна ещё гуляла по небесам. Чтобы потом с С. П. не создавать сутолоку в ванной комнате, отправился купаться на море. На берегу в ресторане, на террасе, охранники играли в домино или какую-то другую игру: стуки об стол и азартные выкрики разносились по всему берегу.

<…> Море было тёплым, но ласки никогда в море я не ощущаю. Море всегда вызывало у меня враждебные чувства. Это ещё более непонятная и неисследованная стихия, чем даже небо. Оно — прародитель и хранитель жизни. Если когда-нибудь на земле жизнь исчезнет, то возобновится она из моря.

Прощай, свободная стихия. Последний раз я искупался. В моём возрасте всегда неизвестно, не в последний ли раз в жизни.

Ну вот, пора выполнить мои гастрономические долги. На этот раз на завтрак пошёл и С. П. Я — тарелку ананасов, папайи и арбуза, всё это, как принято, проструганo на кусочки и готово к немедленному употреблению. Дальше я обычно съедаю две средних пиалы йогурта. Потом такую же миску пориджа, а если говорить по-русски — овсяной, разваренной до однородной жидкой массы, каши.

С пориджа можно начать и другую тему. Как плотно английский язык прижился в многоязычной Индии. В Индии пять официальных государственных языков. Сейчас, с развитием туризма, когда-то для кого-то и враждебный, как язык поработителей, английский служит неоценимую службу. В любой школе с первого класса, кроме, так сказать, родного, «натурального», учат в том числе и английский. Это я невольно к тому, с какой легкомысленной быстротой наши бывшие национальные республики отбросили русский язык. А здесь проблема и миграции, и московских гастарбайтеров, и самой науки, торговли, обучения, в конце концов — уровня культуры этих стран. Хотите загибаться и быть странами второго сорта в мире, так ешьте своё сало, пейте свой провинциальный бальзам, ходите в своих тюбетейках, продавайте свой лавровый лист. Но здесь и наши управленцы хороши — тему не развиваю, о наших правительственных чиновниках и нашей «под себя» политике всё давно известно.

Но продолжим завтрак. Это ведь, кроме еды, прекрасное поле для наблюдений. А я ведь всё о соотечественниках. Когда-нибудь меня признают таким же русофобом и ненавистником современной России, как маркиза Кюстина. Соотечественников из интернациональной толпы

выделить совсем нетрудно. Дамы к завтраку выходят в двух ипостасях: простушек в чём-то воздушном, прозрачном, почти в ночнушках; другой распространённый вид российской женщины за завтраком—ей как бы не додали. Лицо замкнутое и грозное. Это—матрона, как правило—мать семейства и бизнес-леди. Она одета в необъятные шорты и в руках держит полную тарелку. Её не обманешь, продукт она выбирает почти по его стоимости. Здесь обязательно поджаренная ветчина, какие-нибудь картофельные битки и «сладкий буфет». Такие дамы любят рассуждать на пляже о диете и фитнесе. Они надеются на специальные таблетки и готовы соблюдать диету «с завтра».

Русские немолодые мужчины все как один хотят, чтобы на заграничных курортах их принимали за иностранцев. Все они исключительно носят майки с лейблами разных стран мира. Ценятся—Филадельфия, Бали, Нью-Йорк, Австралия и другие труднодоступные из-за большой стоимости места. Мужчины, как правило, возмущаются, когда их не понимают таксисты или официанты в ресторане. Благородные люди… Пару дней назад один такой, несколько перекормленный, но в прекрасных шортах, мужчина поражался, да и возмущался, пожалуй, что таксист не понимает его богатого русского языка.

Мужчины не едят фруктов, редко едят овощи. Кухня для них—это сытность: ветчина за завтраком, омлет с ветчиной или сыром, хлеб, жареная картошка. На пляже эти мужчины пьют много пива, говорят о сортах виски, называя «вискарём» и бренди, а вечерами ходят в ближайшую лавочку за дешёвым, но прекрасным ромом «Старые монахи»—семилетняя выдержка, гонится, естественно, из сахарного тростника.

Я всё время себя окорачиваю в еде, стараюсь не ходить за ту сторону прилавка с блюдами, который распластался после планки «No vegetable». Там жарят яичницу—болтунью и глазунью, жарят блины с различной начинкой, там замученная на сковородке ветчина, как елей, источающая канцероген, и там огромный набор сладких блюд—Боже мой, как же на Востоке мужчины любят сладкое! Я всё время думаю о «сладкой стороне», как, наверное, евнух думает о гареме, и вспоминаю покойную Валентину: «Есин, не ешь варенье банками—наживёшь диабет». При диабете рекомендуют: ничего сладкого, ничего жирного, ничего жареного. Понятно?

С левой стороны прилавка, с разными названиями и с разными приправами, иногда в неожиданных сочетаниях—блюда, приготовленные из кукурузы, гороха, фасоли, картофеля, грибов, перца, помидоров, капусты и лука. За десять дней всё, естественно, надоело, но если прокрасться ещё дальше, к самой стене, то есть другое англоамериканское изобретение—кукурузные, овсяные и прочие хлопья. Рядом стоят кувшины с горячим молоком. Обычно в Москве я пью молоко только жирностью в полпроцента, а здесь чёрт с ним…

Вкус молока и этих самых «шоколадных» хлопьев стоит у меня на губах все полтора часа до аэропорта. О такси я уже сказал. Шофёр, естественно, говорит на английском—значит, хорошо учился в школе. Они с С. П. болтают. Вся дорога, без единого просвета, застроена домами. Это богатые виллы, дома победнее, дома бедные, магазины, лавки, лавчонки. Всё это в зелени: кустарники, кусты, много пальм. Вот они здесь и живут, полтора миллиарда. Лишь несколько раз проезжаем мимо полей, в основном это рис, значит, в воде стоят женщины и высаживают в жидкую грязь нежные стебельки. Непрекращающаяся цепь домов—это, конечно, цепь городков и посёлков. Хаотичность—лишь видимость. Я уже на малых приёмах убедился, какой в Индии административный порядок и учёт.

О чём только не подумаешь, пока едешь на машине по дороге с левосторонним движением, когда правая нога инстинктивно всё время пытается нажать на несуществующий тормоз, и не напишешь, пока летишь почти семь часов в самолёте.

В гостинице мы почти каждый день меняли доллары на местную валюту: это на воду, чаевые, на ром «Старые монахи». Здесь нет никакой самодеятельности, каждый раз молодой портье составлял бумагу, платил нам строго по курсу и выдавал квитанцию. Ощущение, что в Индии компьютер работает как ни в какой стране мира. Не успел пообедать в пляжном ресторане, достаточно назвать номер своей комнаты—счёт уже на рецепции. И всё точно так же—быстро и точно—в аэропорту.

На подъезде вдруг огромный лагерь жалких палаток. Самый нищенский быт, крыты эти хижины тряпьём, полиэтиленовой плёнкой, промасленными пакетами. Всё вокруг усеяно этими самыми рваными пакетами. Если Индии когда-нибудь суждено будет пропасть, она утонет в полиэтилене.

На подъезде к аэропорту наш водитель, всё время ехавший в обычной рубашке, надел форменную куртку—полиция может оштрафовать. Дальше всё привычное: действительно небольшой аэропорт, четыре стойки, быстро работающий паспортный контроль, ещё пока беззаботные лица пассажиров—посмотрим, какими они будут в Москве. Тесный, маленький отвратительный магазин беспошлинной торговли. Здесь, будто всё время испытывали жажду, наши туристы накинулись покупать спиртные напитки. Женщины встали в очередь в ларёк, где продавались косметические кремы и притирания…

13 января, пятница

Кажется, вчера я всё же немножко простудился. Всё прошло довольно удачно. С небольшим

опозданием приземлились. Что-то у нас всё же меняется. Очень быстро и прошли паспортный контроль, и получили багаж. Уехать из Шереметьево теперь тоже проблем не существует. Видимо, даже очень состоятельные люди предпочитают ездить не на машине через пробки, а электропоездом от Белорусского вокзала. Скоро и эта проблема из моих дневников уйдёт. Довольно долго на Белорусском ждали шофёра, некоего подрабатывающего узбека, который регулярно возит нас к электричкам на Белорусский или на Павелецкий. Тут я немножко и простудился, но утром принял «ТераФлю» и, кажется, пришёл в норму. Сегодня иду на показ мод к Зайцеву. Главное—мне обещаны «закулисы». Возможно, опять придётся писать: уже прошло пять лет, и у Зайцева снова грядёт юбилей.

<…>

С Николаем Головиным мы договорились, что я приеду что-то к пяти, мне покажут закулисье Дома моды, покажут суматоху «предпоказа», изнанку и кухню. Так оно и получилось, я даже содрал и сохранил бумажку, в которой были расписаны все выходы манекенщиц и манекенщиков. Сначала шли сгруппированные фамилии модных «эскадронов», мужских и женских. Названия тем показов были такие: «Женские пальто», «Мужские пальто», «Нарядные женские комплекты», «Меха», «Серые мужские костюмы», «Вечерние комплекты», «Нарядные костюмы», «Роскошный вечер», «Невеста». Потом шёл раздел «Финал». Это выглядело так:

1. Толпа ребят в сером. Проходят толпой, назад по одному.
2. Четвёрка ребят в вечерних костюмах. Вперёд и назад четвёркой.
3. Пятёрка девочек. Идут вперёд клином, назад по одной.
4. Пятёрка девочек. Идут вперёд клином, назад по одной.
5. Смена музыки. Выходит наружу ручеёк из остальных девочек и остаётся на сцене. Выходят Ромаха с шефом и идут вперёд. Девочки выстраиваются в коридор по парам.
6. Выходит четвёрка в нарядных костюмах по логотипу и в случае необходимости помогает шефу с цветами.

Потом идёт самая фантастическая фраза:

7. Отвал через центр по одной.

Всё это я, перед тем как добыть эту бумажку, наблюдал из зала. Одновременно делая небольшие заметки в записной книжке. Что здесь главное, понять, конечно, трудно, но неимоверно притягательное в каждой зайцевской коллекции имеется. Здесь надо сразу сказать, что по своей сути, по тому, как он видит человека, Зайцев абсолютно и подчёркнуто русский художник. Ах, как недаром он родился в Иванове. Но и, как русский подлинный самородок, всё же выбился в самые верхние уровни жизни. Второе—это, конечно, его внутреннее видение как художника сосредоточено не на фойе Большого театра, позванивающего подлинной бижутерией, не на модных концертах и эстраде, а в первую очередь—дальше скажу парадоксальное—на городских окраинах. Всё очень ярко, красочно, но не из самых дорогих тканей и с очень простым покроем. Я невольно сравниваю его с другим, так сказать, парадным и официально признанным модельером. Если бы всё же Зайцеву доверили одеть армию, то уж наверняка бы она не замерзала—вот и ещё один момент, связанный с происхождением и видением художника.

В итогах зайцевского времени есть и ещё одна символическая деталь. Ну, мы, конечно, иногда все по утрам видели замечательную передачу по первому каналу «Модный приговор». Сейчас её прекрасно ведёт историк моды Васильев. Я-то помню, как всё это лет пять или года четыре назад начиналось. Зайцевский помощник и мой приятель Николай Головин ещё только выбивал у телевидения график и какие-то своего шефа деньги—о деньгах чуть позже, хотя разговор о них—не панское дело,—а Зайцев тем временем точил концепцию. Потом, когда я увидел первые передачи, я внезапно встретился со своею старой знакомой и замечательным знатоком культуры, бывшим министром Натальей Дементьевой. Она тоже только что эти передачи видела. И, захлёбываясь, мы стали говорить об этом. То, сё, сё, то, и наконец—о невероятном социальном смысле этого проекта. Это ведь не сшить балахон для звезды или скроить из обрезков ткани эстрадное платье для исполнения под фанеру. Научить развращённое модными глянцевыми журналами поколение одеваться достойно. Я опять почему-то вспомнил наших подмосковных и московских девочек с окраины. Милые, будьте красивыми.

Собственно, этим показом начинается юбилейный, пятидесятый год работы Зайцева в искусстве. И здесь приходится итожить всё и говорить о том, что Зайцев-модельер невольно затушёвывает другого Зайцева—художника. Мне ли не видеть то, что подпирает творчество великого, по крайней мере—самого знаменитого модельера России! Мой дом тоже завален коробками с рукописями, папками с неразвёрнутыми мыслями и картотечными ящиками с выписками. Я отчётливо понимаю, на чём стоит моя романистика и публицистика, да и педагогика. Так вот, за, так сказать, ярким и нарядным зайцевским подиумом стоят невероятные и, похоже, ежедневные зайцевские штудии.

Видимо, тот огромный очерк, который я написал о нём пять лет назад, дал мне некое право заглянуть в зайцевские тайники и лаборатории. В огромном Доме моды несколько комнат заняты зайцевским

живописным архивом. Ну конечно, здесь есть и эскизы к спектаклям, и наброски со ставшим потом классическим имиджем многих артистов и эстрадных групп. Первый балахон нашей, как любят выражаться на НТВ, примадонны сшил и нарисовал Зайцев, первый облик артистов ещё молодой и тогда «революционной» «Машины времени» хранится в тех же запасниках. Но там же ещё и две огромных коллекции — это живописные видения художника и серия его фотографической живописи.

В своё время первую свою премию я получил в тридцать с небольшим за фотографию. За неделю я, любитель, снял альбом о воюющем Вьетнаме. Это потом я понял, что писатель и фотограф — это две разных профессии. Но понимание, как ставить свет и что такое тень, что такое мимолётное и мгновенно возникающее, осталось. Зайцев свои удивительные фотографические картины компонует из своих же, с подиума, моделей и аксессуаров своей профессии. Я здесь вспомнил Рембрандта, так любившего в счастливые годы своей профессии покупать дорогие восточные ткани, причудливые раковины и изысканные сосуды. Эти фотографические полотна, в которых земные модели так же, как и в искусстве живописи, перевоплощены в символы, ближе всего недавно показанному у нас Караваджо. Зайцев, видимо, видел его много раньше нас.

Кажется, мне вообще невероятно в жизни повезло: сейчас в Бахрушинском музее открывается выставка, связанная с юбилеем Юрия Григоровича, я о нём тоже писал, в том числе и статью в его юбилейный каталог, но вслед за нею будет открыта выставка работ Зайцева. Я с некоторой грустью смотрел на огромную груду замечательных работ, из которых для выставки отобрана лишь малая толика. О, исконное наплевательское отношение к работающим рядом с нами гениям! Куда всё это денется позже? Я отчётливо вижу, как наследники довольно быстро ликвидируют мой большой архив, расчищая пространство для жизни. Что интересно — сейчас не делают никаких движений музеи. Ну, наверное, в ивановском музее что-то хранится. В своё время Майя Плисецкая сумела передать свой архив в ЦГАЛИ, ей повезло. Но ведь и из государственных архивов пропадают документы, как пропали несколько страниц блоковского «Возмездия». В этом смысле — грустные итоги.

После показа состоялся «для своих» небольшой фуршет наверху, в служебных покоях. Как всегда, колбаска, фрукты, орехи, вино. Что-то попивала молодёжь. Внучку маэстро я уже знал, а здесь был ещё и замечательный паренёк, его внук — Антон. Антон за столом как-то крепко выдавал одному из прихлебателей.

Самое сложное мне в моей будущей статье будет написать финал.

<…>

17 января, вторник

Меня всегда удивляют мои ученики, которые часто жалуются: я бы написал и роман, и пьесу, и рассказ, но нет сюжета, нет, говоря профессиональным языком, информационного повода. Поводов и сюжетов всегда тьма. Вон Достоевский написал «Бесов», возбудившись от газетной заметки. Я пишу, собирая иногда разные сведения, в надежде, что кто-нибудь «возбудится» от моих наблюдений. А вот и повод, чтобы организовать ещё один сюжет.

Итак, Борис Березовский, наш лондонский сиделец, обратился к патриарху Кириллу, видимо, полагая себя общественным деятелем, с обращением инициировать бескровную, так сказать, духовным путём, смену власти. Об этом сказала утром любимая радиостанция. Ну что здесь скажешь, когда человек, богатый мамоной, обращается к человеку веры и духа. Значит, соизмеряет духовные и нравственные потенциалы. В связи с этим — ах, как мне бы хотелось обойтись без такого привычного в моих записках выражения «в связи с этим», но как по-другому соединишь почти несоединимое? Соединяю. В связи с этим вспомнил я одно местечко из доклада Евгения Примакова — из его доклада в «Меркурий-клубе».

«Несомненный интерес представляет собой «процесс года» — так бы я назвал лондонский суд, разбирающий иск Березовского к Абрамовичу. Меня, я уверен, как и большинство соотечественников, потряс обмен признаниями на лондонском суде. Абрамович заявил, что поэтапно выплачивал Березовскому 2,5 миллиарда долларов за то, что тот обеспечивал ему «крышу». Об уровне этой «крыши» говорят показания Абрамовича, что он может назвать своим другом бывшего главу администрации президента Александра Волошина. Подтверждением этих слов является появление в суде и выступление Волошина в пользу Абрамовича.

Березовский, в свою очередь, утверждает, что он придумал и «пробил» схему нефтяной компании «Сибнефть», как известно, образованной указом президента Б. Н. Ельцина на базе одного из самых современных советских нефтеперерабатывающих заводов в Омске и богатейшего месторождения «Ноябрьскнефтегаз». Всё это, по словам Березовского, было выкуплено Абрамовичем за 100 с лишним миллионов долларов, полученных в кредит. В дальнейшем тот продал тому же государству компанию за 13 миллиардов долларов. Березовский подал иск, претендуя на часть этой суммы, т. к. он, по его словам, был акционером «Сибнефти». Абрамович отрицает это, и тут всплывает ещё одна своеобразная «деталь»: владельцы крупнейших компаний не значились их акционерами. Отсюда прямой вопрос: а вообще платили ли они налоги государству?»

<…>

18 января, среда

Опять приходится начинать с газетной информации. Утром вынул из ящика газету. На первой странице: «Проект. Минюст избавит российские законы от норм времён СССР. *Советское на вынос*». Не читая ещё статьи, подумал, что этого надо бы простым гражданам остерегаться больше всего. Уже практически вынесли бесплатное высшее образование, бесплатную медицину, бесплатное распределение жилья, бесплатное курортное обслуживание, полярные надбавки к зарплате и много другое. Писателям и людям творческого труда надо остерегаться «выноса» их льгот на дополнительную площадь. Эту льготу утвердили ещё, кажется, в 1937 году.

Из других газетных новостей—это «Литгазета», которая напечатала несколько статей о нашем премиальном процессе. В том числе и разгромную статью на новое произведение собирательницы почти всех наших премий Ольги Славниковой. Всё это достаточно убедительно. Вообще-то можно только поражаться, с одной стороны, бесстыдству писателей либеральной клики, с другой—грустной лояльности, с которой наши писатели разумного патриотического лагеря относятся к их творчеству. Всё находим какую-то закономерную справедливость.

<…>

19 января, четверг

Закончил перепечатку рукописи и что-то вписывал в дневник—и так почти весь день. А в пять встретился у подъезда с С. П., и поехали в Дом Союзов. Мише Ножкину—семьдесят пять лет. По этому поводу—огромный, на три часа, вечер с поздравлениями, подарками, горой цветов и возвышенных слов. Вечер вёл сам Михаил, много пел, сердечно и талантливо, как всегда, пел. По большом счёту, одной строчки: «Я так давно не видел маму»—было бы достаточно, чтобы уже попасть в историю литературы. Но оказывается, что и шлягер моей молодости: «Опять от меня сбежала последняя электричка»—это тоже дело его рук.

<…>

Дома я уже был что-то в десять часов. Принялся готовить и смотреть телевидение. Сражались два кандидата на должность президента—миллиардер Михаил Прохоров и коммунист Геннадий Зюганов. Зюганов талдычил всё одно и то же. Кое-какие зюгановские заготовки я уже слышал. Значительно интересней говорили его ассистенты. В частности, любопытен был пассаж о продаже Прохоровым какого-то металла за рубеж, теперь у нас он стоит во много раз дороже, чем прежде. Припёрли его к стене «залоговыми аукционами». Кстати, было сказано, что свою собственность многие олигархи приобрели по стоимости в два-три процента от её подлинной. Очень заискивающе и подобострастно к хозяину выступал прохоровский «ассистент» Ярмольник. Я понимаю, подадут, но зачем так уж унижаться? Кажется, Прохорову помогала наша выпускница Ксения Соколова. Блестящая была девушка. <…>

22 января, воскресенье

К семи часам поехал на творческий вечер Александры Николаевны Пахмутовой в Большом зале Московской консерватории. Естественно, были, как говорится, все… Я, кстати, оказался в консерватории впервые после ремонта. Мне показалось, что она выглядит лучше, чем «реставрированный» Большой театр. Больше строгой подлинности, вкуса. Хорошо всё, кроме туалета, который почему-то перенесли вниз, в вестибюль. На том месте, где раньше был мужской туалет, теперь буфет.

Что сказать о самом концерте? Такой помпы и собрания сил я уже давно не видел. Симфонический оркестр Министерства обороны, хор Свешникова, хор консерватории, концертный рояль, за которым сидела сама Ал. Ник. Ну, естественно, просто гора цветов, и если бы их постоянно не убирали, из-за них не очень высокую Ал. Ник. просто не было бы видно. О шлягерах былых времён не говорю, они всем известны и стали частью нашего сознания, но было несколько новых песен, написанных буквально накануне, которые, как и прежние мелодии, истомили душу. Вот тебе и ответ, стареют ли большие таланты.

Из бытовых наблюдений: мне показалось, что Ал. Ник. переживала за мужа Николая Добронравова, который сидел на самом почётном месте, на проходе шестого ряда, по соседству с директором консерватории Алекс. Серг. Соколовым. И она так была рада, когда в каком-то месте зал устроил овацию и ему. Много было молодых певцов, с прекрасными голосами; правда, не всегда они дотягивали до скрытого трагизма, который во многих пахмутовских песнях. Но всё равно пели все замечательно, а особенно старая гвардия—Кобзон и Тамара Гвердцители.

Так уж получилось, что хотя у меня и было два билета, но ни С. П., ни Жуган, которые были на это событие ангажированы, со мною не пошли, однако взамен я получил удивительного соседа, который вполне искупил отсутствие моих друзей. Рядом сел Валера Белякович, одетый, как всегда, в какую-то рубашонку, потёртые джинсы, похожий не на народного артиста России, а на рабочего склада, но, как и всегда, с удивительно точной оценкой в искусстве. Здесь он довольно многое откомментировал.

В перерыве Валера рассказал мне удивительную историю. В день землетрясения в Японии и аварии на станции «Фукусима» он в Японии вёл последнюю репетицию спектакля «Гамлет». Сам он в этом

спектакле играл Полония. И у него в момент одной из смертей по ходу спектакля должны начинать трястись и двигаться колоны, как лес, который двинулся в «Макбете». Валерий всегда требовал, чтобы это было сделано достаточно интенсивно, но тут вдруг он увидел, что колоны ходят ходуном, цепи трясутся и звенят. Это было землетрясение.

Я, конечно, не утерпел и спросил Беляковича: ну а как премьера спектакля? Оказывается, спектакль состоялся. Отменили поезда, зрителей, кроме двоих, на спектакле не было. Для них и играли.

23 января, понедельник

Утром, спокойно приготовившись жарить себе на завтрак сырники, я включил радио и понял, что ставшее привычкой в последнее время нежелание смотреть телевизор сыграло со мною дурную шутку. Уже почти два месяца не езжу на дачу, а там всегда в субботу был просмотр «разоблачительных» программ по кино. Здесь же, оказывается, пока вчера я наслаждался концертом Пахмутовой и сладостным общением с Валерием Беляковичем, я пропустил потрясающую передачу по всё тому же разоблачительному НТВ. Они, оказывается, дали подборку сюжетов, как и где наши замечательные либералы и подлинные демократы проводили Новый год. Судя по тому скрипу, который раздавался со стороны «Эха Москвы», передача была невероятно ударной. Защитники народа и их личная жизнь. Если получится, я сюда чуть позже вставлю конкретный материал. Вот, кажется, переработка телевизионных сюжетов в комментарий.

> «Не успели отгреметь последние праздничные салюты в честь Нового, как его ещё называют — «эпохального», 2012-го, как уже появились первые сообщения об отдыхе известных политических и не только деятелей России. Очень наглядно эту информацию преподнёс канал НТВ. Представители отечественного шоу-бизнеса, политики и даже нашумевшей за последнее время оппозиции провели праздник где угодно, но только *не* в самой России. Получается весьма интересная и отчасти даже пикантная ситуация. Знаменитости нашей страны, крича с экранов телевизоров и заголовков газет о своей пламенной любви к нашей Родине, предпочитают встречать праздники не дома, а за бугром, причём чем дальше, тем лучше. Не знаю, случайно ли, но первая ассоциация у режиссёров программы указывает на празднование 80-летнего юбилея М. С. Горбачёва в Лондоне. Видимо, мода первого президента праздновать дни рождения подальше от столицы была с лёгкостью подхвачена и «бравыми оппозиционерами». Президент канувшей в Лету сверхдержавы празднует свой юбилей в цитадели геополитических соперников России. Туманный Альбион для них, судя по всему, имеет свою специфику.
>
> Всем нам хорошо знакомый блогер Алексей Навальный, изрядно пошумев на площадях и проспектах нашей столицы, тоже не стал исключением и отпраздновал Новый год, как и положено, в солнечной Мексике, ненароком залетев на огонёк в Нью-Йорк. Ну да ладно, у нас всё-таки демократия, летай куда душе угодно, были бы деньги, как говорится. Но одно дело, когда какая-нибудь светская львица, вроде Ксении Собчак, летит в Куршевель, и совсем другое, когда страстные «любители» и «защитники» народа проводят там значительную часть своего времени. Вот, например, очень уж примечательна позиция оппозиционеров Б. Немцова и Е. Чириковой. Первый празднует Новый год на островах, катаясь на сёрфинге. А защитница Химкинского леса, в свою очередь, путешествует по филиппинским джунглям. И после отдыха они дружно идут на поклон в посольство США, к новому послу г-ну Макфолу, уже успевшему «отметиться» на Украине и в Грузии. Надо полагать, ходили они думы думать о России-матушке, как же ей, бедной и несчастной, дальше жить. Так, по крайней мере, утверждают оба наших героя. Немцов, как выяснилось, просто очень любит отдыхать на море. Теперь понятно, откуда у него такой «серьёзный» багаж знаний относительно строительства олимпийских объектов в Сочи.
>
> Отдельно стоит сказать и о реакции Евгении Чириковой на простой вопрос корреспондентов: «Цель вашего визита в посольство США?» Ответ был более чем прозаичен, позволю процитировать: «Я иду, чтобы у нас начал работать закон». Что ж — картина маслом! Законы Российской Федерации смогут заработать только при условии посещения представителями оппозиции органов дипломатической службы иностранных государств. Звучит, по крайней мере, странно, не находите?»

Сырники уже были замешены и ложились на сковородку, но тут последовали удивительные вести. В первой выборке документов с подписями в поддержку Явлинского на выборах президента обнаружилось двадцать шесть процентов неточностей при норме в пять процентов. Но у Явлинского есть ещё шанс, потому что у него есть большое количество «страховочных» подписных листов, и это даёт возможность провести экспертизу второй выборки. Ну, естественно, по этому поводу радиостанция тотчас же устроила опрос и голосование. Среди устно «опрошенных» один из слушателей прямо сказал, что Явлинский врун и обманщик. Вспомнили здесь его старое утверждение, что в юности он был чуть ли не боксёром, и его программу «500 дней». Но была ещё одна новость. «Эхо», «Огонёк» и несколько других близких по духу организаций организовали свой рейтинг самых влиятельных женщин России. Забавно,

что в нём на одном из первых мест — прелестные балаболки Ксения Собчак, Миткова, Сорокина, Юлия Латынина, Тина Канделаки. А также дамы-тяжеловесы — Матвиенко, Тимакова, Набиулина, Голикова, Батурина. Не услышал я только имени Анфисы Чеховой.

Но это всё, с точки зрения моего внутреннего мира, совсем не основные события дня. Утром я прочёл замечательную статью Александра Разумихина в «Нашем современнике», а вечером ходил в театр Станиславского и Немировича-Данченко — там «Каменный цветок» в честь юбилея Григоровича, ему восемьдесят пять лет. К сожалению, мэтр накануне так заболел, что пришлось отменять не только сегодняшний его визит в театр, но и поездку в Японию, которая должна была состояться через два или три дня. Теперь я несколько дней, пока Григорович не поправится, буду волноваться. Попутно: к нынешнему юбилею Большой театр выпустил новый буклет о мастере — здесь повторно напечатаны моя статья о нём и английский её перевод.

На меня спектакль произвёл на этот раз ещё большее впечатление, чем раньше. Ну, конечно, самое главное — это музыка Прокофьева, она грандиозна, и, слушая её, начинаешь понимать второсортность современных композиторов. Как обычно, во время спектакля пришло несколько мыслей. Во-первых, конечно, что создана вся эта удивительная хореография молодым человеком в тридцать лет. Вот когда так интенсивно работаем, тогда и живём до восьмидесяти пяти, и, дай Бог, он ещё будет жить долго и долго. Но вот балет-то уже живёт пятьдесят пять лет. Во-вторых, я подумал, какое счастье, что это удивительно русское сочинение возникло. Сегодня ничего подобного уже невозможно — русские корни стираются. А теперь это всё, как балеты Петипа, станет неким эталоном, который будет тиражироваться, изменяясь, многие годы. Это особенность классики, она становится самой жизнью. Ну а в-третьих, здесь сконцентрирован весь Григорович. Здесь и «Спартак», и «Иван Грозный». Но каков слом после первых сцен к полуабстрактным построениям картин «в горé»! Как это было невероятно, просто обжигающе, современно. Здесь я тоже увидел поиски времени. В шестидесятые и искали русскую идентификацию, и возникали новые тенденции в поисках элементов в физике и химии.

<…>

24 января, вторник

Уже несколько раз я слышал, как наша интеллигенция возмущается некой репликой Путина по поводу Бориса Акунина. Покопался в Интернете и наконец нашёл. Вот как в Интернете это выглядело.

> «Писатель Борис Акунин (Григорий Чхартишвили) участвует в акциях протеста, поскольку является этническим грузином. Об этом на встрече с главными редакторами российских СМИ заявил премьер-министр Владимир Путин. «Понимаете, люди ведь действуют по самым разным соображениям. Вот, например, мы все любим писателя Акунина. Он пишет очень интересные, для меня, во всяком случае, вещи. Это экранизируется. Он, насколько мне известно, этнический грузин. Я понимаю, что он мог не воспринимать действия России во время известного кризиса и событий на Кавказе, а по сути — вооружённой борьбы между Грузией и Россией, когда Россия вынуждена была защищать юго-осетин и наших миротворцев, на которых напали и просто убили», — сказал Путин».

А дальше это выглядело так.

> «О национальности Акунина Путин заговорил в контексте разговора о диалоге между властью и оппозицией. Он заявил, что готов встретиться с общественными деятелями, участвующими в Лиге избирателей, однако, по его словам, «приглашение к диалогу остаётся без ответа». Главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов спросил Путина, почему бы ему не встретиться с членами Лиги избирателей. «Я не исключаю. Мы готовы, и я лично готов, и мои коллеги готовы с ними встретиться и поговорить. Не один раз приглашали, кстати сказать, некоторых из тех коллег, которых вы назвали сейчас пофамильно. Не один раз, ни разу не пришли», — сказал Путин».

Здесь же я нашёл и занятный текст самого Акунина, достаточно обидно высказавшегося о нынешнем премьер-министре.

> «Неизбежно возникнет ситуация, когда низы больше не хотят, верхи вконец разложились, а деньги кончились. В стране начнётся буза. Уходить по-хорошему Вам будет уже поздно, и Вы прикажете стрелять, и прольётся кровь, но Вас всё равно скинут. Я не желаю Вам судьбы Муаммара Каддафи, честное слово. Откосили бы, пока ещё есть время, а? Благовидный предлог всегда сыщется. Проблемы со здоровьем, семейные обстоятельства, явление архангела. Передали бы бразды преемнику (по-другому ведь Вы не умеете), а уж он бы позаботился о Вашей спокойной старости», — пишет Акунин».

И здесь подумаем: имеем ли мы право на человеческую обиду? Кстати, всю эту композицию я решил выписать лишь после того, как сегодня же услышал, с какой настойчивостью по «Эху» говорили о том, что на табличке в Ростове-на-Дону убрали слово «евреи» и, кажется, слово «холокост». Я знаю, что многие это понятие отрицают. Про себя этого сказать не могу. Но если действительно именно здесь было уничтожено семнадцать или двадцать тысяч евреев, то почему об этом не писать? Вызванные по

телефону ростовские власти и зам. председателя думского комитета Тамара Плетнёва коряво и плохо оправдывались. Всё нажимали, что, дескать, и русские, и евреи — это граждане СССР. Тогда вопрос и к белым, и к красным: почему из паспортов убрали графу «Национальность»? Всё это, как некую двойную игру, я связываю и с проблемой Путин — Акунин. И если все — граждане СССР, то почему же во время семидневной войны — я тогда работал на радио — все мои интеллигентные знакомые и сослуживцы ходили с горящими глазами: «Как наши намылили арабам шею!»? А ведь тогда СССР поддерживал именно арабскую сторону! Кого сейчас поддерживает Акунин?

Мне кажется, что сейчас несколько человек, так героически поддерживающие оппозицию и создающие Лигу защиты избирателей, — это Акунин, Улицкая, Быков — в первую очередь поддерживают свои книжные продажи.

В «РГ» утром прочёл гороскоп на Стрельца — это мой знак: «Вам нужно принимать события и людей такими, какие они есть, — с их достоинствами и недостатками». Я и принимаю все события: стало известно, что Б. Н. Тарасову всё же продлили срок его ректорства — ну и слава Богу, не будет этой трёпки с выборами. Отмечу только, что добивался он этого до последней минуты — какой удивительно цепкий человек до власти! Второе, что тоже надо принять: привезли наконец книгу о Вале. Издали её превосходно. Двадцать пачек уже привёз домой. Ура!

Из событий дня — побывал на презентации двадцатого тома «Русского архива». Проект этот, конечно, грандиозный. Затеял его в самом начале перестройки Алексей Налепин, которому посчастливилось оказаться одноклассником Никиты Михалкова. Я знаю этот проект и тома «Русского архива» много лет, чуть ли не с самого начала. Очень жалею, что не начал в своё время его собирать. В частности, когда кое-что мне понадобилось для романа «Твербуль», я обратился к Алексею и тут же получил искомый том.

Состоялась презентация в Историческом музее. Впервые я заходил в музей не через парадный вход, а через служебный, от «хвоста лошади Жукова». Сразу же восхитился порядку и строгости музея. Служебный вход устроен таким образом, что при желании можно снять несколько рам и вкатить сюда хоть баллистическую ракету. Никаких ступеней, а покатый каменный подиум. Не успел переступить через порог, как тут же меня поразил какой-то объективный порядок, свойственный настоящей науке. По бокам широкого прохода стояли половецкие каменные бабы — и много, оставили голой половецкую степь, — и за стеклом, видимо перевезённый из соседнего здания Московской думы, где раньше располагался музей Ленина, — известный и узнаваемый ленинский автомобиль. Царские-то кареты и возок Петра Великого в экспозиции — это уже само собой.

Народа было много — «ведущие специалисты архивов, музеев и академических институтов России» — и я сразу же почувствовал, что оказался в своей атмосфере. К сожалению, был без записной книжки, поэтому кое-чего не зафиксировал. Но зато помню, как Никита Михалков рассказал, что с Налепиным играли в самодеятельности что-то по «Молодой гвардии». И вот тут Никита, к ужасу директора школы и преподавателей, на сцене начал стрелять из стартового пистолета, который он «изъял» у своего великого отца. Совершенно удивительным было выступление Сигурда Оттовича Шмидта, которому уже сильно за девяносто. Он пришёл своим ходом, да ещё с какой-то академической комиссии, но какая память — всё до фамилии и имени-отчества! — какая ясность ума! В частности, среди многого он говорил о дворянской культуре, которая, в принципе, позже оказалась разночинной. Ведь в России каждый, кто оканчивал в то время высшее образование, получал личное дворянство. В том числе, говоря о дворянской культуре, академик Шмидт говорил о декабристах, движение которых сейчас подверглось критике. Говорил о значении их дела, которое послужило нравственным идеалом для нескольких поколений. Здесь был приведён интересный пример. Недоросль Фонвизина и декабристы — это люди почти одного поколения. Шмидт особо сказал о статье в некой центральной газете, в которой было сказано, что, дескать, царь был такой милосердный, что казнил только пятерых мятежников. Вспомнил академик и последовавший на такую экстравагантную точку зрения ответ. Автор статьи — отвечал, если мне не изменяет память, А. М. Турков — достаточно убедительно «прополоскал» эту царскую милость. Прелестно на этой пресс-конференции выступил сравнительно молодой исследователь Константин Писаренко. Это о происках Франции, которая в 1748 году чинила «неудобства» России. История всегда повторяется в своих основных, векторных действиях. Но как плохо мы её, под влиянием однотонного преподавания, знаем. До сих пор в честь плохо упоминаемого как гонителя Пушкина Александра Бенкендорфа в Голландии устраиваются какие-то конференции и сборы. Он освобождал во время войны 1812 года их города. Названия городов не записал.

<…>

27 января, пятница

Утром ездил в РИА «Новости», там состоялась пресс-конференция по поводу очередной инициативы Путина. К своему, видимо, удивлению, Путин обнаружил, что уровень чтения и, соответственно, культурный уровень нашей молоди резко

снизился. В связи с этим наш будущий президент внёс свежую, на этот раз культурную, инициативу. Необходимо составить список из ста книг, которые должен прочесть школьник. Естественно, наши средства массовой информации на этот импульс с необыкновенной скоростью откликнулись.

Ну, конечно, меня в первую очередь, когда позвали, удивила не инициатива Путина, а сама обстановка в здании. На каждом повороте по роскошной девочке, которые все как одна в красных чулочках и форменных платьицах. Не в том мире живу я сам! В своё время я помню, как с помощью И. Волгина мы составляли список произведений, которые, по нашему мнению, должен знать абитуриент, поступающий в Литинститут. Но здесь формализация имела право: поступление именно в то учебное заведение, в котором занимаются литературой. Здесь, наверное, другое—совершенствование школьной программы. Либерализм в культуре ни до чего хорошего не доведёт.

В пресс-конференции участвовали милая девушка—кажется, лучший учитель русской литературы, Максим Замшев, который очень славно научился говорить—округло, а иногда и содержательно, Витя Ерофеев, борзый волк эфира, и я. Первым мне слово и дали. Я как-то, по своему обыкновению, повернул всю дискуссию в другую сторону. Список, дескать, списком, его всегда можно будет составить, но главная фигура в школе—это всё же учитель, и от него в первую очередь всё зависит. Если учитель будет копать, чтобы прокормить семью, картошку и брать лишние уроки, чтобы подработать, а не занимать своё свободное время повышением квалификации, то ничего путного из этого не получится. Опять вспомнил Серафиму Петровну Полетаеву, свою первую учительницу, и Ирину Хургину, которая преподавала нам литературу в седьмом классе школы рабочей молодёжи.

Днём заезжал в институт, отослал несколько книг о Вале и кое-что положил на проходной. Вечером опять пёк пирог по рецепту Богородицкой. Закончил и отослал Лёне Колпакову очерк о Зайцеве. Моё время на кухне делится между плитой и радио.

По радио, а я слушаю только одну станцию, активная и упорная пропаганда против Путина. Вчера вечером, правда, Медведев, встречаясь с журналистской молодью на факультете в МГУ, сказал, что последние выборы в Думу были самыми чистыми, но, ссылаясь на некоторые другие нарушения, либералы утверждают, что и выборы президента будут такими же. От выборов на должность президента по совершенно, видимо, формально справедливым мотивам отстранили Явлинского. У нас, конечно, странно воспринимается закон. Если он не в твою пользу, то это обязательно «политическая составляющая». Ещё есть хорошее слово «провокация», но это, как правило, возникает, если налицо обычное воровство. Так вот, ещё одна «провокация». Кого мы выбираем! Из Интернета:

> «В Москве задержали депутата совета муниципального образования округа номер 54 Санкт-Петербурга, при котором обнаружили кейс с 30 свёртками гашиша общим весом примерно три килограмма. Об этом 27 января сообщается на сайте Следственного комитета РФ. 32-летний депутат Дмитрий Лариков был задержан в ночь на 26 января у дома 43 на Митинской улице. Задержание производили сотрудники управления Госнаркоконтроля по Московской области».

Я не забыл, кстати, и сейфа госпожи Слиски, заместителя председателя Госдумы.

29 января, воскресенье

Около пяти по Москве я со своим вечным спутником С. П. уже в Израиле, в Эйлате. Студенческие каникулы заканчиваются, что-то хочется увидеть и ещё: деньги, конечно, значат многое, но далеко не всё. Может быть, мы, на моё астматическое счастье, смылись от жестоких морозов, которые пришли в город. Итак, Эйлат, небольшой город и порт, о котором часто упоминает пресса. Аэропорт небольшой, одноэтажный, но и самолёт тоже не самый крупный «Боинг».

В Москве нас предупреждали, что будет крупный шмон, досматривают не только ручную кладь, но и багаж. Предупреждали: будьте внимательными и вежливыми, при досмотре всё терпите. Рассказали даже анекдот, будто бы один паренёк, когда его спросили, почему у него в багаже так много презервативов, лихо ответил в том смысле, чтобы, дескать, *сношать* в Израиле всех евреев. Фраза, конечно, была позаковыристее. Его не пустили, развернули обратно. Но, к нашему удивлению, вещи подали на ленту транспортёра почти мгновенно, а таможенники только лениво сопели и даже не взглянули в нашу сторону.

Естественно, все говорят по-русски. Шофёр, очень немолодой человек, всё время заводивший в нашем маленьком автобусе Моцарта и Баха, сразу предупредил, что повезёт нас длинной дорогой, потому что более короткий путь закрыт, он проходит ближе к Египту; по крайней мере, в той стороне готовятся какие-то новые укрепления. В связи с египетской революцией и победой фундаменталистов на выборах положение, конечно, усложнилось. Уже сейчас туризм в Египет уменьшился вдвое. Длинная дорога дала нам возможность и многое увидеть, и многим поразиться. Ещё из самолёта было видно, что это наконец-то именно те библейские виды, о которых мы столько читали. Сморщенная коричневая земля в складках гор, в распадках которых

хранится нежный голубоватый туман. В моём представлении именно по такой земле бродил со своими овцами и козами Моисей. А удивление вызвали замечательные дороги, те признаки цивилизованной жизни, которые внесло в эту жизнь время. Во-первых, прекрасные дороги; во-вторых, обработанные поля и огромные пальмовые рощи, наверняка посаженные лет сорок-пятьдесят назад. Деревья стояли стройными рядами, но так, что между ними свободно мог пройти трактор.

Часа через полтора показались сначала пригороды, а потом и сам Эйлат. Вполне современный город, расположенный на предгорьях, окружающих большую лагуну. Моря, собственно, мы ещё и не видели. Из нашего отеля «Царь Соломон» видны кусочки воды, стоящие яхты. А из номера, вполне хорошего, после того как мы его поменяли,—и вершины гор, утром опять ставшие бурыми. Отель огромный, территория сравнительно небольшая—пишу из вежливости, практически маленькая, между крыльями отеля несколько бассейнов, и вокруг—амфитеатр лежаков для постояльцев. Расположили нас вначале в номере, выходящем над находящимся под ним рядом огромных кондиционеров. Сергей Петрович со своим безупречным английским отважно пошёл на переговоры, которые закончились его скорой, как семидневная война, победой—за сто десять долларов нас перевели в другое крыло.

Кормят, правда, здесь прекрасно, а главное—вдоволь, как на Сицилии, бесплатных напитков. Вино—красное и белое, пиво и соки. Пока записались на экскурсию в Иерусалим. Кажется, мы ещё готовы соблазнить друг друга на дорогую экскурсию в Пётру.

30 января, понедельник

Утром после завтрака—о завтраке чуть ниже особо—отправились гулять. В Эйлате погода хмуровата, солнца нет, даже иногда падает что-то вроде дождя. Для местных жителей это почти невероятное. Город небольшой, но прелестно расположен, как римский амфитеатр, только не вокруг арены, а вокруг небольшой бухты. С местной географией можно справиться сразу. Непосредственно возле бухты—гроздь роскошных отелей, набережная, далее огромный пустырь, для будущего, наверняка такого же роскошного и монументального, строительства, а позже—уже сам вполне современный город. А где древний Эйлат? А его, кажется, и не было, но устную историю его нынешнего возникновения я расскажу тоже попозже.

Прогулка по прекрасной и пустой набережной напоминала прогулку по зимней Ялте. Но уровень отелей другой. Огромные многоэтажные монстры дорогого отдыха, похожие на те, которые изображены на снимках из Лас-Вегаса или на те, которые я видел живыми глазами в Атлантик-Сити. Но поражают, скорее, не отели, а роскошные и огромные пальмы, которым, наверное, лет по семьдесят. Они лучше всего говорят о стабильности. Все отели стоят не на «первой линии», а отступив от набережной. Внизу полоса роскошных магазинов, баров, кафе; везде уже ни на кого не действующие надписи «Sell»—не сезон. Прохожих почти нет. На набережной только уборщики, это, судя по этническому типу, или арабы, или негры. В ресторане отеля тоже на уборке посуды, горничные, бои—почти сплошь арабы и молодые негры. В этом смысле—как в Москве на тяжёлой и грязной работе безответные гастарбайтеры. Если проходит стайка молодых израильтян, то они шумливы, как голуби. Я уже давно приметил, ещё в самолёте, что израильтяне ведут себя подчёркнуто свободно и раскованно, каждый как бы утверждает своим поведением и гонором собственную личность и причастность к избранному народу. «Я самый избранный!»

В два часа, по предложению нашего «ответственного гида», который нас встречал и будет провожать, у которого мы вечером записались на экскурсию в Иерусалим (сто пятьдесят долларов с брата) и у которого мы, скорее всего, запишемся на экскурсию в Иорданию (это будет уже по триста с носа)—она, оказывается, рядом, флаг на мачте в соседнем с Эйлатом иорданском городе виден из любой точки,—так вот, этот самый гид, которого зовут Пётр, предложил—подарок фирмы—бесплатную экскурсию по городу. В два часа дня мы на неё отправились. В маленьком автобусе, вместе с ещё двумя парами российских туристов. Ну, как известно, простых подарков от туристических фирм не бывает. Вчера же, когда Пётр обмолвился, что после экскурсии нас приведут на фабрику «эйлатского камня», я сразу смекнул, что это, конечно, в дни затихания туристского сезона, просто торгово-рекламная акция. А разве не каждая экскурсия в Израиле заканчивается подобной акцией? На фабрике бриллиантов в Хайфе я уже побывал много лет назад.

Сразу скажу, что экскурсия оказалась хотя и короткой—пятьдесят пять минут, включая посещение фабрики,—но прекрасной. Отчасти я понимаю, что здесь не только коммерция, но, возможно, и какая-то государственная программа—показать достижения. А они есть. Огромный порт, куда практически, по словам нашего гида, поступают все японские легковые машины. Дальше они идут на весь Ближний Восток и в Европу уже по земле. Через город, кстати, идут трейлеры. Я посчитал: на каждом по двенадцать машин. Огромное количество отелей. В городе пятьдесят тысяч жителей, но в пик сезона проживает до трёх миллионов. Уже нет смысла говорить об отелях, дельфинариях, нефтяном порте, куда из Америки поступает вся нефть, и прочее, и прочее—за всем этим огромные

деньги. Но всё это я воспринимал на фоне разговора, который произошёл ещё до обеда.

Утром, как я уже рассказывал, мы с С. П. довольно долго гуляли. Мне очень нравился город—разглядывал вывески, названия отелей. В этих названиях библейские имена. Наш отель назывался «Царь Соломон», видели бар под названием «Моисей», какое-то заведение под названием «Ирод». Названия в основном на английском языке и на иврите. Но два выступления видел на русском языке. Большое объявление: «Выставка недвижимости»—и в одном из магазинов над прилавком с обувью: «Трогать можно». В середине пути попался винный магазин, с особым вниманием мы его обследовали и там, покупая бутылку местного вина, разговорились с хозяином и продавщицей. И вот от них услышали удивительную историю возникновения Эйлата. В общем, оказалось, по словам наших откровенных и обаятельных собеседников, была раньше арабская деревня в Иордании, неподалёку от пропускного пункта между Израилем и Иорданией. Этот пункт был чуть ли не в сегодняшнем городе, и вот в это место приехал где-то в сорок восьмом, кажется, году первый президент Израиля Бен-Гурион. Побывав в этом месте, Бен-Гурион решил—он, кстати, уроженец России,—что это место жизненно необходимо для Израиля, это выход государства к другому морю. Дальше состоялся, как сказали наши лёгкие собеседники, самозахват. Милые люди при этом улыбались, но говорили: «А теперь это наше».

31 февраля, вторник

Географию лучше всего, естественно, изучать не по карте. Мне наиболее точно и образно география ложится именно во время путешествий. Так продолжим? Уже в автобусе, когда ехали к Иерусалиму, я узнал, что наш самолёт два дня назад приземлился именно в пустыне Негев. Замётано, как говорит молодёжь; образ в сознании, в голове.

А вот теперь едем к Иерусалиму вдоль иорданской границы. Слева одни горы, справа другие, уже иорданские, граница идёт по водостоку огромной долины. Впереди—Мёртвое море. Для меня это счастливая новость, этот пункт географии не предполагался. До Иерусалима что-то в районе четырёхсот километров—прекрасная дорога, почти пустая. Гид предупредил, чтобы мы потом не интерполировали наиболее бедную восточную и южную часть Израиля, по которой мы едем, на всё государство. Эта часть наиболее бедная и промышленно неразвитая. Дескать, по утрам в западной части страны, в районе Хайфы, Иерусалима или Тель-Авива, выстраиваются по утрам многочасовые пробки. Рассвет ещё чуть набухает, но всё вокруг почти безлюдно и абсолютно серо. Ни одного стебелёчка, почти ни одного деревца. Водосток в долине ложится так, что все воды поступают в Мёртвое море. Сразу предупредили, что Мёртвое море мелеет, за год его глубина меняется приблизительно на метр. Всему есть свои причины. Раньше в Мёртвое озеро поступали воды из реки Иордан, но уже много лет как в районе Кинеретского озера была выстроена плотина, и полноводная река превратилась в речушку. Воды расходятся на нужды сельского хозяйства и городской жизни. Экологи по этому поводу молчат. Я вспомнил в момент рассказа гида и о когда-то нашем Аральском море.

Во всём безжалостном свете дня встало наконец и Мёртвое море. Слепящая кольчуга долины. Дорога бежит по бесконечно пустынному берегу, окаймлённому белой кромкой соли. Как неэстетические, пропускаю промышленные виды химических комбинатов и соляные разработки. Огромные белые кучи—это поваренная соль, розоватые—с присутствием марганца, а в серых кучах с металлическим отливом—кажется, бром или какой-то другой необходимый для жизни металл. Где-то приблизительно в этих районах, по крайней мере—в этой долине, существовали легендарные библейские города: и Иерихон, и Содом, и Гоморра. Археология постепенно доказывает существование всего, о чём ранее писала Библия. Наш русскоговорящий гид Володя—он откуда-то из Украины, два раза подчеркнул, что не еврей,—рассказывает для непосвящённых все эти библейские легенды, даже показывает что-то похожее на соляной столб, в который превратилась любопытная жена Лота. Все ахают и разглядывают диковину. В автобусе пятьдесят три человека; уже сразу—по вопросам—и позже, когда мы приехали в Иерусалим и началась уже друга серия вопросов по православию и христианству, я поражался неграмотности и необразованности наших соотечественников. Какие времена, такие и люди. Кажется, никто не только не открывал Библии, но никто не держал в руках и Евангелия. Но и об этом в своё время…

Море, кажется, так крепко пересохло, что теперь как бы образовалось их два: одно—мелкое и небольшое, первое, если ехать от Эйлата, а другое—всё-таки побольше, а между морями—довольно значительное болото и канал, чтобы как-то подпитывать одну часть водной глади за счёт другой. Есть проект среднюю часть моря, дабы уменьшить испарение, совсем «обсушить».

Курортная часть Мёртвого моря—это некий рукотворный оазис. Слово «оазис» я в своё время узнал из школьной программы, когда совсем был маленьким, потом уже прочёл стихотворение Лермонтова про три пальмы. Земля, правда, там была аравийская. Знает ли современный школьник слово «оазис»? На берегу стоит несколько очень хороших и, видимо, дорогих отелей, эти самые пальмы, цветы,—всё, естественно, на искусственной

подпитке: к каждому цветку, так же как и в Эйлате, подведена трубка, по ней по капле сочится вода. Объяснения нашего гида о лечебных свойствах грязей, солей и климата Мёртвого моря я слушал с большим интересом. Если бы я был достаточно богат, то, конечно, летом уехал бы сюда на месяц, но можно и зимой. Так как море чуть ли не на четыреста метров ниже уровня Мирового океана, то воздух здесь перенасыщен кислородом, вдобавок ко всему в воздухе молекулы брома, йода, какие-то другие очень полезные молекулы, просто рай для астматиков. Но автобус тем временем тормозит.

В этом раю для имущих нам разрешили побыть тридцать минут—съесть в кафе свои завтраки, которыми нас снабдили ещё в гостинице, вымыть в туалете руки, и желающие могли сбегать к самому морю. Вода на ощупь будто бы мыльная—это от огромного количества щёлочи. Естественно, дверь с дверью с кафе, где мы расположились со своими коробками, работал магазин. В магазине продавалась чудодейственная косметика местного производства. Дамы, конечно, заворковали там. Кстати, где-то в районе Мёртвого моря в библейские времена существовало селение, в котором местные знахари готовили какой-то невероятный эликсир, дающий почти бессмертие. У знахарей пытались рецепт снадобья выведать. Знахари не выдавали, тогда всех знахарей вместе с их секретом поубивали. Картинки для нашей жизни типические.

Меня поразило, как много я за один обхват узнал и увидел. Как обо всём этом я мечтал со школьных лет! По дороге в Иерусалим—ехать почти четыре часа—на гребне горы показали и знаменитую крепость Моссад. О её осаде римскими легионерами и о стойкости её защитников, которые предпочли убить себя и свои семьи, нежели сдаться врагу, ходит множество легенд. Недаром выпускники военных училищ и академий Израиля, по словам нашего гида Владимира Владимировича, именно на территории этой крепости—снизу туда сейчас ведёт фуникулёр—принимают присягу. Смысл клятвы и присяги общепонятен: лучше умрём, чем ещё раз отечество попадёт в зависимость от захватчика. Бедное отечество попадало в эту зависимость неоднократно. Так вот, рассказывая легенду о защитниках, наш гид неожиданно восхитился не их самоотверженности, а упорству римских легионеров. Дело в том, что с одной стороны крепость стоит на огромном, резко обрывающемся утёсе, а вот с другой—на краю огромного, чуть ли не сто метров в глубину, ущелья. Воды и питья у осаждённых израильтян было вполне достаточно. Крепость казалась совершенно неприступной. Так вот, дотошные римляне четыре месяца подряд корзинками носили и закидывали ущелье камнями. И—закидали. Это тоже стойкость.

Но вот уже и белый Иерусалим.

Есть на свете вещи, которые не стираются из памяти со временем. Иерусалим такой же белый и конкретный, каким я его впервые увидел лет двадцать пять назад. Тогда я автобусом приехал из Хайфы. По пути гид рассказывал о некоторых зданиях: там министерство, там кнессет. На этот раз это было, скорее, паломничество, чем экскурсия. Но тогда не было обзорной площадки на холме, под зданием университета. Отсюда гид Володя показал нам знакомый мне, но никак за это время не постаревший город. Различимы были и Храмовая гора, и монастыри, и тёмным пятном виден Гефсиманский сад, Хевронское ущелье и многое другое, что впервые было названо, а потом увековечено в Евангелии. Потом всё это удалось поподробнее разглядеть, когда мы довольно медленно, преодолевая уже возникшие, на этот раз к счастью, городские автомобильные пробки, спускались вниз, чтобы ехать в Вифлеем. Больше всего меня на этот раз поразили раскопки на вершине горы. Небольшое остаточное раскопанное археологами захоронение—норы в податливом камне, куда, как правило, по двое закладывались покойники. Всё это потом приваливалось каменной плитой. Могилу Христа нашла императрица Елена именно потому, что она была одиночная. Но над этими древними пустыми могилами стоял университет, и тут же—огромная каменная плита, на которой были помещены списки жертвователей на университет, внёсших в его казну не менее одного миллиона долларов. С некоторым чувством восстановленной справедливости гид указал нам на фамилию беглого нашего олигарха и бывшего ректора РГГУ Леонида Невзлина. «Его ищет Путин!»

И всё же, и всё же! Самое сильное впечатление—это, как и прошлый раз, и тоже из окна автобуса, огромное древнее кладбище, раскинувшееся в центре города на склонах Хевронского ущелья. По склону видны многие и многие тысячи могил с почти одинаковыми каменными надгробиями. Мне вообще дорога такая постановка жизни, когда в центре города может находиться кладбище. Разве мёртвые не всё время присутствуют в нашей жизни? Впрочем, здесь есть какая-то ритуальная хитрость, и упокоенные на этом кладбище вроде бы без особых проверок попадут сразу в рай. Опять сведения от гида: могила здесь стоит от пятисот тысяч до одного миллиона долларов. Опять в голову влетела шальная мысль: не здесь ли похоронен отец нашего В. В. Жириновского?

Собственно, город мы больше не увидим. Мы ведь не на экскурсии, а почти в паломничестве. Автобус едет к изначальной точке и нашего христианского мира, и нашей веры—в город Назарет. Здесь родился Христос, этот библейский рассказ все знают. В Назарете я не увижу ничего нового, это много раз и виденное по телевидению, и

хорошо запомнившееся по первому моему посещению этих мест. Почему же одно долго и крепко хранится в нашей памяти, а другое исчезает? Тогда всё было неожиданно и непривычно — святые места ещё не было принято показывать по телевизору. Показывали некие исторические места. Я, как русский человек, не могу не быть полностью атеистом. И вот во всех этих местах, у вех священных и памятных знаков святой истории, я про себя повторял и повторяю сейчас только одну молитву: Господи, дай мне веру. Дай мне веру безоглядную и всеобъемлющую, какой владели все мои предки. Господи, помоги мне обрести себя и Тебя, Господи!

Собственно, вся обстановка святых мест мне была хорошо и подробно знакома. Я даже помню низкий вход в храм Рождества, почти лаз. Наш гид Володя тут же всё разъяснил, развеяв моё прежнее незнание. В этом храме раньше вход был устроен по-другому. Как и многое на Святой земле, храм был построен святой Еленой. Уже потом он был и разрушен турками, и перестроен крестоносцами. Раньше в первом храме вход был высокий и торжественный. Но позже, когда святые эти места были взяты турками, вход в храм, вернее, огромные храмовые ворота были перестроены. На храмовой площади в то время расположился базар, и вот, чтобы лихой джигит не смог заехать в храм на лошади или верблюде, ворота уменьшили один раз, превратив в дверь, а потом и в некий лаз. Сейчас я всё это разглядывал заново. Главное и основное было освоено и прочувствовано давно, а вот теперь я, естественно, восхищался открывшимися совсем недавно первозданными, Константиновых времён, мозаиками и замечательными цельными колоннами. Что же видели эти тёмные, как кровь, камни?

Чего не написал — это о стенах, которые отгораживали эту область Палестины, город Назарет, от соседнего Иерусалима. Бетонные, в три или даже в четыре человеческих роста, плиты и огромные, охраняемые солдатами ворота. Раньше этого не было. А вот сначала в магазин за сувенирами и подарками, а уже потом в храм — это было и в прошлый раз. Тогда это невероятно меня раздражало, теперь я стал терпимей: люди всегда хотят видеть что-то вещественное, производное от их переживаний. Многое изменилось, если так можно сказать, в идеологической обстановке посещения святых мест. Раньше я никогда не слышал, что святые места — это те места, где весь священный товар, который вы купили в местном магазине, может быть освящён без помощи священника. Покупайте, покупайте, покупайте!

Ну а теперь снова в Иерусалим. Здесь — храм Гроба Господня. Наконец-то я ответил себе на вопросы, которые не мог разрешить, когда впервые побывал в этих местах. А где же, собственно, вся каменная скала? Где вся Голгофа? Просто, по гениальному промыслу императрицы Елены, вся скала была заключена, как в футляр, в здание храма. И вот на самых нижних этажах храма, уже на довольно значительной глубине, можно увидеть её святое подножье. Судя по всему, присвоив звание святой, церковь не очень любит уточнения и подробности. А ведь сохранению большинства святынь Палестины мы обязаны этой властной женщине, которая видела вещие сны и к которой приходили видения. Именно она приказала разрыть основание скалы, и под грудой наслоений нескольких веков нашли когда-то сброшенные после казни три креста. На одном распяли Христа, на двух других — разбойников, которые рядом с ним тогда тоже стали святыми. Собственно, в огромном храме сохранились все упомянутые в Библии места скорби: поругание, когда с Христа сорвали одежду, осмеяние — «ты царь иудейский», место самой казни — это наверху, на втором этаже храма. Здесь виден кусок скалы с трещиной, куда вставляли кресты с распятыми на них разбойниками. Место, где стоял крест с телом Господа Иисуса Христа, скрыто под алтарём. Чтобы прикоснуться к этой святыне и ощутить пальцами вечный трагический холод этого места, надо опуститься на колени и проползти под покров. Я пишу об этом так подробно, чтобы как можно крепче сохранить всё и в собственной памяти. Но здесь же есть, но уже внизу, на первом этаже храма, место Воскресения. Это каменное ложе, на котором лежал всегда живой, но на тот момент безжизненный. Это отполированный тысячами ладоней камень. Он, так же как камень, которым была завалена пещера, заключён в особую часовню. Всё это подлинное, но время многое не пощадило. Храм ведь несколько раз разрушался. Турки пытались срыть пещеру, осталось только основание. Потом этот храм, как и храм Рождества, был восстановлен — правда, в меньших объёмах, — крестоносцами. О подлинности этих мест говорит то, что внизу, в подвалах, найдены остатки старинной каменоломни и еврейского кладбища, в которых и было захоронено тело Христа. Господи, как мало мы знаем в своём суетливом тщеславии. Но я всё-таки иду по своим поверхностным впечатлениям. Здесь же, в храме, есть ещё и святое место миропомазанья — довольно большой камень, на котором был умащён, в соответствии с обычаем, покойный. Каждое такое памятное место занимает отдельную часть в нашем сознании, над каждым курится дым святости и многих рассказов. Но здесь всё это рядом; это для жизни Бога нужно много и пространства, и времени, а человеческая смерть умещается на малом пространстве. Господи, говорю я постоянно себе, помилуй и дай веру мне в Тебя и в собственную бессмертную жизнь.

<…>

3 февраля, пятница

Как добросовестный хроникёр, должен сказать: поездка в Пе́тру обошлась каждому из нас почти по триста без малого долларов на человека. Во-первых, конечно, эти деньги ничего не значат. Я сравниваю с бесценным, что мы увидели в этой поездке. Во-вторых, эта значительная сумма позволяет задуматься, что же такое индустрия туризма, как много она может означать в экономике страны. Ну, в данном случае — двух стран. Для того чтобы увидеть легендарную Петру, надо было из Израиля выехать и оказаться в другом государстве, в Иордании, а уже потом снова вернуться в Израиль. И вот пункт первый: за таможенные услуги, как нам сказали, нам отдельно пришлось заплатить пятьдесят пять долларов с человека. В чью казну эти доллары попадали, я не знаю, но это не пустые деньги.

Должен сказать, что я сильно ошибался, когда объяснял С. П. в тот момент, когда мы ехали из аэропорта в отель, что та кромка беленьких домов и посёлков, которая идёт по левой — по движению — стороне долины, где была уже иорданская сторона, — это сплошная нищета. Я предполагал, что это скудная жизнь крестьян и скотоводов. Как только рано утром мы пересекли границу, пройдя все не такие уж простые формальности, я убедился, что мои знания о жизни этой страны — книжные и воспитаны нашей пропагандой. Вспомнил я и то, как довольно уничижительно во время первой «ознакомительной» экскурсии наш гид рассказывала о стоящем напротив Эйлата иорданском порте Акаба. И порт, и город Акаба — это свободная зона, а сам город — впечатления, когда мы уже возвращались из экскурсии и останавливались в нём уже поздно вечером, — совершенно не уступает Эйлату. Кстати, и многое другое о жизни и этой страны, и вообще Востока — это плод чьей-то диффамации. И на иорданской части Мёртвого моря стоят химические заводы, и всё же большая часть этого моря принадлежит Иордании, и здесь, в Иордании, тоже есть прекрасная гроздь отелей, где лечатся этой водой и этой целебной грязью. Но это всё общие соображения — пока наш автобус мчится по прекрасной скоростной магистрали в глубь страны. Опять два кустика сведений. Параллельно шоссейной дороге идёт железнодорожный путь, по которому из Иордании вывозят драгоценные для сельского хозяйства фосфаты. По запасам и добыче фосфатов Иордания находится на одном из первых мест в мире. Железная дорога построена в своё время турками, чтобы возить паломников из порта Акабы в Мекку. А вот что касается дорог шоссейных — это в основном местная «самодеятельность»: это сделали инженеры-дорожники, учившиеся в основном в Советском Союзе и Украине. Наш иорданский гид Мухаммед, плотноватый мужик лет сорока пяти, уже в постсоветское время учился в Украине и получил специальность менеджера по туризму. Он неглуп, как видим, образован, и не только по диплому; его русская речь свободна, хотя и не совсем правильна; в тех сведениях, которые он даёт, много исторической науки, а не сказочных вымыслов.

Горная часть Иордании оставляет после себя ощущение невероятной мощи природы. Так измять, буквально как бумагу, тяжёлые складки массивных хребтов неспособны никакие земные силы. Боюсь, что неподвластно это и силам атомным, которые многое могут. Почти нет никаких растений, живая только дорога, пробитая в этих местах непонятно какими силами. Я ещё, как автомобилист, подметил, что дорога тщательно ухожена, все трещины залиты битумом. Опять невольно вспомнил нашу жизнь: здесь дорога от одного ремонта до другого, а тем временем трещины разрастаются, выбоины расширяются, а деньги, отпущенные на повседневный ремонт, раскрадываются. Я не уверен, что этот дикий горный пейзаж я могу сравнить с чем-нибудь подобным и доступным нашему воображению. Такие мощь, космическое безлюдье и самоотрешённость, которые недостижимы ни нашему Кавказу, ни даже Памиру. Впрочем, я видел и Тибет. Здесь другое — непослушное, самостоятельное, дикое и отчуждённое от человеческой жизни.

Вот через эту горную часть, всё время как бы поднимаясь, машина мчит, пока мы не въезжаем на удивительное плоскогорье. Это пустыня с легендарным названием, таким же, как и в Израиле, Негев. Просто это огромное плоскогорье, разрезанное долиной, по которому раньше протекал полноводный Иордан. Сравнение этого участка нашего пути и местности уже найдено до меня. Это пустынное, мрачное даже под солнцем и холодное сейчас пространство усеяно отдельно высящимися скальными образованиями; именно отсюда, думаю, — «лунный пейзаж». Слова эти произнесены нашим гидом. «Лунный пейзаж» величественен каждую секунду своего существования, когда ты проносишься мимо него, но не живёт в конкретных деталях. Он удивляет, пугает, поражает, как некоторое абстрактное начало или вечность. Вечность, как категория внечеловеческая, всегда пугает.

Гид показывает отдалённую гору с небольшой белой точкой на макушке. Это мечеть над могилой одного из библейских героев, брата Авраама — Аарона. Путь на вершину этой горы, по словам гида, занимает четыре с половиной часа

Где-то здесь же, на сходе с этого горного плато или где-то в его середине — весь двухсотпятидесятикилометровый путь запомнить невозможно, — первая торговая по пути к Петре и в глубь Иордании точка. В совершенно голом и каменном месте — довольно большой крытый рынок. Сразу

и магазин, и буфет, и туалет. Судя по огромному набору вещичек и сувениров, которые могли бы приглянуться нетребовательному туристу, этот центр торговли и гигиены рассчитан исключительно на приезжих. Да и торговля здесь—от одного туристического автобуса до другого. Двадцать минут—техническая остановка. Я довольно долго хожу от прилавка к прилавку. Мне этот этнографический музей, выставка этнографии даёт возможность понять, чем и на что живёт народ. Наконец я подхожу к большому прилавку с кольцами, браслетами, перстнями, серьгами. Всё это из серебра, не очень дорогое, но сделано по неповторимо индивидуальным лекалам. Бирюза, какие-то жёлтые камни, серебряные кружева оплёток и оправ. И тут внезапно сердце у меня замирает—входит тупая игла. Я вспоминаю Валю, её кольца и браслеты, которые я раздал после её смерти. Всё это до сих пор стоит у меня перед глазами. С. П., который тоже бродит где-то рядом, подходит ко мне—он тоже, глядя на эту витрину, вспомнил о В. С.

Теперь Петра—этот удивительный комплекс, созданный союзом человека, сделавшего невероятное, и природы, только чуть пошалившей. Природа чуть по каким-то внутренним швам раздвинула огромный горный массив, человек обжил и освоил пространство между скалами. Одно немедленно стало ясно: что наше телевидение, бессчётное количество раз показавшее и главную достопримечательность этих мест—храм «Сокровищница», совершенно не в состоянии передать ни величие этих мест, ни величие человеческого гения.

В природе человека есть стремление умолчать о самом дорогом и откровенном. Видимо, человек останавливается, чувствуя неспособность передать величие прочувствованного. Я тоже не могу адекватно описать то, что я видел, хотя кажется, что забыть ничего не смогу. Повторяю, видел я за жизнь, пожалуй, очень многое. Приблизительно два километра шли мы по очень узкому ущелью, которое вело ко входу, а может быть, и к выходу в удивительный город. В начале этого ущелья в скалах были видны тщательно отделанные входы в пещеры. Это были гробницы. Здесь тоже возникал вопрос: почему ни в одной из гробниц археологи не нашли ни одной человеческой кости? Или: как люди могли жить в такой удивительной близости к мёртвым? Но это уже не для моего носа. По словам нашего гида, существует двадцать шесть версий истории происхождения и бытования этого города.

Потом ущелье расширилось до довольно большой площади. В одной из скал, в которых эта площадь, как в колодце, располагалась, был вырублен в отчётливо римско-греческом стиле огромный, высокий и глубокий храм. По недомыслию аборигенов, впервые после пяти веков забвения открывших этот храм, они решили, что в некой вазе, в сферическом украшении, венчающем всю постройку, они найдут казну правителя. Начали стрелять, что-то покололи, испортили форму. Покинув эту площадь, ущелье недолго продолжалось, демонстрируя всё новые и новые места захоронений и молений. А потом открылась довольно широкая долина. Ну, здесь была атрибутика целого римского города. Широкая улица с крытой галереей, несколько огромных храмов. Кое-что—и немало—в этой долине было расчищено за счёт американских денег, которые не так прилипают к рукам американских миллиардеров, как у наших. В городе, по подсчётам, проживало около тридцати тысяч человек, а девять тысяч зрителей помещалось в местном театре. Всё привычно, как я видел в Афинах, в Трое, на Сицилии и в Испании.

Вот именно у театра характер нашей экскурсии изменился. Ещё раньше нам предложили: или возвращаться пешком по тем же местам и через то же ущелье, по которому мы уже шли, к началу пути, или—туризм и коммерция неразделимы—за сто шекелей с каждого носа сесть верхом на ослика и отправиться через раскопки наверх, к месту общего сбора. Но это уже совсем другие мысли и совсем другие виды.

На осликов мы садились у античного театра. Ослика подводили к одному из фрагментов античной колонны. И с него уже надо было взобраться в седло. Пришлось вспомнить юность—я тогда ездил верхом в каком-то клубе проката на Бегах в Москве. Наконец—самое последнее. Не очень богатые—по крайней мере, значительно беднее, чем американцы,—иорданцы начали расчищать это ущелье, в котором заблудилась древняя Петра, ещё в шестидесятых годах. Всё было засыпано песком на пять-девять метров. Но ведь дорыли до римских мостовых, до водопровода, который шёл по бокам ущелья. Но сколько же народа теперь кормит этот туризм!

4 февраля, суббота

Ни на одну минуту я не забывал, что в Москве должно было состояться несколько митингов. Но то телевидение, тот русский канал, который владеет зарубежным пространством, работает очень своеобразно. Здесь, в отличие от нашего внутреннего телевидения, которое иногда прерывает свои пляски и оптимистический вой, пляшут и поют почти без перерыва, с утра и до вечера. Это тяжёлое дело—сидеть у себя в номере с включённым телевизором и смотреть шуточки двух старых мужиков, переодетых бабками, и мелодекламацию и пение той части телевизионной стаи, которая называет себя поющими. Наконец, в десять часов вечера, поющий и пляшущий шабаш прекратился, и достаточно развёрнуто, но с никогда не известной достоверностью, показали несколько митингов. На этот раз оппозиция

объединилась: коммунисты, националисты, мироновцы и кто-то ещё прошли своим шествием и отмитинговали на Болотной; но огромный, явно, по сведениям телевидения и по картинке, больший митинг состоялся на Поклонной горе. Это уже митинг в защиту Путина! Наконец, митинг двух старых союзников, Новодворской и Борового, на проспекте Сахарова—это уже жалкое зрелище. Здесь уже была какая-то ничтожная и даже оскорбительная для организаторов явка, чуть ли не триста человек. Митинги и за «честные выборы», и в защиту Путина, то есть «не дадим развалить Россию», «нет—оранжевой революции», прошли, как следует из телевизионных новостей, по всей стране. Мне кажется, что здесь противоборство идеологий двух этносов. Русские не хотят идти под ярмо либералов, которые в основном представлены еврейской интеллигенцией. А тем временем Путин испытанным путём объезжает всю страну, меняя свой курс. Мне кажется, он наконец-то почувствовал своё одиночество от команды. Она, конечно, сдаст его на съедение тут же, как только ей придётся выбирать. По крайней мере, с ним воюет та часть интеллигенции и масс, которую поддерживала его администрация.

Если разбираться в феномене, почему Путин, рейтинг которого понижался месяц за месяцем, так быстро набирает былую популярность, он заключается, на мой взгляд, именно в тенденциозной оппозиции к нему нетерпимых. Жириновский—это «свой», Зюганов—привычный, но вот возникла трибуна, состоящая из людей иных, в том числе и этнических, взглядов на жизнь страны. Вот тут страна и ощетинилась.

<…>

6 февраля, понедельник

<…>

По «Эху Москвы» с некоторой грустью говорят о том, что, скорее всего, Путин победит на выборах. Правда, сегодня опубликовали список доверенных лиц Путина на этих выборах. Многие из этих популярных лиц мне просто отвратительны, и, зная многих, я понимаю, почему они взяли на себя эту почётную миссию. Нет, я прекрасно понимаю почему... Наверное, потом будут говорить своим либеральным друзьям, что не могли отказаться, что, дескать, вынуждены были пойти на это из-за коллектива...

7 февраля, вторник

К одиннадцати приехал в институт. Собственно, приехал, чтобы побывать на семинаре у Вл. Юрьевича Малягина. Были некие сигналы о его не очень обязательном чтении студенческих работ. Наших студентов иногда не поймёшь: то они требуют мастера, то требуют няньку.

<…>

Довольно интересно говорил Малягин о своём чтении пьес на одном из конкурсов молодых. Одна из самых распространённых моделей с таким набором действующих лиц: проститутки, маньяки, гомосексуалисты. Все ориентируются на телевидение. Многим кажется, что если взять дно общества, то уже получится драма. Восемьдесят процентов—это чернуха. Кажется, если взять подонков общества—уже гарантирована драма.

<…>

9 февраля, четверг

<…>

О Путине я пишу довольно часто; он похож на медведя, обвешанного лающими собаками. Путин отмахивается лапой. Правда, последнее время он как-то занервничал, всё время проводит какие-то встречи. Я уже не говорю о его списке доверенных лиц, в которых артисты и спортсмены. Артисты должны принести голоса зрителей, а спортсмены—болельщиков? Я при подобном раскладе поступил бы наоборот. Вчера Путин встречался с руководителями разных конфессий. Я знаю конфессию, в которой только несколько Марков, и только потому, что они имеют разум и опыт, проголосую за него. Путин недаром говорил о радиостанции, которая просто объявила ему войну. Но, впрочем, бывают и исключения. Марков, наверное, больше, чем я думаю. Сегодня выступал Михаил, кажется, Хазин—просто блестящий аналитик. Среди прочего повторил и недавний тезис Путина об олигархах и приватизации. Примеры из лондонской тяжбы Абрамовича и Березовского. Общество не признаёт легитимной прошедшую приватизацию. При этом все говорят, что не надо революции и выступлений масс. А Ленин революцию называл праздником истории. У меня-то ощущение, что если что-то быстро не поменяется, то революция может грянуть. Недавно об этом говорили в институте. Я ведь отчётливо понимаю, что в этом случае я, одинокий и старый человек, наверняка пострадаю. И всё же чувство справедливости во мне клокочет: пусть сильнее грянет буря!

Днём поехал в «Литгазету», чтобы отвезти Лёне Колпакову книгу о Вале, а после сходить на выставку Семёна Кожина. Выставка—в специальном аукционном зале Торгового двора. Прелестный зал начала прошлого века, модерн. Ходили, наверное, с час. Живопись, как и театр, обладает какой-то витальной силой и выпрямляет психику. Прекрасные пейзажи России, Англии, Ирландии. Среди работ—дом Лоуренса Оливье и Вивьен Ли, об этом доме я читал у Дзефиррелли. К сожалению, здесь далеко не всё, что Семён написал,—нет оригинала огромной акварели из Ирландии, которая висит у меня дома. И нет многих полотен, которые репродуцированы в его большом альбоме. Я пообещал Семёну позвонить Мише Фадееву: может быть,

Миша, как первоклассный галерейщик, ему поможет с продажей. Всё это в манере академической, от которой никогда не устаёшь, живописи.

Звонил С. Чупринин: они выдвигают Ваншенкина на премию Москвы. Я боюсь, что это повредит Максиму. Но так мы никогда ни одного молодого не пробьём.

<…>

11 февраля, суббота

<…> Сегодня день памяти Ирины Константиновны Архиповой. Днём в храме отслужили в её память; говорят, очень хорошо пели её коллеги. А вечером в Рахманиновском зале Владислав Пьявко устроил концерт. Было на улице холодно, что-то около двадцати. Сумел по телефону уговорить С. П. Он подошёл что-то к пяти, принёс мне рыбу, которую купил в Тёплом Стане, и мы с ним поехали. Машину оставили у театра Марка Розовского. Я ещё раз как-то подумал, каким образом под достаточно средний театр получено и отремонтировано такое роскошное здание. Вот что значит дружить с мэром и либеральными властями.

В программе концерта стояло так: все вокальные сочинения Свиридова. Одни поют Массне и Верди, а кто умеет, не забывает и о Свиридове. Я думал, что это будет просто хороший концерт, но оказалось, что я присутствовал при явлении искусства. Каким редким умением выхватить мелодию из сердца обладал этот ученик Шостаковича. И какой редкий сплав музыки и поэзии ему удавался. Иногда не знаешь, кто кого ведёт. Но надо ещё сказать, что и аккомпаниатором, и автором всего проекта была замечательная пианистка, профессор Елена Савельева. Про себя отмечу: ещё и очень красивая женщина. Всё соединилось к успеху. Свиридов, к чести композитора отмечу, писал свои шедевры не на слова всё время присутствующих на телевидении Резника и переводчицы с японского… а на стихи Пушкина, Блока, Есенина, Маяковского, Лермонтова и тоже очень неслабого и, как и все предыдущие авторы, отчётливо национального Александра Прокофьева. Всё нарастало от номера к номеру. Овацией проводили уже первых исполнителей — певиц Екатерину Маркову и Анну Викторову, потом с невероятной точностью и силой пел Владимир Байков, красавец-бас. Ему великолепно вторил на флейте-пикколо Артём Науменко. Молоденький, почти хрупкий мальчик с виртуозным мастерством. Надо бы мне это имя запомнить. Когда на сцену вышел хор имени А. В. Свешникова и спел три хора из музыки к трагедиям А. К. Толстого, я думал, что это уже апогей концерта. Выше уже подняться, казалось, было невозможно. Тем более что дальше в программке значилось: «Страна отцов» — поэма для тенора и баса на слова А. Исаакяна. Мыслилось так: дежурная музыка гения на тему дружбы народов. Вот это и стало неповторимой кульминацией вечера. Ну, естественно, пел и В. И. Пьявко. Удивительно, но эта поэма с пятьдесят первого года, когда её исполнили в Ленинграде, больше не исполнялась. Я думаю, что это связано с отсутствием нужных голосов. Какую божественную перекличку устроили Байков и Пьявко! Но и какой божественный смысл при этом высекался из стихов Исаакяна, которые так просто и значительно перевёл Блок.

Не могу умолчать и о небольшом инциденте. Где-то в середине Пьявко не смог взять особо высоко, трагически высокую ноту, которую надо было ещё взять, не подъезжая к ней, а резко, с перепадом. Он её не взял. И тут случилось как в цирке, когда атлет не уходит с арены, пока не исполнит во второй раз смертельный трюк. Владислав Иванович остановился, аккомпаниатор вернулась на несколько тактов назад, и этот крик с отвесной горы наконец-то прозвучал. Какой был триумф!

12 февраля, суббота

В Москве жуткий холод. Ездил на Ленинградский вокзал покупать билеты в Ленинград себе и Лёве Аннинскому. Мы едем в Гатчину на встречу с читателями. Всё стало проще, очередей в кассах никаких, вокзал не могу сказать, что полон пассажирами. Но вот в вестибюле метро на Комсомольской площади — отогреваются — огромное количество бомжей и нищих.

Сижу дома, не читаю и не пишу, лениво просматриваю Интернет. Воруют генералы и полковники, и их сажают. Как тенденция — за последнее время много детских самоубийств. Сегодня: «В Москве школьница выпала с двадцать третьего этажа». Несколько дней назад в подмосковной Лобне две четырнадцатилетние девушки покончили с собой. А в селе Тамбовка Амурской области во дворе своего дома повесился подросток. А несколько дней назад опять выпрыгнул из окна московский подросток. Мы опять и здесь чуть ли не первые по всему миру.

Вчера по телевидению, которое почти не смотрю, показали встречу Зюганова с подмосковными текстильщиками — павловские платки. В процессе встречи выяснилось, что в форме наших военнослужащих нет ни одной капли ткани с русской шерстью, какой уж здесь русский текстиль. Так талантливо наше министерство обороны расходует свои деньги. Обязательно эту информацию постараюсь вставить в свой новый очерк о Зайцеве.

Так как телевизор смотрю мало, то сегодня устроил себе день просмотра. Самое любопытное — это реакция лучших людей страны на два предвыборных предложения В. В. Путина. Аудитория состояла ещё и из самых богатых людей — промышленники и деловые люди. В первом случае Путин поднял тему о приватизации девяностых. Боже мой, какие телевизионная камера показала

кислые лица в дорогих итальянских костюмах. Во втором случае, обращаясь почти к такой же аудитории, В. В. Путин спрашивал у итальянских костюмов, как они относятся к налогу на роскошь. Какое здесь раздалось упоительное хихиканье! Какие подмигивания: наш-то что творит!

13 февраля, понедельник

С утра выбирал цитаты из книги, которую уже читаю несколько дней. Это огромный том документов и публикаций, посвящённый истории возникновения и ситуациям вокруг Сталинских премий. Выписывая цитаты, я обратил внимание, что книжка стоит тысячу рублей, но стояла бы мёртвым грузом, если бы случайно не попала мне на глаза. В этом и ещё одно преимущество традиционных библиотек перед разными электронными приборами. Уже глаз на полках рифмует смыслы. Естественно, кое-что интересное и поучительное для себя и времени нашёл. Например, злорадство соратников по искусству, когда начались первые неприятности в Камерном театре, которым руководил Таиров. Театр поставил пьесу Демьяна Бедного «Богатыри», в которой издевательски освещено Крещение Руси.

Ценин, заслуженный артист Камерного театра: «До тех пор, пока не кончится монархия в нашем театре, до тех пор, пока единолично все вопросы будет решать Таиров, не считающийся с ведущими работниками театра, до тех пор театр будут преследовать политические провалы».

Станиславский, народный артист СССР: «Большевики гениальны. Всё, что делает Камерный театр,—не искусство. Это формализм. Это деляческий театр, это театр Коонен».

Леонидов, народный артист СССР: «Когда я прочёл постановление комитета, я лёг в постель и задрал ноги. Я не мог прийти в себя от восторга: как здорово стукнули Литовского, Таирова, Демьяна Бедного. Это страшней, чем 2-й МХАТ».

Яншин, заслуженный артист МХАТа: «Пьеса очень плохая. Я очень доволен постановлением. Нельзя негодными средствами держаться так долго. Сейчас полностью выявляется вся негодность системы Таирова. Чем скорее закроют театр, тем лучше. Если закрыли 2-й МХАТ, то этот нужно подавно».

Хмелёв, заслуженный артист МХАТа: «Совершенно правильное решение. Руководство видит, где настоящее искусство, а где профанация его. Надо ждать за этим решением ликвидации Камерного театра. Этому театру делать больше нечего».

Кедров, заслуженный артист МХАТа: «Если закроют Камерный театр, одним плохим театром меньше будет».

Станицын, заслуженный артист МХАТа: «Это театр, в котором плохо играют, плохо поют, плохо танцуют. Его нужно закрыть».

Самосуд, художественный руководитель Большого театра: «Постановление абсолютно правильное. Камерный театр—не театр. Таиров—очковтиратель. Идея постановки «Богатырей» порочна. Демьян Бедный предлагал мне эту пьесу ещё в Михайловский театр, но я от неё отказался».

Мейерхольд, народный артист республики: «Наконец-то стукнули Таирова так, как он этого заслуживал. Я веду список запрещённых пьес у Таирова, в этом списке «Богатыри» будут жемчужиной. И Демьяну так и надо. Но самое главное в том, что во всём виноват комитет и персонально Боярский. Он меня травит».

В этой же книжке есть замечательный эпизод, связанный со Сталиным, о котором так много последнее время пишут, и в основном с эпитетами «кровавый». Этот эпизод можно назвать так: «Как возникла Сталинская премия».

> «В тридцатые годы, чем дальше, тем больше, культ Сталина разрастался до невероятных размеров. Любое слово вождя, где бы оно ни было произнесено, немедленно подлежало публикации. И каждый раз, будь то его выступление на съезде, статья в газете или изданные миллионными тиражами книги, в приёмную Сталина привозились аккуратно запечатанные пачки новеньких банкнот—очередной гонорар.
>
> Все деньги, которые поступали на имя Сталина. Поскрёбышев складывал в огромный металлический шкаф, который стоял в приёмной. Однажды, это было в начале 1939 года, после того как из издательства в очередной раз привезли новую порцию денег, Поскрёбышев стал укладывать их в шкаф и уронил несколько пачек на пол. Он опустился на колени, принялся их подбирать, и в это время в комнатку вошел Сталин. Он молча посмотрел на пачки денег в банковской упаковке, лежащие на полу, на испуганное лицо Поскрёбышева и буркнул:
>
> —Зайди!»

Дальше, после того как Поскрёбышев объяснил, что это за деньги, Сталин созвал членов Политбюро для традиционной разборки.

> «—Как позволяет вам ваша партийная совесть получать деньги за то, что вы говорите или пишете от имени партии? У нас есть талантливые писатели, учёные, но мы им не платим столько, сколько платят вам. Поэтому предлагаю всё, что вы получили за партийные публикации, немедленно вернуть в бюджет. И начнём с меня. Видите—в приёмной уже сидят люди и принимают деньги. И сегодня же оформим постановление, запрещающее издательствам выплачивать гонорары за выступления или печатные публикации членам и кандидатам в члены Политбюро, членам ЦК, а также наркомам и замнаркомам».

Любопытно, можно ли кого-либо из наших министров или просто больших начальников оттащить от денег? Для завершения сюжета сообщу: именно во время этой сталинской разборки кто-то из соратников предложил: а почему бы этими деньгами не начать финансировать некую премию?.. Дальше какой-то счастливец выдавил из себя слово: Сталинская.

Продолжение этого сюжета — следует. Книга не дочитана.

Днём приходила девушка-корреспондент из «Вечерней Москвы». Довольно быстро выяснилось, что она заочница из нашего института — Женя Коробкова. Договорились об интервью мы чуть ли не две недели назад, когда я был в ЦДЛ на утреннике в честь Высоцкого. Мороз сегодня стоял для Москвы непривычный — чуть ли не тридцать градусов. Сразу потащил Женю на кухню греть и пить чай. Моя студентка, начитавшись моих дневников, где я довольно много пишу о собственной кулинарии, пришла со щедрыми дарами, я даже застеснялся. Здесь был кусок сыра, какое-то печенье, которое я до сих пор не раскрыл, и коробка жареной таллинской кильки в томате. В качестве интеллектуального презента Женя вручила ещё и пять номеров «Тонкого журнала», который, кажется, она и выпускает. У неё надежда на то, что у меня бывает много пишущего народа, так надо журнал раздавать. Я, в свою очередь, вытащил коробку конфет и собственного изготовления яблочный джем. Кто кого?

Прихлёбывая чай, начали разговаривать. Женя вынимает крошечный диктофон, я рассказываю, что журналисты экстра-класса обычно работают без диктофона. Рассуждаем об институте, об искусстве, я начинаю что-то рассказывать из своей практики. А до этого договорились, что газетный материал будет как бы из двух параллельных записей: моей и Жени. У Жени, кажется, есть хвосты за пятый курс, во мне заговорил преподаватель, и я объясняю, что не следует тянуть, а надо переходить к дипломной работе. Незаконченный институт не даст возможности по-настоящему заняться работой. Говорим о карьере, о том, что в начале жизни закладывается фундамент всему, что сделано будет потом. Но, как обычно, я не очень помню, что я говорю в свободном полёте. Всё у Жени в её диктофоне, потом увидим, что я наговорил.

Прощаясь, я пытаюсь всучить Жене какой-нибудь бутерброд: приедете в редакцию, попьёте чаю. Думаю, хорошо, что я вчера купил какого-то копчёного мяса, хлеб есть. Но у Жени другой план: она соглашается на банку моего собственного — яблоки тоже свои — джема. «Буду поить дам в редакции чаем, приговаривая, что это собственный есинский джем».

<...>

14 февраля, вторник

Приехал довольно рано на работу, ни Ксении, ни Надежды Васильевны ещё не было, но появился А. Е. Рекемчук и сразу же начал говорить о вчерашнем диспуте между Никитой Михалковым, сыном знаменитого поэта Сергея Михалкова, и Ириной Прохоровой, сестрой бывшего члена КПСС и нынешнего миллиардера Михаила Прохорова. А. Е. уверял, что Прохорова была активнее, наступала, буквально не давала слова сказать Михалкову, но оба были мелковаты. Возможно. Впрочем, многие говорят, что Прохоров — это опять проект Путина и Кремля и участвует он во всей этой канители, во-первых, чтобы не оказаться Ходорковским, а во-вторых, близость к власти — это всегда близость к деньгам. Я, к сожалению, этой передачи не смотрел.

Возможно, я бы и не вспомнил об этом разговоре, но вечером получил письмо от Ефима Резника, и в нём опять об этом замечательном диалоге. Вот как видится это издалека. А в Америке тоже идут предвыборные страсти. Цитату даю с «захлёстом».

> «У нас вовсю идёт предвыборная кампания, мы очень опасаемся, что Обама будет переизбран, и каких дров он нарубит в следующие четыре года, страшно подумать. Он уже загнал богатейшую страну мира в долговую яму, из которой ей не выбраться за пятьдесят лет, число бедных под его «мудрым» руководством удвоилось, средний класс потерял уверенность в завтрашнем дне и т. д. Он представляет новые налоговые льготы среднему классу, натравливает плебс на богатых, всё глубже запускает руку в пенсионный (и медицинский для пенсионеров) фонд, что мы на себе чувствуем, платя за медицинские страховки всё больше и больше. Но его популистские лозунги популярны, а у республиканцев не видно сильного кандидата, который мог бы ему противостоять. Но до ноября ещё далеко, так что остаётся надеяться.
>
> Кажется, аналогичная ситуация в России. Сегодня посмотрел дебаты между Никитой Михалковым как представителем Путина и г-жой Прохоровой как представителем Прохорова, длились они целый час, но я досмотрел до конца. Г-жа выглядела гораздо ярче и напористее, но поразило мелкотемье разговора. О чём она говорила? Что библиотеки в провинции давно не пополнялись. И с этой хохмой они идут в президенты! И вообще, что это за дебаты между «представителями», а не самими кандидатами? Какая-то пародия».

<...> В институте пробыл до семи часов. В шесть пришлось идти и открывать подготовительные курсы. Есть обстоятельства, когда приходится говорить почти то же, о чём говорил раньше, и почти в тех же выражениях. Как это раздражает.

Вечером опять, вместо того чтобы смотреть телевизор, читал прежнюю книжку о сталинских

премиях, наконец-то добрался до знаменитого разговора Сталина и Эйзенштейна. Выбрал кусочки, которые как-то меня взволновали. Сталин ведь не всегда был, как сейчас его огульно хотят представить, неправ.

Россия всё-таки особая страна, и присловье: «Что русскому хорошо, то немцу смерть» — возникло не случайно.

> «СТАЛИН. Царь Иван был великий и мудрый правитель, и если его сравнить с Людовиком XI (вы читали о Людовике XI, который готовил абсолютизм для Людовика XIV?), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния. В показе Ивана Грозного в таком направлении были допущены отклонения и неправильности. Пётр I — тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустив онемечивание России. Ещё больше допустила его Екатерина. И дальше. Разве двор Александра I был русским двором? Разве двор Николая I был русским двором? Нет. Это были немецкие дворы».

О проблемах экономики в средние века:

> «Замечательным мероприятием Ивана Грозного было то, что он первый ввёл государственную монополию внешней торговли. Иван Грозный был первый, кто её ввёл, Ленин второй».

Сталин как «крутой» историк:

> «СТАЛИН. Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким.
>
> Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал… Нужно было быть решительнее».

К проблемам православия в тридцатые годы:

> «МОЛОТОВ. Исторические события надо показывать в правильном осмыслении. Вот, например, был случай с пьесой Демьяна Бедного «Богатыри». Демьян Бедный там издевался над Крещением Руси, а дело в том, что принятие христианства для своего исторического этапа было явлением прогрессивным.
>
> СТАЛИН. Конечно, мы не очень хорошие христиане, но отрицать прогрессивную роль христианства на определённом этапе нельзя. Это событие имело очень крупное значение, потому что это был поворот русского государства на смыкание с Западом, а не ориентация на Восток».

Об отношении с Востоком Сталин говорит, что, только что освободившись от татарского ига, Иван Грозный торопился объединить Россию, с тем чтобы стать оплотом против возможных набегов татар. Астрахань была покорена, но в любой момент могла напасть на Москву. Крымские татары также могли это сделать.

> «СТАЛИН. Демьян Бедный представлял себе исторические перспективы неправильно. Когда мы передвигали памятник Минину и Пожарскому ближе к храму Василия Блаженного, Демьян Бедный протестовал и писал о том, что памятник надо вообще выбросить и вообще забыть о Минине и Пожарском. В ответ на это письмо я назвал его «Иваном, не помнящим своего родства». Историю мы выбрасывать не можем…»

О плановой экономике в искусстве:

> «Эйзенштейн говорит о том, что было бы хорошо, если бы с постановкой этой картины не торопили. Это замечание находит оживлённый отклик у всех.
>
> СТАЛИН. Ни в коем случае не торопитесь, и вообще, поспешные картины будем закрывать и не выпускать. Репин работал над «Запорожцами» одиннадцать лет.
>
> МОЛОТОВ. Тринадцать лет.
>
> СТАЛИН *(настойчиво)*. Одиннадцать лет».

Плохо я себе представляю трёх наших последних президентов, так свободно говорящих об истории и искусстве.

<…>

20 февраля, понедельник

В совершенном унынии от дня за столом и компьютером, уже после шести пошёл в фитнес-центр. Это всегда поднимает мне настроение. Все борются: молодые люди — за пляжную красоту и уверенность мышц, девушки — за стройность, пожилая негритянка, спускающая пятый пот на беговой дорожке,— за своё здоровье, старые люди — за возможность умереть внезапно и без болезней. Полтора часа в спортивном зале как-то почти меня привели в порядок, и я уже, после душа и раздевалки, остывая, сел в холл, почитывая своего вечного Холмса, как на телефон пришло сообщение от Миши Тяжева: «С. Н., в «Новой газете» напечатана рецензия на ваши „Дневники“». Я перезвонил Мише, он работает, вернее — подрабатывает, в театре — сидит в гардеробе и иногда в массовках выходит на сцену. Миша говорить не мог. Тут же позвонил С. П., постоянный читатель этой газеты. Газета у него была, его дом рядом, я зашёл. Ждал я всего, чего угодно, но уж не добра…

Сразу скажу: ничего подобного в жизни я о себе, пожалуй, и не читал. В принципе, я всегда мечтал о такой рецензии, о такой точности и таком проникновении в материал, о такой филологической добросовестности. Недаром совсем недавно я обратил внимание на то, как добросовестно Захар Прилепин отбирает и с каким блеском рецензирует книги в «Новом мире». Именно он и является автором этой рецензии на «Дневники». И вот опять, по поводу совсем недавно написанного—о нашей召 литинститутской системе: во время встречи с губернатором Костромы я увидел Ваню Волкова, о стихах которого так замечательно писал Захар. Ваня, совершенно изумительный поэт, ведь тоже не окончил Лита.

Но ещё до того, как я пришёл к С. П., потому что терпеть до завтра мне было совершенно невозможно, позвонил Женя Сидоров. Рецензию он уже прочёл. Женя—аналитик, человек не только тёртый в литературе, но и чрезвычайно опытный. «Это чрезвычайно для тебя важно, это взгляд писателя другого поколения. Притом писателя чрезвычайно популярного и востребованного молодыми».

Выписываю не самое комплиментарное, а наиболее полезное и новое для меня. В конце цитаты будет суждение о Сети. Как точно!

> «Согласен я или не согласен с точкой зрения Есина (а я, как правило, согласен), безусловно одно: эти дневники станут одним из наиважнейших свидетельств о наших днях. При том, что никаких сенсаций и сплетен о тайных интригах тут нет вовсе.
>
> Я сам читаю уже, наверное, том восьмой или девятый, наверняка знаю, что ничего оглушительно нового не узнаю, когда прочту очередную есинскую «летопись» за год,—и, тем не менее, меня не оторвать от этого чтения.
>
> Но почему?
>
> Я вот сказал: ничего нового не узнаю,—но, с другой стороны, что мы такого нового узнаём, когда судорожно листаем бесконечные перекрёстные ссылки Сети? Что от этих знаний остаётся спустя неделю, день?
>
> То, что я знал о себе сам и что давно принял за установку, прочитав подобное в дневниках Гиппиус,—большое запишут и без вас.
>
> Есин подходит к временам с какой-то другой стороны. Явно неглупый человек поставил себе задачу не мыслить глобально—и такой подход вдруг открыл что-то, до сих пор не сформулированное никем.
>
> «Я пишу не дневник, а летопись обывателя»,—признаётся Есин.
>
> Тут нет никакого кокетства—несмотря на то, что слова эти произносит автор многих романов (как минимум один из которых, «Имитатор», имеет статус культового), лауреат премий, председатель жюри кинофестивалей, до недавнего времени ректор Литинститута и прочая, и прочая.
>
> Что такое, в конце концов, дневники Пришвина или Чуковского—которые вдруг осветили самую важную и страшную часть XX века совсем иначе, чем до этого литература и публицистика? Это именно свидетельства не столько участников событий, сколько наблюдателей, которые, как им самим казалось, находились на кромке истории.
>
> Но выясняется, что с этой кромки многое видно куда лучше. В деталях скрывается не только дьявол, но и дух».

А теперь мне надо объяснить, почему я занимаюсь таким цитированием, которое очень похоже на самовосхваление. Я не принадлежу к какой-нибудь мафии, к кружку литературных единомышленников, которые, расталкивая всех, продвигают только своих. Я не стараюсь и не умею занять себя в политике, чтобы, подобно Акунину, Быкову или Улицкой, получить то «паблисити», которое создаёт видимость славы и так помогает в книжной продаже. У меня нет ни детей, ни близких, которые со временем будут шевелить мои рукописи и пытаться отыскать справедливость. Я обо всём должен позаботиться здесь и сейчас.

> «Есин нашёл (придумал? создал?) очень сложный интонационный рисунок для своих дневников.
>
> Привычных дневниковых примет в виде бесконечного сведения счетов с друзьями и недругами (с друзьями—чаще), откровенной злобы и неустанной мстительности (привет и поклон Нагибину, хотя не только ему), самотерзания и тайного самолюбования—всего этого у Есина вроде бы и нет.
>
> Вроде бы… Потому что ирония, сарказм, раздражительность—всё это присутствует, но будто бы на пятой горизонтали. Тяжкое, неприятное, горькое—всё это, как лекарство, почти без остатка растворяется в тихой интонации.
>
> Есин откровенен, но не навязывает читателю свои откровения. На какие-то потайные вещи он время от времени намекает—и этого внимательному читателю оказывается достаточно. Хорошая, умная недоговорённость—главная отличительная есинская черта.
>
> При том, что вовсе нет ощущения, что автор «Дневников» боится кого-то обидеть.
>
> Он не сводит счёты, но и не строит ни с кем отношений. Какие ещё отношения? Такая длинная жизнь за плечами, поздно уже начинать, надо было минимум на полвека раньше…
>
> «Сейчас мы уже завидуем не славе и удачливости, а тому, где кого похоронят»,—походя роняет Есин.
>
> В «Дневниках» Есин не беседует с потомками—мы видим тут полное отсутствие пафоса. Нет ссылок на свою прошлую правоту—и вообще

лобовой, чванливой уверенности в собственной правоте. Нет смакования своих былых и недооценённых (или оценённых) заслуг. Ненавязчивая афористичность, словесная жестикуляция, еле заметная—и оттого ещё более точная».

По большому счёту, это описание моего рефлектирующего, довольно слабого характера. В смысле стиля—как сложится. Я своим ученикам всё время говорю, что без собственного стиля и собственного «литературоведения», т. е. понимания, что такое литература, писателя нет. Я ведь по-другому и писать не могу, а как бы иногда хотел писать хотя бы как мои ученики. Но на стиль надо ещё «намотать» и собственные неудачи, и страдания, и зависть, и желание всё это перетерпеть.

Ну, примеры, которые Захар Прилепин приводит, я опускаю. В конце концов, даже из средне написанной книги набрать что-то всегда можно. Делает это Прилепин с мастерством опытного журналиста, хотя за этим стоит вкус и неизменная черта крупного писателя—сострадание к чужой боли. Я привожу, чтобы не красоваться, только важные для меня выводы. Надеюсь, что аспиранты, так полюбившие мои дневники, будут теперь цитировать.

«Восхитительно ровная, стоическая, мудрая интонация.

На самом деле—сложнейшая гамма чувств, бешеный рисунок кардиограммы и огромная человеческая страсть заключены в этом ровном, с тихой полуулыбкой, голосе.

Такой голос настраивается целой жизнью».

Эта не вполне радостная для старого человека мысль вполне совпадает с моим собственным литературоведением: стиль шлифуют и создают годы.

22 февраля, среда

<…>

Две новости. Одна плохая, другая трагическая.

Как же всё-таки на всех этажах наши люди борются за власть. Такая страсть возникает не только из стремления во власти себя реализовать, свои возможности. Но из понимания, что власть в России—это ещё и нечто большее, вплоть до возможности воровать и устроить своё благополучие. В городе Лермонтове Ставропольского края кандидаты в депутаты местных органов, которых не зарегистрировала местная избирательная комиссия, ворвались в здание администрации и организовали голодовку. Но здесь и другое—возможно, более любопытное: как же всеми путями власть, уже получившая полномочия и возможность лакомиться мёдом, не хочет ничего отдавать! Как держится, как борется, на что только не идёт!

Теперь—другое; я обоих знал.

Умерла Людмила Ивановна Касаткина, а ещё совсем недавно умер её муж Сергей Николаевич Колосов. Кто-то ещё на радио мне рассказывал, что уже в ГИТИСе Серёжа Колосов, который ходил летом в красной маечке, приглядел себе девушку, которая к славе вывезет и его. Лучшие свои роли Касаткина сыграла в его фильмах. Телевидение назвало Касаткину великой актрисой. Ну, согласимся с этим. Но вот какое возникло размышление: уже ушло несколько действительно звёзд, действительно очень крупных актрис и актёров, но ведь на сегодняшнем горизонте нет никого, кто мог бы сравняться с ними по влиянию на публику. Всех милых, часто способных актрис, которые могли бы с ними конкурировать, я просто не вижу.

23 февраля, четверг

Никогда я не могу рассчитать время: «Сапсан» в Санкт-Петербург отправляется только в тринадцать тридцать, а я вскочил уже в семь. Долго возился с уборкой на кухне, делал зарядку, без которой теперь обойтись просто боюсь, потом жал из морковки и имбиря сок, а потом уже пришёл Миша Тяжев, чтобы помочь мне с сумками с книгами. Проводы. С Мишей съел омлет, но самое главное—принялись разговаривать. Меня всегда занимало, как студенты, которые чуть ли не весь день сидят на занятиях, так обо всём осведомлены. И о том, что какие-то девушки—они борются за права женщин—под гитару что-то промурлыкали в храме Христа Спасителя, и о том, как собирают народ на сегодняшние митинги, и о выступлении Патриарха. Потом Миша стал рассказывать какие-то театральные истории.

Я всё-таки вызвал Мишу пораньше, потому что не знал, как сегодня сложится утро. Уже в семь по «Эху Москвы» стали говорить о нескольких митингах, которые должны состояться. И в защиту Путина, и в поддержку его оппонентов. Будто бы с Урала едет, чтобы поддержать премьер-министра, несколько составов с рабочими. А ещё о том, что вчера ездили по Садовому кольцу какие-то машины с белыми ленточками. Кажется, машины будут ездить сегодня. А какой тогда будет трафик? Это особенность сегодняшней Москвы: всегда неизвестно, доедешь ты до цели за час или за пятнадцать минут. Всегда неизвестно, перекрыли ли дорогу из-за манифестантов или шествия, или транспорт держат, потому что едет правительство. Даже метро стало ненадёжным.

Сидим с Мишей, беседуем, пьём чай, едим омлет, ждём Самида. Он должен отвезти меня на вокзал. Я рассказываю Мише, почему колеблюсь голосовать за Путина, хотя только за него и стоит голосовать. Из комнаты притаскиваю «Литературку», которую читал вчера перед сном. Вот и цитата, которая просветила мне мозги. Цитата из Мохнача.

Самид, как и обещал, приехал около одиннадцати. До поезда ещё два с половиной часа. Самид по-приятельски повезёт меня на своей машине на вокзал. Москва совершенно свободная, да ещё Самид, по старой привычке таксиста, везёт нас путями быстрыми и короткими. Самид в каком-то смысле фигура показательная и в социальном, и в человеческом плане. Приехал в Москву из Ленкорани тихим пареньком, работал на ЗИЛе, закончил там вуз, инженер-автомеханик; пока учился, прирабатывал таксистом. В начале перестройки Самид организовал какое-то своё дело, поступил в Лит на семинар к В. Орлову. А Володя всегда был мастером с очень высокой требовательностью. Что здесь — социальные условия или личность? Растолковывал это Мише по дороге.

Самид не может забыть прошлогодней ситуации с его перевыборами. У него нагорело, его волнует и будущее института.

Так как времени до отправления поезда ещё много, решаем заехать минут на сорок в парк ЦДСА и погулять. Пришвартовываемся со стороны Олимпийского проспекта. Парк теперь, оказывается, называется Екатерининским. На проспекте по случаю праздника и митингов много милиции, это хорошо, машину не угонят.

Сегодня потеплело, что-то около двух градусов с минусом. В парке светло, ночью выпал снег. Дети катаются с ледяной горки, родители вытирают им носы. Ходим кругами втроём по парку и разговариваем. О литературе, о прошлом, гадаем, что же будет дальше; душа летела. Иногда в эти полёты вторгалась проза. Я рассказал о вырезке из газеты «КоммерсантЪ», которую Ашот бросил мне в почтовый ящик. Обычная «школьная история». В Лефортовском суде рассматривается дело бывшего ректора Московского института государственного и корпоративного управления Андрея Звягина и главного бухгалтера. Следствие считает, что они по липовым договорам списали свыше восьмидесяти шести миллионов рублей. Здесь целая история, до конца и неясная, но довольно типичная. О себе уже давно знаю: все мои разговоры неизменно я возвращаю к двум вещам — о том, что я пишу, и о том, как обстоят дела в институте. А здесь, у нас в институте, как говорят слухи, произошло следующее: пришёл приказ из министерства вдвое сократить зарплату ректору, проректору и даже главному бухгалтеру. Конечно, можно порадоваться: теперь и я буду, вместе с господдержкой, получать столько же, сколько и главный бухгалтер, и проректор по хозяйству, которые и не доктора наук, и не заведующие самой большой в институте кафедрой, и не знаменитые писатели, и не профессора. Я приблизительно догадывался, откуда берутся деньги для этих зарплат и каким образом, чтобы не было обидно, компенсируется даже господдержка, которая не полагается ни хозчасти, ни бухгалтерии. Но кто же распорядился так уплотнить довольство нашего начальства?

Действительно, знает всё только студенчество. Миша рассказал, что сам видел по телеку, что когда Путин говорил о необходимости поднять размер студенческой стипендии, его спросили: а откуда взять деньги на эти повышения? Путин сразу и не задумываясь ответил: уменьшить зарплату ректоров и проректоров. Нет, это я, пожалуй, буду голосовать только за Путина.

«Сапсан» — это, конечно, замечательное новшество. И две столицы стали ближе, и народу стало намного удобней. А что касается стоимости, то в основном ездят командированные и бюджетники — это переливание денег из одной госструктуры в другую.

У вагона встретил Лёву Аннинского, ехать с ним одно удовольствие, сразу погружаешься в высокий строй ассоциаций, литературных реминисценций, воспоминаний. Скоро я окончательно буду знать весь казацко-еврейский строй его семейной биографии, сцепления там замечательные, и всю историю его студенческой дружбы с Натальей Дмитриевной Солженицыной. Я слушаю это уже во второй раз. Всё-таки один университет заканчивали, вместе ходили в байдарочные походы. Два «кстати» соображения. Первое: Наталья Дмитриевна была чемпионкой Союза по гребле, возможно, в юношеском разряде. Вторе «кстати» касается университета, вернее, сразу двух — Московского и Петербургского. По радио утром прозвучала такая история. Отчего это ректоры этих двух университетов не декларируют свои (возможно, университетские) расходы и доходы? Вроде бы забавно по этому поводу ответила прокуратура. Университеты основаны ещё Петром Первым и Елизаветой Петровной, и не нам вмешиваться в старые, ещё царские законы.

Литературные рассказы и сплетни очаровательны, под их аккомпанемент можно ехать хоть до Пекина. Но вот Лев Александрович немножко задремал, его медийное, узнаваемое лицо стало печальным, и я принялся читать второй номер «Нового мира». Спасибо, конечно, Андрею Василевскому, что меня этим чтением снабжает, но очень как-то журнал погрустнел в смысле увлекательности и стал однотонным. Прозу и поэзию я в нём давно не читаю, но и критика увяла. Взял «Книжную полку»... Вот результаты. Читать можно было только высоколобые дневники Кублановского. Мне тем более всё это интересно, что, как и у меня, всё это 2009 год. Но как это всё высоко и элитарно. <...>

24 февраля, пятница

Нас с Лёвой поселили в самом центре Гатчины, в старинном, полукруглом в плане здании, в котором ещё чуть ли не в восемнадцатом веке помещался

какой-то цейхгауз. Я всегда знал, что на первом этаже здесь был мрачноватый по убранству ресторан, но с очень неплохой кухней. Не один раз во время Гатчинского фестиваля нас там кормили. Оказывается, на третьем этаже, под самой крышей, существует ещё и маленькая прелестная гостиница. Небольшие номера с отличной ванной комнатой, в которой стоит душевая кабина, прихожей, с избытком тепла, провинциальной стерильной чистотой, хорошо простиранным и отглаженным бельём и просторной постелью. Вечером мы, конечно, хорошо поужинали за казённый счёт—в поезде ели консервированный борщ, разогретый в буфете на микроволновке: полакомились запечённым в сыре судаком и салатом по-гречески, а утром нас ещё накормили завтраком не хуже, чем в Париже. По крайней мере, круассаны были не хуже. Из русской добавки в меню был творожный сырок, но горячую воду для кофе пришлось брать из кулера.

Уже утром выяснилось, что мы заняты только с часа дня. Отправились гулять по памятным местам. Для Лёвы это ещё и некая память о его жене Шуре, маленькой женщине-птичке, которая умерла совсем недавно. С Лёвой они когда-то обошли весь город, все соборы. Город, кстати, несмотря на оттепель, производит впечатление хорошо вычищенного и ухоженного. Теперь уже мы с Лёвой—в памятное путешествие. В Павловском соборе я был впервые, это середина девятнадцатого века. Очень точна и выразительна скупая форма, деревянные, будто в хате, полы из тяжёлых лесин. На канон поставил десяток свечей—почти за всю родню, которую помню. В Покровском соборе я бывал и раньше, здесь такая же дорого стоящая простота и изящество, как и в Павловском. Здесь иконы с изображением Иоанна Кронштадтского и Марфы Гатчинской. В соборе идёт ремонт, всё сурово, через несколько дней начинается пост.

В час пришла машина, и мы поехали в библиотеку—через железную дорогу, мимо аэродрома, самого старого в стране, которому в прошлом году исполнилось сто лет.

В этой библиотеке я уже был прошлый раз. Всё такая же образцовая чистота, порядок, хорошая мебель, ощущение, что работа здесь не показная, на публику, а постоянная и серьёзная. Старшеклассники—первая встреча была с ними—уже сидели. Вторая встреча была с библиотекарями; кажется, были и учителя, хотя учителя, самая консервативная часть провинциальной интеллигенции, ни на что ходить не любят. Встречи эти обе прошли хорошо, мы с Лёвой дуэтом, помогая друг другу, споря и часто не соглашаясь друг с другом, вели свою песню. Не очень высоко ценя себя, я всётаки предполагаю, что подобные встречи местной интеллигенции с информированными людьми из столицы как-то поднимают общий уровень. Кстати, библиотекари отмечают, что читать стали больше, и в частности молодёжь. В общем, на двух этих встречах мы с удовольствием полетали.

Самым интересным, однако, были разговоры с директором, Еленой Леонидовной. Это сильная, несмотря на взрослых дочерей, ещё красивая, умеющая наблюдать и думать женщина.

Сначала о некоторой, в связи с близостью к Ленинграду, экспансии в Гатчину людей из Средней Азии, но в основном с Кавказа. В классах уже больше черноголовых ребят, чем белобрысых. Рассказала Елена Леонидовна о недавней драке мальчишек. Черноголовые ребята пришли в библиотеку в своих тюбетейках. Им сделали замечание, что в России не принято находиться в помещении в головном уборе. «А у нас принято». Кто-то из русских мальчишек сбил панамку с головы наиболее задиристого, началась драка.

<…>

25 февраля, суббота, первая половина дня

Утро в этой чудесной гостинице, где чуть ли не в восемнадцатом веке была суконная фабрика, потом Дом молодёжи, потом, когда всё развалилось, образовались гостиница и ресторан. И ресторан хорош: сравнительно недорого и хорошая кухня. Итак, утро, я ем булочку и пью чай, по телевизору патриарх Кирилл читает проповедь о мытарях и фарисеях. Убедительно, плотно, обращаясь скорее к сегодняшнему молодому поколению, нежели к старым людям, основному контингенту верующих. Вышел из гостиницы и сразу пошёл в Покровский собор, он напротив. Последняя неделя перед постом. В соборе народу немного. На высоких хорах певчие поют: Господи, помилуй… Я опять просил веры. Слева на клиросе женщины исповедовались, я опять струсил…

После собора пошёл в большую прогулку по городу. Дошёл аж до рынка, который за Павловским собором. Недаром: купил две пары шерстяных носков. Ещё раз убедился, как замечательно красиво и функционально был спланирован город. Вот и сейчас он удобен и напоминает город, а не просто большое торжество, как Москва. Уже почти перед самым отъездом в Вырицу забежал в столь любимый мною парк. Жизнь определённо идёт вперёд: появилась небольшая оградка на входе возле кафе «Дубок», кое-что из разрушающегося в парке огородили. На озере, в огромной полынье, масса уток, которых подкармливают. Возле них бродят и голуби, норовя что-нибудь отбить.

25 февраля, суббота, вторая половина дня

В моём возрасте пора бы сосредоточится только на себе, но меня ещё волнует сама жизнь и характер её извилистого течения. В час дня меня прихватил

шофёр отдела культуры; к сожалению, Даниил Мкртчан, нынешний начальник, молодой парень, который всё это и организовал, заболел, и я так его и не увидел, и вот без провожатого я поехал на выступление в Вырицкую детскую библиотеку. Вот такие поездки без «надсмотрщика» иногда позволяют легче и скорее разговорить незнакомых людей. Так с этим немолодым дядькой-шофёром и произойдёт, когда позже он повезёт меня в Ленинград. У меня ведь сегодня посещение театра и обед у Юрия Ивановича на его ленинградской квартире.

В этих шофёрских рассказах и исчезновение гатчинского домостроительного комбината—вернее, переход его в другие руки, а во время этих волнений работа у этого водителя ушла. Да и кому мы теперь нужны, пожилые люди? И занятная, но всё-таки сомнительная информация о том, что всех глав сельских поселений района, которые не обеспечили на парламентских выборах победу «Единой России», вынудили свой пост покинуть. Отметил, что в Вырице, куда мы едем, раньше была тьма пионерских лагерей и летних детских садиков, сейчас всё это пропало, участки скупили. Правда, мужичок, мой шофёр этот, принадлежит к тому слою вечно всем недовольных русских людей, которые так хорошо жили и работали при советском строе, но сейчас прошлую эпоху называют «совком». Как Юрий Кублановский, о котором я ещё скажу.

Детская библиотека—это большой дом, бывшая школа, где на первом этаже спортивные секции, а на втором библиотека. Встретила директор, очень милая и энергичная, уже на лице которой было написано, что она любит свою работу. Но всё это читается и в самом здании, в порядке, на лицах ещё двух её сотрудниц, которые работают с детьми. Директора зовут Татьяна Николаевна, запомнить мне легко, так зовут Таню Скворцову. Сели пить чай и разговаривать, потом пошли смотреть залы и фонд. Как ни странно, переход библиотеки, согласно закону о муниципальном управлении и финансировании, в подчинение поселковому начальству принёс добрые плоды. В прошлом году за два миллиона отремонтировали крышу, дают деньги на формирование фондов. Как положительное можно отметить некоторый подъём любви к чтению. Посёлок, конечно, маленький, всего пятнадцать тысяч человек. Раньше работало несколько заводов, но, как и положено, в перестройку они растворились. Жители ездят на работу в Ленинград, молодёжь уже не возвращается. Но развернулось дачное строительство, есть даже дачи, построенные по образцу царских дворцов, в синей краске, как дворец Екатерины в Царском Селе, и с золотом. Я в этом момент подумал о скромном налоге на роскошь, который нам обещает ввести Путин. Но чтобы обложить налогом такой дворец, надо, чтобы его площадь превышала тысячу метров. По мнению Путина, который озвучил эти цифры, если площадь твоей дачи составляет лишь девятьсот девяносто девять квадратных метров, то это лишь средний класс. Из нового в работе библиотеки—час устного чтения. Приходит уже привыкшая к этому ребятня, и ей час читают вслух книжки. Естественно, группы разбиты по возрастам. Что-то всё же в стране происходит и позитивное…

<…>

Но самое главное—наконец-то я попал в театр к Додину. Пьеса на двух актёров, мне хорошо знакомая: Леонид Зорин, «Варшавская мелодия». Играли—Уршула Магдалена Малка, молодая актриса, видимо полячка, акцент у неё природный, и Данила Козловский. Это было, конечно, потрясающе. Я ещё никогда не видел, чтобы зал так молчал во время любовной сцены. Несколько огорчила меня вторая половина спектакля—скорее, своей идеологией: русский человек на рандеву. Прелестный молодой сильный парень превратился в обывателя… Это второй спектакль, который я видел в режиссуре Додина. Мастер, конечно, огромный: какие мизансцены, какие кружева он вытрясает из актёров!

Оставшиеся два часа до поезда я потратил на прогулку по Невскому. Чем Москва отличается от Петербурга? Это город, конечно, аристократов, хотя и обедневших, но вежливых, подтянутых, щедрых к нищим, вежливых друг к другу. Москва—это город купеческой психологии, и потом, москвичи, как правило, свой город не любят. У ленинградцев—культ города. Вот пример, который показателен для обоих моих тезисов. Около одиннадцати часов вечера зашёл в Дом книги. Боже мой, какое огромное количество людей просто сидят на лавках, установленных в книжных залах, и читают книги, которые стоят на прилавках. Листают самые дорогие художественные альбомы. Некоторые, чувствуется, сидят здесь давно. В Москве такое невозможно—надо использовать для извлечения прибыли каждый клочок торговой площади! И вот, наконец, второе: какое невероятное количество книг именно о Петербурге выставлено на стеллажах и прилавках.

26 февраля, воскресенье—27 февраля, понедельник

Два дня как-то слились, в них не было ничего необычного. А ничего и не возникает, если не читаешь, никуда не идёшь; но мелкие факты жизни составляют её фон и основу, которые, по большому счёту, и являются жизнью. Для меня главное пока—это мой дневник и мои студенты. Естественно, хочется какой-то иной свободы, больше времени; пусть так называемое «основное» ползёт само, а ты—в новых начинаниях, пишешь роман или

придумываешь пьесу. Но всё приходится тянуть, а может быть, наиболее важное и интересное в жизни откладывать.

<…> Ещё никогда выборная компания не проходила так горячо и активно. Лёгкость, с которой недавно ломалась Украина, а потом менялся режим в Египте и Ливии, разжигает многих людей. Всё кажется таким близким и досягаемым. Ах, как недаром, говоря о жизни своих молодых героев, Толстой, Достоевский, Стендаль постоянно вспоминали Наполеона. Кто же всё-таки сказал: «Двуногих тварей миллионы, мы все глядим в Наполеоны»? В воздухе разлита ложная досягаемость власти. Но разлита и смертельная боязнь сильного и крепкого человека, долго и со второго ряда наблюдавшего за травящей его компанией и пока никак не имеющего возможности кого-то одёрнуть. Как же многолика и коварна демагогия демократического правления. Как же в этом году агрессивны Зюганов, Жириновский и даже Миронов! Они уловили и почувствовали мнимую «возможность».

Я думаю, что они так много и громко кричат, так много обещают потому, что твёрдо знают, что это у них это последняя избирательная кампания. И главное, обещать можно что угодно, не считаясь с возможностями государства,—всё равно не изберут.

Вчера, возвращаясь из магазина, видел семейную пару очень немолодых пенсионеров, гордо идущих с белыми ленточками на груди. Чего, интересно, они хотят? Что изменится в их жизни? Двадцать третьего в Москве, в Лужниках, состоялся огромный митинг в поддержку Путина. Вчера люди с белыми ленточками попытались создать «живое кольцо». Но Садовое кольцо оказалось чуть больше «живого». Я думаю, что больше боятся не прежнего Путина, а Путина с его новым опытом, который уже начинает понимать, что если не дать народу новую надежду, по-прежнему поддерживая только капитал, к которому, наверное, принадлежит и он сам, его власти придёт конец.

Вечером в понедельник, пока я мастерил себе в мультиварке куриный плов, то есть что-то резал, закладывал, посыпал, солил и перчил, я всё время слушал «другую сторону». С каким-то деятелем «Единой России» вёл по радио спор Гарри Каспаров. Я уже не говорю о непримиримости сторон: для одних Путин совсем нехорош, другие его поддерживают. Я не политик, чтобы во всё это влезать, но лишь один пункт. Довольно резко Каспаров говорил о доверенных лицах Путина. В том числе сказал, что целый ряд фигур, которые стали доверенными лицами кандидата в президенты, потерялись в глазах либерального сообщества. Назывались, по-моему, только две фамилии—Михалков и Табаков, но подразумевалось совершенно иное. Стали доверенными лицами Путина люди, которые в этой среде считались своими, которые в беседах и закулисных разговорах, видимо, неласково отзывались о премьере. Каспаров эту категорию людей определил как ищущую своих материальных и административных выгод.

28 февраля, вторник

<…> …Я вскочил в шесть утра, но тут ещё и развернул вчерашнюю газету. Здесь просто удивительная статья Павла Басинского о нашей бунтующей интеллигенции. Простят ли теперь это Паше либералы? Статью я, конечно, поцитирую, но в этом же номере и ещё известие: Олегу Павлову дали «за исповедальную прозу» премию Солженицына. Он это, конечно, заслужил, я помню, как он занимался солженицынской почтой в журнале «Москва». Правда, думаю, всё равно он не получит того признания, о котором мечтает. Но и премия, я думаю,—это в первую очередь инициатива Басинского.

Наверное, не я один обратил на это внимание. Почему в нынешней политической баталии на стороне действующей и, вероятно, грядущей власти—несколько крупных режиссёров и руководителей театров, а на стороне оппозиции—много писателей, причём очень разных, таких как Эдуард Лимонов и Борис Акунин, Захар Прилепин и Людмила Улицкая, Герман Садулаев и Дмитрий Быков?—вот так Павел начинает. Пропускаю среднюю раскатку, и вот первый тезис.

Писатель в нынешних условиях, стоит ему только заикнуться о своей любви к власти, рискует потерять тех читателей, которые идут на Болотную, а тех, кто стоит на Поклонной, он вряд ли много приобретёт. Да что говорить—и так всё понятно.

Что говорить, например, о таком феномене, как «Гражданин поэт» Дмитрия Быкова и Михаила Ефремова, когда из ничего, из пустоты, из разреженного политического воздуха и малозатратных усилий весьма и весьма, впрочем, талантливых людей рождаются и телешоу, и радиозаписи, и гастроли от Саратова до Лондона, и книга на закуску? И вот уже принимаются заказы на торжественные «похороны» этого проекта в Крокус Сити Холле, где цена билетов варьируется от пяти (партер) до тринадцати (VIP-места) тысяч рублей.

Ну разве, скажите, не выгодно бунтовать? Очень!

Всё остальное в этой статье, а есть пассажи очень занимательные, я опускаю.

Семинар, как я уже написал, прошёл довольно удачно. Ребятам прочёл и статью Басинского, и тот перечень позиций, по которым мы, по мнению ООН, «впереди планеты всей».

Мы первые—по экспорту природного газа, по величине природных ресурсов, по разведанным запасам каменного угля.

Первые — по запасам леса, питьевой воды, по экспорту азотных удобрений, по физическому объёму и экспорту алмазов и т. д.

Но первое же место — по количеству *самоубийств* среди *пожилых* людей, *детей* и *подростков*.

Первые — по числу разводов и рождённых вне брака детей; по *абсолютной убыли населения*, по числу умерших от алкоголизма и табакокурения; по употреблению героина; по продаже *поддельных лекарств*; по количеству *авиакатастроф*.

Но! Однако!

У нас — первое место в мире по темпам роста числа долларовых миллиардеров, второе место — по количеству долларовых миллиардеров после США и шестьдесят седьмое место — по уровню жизни.

Мы занимаем сто одиннадцатое место по средней продолжительности жизни, сто тридцать четвёртое место по продолжительности жизни мужчин.

Может быть, нам действительно нужна новая власть?

29 февраля, среда

Пожалуй, не выспался, до двух ночи смотрел по «Культуре» фильм об английском короле Генрихе VIII — отце королевы Елизаветы. Мне всё это любопытно, я стараюсь закрыть недостатки своего образования. Но какова политика канала — всё по-настоящему значительное идёт только после двенадцати ночи. Я это подметил давно, до двенадцати они выполняют свои обязательства перед обывателем и рекламодателями, которые желают, чтобы их реклама была размещена исключительно среди пошлятины, которой не брезгует и этот канал.

У нас идут выборы. Вместо самих кандидатов часто воюют в эфире их доверенные лица. Согласимся, что эффект иногда бывает чрезвычайно выразителен.

> «В ходе предвыборных дебатов между кандидатами в президенты Михаилом Прохоровым и Владимиром Жириновским последний устроил настоящий скандал, оскорбив доверенное лицо своего оппонента — певицу Аллу Пугачёву. Примадонну российской эстрады политик включил в число «политических проституток» и посоветовал «сидеть молча».
>
> Конфликт начался, когда певица, присутствовавшая на съёмках телепрограммы «Поединок», задала провокационный вопрос лидеру ЛДПР: «Владимир Вольфович, думаю, вы со мной согласитесь, что президент страны — это лицо страны. Пример для подражания, пример для массы граждан нашей родины. У меня такой вопрос: когда вы хамите — ну ладно мне, я к этому уже привыкла от вас, — вы что хотите доказать? Когда вы врёте нагло в эфире этой программы — зачем?.. Если бы вы стали президентом, вы бы поменяли свою линию поведения?» — «Я веду себя так, как я считаю нужным, — парировал Жириновский. — Мне имиджмейкеры не нужны. Мне разрешение, как Михаилу (Прохорову. — *Прим. ред.*), никто не давал создавать партию, я её сам создал». — «Значит, это природное, да?» — «Молчите! Я с партией...» — «Не хамите мне». — «Я с партией здесь. Я отвечаю. Вы молчать должны сидеть. Все! Вы вопрос задали — я отвечаю так, как я считаю нужным. Не нравится — убирайтесь вон!» — «Не уберусь. Назло вам не уберусь». — «Выведет охрана». — «Я веду себя как певица, а не как певичка. Не ори на меня, будущий президент... Я думала, что вы кружевник, политик, хитрый человек, а вы просто клоун и псих», — заявила Пугачёва Жириновскому. «Я такой, какой я есть. В этом моя прелесть», — парировал либерал-демократ. В ответ певица назвала политика „позором нашей страны“».

Под этим сообщением в Интернете стоят разные, почти символические соображения читателей. Например:

«Жириновский против Прохорова. К обязательному просмотру».

«Столкновение Жириновского и Пугачёвой «станет классикой», — охарактеризовал передачу в своём твиттере Соловьёв». <...>

Продолжение следует

Андрей Дёмкин

Увековечить память о Сурикове

Глава из книги «Ненаписанный дневник»

9 марта 1916 года.
Среда, половина восьмого вечера.
Красноярск, городская управа, дом Шмандина.
Заседание Красноярской городской думы[1].

В зале заседаний городской думы секретарь закончил оглашение телеграммы из Москвы, поступившей в адрес городской думы.

Кто-то из двух десятков присутствующих на заседании гласных смотрел в окно, кто-то извлёк из жилетного кармана часы и нетерпеливо поглядывал на стрелки. Николай Александрович Шепетковский, бывший городской голова, поглаживал окладистую седую бороду. Статский советник доктор Владимир Михайлович Крутовский сидел, прикрывши лицо ладонью.

Слышать о чьей-то смерти всегда страшно. Особенно о смерти ровесника или почти ровесника: восемь лет в возрасте — не такая уж и великая разница. Это известие — как отрезвляющий ушат холодной воды, который смывает иллюзию бессмертия, пеленой укрывающую сознание в течение всей жизни — до самого последнего момента. Когда получаешь известие о чьей-то смерти, понимаешь, что тлен и прах никуда не исчезли. Неизбежный финал земной суеты закономерен и неотвратим. Получив такое известие, на секунду замираешь и тут же оцениваешь, примеряешь чужую смерть на себя: а что бы было, если бы это не он, а я?.. Всё ли было сделано так, чтобы не страшно было предстать перед судиёй, который знает не только твои дела, но и твои помыслы?

Потом на секунду вспыхивает искорка радости: ведь я ещё жив, и ещё есть шансы что-то успеть, если Бог даст такую возможность. А так никого не щадит смерть. Даже величайших художников… А ведь, казалось, ещё только недавно лечил его матушку, Прасковью Фёдоровну, упокой, Господи, её душу[2]…

В ушах ещё звучали слова секретаря: *шестого марта, в четыре часа пятнадцать минут вечера, в Москве, в гостинице «Дрезден», шестидесяти восьми лет от роду, скончался великий художник земли русской Василий Иванович Суриков…*

Земляки из сибирского землячества в Москве отбили телеграмму, чтобы известить Красноярск об утрате[3]. Да и брат художника уже сообщил печальную весть. Вчерашним днём в газете, в разделе «Местная жизнь», напечатали коротенькое скорбное сообщение:

Кончина В. И. Сурикова. 6 сего марта в г. Москве скончался маститый художник — сибиряк, уроженец г. Красноярска Василий Иванович Суриков[4].

— Господа гласные! — городской голова Степан Иванович Потылицын[5] поднял голову и насупил брови. — Предлагаю принять к сведению известие о смерти господина Сурикова и перейти к рассмотрению важного вопроса о предложениях губернатора о прекращении дополнительных пособий беженцам.

1. Глава написана с использованием материалов из некролога В. И. Сурикову написанного В. М. Крутовским и опубликованного в газете «Сибирская мысль» №35 (среда, 9 марта 1916 года) и в журнале «Сибирские заметки» №21 (апрель 1916 года). Интересно, что в Красноярском государственном архиве не сохранились журналы заседания городской думы за 9 марта. Ни слова о происходившем на этом заседании нет и в редактируемом С. И. Потылициным «Вестнике Красноярского городского общественного управления» за март 1916 года (Красноярск, типография М. И. Абалакова). Подробнее о докторе Крутовском можно прочитать в примечании №70.
2. По воспоминаниям учителя рисования М. А. Рутченко в книге А. Н. Турунова и М. В. Красноженовой «В. И. Суриков», Москва — Иркутск, 1937 год.
3. Предположение автора: телеграмму в Красноярск могли отбить присутствующие на похоронах В. И. Сурикова председатель сибирского общества К. Н. Михновский и члены сибирского общества в Москве М. М. Зензинов, В. Н. Васгин, художник и скульптор И. И. Попов («Похороны В. И. Сурикова», «Русские ведомости», среда, 9 марта 1916 года).
4. Газета «Сибирская мысль» №34, вторник, 8 марта 1916 года.
5. Примечательно, что отец Степана Ивановича — Иван Потылицын — был причетником Градо-Красноярской Всех Святых церкви и исполнял обязанности дьячка. Он при священнике Василии Евтифееве принимал участие в крещении Василия Ивановича Сурикова и подписал 13 января 1848 года его метрику.

— Что же, господа гласные, прошу голосовать…

Доктор Крутовский, всё ещё погружённый в свои мысли, продолжал слушать эту привычную словесную казённую чиновничью жвачку, как вдруг до него дошёл смысл происходящего. В одно мгновение он вскочил с места, так что его волосы, лежавшие в красивом проборе набок, разметались по лицу.

— Постойте, господа гласные! — почти вскричал он, отбрасывая рукой волосы со лба. — Я прошу слова!

— О чём вы желаете говорить, Владимир Михайлович? — городской голова недовольно наморщил лоб. — У нас регламент…

— Дайте ему слово! — донёсся зычный голос отставного генерал-майора Михаила Павловича Михайлова. — На то и право гласных — говорить!

Послышались и другие голоса. Гласные знали, что доктор Крутовский всегда высказывается по существу, и потому за ним обычно бывает существенная партия в городской думе. И потому его недавно выдвинули в директора гимназии.

— Хорошо, говорите, господин Крутовский, — недовольно пробурчал Потылицын, уткнувшись в бумаги, делая вид, что старательно их изучает.

— Господа гласные… В далёкой Москве скончался великий русский художник, первостатейный талант из громкой и славной плеяды Крамского, Ге, Репина, Максимова, составивший славу Красноярску на всю Россию-матушку, а вы, Степан Иванович, даже не предложили собранию почтить его память вставанием! Когда давеча, в конце февраля, скончался гласный думы господин Андрей Гаврилович Калугин, почему-то ни у кого не возникло сомнений, что нужно надлежащим образом почтить его память! Или вы считаете, что заслуги у художника Сурикова перед Красноярском меньше, чем у купца второй гильдии? Даже члены императорской фамилии почтили память художника, выразив соболезнования в телеграммах и отправив венок ко гробу Василия Ивановича[6]… Господа, я считаю, что мы должны почтить память маститого художника-сибиряка хотя бы вставанием.

В зале поднялся шум. Послышались голоса: «Да уж, не по-божески! Надобно отдать должное…»

Городской голова глубоко вздохнул, воздвиг своё тело вертикально и попросил господ гласных почтить память художника Сурикова вставанием. Секундная стрелка не успела пройти и шестой части своего круга, как из уст городского головы прозвучало:

— Господа, прошу садиться. Переходим к следующему вопросу… — Степан Иванович осёкся, увидев, что статский советник Крутовский и не думал садиться на место. — Господин Крутовский, мы почтили память вашего знакомого. Что ещё вы желаете? У нас громадное количество вопросов не разрешено. Нам надо решить вопрос о комитете помощи беженцам…

— Что я ещё желаю? Вы спрашиваете у меня, «что ещё»? — уже перестав сдерживать себя, вскрикнул Крутовский. — Сибирь и Красноярск потеряли в лице Василия Ивановича Сурикова своего величайшего сына, а вы относитесь к этому вопросу, словно мы обсуждаем вопрос о понижении арендной платы Николаю Кузьмичу Каширину за кишечный завод или об организации новых выездов ассенизационного завода. И то, право, сказать — с гораздо меньшим вниманием.

— Ваша ирония неуместна, господин Крутовский, — строго сказал городской голова. — Это всё важные *жизненные* вопросы Красноярска.

— Я правильно вас понял, Степан Иванович? — Крутовский говорил всё горячее. — Вы считаете вопрос о Сурикове «не жизненным»?

— А как, милейший Владимир Михайлович, по-вашему, мы должны относиться к этому печальному событию? — Потылицын театрально воздел взгляд в потолок. — Что, действительно, мы можем сделать? Господин Суриков преставился в Москве. Мы здесь. И потом, уж верно, семья его не бедствует. В чём вы видите нашу роль?

— Роль? Да роль наша — сохранить память о нашем великом красноярце для потомков, увековечить её! — горячо ответил Крутовский. — Нам же особенно тяжела эта утрата. Василий Иванович был наш, красноярец, природный сибиряк, который всей душой любил Сибирь, всегда поддерживал с ней связь, часто гостил у нас в Красноярске, и мы знаем, каким он был замечательным и обаятельным человеком. Красноярск не должен забывать своего талантливого сына и должен посвятить его имени что-нибудь значительное и существенное.

— И что же, по-вашему, «значительное», и, самое главное, на какие средства вы предлагаете всё это учредить, господин статский советник? — прищурившись, спросил городской голова. — Вы что, забыли, какое время на дворе? Мясо на рынке три дня в неделю продают, беднота голодает, пленных и беженцев кормить надо, со дня на день карточки на сахар вводить придётся. И эпидемии кругом! Вам, как доктору, Владимир Михайлович, это хорошо известно. Пленные турки мрут от чахотки, а немцы, австрияки и мадьяры — от тифа.

6. *От августейшего президента академии художеств великой княгини Марии Павловны*: «Поражена известием о кончине В. И. Сурикова, разделяю вместе с Императорской академией художеств ваше горе и скорблю об утрате, понесённой русским искусством, в лице отошедшего в вечность гениального исторического художника. Президент Мария». *От великого князя Георгия Михайловича:* «Прошу вас принять от имени Русского музея императора Александра III чувство глубокого соболезнования по случаю кончины вашего батюшки — несомненно, горестной утраты для русского искусства. Георгий» («Похороны В. И. Сурикова», «Русские ведомости», среда, 9 марта 1916 года).

— Ну, уж вы не преувеличивайте, Степан Иванович,—прозвучал в ответ густой голос бывшего красноярского головы Шепетковского[7].—На содержание пленных нам платят их государства, а офицерский военный городок для пленных вообще производит впечатление весёлого пансиона для знатных иностранцев.
— Господа гласные…— Крутовский выдержал паузу, подождав, когда затихнет поднявшийся было шум.—Господа гласные… Скончался величайший наш исторический художник. Самобытный, сильный, насквозь русский. Искренний, правдивый, проникновенно-страстный, создавший бессмертные творения. Да Суриков в русской живописи наравне с Достоевским в русской литературе—это два великих национальных таланта, родственных в их трагическом пафосе Суриков следил за сибирской жизнью, радовался её развитию и горевал с её горем. Он видел Сибирь здоровой, мощной и культурной. В коренных сибиряках он видел особую породу, он восхищался их смелостью. О сибиряках он рассказал в своих картинах всей России… И теперь эти сибиряки спрашивают, на какие средства увековечить его память?
— Ну хорошо…— городской голова склонил голову.—И каким же образом вы предлагаете увековечить память о Сурикове в Красноярске?

Слова попросил учитель и член комиссии рисовальной школы Андрей Иосифович Громичевский.
— По моему мнению, было бы лучше всего собрать капитал, для того чтобы снять хорошие копии с его картин. Конечно, если не в натуральную величину, то, во всяком случае, серьёзно и прекрасно выполненные,—он помолчал немного и продолжил:—И при будущем музее хорошо бы отвести отдельную комнату—для картин красноярца Василия Ивановича Сурикова. Пусть будущие поколения смотрят на его работы, пусть учатся на нём и пусть знают, что Красноярск дал талантливого, великого художника. Благо, у нас в городе имеются его работы: и «Милосердный самаритянин», и ещё очень хорошее полотно его «Исаакиевский собор в лунную ночь». Обе у Кузнецовых.
— Да, господа гласные, думаю, что отвечу за всех, а если не за всех, так за большинство, если скажу, что граждане Красноярска могут гордиться, что из их среды вышел такой великий художник и талантливый человек, каким был Василий Иванович Суриков,—золотопромышленник и меценат Гадалов поднялся со своего места и поднял руку, воздев указательный палец к потолку.—Казённые решения неуместны в данном случае. Надеюсь, вы не желаете, чтобы отцы города прославились своей невежественностью на всю Россию? Тут надобно поступить по-особому, с любовью к памяти Сурикова и с рассудительностью к тщательнейшему сбережению памяти о нём для потомков.

Гласные притихли. Потылицын повернулся к купцу:
— Так что же вы предлагаете, Николай Николаевич? Вы же заявление подали десятого февраля, что от звания гласного отказываетесь?—спросил он Гадалова.
— А какое, господин городской голова, это имеет отношение к рассматриваемому делу? Пока я гласный, первым делом я бы предложил создать фонд по увековечиванию памяти художника, а для разумного управления капиталом фонда учредить специальную комиссию из числа гласных. А там уж комиссия наилучшим образом, исходя из размеров собранных средств, рассудит, что и как делать для сохранения памяти о сибирском художнике. Мне думается, что если должные средства изыскать, то можно было бы и о памятнике Василию Ивановичу на какой-нибудь из центральных площадей подумать. Вот хоть на Театральной.
— Да в такое время, когда скоро карточки вводить на еду для населения придётся, самое время памятники на площадях ставить. Вон в Тобольске уже карточки на муку ввели,—раздался чей-то молодой голос.
— А хоть и карточки. В фонд горожане свои деньги собирать будут, да и не только горожане. Что же, считаете, в России не найдутся желающие помочь благому делу?—спросил купец Пётр Ефимович Шмандин.
— Да уж, верно, найдутся,—поддержал молодой архитектор Леонид Александрович Чернышёв[8].—Памятник на площади—дело хорошее, но ещё важнее издать памятную книгу, где была бы

7. Николай Александрович Шепетковский, вероятно, помнил свою встречу с В. И. Суриковым ещё в марте 1870 года в Санкт-Петербурге, на квартире у Кузнецовых. На сестре Н. А. Шепетковского Екатерине Александровне был женат врач и общественный деятель Пётр Иванович Рачковский, сын протоиерея красноярского Воскресенского собора И. М. Рачковского. С Екатерины Александровны был написаны: в 1886 году—этюд к картине «Боярыня Морозова» («Молодая женщина в золотом оплечье», Рязанский художественный музей); в 1889–90 годах—этюд к картине «Взятие снежного городка» (х., м., 32 × 24, Музей-усадьба Сурикова, Красноярск) и два портретных рисунка карандашом на бумаге (там же); в 1891 году Суриков написал с неё этюд «Сибирская красавица» (х., м., 50 × 39, Государственная Третьяковская галерея). Екатерина Александровна рано умерла от рака.
8. Л. А. Чернышёв (1875–1932) учился на архитектурном отделении Московского училища живописи, ваяния и зодчества. В 1890-х Суриков написал его портрет (х., м., 16 × 12, Красноярский краевой художественный музей имени В. И. Сурикова). В. И. Сурикову и Л. А. Чернышёву принадлежит инициатива открытия в Красноярске художественной школы, которая открылась 27 января 1910 года. Чернышёв был товарищем Сурикова по гитарной игре в Красноярске.

изложена вся его жизнь, творчество и оценка его художественного значения, и иллюстрировать эту книжку снимками с его произведений. Такую книгу смогут увидеть не только в Красноярске, но и по всей России.

— Что же, господа гласные, хочу вам напомнить, что вопрос о Сурикове у нас внеочередной, а мы на него вон уже сколько времени потратили. Так мы все вопросы с вами сегодня не решим. Думаю, что пора подвести краткий итог и поставить вопрос о создании комиссии по увековечиванию памяти В. И. Сурикова на голосование. Прошу приступить к баллотировке вставанием, господа гласные…

Против ожидания Крутовского, для принятия решения перевеса голосов не получилось. Городской голова Потылицын, сдержано улыбаясь в свои пышные усы, повернулся к Владимиру Михайловичу и произнёс:

— Видите, многие решения не принимаются у нас потому, что гласные недостаточно исправно посещают думские заседания и срывают своей неявкой кворум.

Владимир Михайлович не выдержал и выпалил в ответ:

— Я с вами абсолютно согласен, Степан Иванович, многие нужные решения у нас принимаются очень медленно, гораздо медленнее, чем того требует жизнь. Но происходит это вовсе не от неявки гласных, а по совершенно иным причинам, требующим усердия, за которое вам, между прочим, была вручена медаль…

Городской голова тут же принялся что-то возмущённо говорить о том, что усматривает в этом заявлении упрёк лично ему. В зале вновь начались пререкания, заёрзали стулья, гул стал нарастать. Владимир Михайлович Крутовский закрыл лицо ладонями и, вглядываясь в шагреневую черноту, открывшуюся перед глазами, пытался представить, что же будет там, за порогом, который можно переступить только один раз…

Вы придите, братье, да послушайте писание
Про житие человеческое, писания Божьего!
Когда человек да на земле живёт,
Он яко трава в поле растёт,
А ум в человеке яко цвет цветёт.
Со вечера человек веселился, радовался,
Поутру человек во гробу лежит:
Его резвые ноги подломилися,
Его белые руки опустилися;
Не успел прижать руки к ретивому сердцу.

27 марта 1916 года.
Красноярск.
Газета «Вестник Приенисейского края».

6 марта, в 4 часа 15 минут вечера, в Москве, в гостинице «Дрезден», 68 лет от роду, скончался великий художник земли русской Василий Иванович Суриков, имя которого в истории русской культуры, в познании русского духа станет рядом с именами Достоевского и Толстого. Подобно им, он развернул огромные полотна, на которые вывел перед изумлённым миром подлинный русский народ в его динамике, в его шествии по тому крестному пути, который именуется русской историей.

Особенное его для Сибири значение заключается в том, что он перенёс на свои полотна стихию Сибири; здесь он вдохновлялся, здесь он находил сохранившимися черты русской истории, как они отобразились на психике человека и на его бытовом укладе. Он показал, что Сибирь и есть самая подлинная Русь.

Обманчивую перспективу очертаний родного Енисея он перенёс на свои холсты — а критики толкуют о несоблюдении Суриковым законов перспективы. Он же только изобразил воздух родимого края. Там, где сумрачная природа накладывает печать на душу человека, — там перспектива совершенно не та, к которой привык глаз художника других стран.

Несомненно, что в будущем Сибирь окажет своё мощное влияние на культуру России, внося в неё своеобразные национальные черты. Но несомненно также и то, что творчество Сурикова с годами будет оказывать глубокое влияние на культурный рост самой Сибири.

Д. Е. Лаппо.

1 ноября 1916 года.
Газета «Енисейский край», № 6.

В комиссии по увековечению памяти В. И. Сурикова:

А. И. Суриков, брат художника, делает заявление, что дочери покойного Василия Ивановича готовы

9. Дмитрий Евдокимович Лаппо (1861–1936) проживал на ул. Воскресенская, д. 41. Юрист, публицист, издатель, член правления Географического общества, народоволец, лидер партии конституционных демократов (кадетов). Был одним из инициаторов создания в Красноярске рисовальной школы. Активно выступал против захвата власти большевиками во главе с Лениным. После падения власти большевиков в 1918 году был инициатором ареста красноярских большевистских лидеров. В 1918 году обосновал образование Сибирского федеративного государства, создание законодательного органа — конгресса Сибири, избрание её президента и принятие сибирской конституции. Арестован по приходе Красной армии в 1920 году, но вскоре оправдан и отпущен. Работал в Красноярске юрисконсультом. Вновь арестован в 1931 году вместе с сыном по обвинению в подготовке свержения советской власти. Освобождён в 1932 году. Скончался в 1936 году. Похоронен на Троицком кладбище Красноярска. Реабилитирован в 1997 году. В 2007 году компетентные органы «посоветовали» не включать подробное жизнеописание Д. Е. Лаппо в Книгу памяти жертв политических репрессий Красноярского края.

сделать всё, чтобы здесь, в Красноярске, на родине их отца, оставить достойную о нём память. Они жертвуют городу кисти, палитру и краски Василия Ивановича, гипсовую маску, снятую с него после смерти, бюст работы Меркулова, альбомы, этюды и пр.

Протокол заседания Красноярской городской думы №181 от 16 ноября 1916 года «О пожертвованиях в фонд по увековечиванию памяти В. И. Сурикова и о выражении благодарности П. И. Гадалову за пожертвование в фонд 500 рублей»:

Председатель городской комиссии по увековечиванию памяти В. И. Сурикова:

На заседании комиссии 29 октября член комиссии П. И. Гадалов сделал заявление, что он жертвует в фонд по увековечиванию памяти В. И. Сурикова 500 рублей. Комиссия постановила благодарить за пожертвование П. И. Гадалова и просить г. городского голову довести о пожертвовании Гадалова до сведения городской думы. Кроме того, считаю нужным сообщить, что через редакцию газеты «Сибирская мысль» поступили в фонд имени В. И. Сурикова 40 руб., собранные учащимися Красноярско-Енисейского землячества.

Об изложенном городская управа имеет честь доложить городской думе.

Заслушав доложенное, городская дума постановила:

1. Заявление председателя комиссии по увековечиванию памяти В. И. Сурикова — принять к сведению.
2. П. И. Гадалову за сделанное пожертвование в сумме 500 руб. — выразить благодарность.

ДиН ревю

Реальность континуума

Новое приложение к журналу «День и ночь»

В 2011 году, благодаря усилиям друзей журнала «День и ночь», увидел свет его внеплановый, дополнительный седьмой номер. Вместе с изданием «ДиН роман» он положил начало выпуску приложений, которые, с одной стороны, очень нужны писателям, поскольку сокращают путь к читателю произведений, запланированных к публикации в журнале в текущем году, но по каким-либо причинам не оказавшихся на его страницах; с другой стороны, таким образом читатели более оперативно получают авторитетные рекомендации «ДиН» по поводу новинок художественной литературы, предназначенных именно для взыскательного, квалифицированного чтения, а не только для удовлетворения авторского тщеславия или позиционирования на книжном рынке. Посоветовавшись со специалистами в области книгоиздания и книгораспространения, мы решили суммировать результаты нашего опыта в виде нового проекта. Это книжная серия «ДиН библиотека». Ежегодно редакция «ДиН» будет выпускать один-два сборника рассказов и повестей, которые под грифом нашего журнала попадут на полки общественных и личных библиотек.

Перед вами — первый такой сборник. В нём представлена малая проза постоянных авторов «ДиН», живущих и работающих в разных уголках земного шара и создающих в совокупности художественную реальность современного континуума — разнородную, разноплановую, но единую и целостную во всём своём многообразии.

Илья Иослович, Семён Каминский,
Лана Райберг, Салахитдин Муминов,
Оксана Елисеева, Каринэ Арутюнова,
Александр Орлов, Владимир Плёсов,
Александр Матвеичев, Юрий Максимов

Вадим Ковда

Лев Николаевич Таран

Россия упорно продолжает сорить талантами. Один из лучших поэтов второй половины двадцатого века Лев Таран (1938–1995) остался практически неизвестным, непрочитанным, непонятым. У него есть такие строки:

Комсомольцы-добровольцы…
Лагеря в колымской мгле…
Прозевали богомольцы —
Страшный суд был на земле.

Какая сила, какая мощь брезжит в этих строках! Но дело не в этом. Я хочу обернуть их на судьбу автора. Поэты, критики, читатели, окололитературная тусовка… Страна прозевала очень значительного поэта — не побоюсь сказать, в лучших стихотворениях поднимающегося до тютчевского уровня.

Он родился в Красноярске. Здесь окончил школу и медицинский институт. В семидесятых годах перебрался в Москву, точнее, в подмосковный Дмитров, откуда раз в четыре дня ездил на работу. А трудился он дежурным психиатром в знаменитом Склифе, то есть на скорой психиатрической помощи института Склифосовского. Благодаря этому он хорошо знал всевозможные, в том числе и самые тяжёлые, болезненные закоулки бытия. Но и имел возможность уделять достаточно времени творчеству.

При жизни у него вышли два сборника стихотворений — один в Красноярске и один в Москве. Оба содержат стихи в основном не лучшие, не выражающие самых сильных сторон его огромного, пронзительного таланта. Он был вынужден соглашаться с неудачным отбором текстов и трусливой, навязчивой редакторской правкой. В периодике Лев Таран практически не печатался. Средней руки, осторожные подборки в журналах «Смена» и «Юность» мало кто заметил, да и быть иначе не могло. И всё-таки в Союз писателей Москвы был принят, но вскоре ушёл из жизни.

Сердце не выдержало нервотрёпки тяжелейшей работы, да и извечной русской беде был подвержен. Хотя сам выводил из запоев своих приятелей. Написал стихотворение, конечно же, оставшееся неопубликованным:

Слава Богу, что я не печатался,
не прославился, не преуспел…
Я бы ныне иначе печалился,
по-иному бы думал и пел.
Я полжизни убил над задачником…
А ответ оказался простой:
нужно неслухом быть, неудачником,
чтоб самим оставаться собой.
И, приблизившись к самому краю —
сентябрю, октябрю, ноябрю,
я судьбу свою благословляю
и Всевышнего — благодарю.

Я дружил с ним — надёжным мужиком и интереснейшим собеседником, любил многие его стихи. Вскоре после его смерти мы провели единственный творческий вечер поэта Льва Тарана. На следующий день я отправился в Дмитров и привёз оттуда часть его архива, которую позволила забрать вдова поэта. Через несколько месяцев ушла из жизни и она. Оставшаяся часть архива — неизвестно где. Прошло восемнадцать лет… Всё меньше остаётся людей, которые дружили с Лёвой и знали цену его стихам. Недавно мне стало известно: его друг ещё по Красноярску, известный ныне писатель Евгений Попов с большим трудом отыскал в Дмитрове заброшенную могилу Льва Тарана.

Мне кажется, что его стихи действительно нужны России и будут востребованы читателями. Он писал методом прямого высказывания, как писали поэты Золотого века. Если бы его щедрее публиковали, если бы он был замечен и прочтён, то, возможно, современная поэзия была бы иная. А всевозможные метафористы, метаметафористы, мелкие юмористы, герметисты и прочие «исты» не имели бы шансов на успех. И, может быть, интерес к поэзии сохранился бы. И народ не отвернулся бы от поэзии, скомпрометированной всевозможными «Лонжюмо» и «Казанскими университетами». Лучшие стихи Льва Тарана выстраданы, жизненны и обладают огромной силой воздействия.

А кто вспомнил об ушедшем поэте? Андеграундский журнал «Соло», «День и ночь». И всё…

Слышал, что друзья Тарана в Красноярске собираются издать частным образом книгу его избранных стихотворений.

Дай Бог, чтобы это произошло. И тогда великая русская поэзия прирастёт Сибирью — его замечательными стихами.

Лев Таран

Обрыв

Муж и жена

Он не знает её дела,
Что она с подругой жила.
Потому и осталась — чистой.
Он не ведает истин простых,
Что весёлая свадьба их
Для неё была ненавистной.

Он не может её понять.
Говорит ей ласково:
— Мать,
Ну чего тебе ещё нужно?
Говорит он — высок, чернобров:
— Сам не знаю, на что готов,
Чтобы жить нам спокойно и дружно!

И она, чтобы он не зачах,
Отдаётся ему второпях,
А потом засыпает тревожно.
Понимает она, что к чему.
Понимает она, что ему
Ничего объяснить невозможно.

● ● ●

Ночь черным-чернёхонька.
Вдруг луна — в проём.
Вспыхнула черёмуха
Дьявольским огнём.

Дикие, порочные —
В дебрях темноты —
Густо заворочались
Дальние кусты.

И сквозь эти скверности —
Сами не свои —
О любви, о верности
Пели соловьи.

На похоронах сына

Гром грохотал не сильно
в преддверии грозы.
На похоронах сына
не пролил я слезы.

Гром грохотал не шибко.
Ползла, сгущалась мгла…
Врачебная ошибка
допущена была…

Когда на край могилы
поставили мы гроб,
во мне хватило силы
рукою стиснуть лоб.

Глядели виновато
товарищи мои
на комья рыжеватой
рассохшейся земли.

Синел расшитый чепчик,
белела простыня.
Лежал он — человечек,
похожий на меня.

А туча всё огромней
ползла наискосок.
Ещё одно я помню —
сухой земли комок.

Венки на холмик рыжий
легли, закрыли сплошь.
Гром грохотал всё ближе.
Потом закапал дождь…

Потом — я помню смутно —
заторопились все
к бетонной крытой будке,
торчащей у шоссе.

● ● ●

Она умирала от рака. Однако
Ещё улыбалась, ещё говорила.
Она не боялась грядущего мрака.
Жила в ней какая-то тёмная сила.

И муж исхудавший склонялся над нею.
Кормил её с ложечки — тихий и жалкий.
И гладил ей руку, от страха бледнея.
И всё повторял свои «ёлки-моталки».

Она изменяла легко и бесстрашно,
Всегда повторяя коронную фразу:
«Тебя не люблю я! Но это — неважно!»
Она истребляла любовь, как заразу.

И вот он — единственный! Нежный и кроткий.
Сидит отрешённо, уставившись в точку.
Она обозлилась: «Да выпей ты водки!
Мне тоже плесни, чтоб не пить в одиночку».

Она не боялась ни рая, ни ада.
Она не боялась ни чёрта, ни Бога.
И лишь от невинного мужнего взгляда
В душе поднималась больная тревога.

Сознаться б во всём и раскаяться — разом!
И сердце наполнится чистой любовью.
Да он не поймёт. Да и знать не обязан.
Она улыбалась. И харкала кровью.

И муж улыбался. И гладил ей руку.
Глядел на неё, откровенно жалея.
И эту запретную смертную муку
Ей вынести было всего тяжелее.

Она умерла, не сказавши ни слова.
И дети, и муж безутешно рыдали.
И было лицо её бледно-сурово.
И дети — святою её называли.

Обрыв

Ничего я собой не значу.
Я во власти грехов и страстей…
Но над бедною родиной плачу,
Над любимой и кровной своей.

Березняк, запорошенный снегом.
Серый мрак вперемешку с тоской.
Я и сам перемешанный с небом,
Высоко, над замёрзшей рекой.

За рекою — холмы и равнины.
Деревеньки темнеют вдали.
Это родины нашей руины.
Их надолго снега замели.

Что там — криков и лозунгов ветошь?
Каждый вздох, каждый шаг — на крови.
Знаю, родина, что не заметишь.
Слава Богу, что ты не заметишь
Эти жалкие слёзы мои.

● ● ●

Господь, не нужно Страшного суда.
Вся наша жизнь — незримый Страшный суд.
И что страшнее может быть, когда
Соседа на плечах в гробу несут?

Ещё недавно выпивали с ним.
Отправил он на дачу всю семью.
И был его порыв необъясним:
— Я расскажу тебе всю жизнь мою.

Он сызмальства столкнулся с нищетой.
И горя, и жестокости хлебнул.
В пять лет остался круглым сиротой.
Потом детдом. Голодный Барнаул.

Но выучился он. На ноги встал.
Женился. Оперился. Сын и дочь.
— А вот теперь, — вздохнул он, — я устал.
Почти не сплю. Ворочаюсь всю ночь.

Да, воровал, но всё тащил в свой дом.
В свою семью. В свою родную клеть…
Не думал он, не мыслил он — о том,
Как будет сын презрительно глядеть.

Что станет шлюхой собственная дочь,
Как шлюхою была его жена…
Хоть я ничем не мог ему помочь,
Он выставил ещё пять штук вина.

Мы пили с ним до солнца, до утра.
И обнимались, и в любви клялись.
— Ведь я своей семье желал добра, —
Твердил он мне, — такая нынче жизнь.

И вот… я не забуду никогда,
Как тяжко на плечах несли его…
Господь, не нужно Страшного суда.
Вообще судить не надо никого!

● ● ●

Я ей твердил: поверь в меня, поверь!
Морозный вечер, лёгкий снег над нами.
Хлопок дверей — и рваный пар, как пламя,
Из магазина вылетает в дверь.
Она в ответ: я никому не верю.
Она в ответ: не веря, легче жить.
…А на плечах её сугроб лежит.
И шапочка мохната, будто верба.

Она в меня поверила потом,
Когда уже ходила с животом.
Мы встретились на улице внезапно.
— Спасибо, милый, если бы не ты —
Давным-давно пришли бы мне кранты, —
Всё это она выпалила залпом,
Моя любовь, мой бог, мой идеал,
Она глядела нежно и призывно.
Но мне она в тот миг была противна.
С тех пор её я больше не встречал.

Елена Атланова

«Клеть свободы» Александра Файнберга

Надежды мне достаточно вполне.
Да и могила—не конец дороги.
Александр Файнберг

Рассказать об Александре Файнберге—задача архисложная. Казалось бы, что проще, чем написать о поэте? Ведь поэт сам по себе личность всегда открытая—читай все кому не лень, внимай, думай, восхищайся, ёрничай, домысливай… стучащемуся да отверзнется! Снова и снова перечитав несколько последних стихотворений Александра, сижу и думаю о нём. А думать о нём—штука, надо сказать, великолепная. Присоединяйтесь…

А что, скажете вы, думать о нём? Всё и так как на ладони, с предельной откровенностью вырисовывается непростой путь поэта. Честные тексты, как прозрачная леска, пронизывают все его дни, как бусинки, от детства до зрелости, а между строк (вот оно, хватай, не упусти!)—уже слепит глаза и живейшая изменчивая философия любви, и полуобороты страсти, и нескучная вибрация внутреннего поэтического мира. Его Жизнь и уже даже Смерть его—всё тут, в этом томике… Какие ещё нужны слова или пояснения?

Ан нет… Возвращаешься снова к его книгам—и тут же огорошивает понимание того, что ничегошеньки об этом человеке тебе неизвестно…

Воротись к удачам и веселью.
Что за блажь—дружить с моей бедой?
Для тебя—гляди—в ночи весенней
Народился месяц молодой.

Так иди ж дорогою зелёной.
Слёзы и печали позабудь.
Что тебе мой путь заговорённый?
Что тебе мой путь?

Иногда мне кажется, что Александр Файнберг настолько прост—ну как учебник, как азбука, как прописная истина; однако перелистываешь страницу—и снова бездна раскрывает перед тобой нестрого очерченные пространства поэзии…

Мы жили в одном городе, городе нашего детства, ходили по одним и тем же улицам, дышали одним воздухом. Несмотря на некоторую разницу в возрасте, считаю, что мы с Александром одного поколения, одного поля ягодки. И это наше поле всегда было сложно кроенное, противоречивое, где паханное-перепаханное, а где непроходимое, как дебри. Помню советские годы, когда повально модно было увлекаться сверхновой поэзией—в то время Файнберг казался неким недоступным богемным символом, прописанным среди именитых поэтов где-то между Вознесенским и Казаковой, его нечастые публикации зачитывались до дыр, а выступления со сцены—ошпаривали вольнодумием. Не многие решались запросто подойти и познакомиться с красивым умным голубоглазым брюнетом. Сегодня такое и вспоминать странно, тем более что ореол олигарха поэтического олимпа создавался не самим Александром Файнбергом, а зиждился на тогдашнем нашем всеобщем отношении к поэзии и к людям, производящим эту странную замысловатую ткань.

Только через много лет состоялось наше личное знакомство—в последний год жизни Александра Аркадьевича. Я была удивлена необыкновенной лёгкостью, с которой он открыл мне двери в свою жизнь. Многие мои соотечественники говорят сейчас: он был простым человеком… Отнюдь нет. То, что с ним было легко и необыкновенно интересно общаться, никак не означало простоты его натуры. Файнберг позволял себе быть разным и при этом не надевать масок. Мне представляется, что Александр мог быть вообще любым: он переходил из слоя в слой своих персональных проявлений одновременно и спонтанно так легко, как тот кот, который гуляет сам по себе по теоретически существующей крыше.

При дубе кот. Здесь блошка не хамит.
Вот и гуляешь голым при народе.
Пойдёшь направо—песенку заводишь.
Налево—сказку травишь, сибарит.

Я тоже, братец, говорящий кот.
Но у меня других полно хлопот.
То гонят псы, то блохи за ушами.

Всяк по натуре свой удел терпи.
Я буду вольно промышлять мышами.
Ты днём и ночью шастай по цепи.

Допускаю, что иногда Александр мог быть даже ядовит, но ядовит гениально и неагрессивно, дабы лишь сохранить своё собственное творческое личностное пространство.

Я слог ищу. Перебираю струны.
А ты на абордаж берёшь трибуны.
Доносами пугаешь белый свет.

К чему сей труд?.. К известности? К награде?
Ну что ж... ты заработал на сонет.
Возьми его, убогий, Христа ради.

Что поражало сразу, с первого взгляда,— в глазах, которые жили на его лице по правилам собственного сюжета, сквозила некая неуправляемая стихия вольного, во всей своей абсолютности, сознания. И чистота. Я имею в виду ту чистоту, которую изначально нельзя нарушить, какими бы средствами ни пользовался. Боюсь, что сейчас некоторые современники могут из Александра Файнберга делать рисованную глянцевую иконку: мол, гений, провидец и т. п... Или, наоборот, станут лепить из него жертву перестроечного времени. Знаю точно: этот человек ни у кого никогда не вызывал жалости, даже в самые паршивые годы, когда его игнорировали все местные журналы и издательства. Он выжил, он уцелел, как зимний мотылёк Бродского, он не уехал из страны — и стал настоящим русским поэтом на узбекской земле.

Вот как странно. Рукописи и правда не горят и не залёживаются под сукном, если они значимы для читателя; такие рукописи рано или поздно придут к нам с вами. При жизни Александр стал народным поэтом Узбекистана, хотя сам никогда не стремился попасть в какие-нибудь элитарные списки, избегал высокопарности и не гнался за официальными лаврами.

Это можно удавиться.
Кто я здесь? Отпетый вор?
Гляну вправо — там граница.
Влево гляну — там забор.

Узаконены лимиты.
Но по мне ль такой закон?
Ни к одной ограде в мире
не пошёл я на поклон.

Ни в мороз, ни знойным летом,
ни во сне, ни наяву
Сам себе смастырил клетку.
Вот свободно и живу.

В Интернете крайне мало выложено фотографий Александра Аркадьевича, в основном это фотографии публичных выступлений. Не могу сказать, что возраст не накладывал отпечаток на его внешность, нет, вы и сами видите цепкие морщины на лице... но это только фото. Уверяю вас, вживую он не производил впечатления пожилого человека. Двигался по-мальчишески легко. Речь его была жива и уникальна: когда он рассказывал что-то, то входил в роль, и перед глазами сразу вырастали образы и события — как в кино. Кинорежиссёры не зря давали Александру пусть и эпизодические, но весьма яркие и фактурные роли. Его голос. О... это отдельная тема для пересудов... Глубокий и хрипловатый, тембр был настолько уникальным и особым, что его можно было узнать по телефону с одного звука. Именно по телефону и состоялась наша первая беседа. Именитый поэт представился очень просто: Саша Файнберг. А ведь ему было тогда без года семьдесят лет!

Расскажу, как было. Работаю я в софтверной компании — это большой по нашим масштабам коллектив разработчиков программного обеспечения из семидесяти человек. Нам предстояло провести один из корпоративных праздников, и мне придумалось сделать сотрудникам нестандартный подарок. Увидев как-то свежую публикацию стихов в местной газете, я была поражена тем, что Файнберг ещё в Ташкенте, не уехал ни в Америку, ни в Израиль, ни в Россию, что он тут!.. И у меня вдруг буквально встала перед глазами следующая картинка: вот поэт приходит к нам в офис компании и читает свои стихи воочию... Не долго думая и прошерстив Интернет, я достаточно легко нашла адрес поэта. Спонтанно, буквально за десять минут, изложила свою просьбу — прийти к нам в офис и почитать стихи для коллектива... Не знаю, на что я надеялась,— ведь в моём подсознании Файнберг оставался всё тем же самым недоступным символом богемы. Ну, что сделано, то сделано: недлинный текст, кстати, очень честный, был мною отправлен.

Прошло какое-то время, уже и забылась та абсурдная, как казалось тогда, фантазия, но, как водится, в один прекрасный день — вдруг раздаётся звонок, и незнакомый тихий глубокий голос говорит: «Здравствуйте, я Саша Файнберг, я получил ваше письмо, и оно мне понравилось. Я обязательно приду, если выздоровею. Обещаю очень скоро позвонить и сказать, выздоровел я или нет». От неожиданности я смогла лишь поблагодарить за звонок.

Действительно, через неделю Александр снова позвонил и сказал: «Я выздоровел»,— и мы без церемоний договорились о дате и времени встречи. Я пообещала прислать за ним машину, но он не допускающим возражения тоном ответил, что великолепно себя чувствует и дойдёт сам, да и живёт он в десяти минутах ходьбы.

Таким образом, первое очное знакомство состоялось именно в офисе нашей компании. Не скрою, что накануне я прошлась по комнатам и сказала коллегам примерное следующее: господа хорошие, у нас завтра в гостях поэт Александр Файнберг.

Если вы придёте, послушаете живые стихи, а потом возьмёте автограф у нашего соотечественника — вы никогда не пожалеете, а эту встречу будете помнить долго-долго, и через несколько лет все события этого дня станете бесконечно пересказывать сначала своим детям, а потом и внукам. Почему? — спросите вы. Да потому что наш гость совсем скоро будет канонизирован и войдёт во все мировые хрестоматии как великий русский поэт.

А ведь так и случится… как думаете?

Файнберг выглядел чуть усталым, немного покурил у окна, перед началом творческой встречи мы поговорили обо всём сразу и ни о чём. Скорее всего, есть особая магия знакомства с личностями такого масштаба. Потом, зайдя в аудиторию, он, дружелюбно и цепко оглядев собравшихся, стал просто читать стихи, выбирая их по какому-то одному ему известному порядку. Ах, вы, наверное, не знаете, кто такие программисты… Знаете? Ну да, правильно, это такое виртуальное племя людей, внимание которых удержать чем-то, кроме компьютера, практически невозможно. Однако произошло следующее: мы все притихли и, несколько ошеломлённые необычностью происходящего, сидели и слушали… Стихи Александр читал как-то по-особенному, без пафосных обертонов, не грассировал звуки, голос его иногда становился настолько тих, что казалось — это даже не стихи, читаемые со сцены, а доверительный личный разговор между двумя понимающими. Не знаю как, но даже не постепенно, а как-то вдруг — наш персонал, состоящий из разнородных технических профессионалов и, кстати, очень непростых личностей, вдруг стал публикой, с которой так естественно говорить о поэзии.

Зачем зовут меня твои моря?
Я — сын земных береговых развалин.
Я груб. Я недостоин. Я реален.
За что ж тогда мне — музыка твоя?

С тех пор, к моему вдруг вернувшемуся девчачьему восторгу, мы стали общаться, а когда у Александра было особенное настроение — он звонил и читал свои стихи прямо по телефону. Не буду лукавить и скажу предельно честно: я всегда понимала, что любое общение с ним вот теперь, на склоне его лет, — это Событие каждый раз, которое надо запомнить, — как сказал, что сказал, какие стихи прочитал. Далёкая от фанатического поклонения, я искренне горжусь, что была знакома с Александром Аркадьевичем, горжусь, что пусть мимолётно, но мы соприкоснулись с ним рукавами, горжусь, что он был искренним со мной.

Возможно, трудно поверить, я и сама уже плохо верю в это, но когда Файнберг умер — я почувствовала. Было совсем не страшно, а как-то буднично и даже иронично. Я вдруг вспомнила его и подумала, почему он давно не звонил… и сразу поняла: Александр просто не мог звонить, потому что не выздоровел… Он же говорил когда-то в нашем первом разговоре: если выздоровею, я скажу… Если не сказал — значит, не выздоровел…

Но слышу сердцем голос небосвода:
Кто и в капкане вольно может петь,
Тот и достоин истинной свободы.

После смерти поэта вышел новый двухтомник, который мне подарила Инна Глебовна Коваль — супруга Александра Файнберга. Великолепная, талантливая журналистка, образованнейшая и безупречно интеллигентная, она всегда была первым читателем и остаётся честным критиком поэта Александра Файнберга. Мы теперь часто общаемся, она необычайно современна и хорошо ориентируется в новых средствах коммуникации, понимает роль Интернета. Инна Глебовна и сегодня много делает, чтобы творчество поэта было доступно читателям. Я люблю слушать её удивительные рассказы, которые так и просятся стать сюжетом для большого романа о вольном Мастере вольных Сонетов. Может быть, такую книгу Инна Коваль и напишет.

В изгнанье рождённые.
        Нет у нас, милая, права
на счастье людское,
        тем паче на крест и на славу.

И жизни достойной — в Москве ли,
        в Нью-Йорке, в Париже —
ни ты не увидишь,
        ни я никогда не увижу.

И только любовь.
        Этот сон среди чуждых устоев
Один на двоих
        Вот и всё.
                Пробуждаться не стоит.

Что же такого удивительного в поэзии Файнберга? А вы попробуйте отгадать сами, не поленитесь, поищите в Интернете его стихи, его прозу, почитайте — не пожалеете. Вы много узнаете нового — нет, не о нём, а о себе… только о себе, потому что стихи Александра настолько безразмерны, что, примерив их на свою собственную жизнь, на свою любовь, на своё мироощущение, вы наверняка по достоинству оцените этот метафизически безвозмездный дар всем нам.

И до сих пор я не могу понять,
за что мне эта долбанная участь —
счастливым быть, одновременно мучась,
знать жизни этой нищенство и кладь.

Привет, незнайка. Ото всех привет.
Никто из нас веками не научен
ни солнцем ясным, ни звездой падучей,
куда идти, где отыскать ответ.

Александр Файнберг

Вольные сонеты

● ● ●

Приметы детства. С ветерком пальто.
На завтрак—жмых, а к ужину—простуда.
Там я мечтал найти кошель раздутый,
но тот, который не терял никто.

Абсурд, ей-богу. Но зато потом
не стал я ни Гобсеком, ни Иудой.
А где виновен был хоть на минуту—
стоял с повинной, как перед крестом.

Искал я душу даже в падшей дряни.
Терял друзей. У смерти был на грани.
Но ключ не подбирал к чужим дверям.

Вот и стою теперь на пепелище.
Блаженны, кто себя не потерял.
Их никогда нигде никто не ищет.

Умора

Для всех—Аннет. А для меня ты—Нюрка.
Где твой портвейн? Где рожа с синяком?
Откуда вепря с золотым клыком
ты заманила в эти переулки?

Стволами ощетинились придурки.
На «мерсе» к вилле едешь с ветерком.
Купил твой хряк наш скверик с кабаком,
где меж столов шмаляла ты окурки.

Теперь бассейн. И по утрам массаж.
Под вечер—теннис. К ночи—макияж.
Семь дач французам отданы в аренду.

А я, как прежде, весел на мели.
—Ау!—кричу я бывшим диссидентам.—
Как жизнь, шестидесятники мои?

● ● ●

С кем на ковре ты? С кем ты на диване?
От ревности я—в стойке на ушах.
Уэльский принц иль аравийский шах
тебе браслет на ножку надевает?

Я думаю, народом сжат в трамвае,
под мат в исконно русских падежах:
какой же безнадёжный я ишак!
Таких и в Карабахе не бывает.

Ну что мне твои ведьмины глаза?
И вспышка губ? И рук твоих лоза?
Зачем живу, собою не владея?

Любовь? Не только. Всё легло не в масть.
Ни доблестей, ни подвигов, ни денег.
Вот и трамвай сломался, твою мать.

Ташкент, 1943

Над мастерской сапожника Давида
на проводах повис газетный змей.
Жара. По тротуару из камней
стучит к пивной коляска инвалида.

Полгода как свихнулась тётя Лида.
Ждёт писем от погибших сыновей.
Сопит старьёвщик у её дверей,
разглядывая драную хламиду.

Плывёт по тылу медленное лето.
Отец народов щурится с портрета.
Под ним—закрытый хлебный магазин.

Дом в зелени. Приют любви и вере.
Раневскою добытый керосин.
Ахматовой распахнутые двери.

● ● ●

Не задирай перед сонетом нос:
мол, то да сё, и форма, дескать, давит.
Сонет, смеясь, глядит из дальней дали,
когда вот так решают с ним вопрос.

Ему и фарисей смешон до слёз,
когда он, пыжась, форму соблюдает.
Словес, где ни восторга, ни страданья,
сонет вовек не принимал всерьёз.

Но если вдруг тебе для откровенья
он сам явился волей провиденья,
то знай—твоей заслуги в этом нет.

А коль сонет уходит от поэта,
то не поэту надоел сонет,
а ты, босяк, осточертел сонету.

● ● ●

На клык поддел ты времечко лихое.
Подругу продал. Друга посадил.
Теперь, крутой, диктуешь ты один,
кого—на трапы, а кого—на сходни.

Судить не мне—ты свят или греховен.
Попа купи, коль вправду господин.
Попу не жалко для господ кадил.
А мне в тебя и плюнуть неохота.

Грозишь? Во смех! Не трать свинца, дружок.
Мне жизнь сама наполнит посошок.
Да и тебя вослед за мной отправит.

Вот там он и решит—последний суд—
кого из нас поднимут вверх по трапу,
кого по сходням вниз поволокут.

● ● ●

Я по камням всю жизнь иду с повинной.
Меня ж, как вора, от версты к версте
преследуешь ты, нищий во Христе,
святым крестом махая, как дубиной.

Ходил бы ты за стадом с хворостиной,
тянул бы ты соху по борозде.
Но ты печёшься о чужой беде.
— Отдай,—вопишь,—арабам Палестину.

Я не был в Палестине никогда.
И не за тем горит моя звезда,
чтоб я вникал в земные переделы.

Отстань. И брось быть рыцарем сумы.
Не то гляди—коль не займёшься делом,
то больше я не дам тебе взаймы.

Воры

Не дом чужой, а логово луны.
На стенах тень хозяйского забора.
А мы с тобою—два счастливых вора.
И нет ни перед кем у нас вины.

Два беглеца. Две певчие струны.
Над лунным ложем два преступных взора.
Но в наших поцелуях нет позора.
Они от слёз восторга солоны.

Крадём любовь у смерти на краю.
Но ведь крадём не чью-нибудь—свою.
Так зацелуй меня, моя отрада.

Благословен рискованный ночлег.
Мы воры. И гореть нам в топках ада.
Но лишь за то, что крали не навек.

Юность

Мне девятнадцать. Служба—не война.
Мундир сверкает. Не унять волненья.
Сержант Эн-Эн даёт мне увольненье.
А в городе суббота и весна.

Сквозь КПП—хмельней, чем от вина,—
ныряю в свежесть утренней сирени.
И плащика шального дуновенье
в меня летит, как встречная волна.

Лети, лети. Мне большего не надо.
Стою меж Байконуром и Невадой.
В кармане увольнение до двух.

Есть время нам с тобой поцеловаться.
Ещё он светел—тополиный пух.
Ещё дуреет город от акаций.

Пенелопа

Послевоенка. Ветер гнёт столбы.
Гудит завод промозглым серым утром.
Там снова мало чёрного мазута.
Там снова много дыма из трубы.

Идёшь, не выделяясь из толпы,
в поношенные туфельки обута,
прозрачная от голодухи лютой
и местная по прихоти судьбы.

Где парус твой, залётная гречанка?
Но вдруг ресницы юной хулиганки
махнули мне, как вёсла двух галер.

Акцент не утаил её веселья:
— В общагу приходи ко мне, Гомер.
По вечерам я вся без Одиссея.

Коллеги

Не горлодёр, так молчаливый трус.
Не старый пень, так юная коряга.
Не раб, так плут. Не сплетник, так сутяга.
Враги мои, прекрасен ваш союз.

Срастался он вокруг бильярдных луз,
где от стихов корёжилась бумага.
По бородам, шипя, стекала брага,
и на закуску шёл гнилой арбуз.

Избавь, Господь, от роз такого сада.
Мне вправду ничего от них не надо.
Отпни их. Пусть я буду одинок.

Но, получив арбузной коркой в рожу,
я сзади схлопотал такой пинок,
что больше небеса не потревожу.

Возвращение

Провинции любимые черты.
Базарчики, шлагбаумы, бараки.
По крышам бродят тощие собаки.
Спят на крылечках жирные коты.

Я не пошёл в московские плуты,
за что и получил фингалы в драке
от «деловаров», цепких, точно раки,
да от поэтов, нанятых в шуты.

Прости меня, родное захолустье.
Лишь пред тобой со смехом расколюсь я,
что жизнь моя — всегда наоборот.

А и плевать! Как вышло, так и вышло.
Дай, на крыльце посплю, как старый кот.
Дай, как собака, поброжу по крышам.

Любовь

У входа в небо я тебя искал.
Был сердца крик. Но не было успеха.
Лишь над горами громыхало эхо.
Да камни взвыли, падая со скал.

Меня и океан не приласкал.
Мой зов, что оказался не по веку,
в воронку сгинул крабам на потеху,
да свистнул ветер солью по вискам.

Песок пустынь шипел в моих следах.
Меня вокзалы помнят в городах.
Но ты всю жизнь была со мной в разлуке.

Сегодня ты пришла к моей беде.
На плечи нежно положила руки.
Родная, поздно. Нет тебя нигде.

Художник

Твой Леонардо вечно как в дыму.
То нем как рыба, то напьётся сдуру.
То снова обнажённая натура
среди холстов позирует ему.

Куда ни глянешь — всё не по уму.
Торчит из-под карниза арматура.
Уж лучше бы подался в штукатуры.
Ни радости, ни денег нет в дому.

Стареет, колесо вращая, белка.
В ведро летит разбитая тарелка.
И ты рыдаешь, стоя у окна.

Эй, Леонардо! Вот твоя удача.
Скорей пиши портрет, пока она
у занавески так прекрасно плачет.

● ● ●

Зависеть от себя — счастливый случай.
Не дай, Господь, зависеть от господ.
То от ворот получишь поворот,
а то и в рожу ни за что получишь.

Зависеть от рабов — куда не лучше.
То поднесут с отравой бутерброд,
то вытопчут от злобы огород,
а то и дом спалят благополучно.

Дошло теперь, куда ты угодил?
Налево — раб, направо — господин.
А посреди — рябинушка у тына.

Куда же ты вколотишь свой шесток?
В тебе же — ни раба, ни господина.
Вот корень одиночества, браток.

Письмо

От северных угрюмых берегов
тебя в тоске влечёт неодолимо
к моим горам, в зелёные долины,
в сады под лёгкой тенью облаков.

Летишь на плеск прохладный родников.
А что как время всё уже спалило,
и только звон потрескавшейся глины
ударит в глубину твоих зрачков?

А что как сердцу милая душа
сгорела и не стоит ни гроша?
К чему тебе такая неизбежность?

Оставь её. Пусть будет далека.
Уж лучше без неё тоска и нежность,
чем с нею безнадёжность и тоска.

* * *

В который раз на берегу морском
в отчаянье ты оземь хлопнул сети.
Не повезло тебе на этом свете,
и ты решил, что повезёт на том.

Ну что ж! Вперёд! Семь футов под винтом.
С пенькой и мылом ты явился к Смерти.
Однако там никто тебя не встретил,
и ты вернулся со своим жгутом.

Досадно, да? Так напряги умишко.
На всех, балда, один кафтан у Тришки.
А потому кончай свою тоску.

Нам злату рыбку не подкинут волны.
Но коль стыдишься покупать треску—
welcome, дружище, к нашей общей вобле.

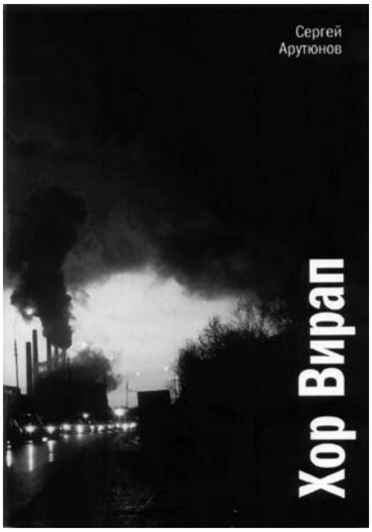
Наваждение

Звонок в ночи. Тревожный вестник бед.
Но, трубку взяв, я вдруг услышал ясно,
как тихо Генка где-то рассмеялся,
как Юрка крикнул весело:—Привет!

Вы что, друзья? Ведь вас на свете нет.
Вернуть вас к жизни—все мольбы напрасны.
Зачем же в эту ночь из дней прекрасных
летит дымок от ваших сигарет?

Ну в чём я перед вами виноватый?
Что не добыл для вас билет обратный?
Что я один живу на пустыре?

Уж лучше, видно, тоже лечь под камень,
чем водку пить на пасмурной заре
и плакать над короткими гудками.



«Его поэзия являет собой образец виртуозного владения словом плюс удивительным умением сочетать реалистическую манеру письма, приверженность классическому канону с исключительной оригинальностью».

Максим Лаврентьев

Сергей Арутюнов

Хор Вирап

Москва: «луч», 2011

* * *

Те, кого я застал на земле,
Вороных и немного мухортых,
Препогано держались в седле,
Но зато разбирались в махорках.

И вела их фабричная мгла
На промышленные водопои—
Не отмоешь тех дней добела,
Не поместишь на фотообои.

Повезло: уцелели не все—
Схоронились под прелой соломой,
Залегли в сероватом овсе
На задах институтской столовой.

Веет холодом от окна,
День июльский и сух, и ветрен.
Те, что были со мной тогда,
Были теми, в кого я верил.

Сергей Ставер
Цветные звуки

● ● ●

В серебре уходящего утра
Виден свет восходящего дня…
Восхождение длится минуты,
Красотой заполняя меня.

День январский неярок, небросок
Ряд сиренево-белых картин:
Золотится рассветный набросок
В кружевах голубых паутин.

За фиалковой призмой проёма
Прячет солнце причудливый взгляд…
За окошком родимого дома
Поцелуи мороза звенят.

И, окутанный снегом и тайной,
Дремлет клён, прижимаясь к ветле.
И, как птицы, снежинки летают,
Застывая на синем стекле.

Зимний вечер

Ветер стих, и мир спокоен;
К небу тянется дымок…
В тёмных пазухах меж брёвен
Затаился тёплый мох.

На берёзках чудо-дохи,
Броши, бусы, жемчуга!
Умирают чьи-то вздохи
Под подмёткой сапога.

На завалинках—сугробы…
Аж до ставень намело!
В хате котик светлолобый
Тычет мордочкой в стекло.

День прошёл… он славно прожил,
Что ему наречено…
Свет серебряных серёжек
Льётся в зимнее окно.

Сквозь узорчатые латы,
Сквозь сиреневую мглу…
Отраженье алой лампы
Остывает на полу.

Цветные звуки

В созвучье маков и настурций,
Где цвет и звук—одно и то ж,
На пламень войн и революций
Подарок августа похож.

В листве пестреющих бегоний,
В холодной глине синих ваз
Застыли—скорбь земных агоний
И опьяняющий экстаз.

Заката лик и губы мака
Так одинаково нежны!
И тают в звуках зодиака
Каприсы лилий и струны.

Вальс роз—звучания предтеча,
Звук милых уст—огонь жарка!
Сирень озвучивает вечер
Лиловой арфой лепестка.

И цвет, и музыка нетленны—
Поэма неба и земли,
Где исполняют кантилены
Золотоглазые шмели.

Истина

Я знаю: истина стара,
Стара, как жизнь, как мир!
Над ней глумились на пирах,
И быт её чернил.

Её трепали по рядам,
Монетами звеня…
Её таскали по судам,
Безвинную виня.

Её водили в кандалах,
Под рёв, на эшафот…
Её сжигали на кострах
И гнали от ворот.

С неё срывали покрова́,
От нас скрывая суть…
Я знаю: истина жива!
И есть на небо путь!

Журавлёнку

Воспарившей птице синекрылой
Я машу рукою: в добрый путь!
До свиданья, журавлёнок милый,
Полетай, пока летать дают.

Поднимаясь, поднимайся выше
Тёмных рощ и розовых вершин…
Всё равно я голос твой услышу
Вечным чувством сердца и души.

Всё равно в туманах, в белых весях
Различу изгибы мощных крыл.
Очарованный печальной песней,
Я тебя с пелёнок возлюбил.

Мир—просторам! Мир—живущим в сини,
В желтизне лучей и в розах зорь!
Ты, как я, такой же сын России—
Каждый день штурмуешь горизонт.

Как молитвой, день встречаешь вскриком,
Над полями-нивами паря.
В этом мире грозном и великом
Мы живём, судьбу благодаря.

● ● ●

Рыбарям сопутствует удача:
Ветер стих, «на речке тишь да гладь».
Кулики лишь, вскрикивая, плачут,
Не хотят гнездовья оставлять.

Скоро осень… за седой осокой
Спит камыш—коричневая зыбь…
Тополя с берёзками у окон
Смотрят сверху на уснувших рыб.

На яру, укутанное дрёмой,
Спит село… не слышно голосов…
В серебристом мареве над домом
Показалось солнца колесо…

Делу—труд, ирония—приметам…
Светел август—осень далека…
Я пришёл к тебе, река, с рассветом:
Рыболова принимай, река.

Всплеск—волне, а сердцу—песня всплеска.
Здравствуй, мир желаний и утрат…
Вновь клюёт! Трепещет детства леска,
Поплавки с волною говорят.

● ● ●

Опять закат подёрнут дымкой,
Похожа даль на рысий мех,
И ткёт зима из паутинки
Лучей серебряный доспех.

А солнце красное над синью,
За очертанием холма,
Как птица сказочная Сирин,
Глядит в холодные дома.

Деревья вдоль шоссе в извёстке,
Дорога льдиста и темна…
На снег звездою папироска
Летит из чёрного окна.

Железный мост из синих кружев
В лиловом отблеске огня…
Глаза бесстрастные из стужи
Взирают молча на меня.

И все тревоги и метели
Остались там, в холодной мгле…
А мы молчали—мы хотели,
Чтоб сказка длилась на земле.

В мастерской

Окна в инее кружев—
Сине-белый батист…
Серпантин тонких стружек
Золотист и смолист.

На кедровой тесине—
Очи, птицы-сучки.
По углам в паутине
Ткут шелка пауки.

Горка хвойных опилок—
Ароматный настой;
На гвоздях—диски-пилы,
Солнца круг золотой.

Коромысло двухручки—
Зуб акулий! Не вру!
На плите дед для внучки
Варит серу-кору.

Ух, духмяная жвачка—
Дар лесной в кипятке!
И я, маленький мальчик,—
С серпантином в руке.

Баллада о старом еврее

На прореженный пепел обвисших кудрей
Пала изморось прожитых лет…
Не богаче—мудрее стал старый еврей:
Слава Яхве!—хватает на хлеб.

На чернила дают не друзья, так враги,
Что у каждого есть, как талант!
Лапсердак подлатает поэт… сапоги
Запестреют от новых заплат.

На вино наскребёт и жену угостит…
Благо, русская баба добра!..
Выпьет полный стакан и читает ей стих
От вечерней зари до утра.

И она не устанет: стихи—как вино,
Даже лучше любого вина!
Жаль, еврей этот умер, и плачет в окно
О душе некрещёной луна.

Сны

Мне дом родной порою снится.
С коньком на крыше, смоляной.
Мой дом родной—родные лица,
Где стены дышат стариной.

Где печь в полкухни, а под печкой
Спит белый кот с пятном на лбу.
Где у иконы мать со свечкой
За чью-то молится судьбу.

Поёт труба, открыта вьюшка,
Кипит смола, трещат дрова…
И ветер, словно побирушка,
Стучит в окно, шипя слова.

Где вьют стрижи гнездо под стрéхой
И пёс Разбой ворчит во сне…
Мой дом родной—души утеха—
Опять является ко мне.

И сон, и явь слезой прольются
И мне в подарок принесут
Клубники старенькое блюдце
И пахты глиняный сосуд.

И молоко в стеклянной крынке,
И след телеги у крыльца…
И вновь, как в детстве, в белой дымке
Увижу брата и отца.

● ● ●

На краю… пропылён и простужен;
Я стою, отбывая вину…
Никому я на свете не нужен—
Слышишь, мир?—никому, никому!

Всё отдал, раздарил… И не должен
Ничего! Если должен—прости
Меня, русский серебряный дождик,
За алмазы и слёзы в горсти.

Я их взял, пару капель, на память
Или стёр с зоревого лица,
Когда юным, прижавшимся к маме,
Я беззвучно рыдал у крыльца.

Я прощался надолго, навеки:
—До свиданья, родимая мать!
Ты прости меня, розовый ветер,
Что я с чёрным ушёл погулять…

● ● ●

Неустанно и долго
Синекрылые птицы—
Енисеюшка с Волгой—
Будут в вечность катиться.

Будет берег откосный
То бордов, то сиренев…
И на ивовых косах
Вспыхнут звёзды сирени

Новым днём, новым утром,
Чтобы с нами сродниться…
Полыхнут перламутром
На заплаканных лицах.

И, больной и убогий,
Я предстану пред милой,
Поцелованный Богом
И отвергнутый миром.

О, как всё необычно,
Но знакомы до боли
Этот край земляничный,
Это русское поле.

Игорь Куницын

Разлитый йод

●●●

Я слышал, придумали чудо-прибор,
записывать сны он умеет.
Ложишься на койку и шепчешь: «Мотор!»
И, как в кинозале, темнеет.

Порою пугает научный прогресс.
Учёные—глупые дети.
Мне снилось сегодня: я слал эсэмэс,
и Бог на него не ответил.

Очнулся не знаю во сколько часов
утра, с синевой под глазами,
налил коньяку и проектор для снов
включил, приготовившись к драме.

На плоском экране в формате 3D,
страшнее любого кошмара,
бессмысленно плавали в мутной воде,
как рыбы, мои аватары.

Но было коротким немое кино,
два цвета слились воедино.
Дали от такого шагнул бы в окно,
свои уничтожив картины.

●●●

моё отражение в зеркале
всё пристальней день ото дня
глазами с отёкшими веками
подолгу глядит на меня

как будто внезапно узнало
желанья мои отчего
всё чаще промелькивать стала
надменность во взгляде его

и я пробираюсь украдкой
среди магазинных витрин
зеркальных лотков и прилавков
стеклянных дверей и картин

меняю зелёный на жёлтый
в примерочной тёмной наряд
чтоб только не встретить тяжёлый
пугающий собственный взгляд

●●●

На кухне, около окна,
заклеенного липкой лентой,
пытаюсь прожитого сна
припомнить странные моменты.

Вот озеро, оно на треть
покрыто ряской; со сноровкой
рыбак распутывает сеть,
кладёт в рюкзак, и рядом с лодкой

улов он делит пополам,
а мальчик, что сидит спиною
к нему, гадает: эту—вам,
а эту—нам, и эту—с тою.

И он сидит, и вижу я,
что это я сижу, гадаю
и рыбу, что теперь моя,
из мокрых рук не выпускаю.

●●●

Хлебопекарня, и забор,
и через мост дорога в город
от станции, где до сих пор
зал ожидания—как повод

в буфете взять аперитив,
купить холодную котлету
и сесть за столик, закурив
с аперитивом сигарету.

И что-нибудь произойдёт:
вбежит в медпункт начальник смены,
и медсестра уронит йод,
и брызнет йод на пол и стены.

С прижатым к голове платком
он остановится у двери
и побледнеет, а потом
погибнет от кровопотери.

И долго будет горевать
та медсестра, что йод разлила,
она тайком его любила,
а он хотел с ней переспать.

● ● ●

Голубиная повадка — набок голову, и в перья
клюв засунуть на морозе, и, нахохлившись, сидеть
на полоске теплотрассы или возле самой двери
незакрытого подъезда, лапки розовые греть.
Голубей облезлых тыщи бродят около вокзалов.
Что бомжи им, и собаки, и голодные коты? —
только братья по несчастью, этих тоже всё достало,
этим тоже всё до фени, до сиреневой звезды.
Помню, глупым идиотом, я, с такими же друзьями,
делал петельку из нитки, на асфальте хлеб крошил,
а потом ходил за птицей, трудно машущей крылами…
Ты простишь меня за это? Я бы точно не простил!

● ● ●

Жизнь — это шахматы, вечный разлад,
чёрное — белое, пат или мат.
Тикают часики; мой оппонент,
делая ход, попивает абсент.

Несколько лет он обдумывал ход,
пешку на клетку продвинул вперёд.
Взгляд изумлённый не прячу:
Господи, что это значит?

Что это значит? Он что, идиот?
Он же фигуру за так отдаёт.
Ход его мыслей неясен,
этим-то он и опасен.

Так уже было когда-то со мной:
шахматной мир оказался доской,
чёрная слева направо
пешка атаковала,
белая справа налево
съела меня королева.

● ● ●

Мы идём незнакомой дорогой,
мы знакомой дорогой идём —
на темнеющем пляже отлогом
ненадолго остаться вдвоём,

целоваться на влажных понтонах,
до рассвета сидеть у реки
и смотреть, как плывут над затоном
облаков золотые полки.

Как за ними таинственным бродом,
ко всему равнодушен и глух,
молчаливое стадо уводит
одинокий священный пастух.

В летних сумерках, в воздухе пьяном
никого — тишина и покой.
Только утка летит над туманом,
только белый туман над рекой.

● ● ●

Я подумал, проспавшись: итак,
что я делал пять дней в Коктебеле?
Пил коньяк под горой Кара-Даг,
по утрам умирал от похмелья.

Топал к морю, неровно дышал,
по пути покупал сувениры:
пару пива, морского ерша,
сигареты на смятые гривны.

До обеда, не то чтобы пьян,
но, как Тихая бухта, спокоен,
я смотрел на потухший вулкан,
на уснувший в обнимку с водою.

Никаким возвращался домой,
засыпал, не пытаясь раздеться,
с перебоями в клетке грудной
одинокое бухало сердце.

Что-то снилось, скорее — кошмар,
чем твои Золотые Ворота,
Коктебель, Кара-Даг, перегар,
Чёртов Палец и профиль кого-то.

● ● ●

В Одессу ходят пароходы,
в колёсах плещется вода,
немало праздного народа
катается туда-сюда.

Вот пассажир глядит с причала
с надеждою на горизонт,
как будто жизнь начать сначала
мечтает он, взойдя на борт.

Вот господин подходит к даме,
она вся в белом, он с цветами.
«Ну наконец-то мы одни», —
синхронно думают они.

А эти, с кучею вещей?
Она: «Чего-то мы забыли.
А дети где? Ах, нет детей!
Ах, вот они! Тогда поплыли».

На пирсе бледная девица
всё не решится: чёт — нечёт?
остаться или утопиться?
придёт он или не придёт?

Один, на мостике скучая,
брезгливо смотрит капитан,
как в воду чёрную ныряет
упавший с трапа чемодан.

Сергей Скорый

По тропе на алом небосводе

Вечерний поезд

Ещё сильней осознаю:
жизнь—неоконченная повесть,—
когда сажусь в вечерний поезд,
дарящий временный уют.

Бродяжий ветер, вслед мне вей!
Для многих нынче я—пропажа...
А за окном плывут пейзажи
печальной Родины моей.

А позже ночь зажжёт огни—
они вовсю захороводят...
Как быстро наша жизнь проходит—
её не торопите дни!

Я жив. Пьян тем, что не нальют:
я—в поэтическом запое...
Благодарю, вечерний поезд,
ты—вдохновения приют!

● ● ●

В Феодосии—дождь,
он ломает курортникам планы.
Где же бархат сезона,
коль пляж Золотой опустел?
И заезжие «звёзды»
здесь реже, хотя без обмана,
душу радуют пеньем,
а глаз—амплитудою тел.

Ноги в мокром песке,
но пойду постою на причале:
он бетонною грудью
таранит седую волну.
И в солёные брызги
срываются с криками чайки:
впечатленье такое,
как будто хотят утонуть.

Ветер с моря подул,
пригибая деревьев верхушки.
Слишком ранняя осень,
быть может, в Крыму неспроста...
Под дождём бронзовеет
Александр Сергеевич Пушкин,
на прогулку он вышел
сегодня, увы, без зонта.

Всю ночь шёл дождь...

Наверное, донельзя пропиталась
водой с небес осенняя земля...
Всю ночь шёл дождь, и вызывают жалость
озябшие, без листьев, тополя.

Быть может, им приснилась зелень кроны,
а в ней весёлый птичий пересвист...
Но явь скудна: промокшие вороны,
нахохлившись, сердито смотрят вниз.

Но мы-то вовсе в том не виноваты,
что мир продрог, дороги развезло...
Осталось лишь одно—и здесь права ты—
искать друг в друге летнее тепло.

Проснусь, а за окном—февраль...

Я упивался этим сном,
что, в принципе, большая редкость:
весны дурманящая веткость
меня раскачивала в нём.

В бокалах расплескался смех:
мои друзья, которых нету,
свершив с Небес на час побег,
со мной курили сигареты...

Кратка их самоволка—жаль...
Да, видно, долог путь обратный,
да, видно, строг там страж привратный...
Проснусь, а за окном—февраль...

Давай подпишем мир...

На порубежье лжи и правды—
канатоходцам мы под стать...
Родная! Если я не прав был,
начнём всё с чистого листа.

Тебя ведь тоже жизнь кружила
не только в дыме папирос...
Но, слава Богу, мы-то живы,
теперь—надолго и всерьёз.

Уставшие от войн и зла,
давай подпишем мир сегодня.
Смотри: на храме купола—
как слёзы светлые Господни...

Отчего ж тогда, светлый ангел мой…

Расстреножены, растревожены,
мысли бродят в гулкой ночи—
что-то ищут в прошлом, заброшенном,
пальцы жгут огарком свечи…

Хвори нет во мне, и не в пьяни я,—
что ж кромсать себя, потрошить?
Да неужто воспоминания,
как святой отец, покаяния
от моей заждались души?..

Вроде жил с умом, не ходил с сумой,
верил в доброе горячо…
Отчего же тогда, светлый ангел мой,
ты покинул моё плечо?

Плещется Земля тихо травами,
птичьей трелью воздух прошит…

Мысли цепкими волкодавами
научились душу душить…

Живите в радости, отрада…

Твои глаза зелёные, твои слова обманные…
Константин Подревский. Романс

Мне тему бы начать иную,
хочу, да что-то не могу:
немыслимо меня волнует
рисунок тонкий Ваших губ…

Я был в объятьях правды голой
и у колен роскошной лжи…
Ну почему Ваш дальний голос
над головой моей кружит?

Земному мне—земное надо:
не кормят басней соловья…
Живите в радости, отрада
зеленоглазая моя!

● ● ●

Памяти Якова Рудя

Я не знаю, сколько проживу,—
есть секреты за семью замками,
но всё чаще глажу я руками
эту землю, листья и траву.

И в былом каком-то пустяке
вдруг черты встречаю совершенства,
и неизъяснимое блаженство
дарит чья-то песня вдалеке.

А порой гляжу: на склоне дня
по тропе на алом небосводе
мальчик, так похожий на меня,
босиком за горизонт уходит…

На руинах Арабатской крепости

Шуршат современья будни,
и в такт азовской волне—
«Sic transit Gloria mundi!»[1]
на память приходит мне.

Руины османской твердыни,
подход стерегущей в Крым…
Внушительно и поныне
наследие той поры.

Здесь властвовали янычары,
шайтана коварней и злей…
а нынче—всё одичало,
на камнях лишь кольца змей.

Фельдмаршал отважный Миних
османскую крепость взял…
На пляже—дамы в бикини,
И сёрфинги вдаль скользят…

Шуршат современья будни,
и в такт азовской волне—
«Sic transit Gloria mundi!»
на память приходит мне.

Ах, как мело…

Морозный вечер отгорел.
И снег—искрист. И минус восемь.
И нелегко поверить вовсе
в начало марта на дворе.

Как водит за нос нас зима!
Ей календарь не стал указом…
И понимаешь это сразу,
дверь приоткрыв: а снега—тьма.

Ах, как мело весь день вчера,
сугробов круг—непрерываем…
И зябко ёжатся трамваи
на остановке до утра…

● ● ●

Ах, сударыня, простите!
Да туда ли я попал?
На порог меня пустите,
я ж не камнем к Вам упал.

Я на встречу к Вам без лени
долго ехал, много шёл,
чтобы трепетных коленей
целовать душистый шёлк.

Ничего не говорите!
Всё пойму я, Вас любя.
Вы рискните: подарите
на сегодня мне себя.

1. «Так проходит земная слава!» *(лат.)*

Марина Туманова

Почти по Чехову

● ● ●

Зарядили б дожди на неделю,
зарядили б дожди — благодать! —
чтобы сладкое это безделье
непогодой простой оправдать.

Чтоб дождя безыскусное диво
стало пленом невольным
и чтоб
мы могли сокрушаться правдиво:
это ж надо — всемирный потоп!..

Это ж надо — напрасные сборы,
мы куда-то спешили — куда? —
отдаваясь заботам, которым
отдаваться не стоит труда.

Столько вдруг тишины и покоя,
столько ясных раздумий и слов…
Это ж надо — везенье какое:
долгий дождь изо всех облаков!..

● ● ●

Поэзия — грешное дело,
покуда поэзия — страсть.
Ах, только ли пленница тела —
душа с ним готова пропасть!..

И даже в высоком полёте
к уже неземным рубежам —
души не бывает без плоти,
не верьте унылым ханжам.

Не верьте их нищей науке,
её неживой правоте —
они даже крестные муки
поделят на *эти* и *те*!

Сусальным рассказам не верьте:
уж если случились стихи —
то было свиданье со смертью,
и смертные были грехи.

Вершилась судьба оголтело,
всему вопреки и навзрыд!..
Поэзия — грешное дело,
и рай для поэтов закрыт.

● ● ●

Во сне ищу какой-то сад,
посаженный когда-то мною.
Плутаю меж чужих оград,
насмешки слыша за спиною.

Вот здесь! Нет-нет…
Шумит листва.
Взлетает лёгких пташек стая.
Меня не помнят дерева,
и я смотрю, не узнавая.

Печально трогаю стволы —
и в полусумраке заката
я огибаю виновато
скамьи чужие и столы…

Я, и очнувшись в том бреду,
опустошённо и устало
одно лишь помню: потеряла.
И понимаю: не найду.

● ● ●

Брожу, от слёз слепая,
а следом, как вопрос,
неслышно кот ступает,
стучит когтями пёс.

Взгляну на них незряче —
и сердце удивит
взъерошенность кошачья,
собаки скорбный вид.

Как будто знают сами
причину этих слёз:
поводит кот ушами,
повесил уши пёс…

А сяду, утомленью
себя осилить дам —
кот вспрыгнет на колени,
прижмется пёс к ногам.

Судьбу мою влюблённо
исправить норовят
кошачий взгляд зелёный,
собачий карий взгляд…

● ● ●

Кипит, кипит ударный труд
на ненасытную потребу—
высотки, как грибы, растут
и загораживают небо.

Вбивают сваи…
Так в гробы
последний гвоздь, спеша, вбивают…
Растут высотки, как грибы,
и люди небо забывают.

Почти по Чехову

В плену обстоятельств и правил,
добрейшей души человек
не бросил, а просто оставил—
на время, а вышло—навек.

Всё мнилось, что как-то иначе
устроиться может житьё…
Ах, что она, глупая, плачет?—
ведь любит он только её!..

И письма летят косяками,
и нервно дрожит телефон,
но—Господи!—видите сами,
в какой ситуации он.

Подходит к развязке интрига,
сюжет и не нов, и не крут,
но выйдет забавная книга,
когда эти двое умрут.

● ● ●

А я опять рванусь напропалую,
хотя ответ твой знаю наизусть,
я напишу: держись, люблю, целую,—
из трёх глаголов выберешь: держусь.

К чему слова, ты скажешь, в самом деле?
К чему слова, мой дорогой поэт?..
Метёт. И в этой мартовской метели
и я держусь—за твой скупой ответ.

● ● ●

Молись за меня, атеист,
в своей немонашеской келье.
Ни хмеля уже, ни похмелья,
лишь ветра холодного свист.

Безбожник, молись за меня,
не зная молитв и канона.
Твоей королевы корона
у ног закружилась, звеня.

Пусть в блеске последней звезды
покажется вдруг, что немного—
и ты докричишься до Бога,
спасая меня от беды.

● ● ●

Васе

Когда-то и куда-то
в одну из годовщин
приедешь в гости к брату,
мой постаревший сын,

к тому или другому,
а может, тихим днём
к совсем седому дому
придёте вы втроём.

Ни бабушки, ни деда
не будет, ни меня…
Какая же беседа
начнётся у огня?

Что вспомнится нелживо
у старенькой скамьи?
Чем будете вы живы,
мальчишечки мои?

Каких забот оковы
вас станут гнуть тогда?
С какой гримасой новой
заявится беда?

За грех какой расплата
каким падёт мечом?..

Не буду виновата
тогда уже ни в чём.

● ● ●

«Я устала, как собака!»
А собака спит себе—
негде ей устать, однако,
в городской своей судьбе.

Ну а если есть причина—
растянувшись у окна:
«Я устала, как Марина!..»—
не подумает она.

● ● ●

Посиди на вокзале,
посмотри на людей:
есть горчее печали,
есть обиды лютей.

Посмотри, как старухи
тянут тачки свои
из последней разрухи
до последней скамьи.

Пусть иные печали
угнездятся в груди.
Посиди на вокзале.
Посиди. Посиди.

Евгений Степанов

В который раз

Стихи разных лет

Лес

Куда ты, тропинка, меня привела?
Из детской песни

Куда ты, тропинка, меня привела,
В какой экзотический лес?
Направо посмотришь—там нечисть и мгла.
Налево—там прячется бес.

Волк ходит во фраке, на шпильках—лиса.
Под дудочку пляшет медведь.
Здесь можно смотреть только на небеса.
Здесь некуда больше смотреть.

О зимнем райцентре

Плохо в райцентре со светом.
Темень—ночною порой.
Лишь освещается снегом
Город ночной.
Плохо в райцентре и с музами.
Не долетают никак.
Лишь замечательно с музыкой—
Воют хоры дворняг.
Тяжек ли крест мой? Не тяжек!
Ведь я такой человек:
Нравится пенье дворняжек,
Нравится яркий снег!

Эпоха

И снова хляби и напасти,
И глад, и мор в который раз.
Наркомы—наркоманы власти—
Жуют икру крестьянских глаз.

Заветы Нового Завета
Забыты—точно алфавит.
И только песенка поэта
Из ямы северной звучит.

Песенка старого коммерсанта

Не взошёл на пьедестал,
Не богат, как Дерипаска.
Я ещё не начинал—
А уже близка развязка.

Ничего-то я не смог—
Денег не давал на храмы,
И в журнале модном «Vogue»
Я не размещал рекламы.

Невезучий коммерсант,
Непутёвый, точно Вертер.
У меня большой талант:
Деньги и года—на ветер…

Ничего! Я на плаву.
Жизнь—как ни грусти!—прекрасна.
Как могу—так и живу.
Может быть—и не напрасно.

● ● ●

Тебе

А что с того, а что с того—
Душа ночами корчится?
Ужель не будет ничего
Того, чего мне хочется?

Мне хочется, чтоб ты была
Всегда со мною рядышком,
Чтоб, закусивши удила,
Тоска катилась катышком

Куда подальше от меня,
Пронзая расстояния.
И чтоб ни дня, и чтоб ни дня
Не знать нам расставания.

Ирина Горская, Владимир Шанин

Вы с ним встречались

В который уже раз, и всегда по-новому, открывается для нас, для Хакасии, известное имя учителя, художника, журналиста Марка Феодосьевича Живило. Это имя стало «своеобразным открытием» и для абаканского искусствоведа, преподавателя ХГУ Эльвиры Николаевны Казанцевой, которая призналась, что Марк Живило «был очень талантлив и одарён от природы», хотя и не имел высшего художественного образования. Исследуя жизнь и творчество этого одарённого человека, она обнаружила в его работах всё то, что «мы знаем с вами только понаслышке»: эпоху великих строек, удивительных открытий, замечательных людей, портреты которых в изобилии экспонировались на выставках, помещались в журналах. К работе относился с большой самоотдачей, и это нашло своё отражение в его картинах. Он любил те места, где ему пришлось жить, и запечатлел родные хакасские степи, какими помнил с детства, хотя родился в селе Троицком Алтайского края, в Кулундинской степи. Он уважал и любил тех людей, портреты с которых писал.

«Когда мы вглядываемся в его городские пейзажи, мы знакомимся с историей города Абакана. Мы не знали нашего города таким, каким запечатлел его Марк Живило. В его работах отображено строительство городов Абакана, Черногорска, Красноярска. Сейчас мы не имеем возможности увидеть эти моменты, кроме как из документов, фотографий или вот таких картин, написанных художником полвека назад»,— писала Э. Н. Казанцева.

Вся жизнь Живило, по мнению искусствоведа,— «это роман с приключениями, достойный отдельного издания». Судьба этого человека была поучительной: в своей жизни он «прошёл через жестокие испытания, но вышел из них, сохранив честь и достоинство».

Родился Марк Феодосьевич Живило в 1923 году, 1 июля, в семье советских служащих. Отец, Феодосий Филиппович, работал печатником и линотипистом в местной типографии, журналистом, заведующим клубом, затем режиссёром и даже директором театра. Мать, Елизавета Ивановна, была учительницей, потом ответственным секретарём редакции газеты «Тревога». Отношения в семье испортились после того, как Феодосий Филиппович завёл любовницу. В 1929 году он ушёл к ней; Марку тогда исполнилось шесть лет, а его младшему братику Доде — два года. Вторую жену Феодосия Филипповича звали Маргарита, она была художницей. Он помогал бывшей жене как мог, и когда сыновья немного подросли — по нескольку месяцев в летнее время жили у него в Крыму. Марго оказалась доброй женщиной и не отказывалась принимать мальчиков у себя, даже когда у неё родился свой сын, Андрик.

Елизавета Ивановна, учительница начальных классов, на скромную зарплату как могла кормила, одевала, обувала троих детей. Память Марка на всю жизнь сохранила голодное и босоногое детство. Мать воспитывала сыновей в духе патриотизма, любви к Родине, уважения к родителям, она хотела видеть их трудолюбивыми, честными, порядочными людьми. Пытливый ум, стремление к знаниям и врождённый талант позволили мальчикам вырасти всесторонне развитыми. Забегая вперёд, скажем: все три сына Елизаветы Ивановны стали участниками Великой Отечественной войны: Марк ушёл добровольцем на фронт в 1942 году, а Лёва — в сорок третьем, воевал в партизанском отряде и младший — Додя, хотя ему в сорок первом году исполнилось только четырнадцать лет. Получилось так, что он оказался на оккупированной немцами территории под Ленинградом, когда приехал погостить в деревню к деду, отцу Елизаветы Ивановны.

Марк внешне походил на отца, схожи были и характеры, однако сын в чём-то даже отца превзошёл. Отца Марк уважал, жалел, они долгое время переписывались.

После развода с мужем Елизавета Ивановна снова вышла замуж, и с тех пор жизнь семьи круто изменилась. Сплошные переезды — Камень-на-Оби, Владивосток, Хабаровск, Москва, Магадан — измучили её, к тому же родилась дочь Нина, и надо было остановиться, обустраиваться на новом месте.

В Магадане Марк окончил школу, получил аттестат зрелости и добровольцем отправился на фронт. В звании старшины, в должности помощника командира взвода роты автоматчиков участвовал в сражениях с фашистами на Орловском, Смоленском, Прибалтийском фронтах, был трижды ранен.

После победы, весной 1945 года, Марк Живило попал в список демобилизованных первой очереди и уже готовился к отъезду, но вдруг обнаружилось, что одна из справок по ранению утеряна. Марк по наивности посчитал, что справка—пустая формальность, бумажка, а главные доказательства его воинской доблести—под гимнастёркой, шрамы от былых ранений, и что утраченную бумажку можно и нарисовать. Талант художника и помог ему, и подвёл. Подделка обнаружилась довольно скоро, Марка арестовали по дороге в Москву. Он ехал, чтобы осуществить свою юношескую мечту—поступить в Академию художеств, а вместо этого ему предъявили обвинение в измене Родине и дезертирстве. С обвинениями Марк не согласен. Улучив момент, он совершает побег. Его находят, арестовывают, но он снова бежит—из самой Таганки. По чужим документам он прожил более двух лет.

В феврале 1948 года Марк Живило был арестован, и военный трибунал Московского гарнизона (по иронии судьбы—восьмого мая) выносит ему приговор по пяти уголовным статьям, а это—десять лет лишения свободы. Марк пишет жалобы на несправедливость приговора, но всё безрезультатно.

Более шести лет он отработал в лагерях строгого режима. Как выжил (у него начался туберкулёз), не сломался, знали только он сам да мама, Елизавета Ивановна, которая верила в него. Наградой за все страдания была для него встреча в лагере под Ангарском с девушкой по имени Зинаида. Они полюбили друг друга, и она помогла ему бежать, переодев в женское платье. Побег оказался удачным, но без любимой жить, скрываясь, Марк не смог и добровольно сдался лагерному начальству.

Зинаида не испугалась жестоких испытаний, стала женой неугомонного зэка, «склонного к побегу», родила ему сына, которого назвали Марком. До окончания срока заключения оставалось два года, Марк Феодосьевич отправил жену с сыном в Хакасию, и теперь он мог с чистой совестью ждать освобождения.

Освободили его досрочно, с единственным документом в кармане—справкой, которая не могла служить ему даже видом на жительство. Остальные документы—свидетельство о рождении, паспорт, военный билет, аттестат зрелости за среднюю школу—нужно было запросить и получить вновь. Разослав письма-запросы в Омск, Магадан, Москву, Марк Феодосьевич едет в Абакан, соединяется с семьёй и целых шесть месяцев ждёт ответов. Но не сидит без дела, с головой уходит в работу: выезжает за город, фотографирует или рисует. Он торопился, надо успеть выполнить данное ранее жене и матери обещание: «…Мне кажется, я не буду последним на этой земле…» Торопился наверстать упущенное в воспитании сына Марка. Хотелось и самому себе доказать, что он тоже что-то значит на этой земле.

Получив наконец новый паспорт, Марк Живило стал искать постоянную работу. В городе Черногорске он познакомился с молодым директором школы № 11 Людвигом Яковлевичем Скубиро, тот выслушал Марка и, поверив в историю его жизни, принял на работу учителем черчения и рисования. И семья перебралась в Черногорск.

Контактный, с открытой душой, обаятельный, новый учитель быстро влился в коллектив. Школа была открыта в 1951 году, большое фойе второго этажа ещё не было оформлено, и Марк добровольно взялся за работу. Вскоре на стенах висело несколько панно и портретов, им написанных. А летом с группой учащихся под руководством учителя Артура Карловича Кромберга отправился в туристический поход—покорять вершины в окрестностях Абазы. В этом походе он вёл подробный дневник, не лишённый литературных достоинств.

«…Нахожусь в Абазе; завтра двигаемся дальше—на Артос,—записывал Марк Феодосьевич.— Из Черногорска доехали до Таштыпа на машине. Там была ночёвка. Двинулись через перевал по таёжной тропе, где и заночевали в лесу, у ключа. Третий день находимся в Абазе. Лагерь расположили на берегу реки, в живописном месте… Делаю зарисовки…»

Летом 1956 года школа получила приглашение из Кемеровского облоно—участвовать во Всекузбасском слёте детской экскурсионно-туристической станции. Маршрут, по которому должна пройти команда-участник, показан сложный, длительный: в течение месяца нужно пройти тысячу километров. Команде объявлен военно-спортивный режим. Руководителями были назначены преподаватели: школы №5—А. К. Кромберг, школы №11—М. Ф. Живило.

Марк Феодосьевич продолжал вести походный дневник: «Мы находимся на рубеже, где в скором времени должны будут встретиться строители, ведущие железную дорогу от Абакана и Сталинска одновременно…»

«В 5 дней одолели около двухсот км между головными отрядами строителей магистрали. По мнению самих же старожилов-геологов, это рекордно короткий срок, если учесть, что погода всё время была дождливой…»

«Солнечные лучи ласково скользнули по вершинам елей, и тайга будто ожила, проснулась: где-то застучал дятел, нарушая предрассветную тишину. Совсем рядом вспорхнула кедровка и с криком пронеслась над влажной от росы травой. Сизые хлопья тумана, опускаясь расселинами к реке, легко касались воды и тут же таяли…»

«Иногда на берегах мы видели почти законченные объекты. Вот, например, как этот мост, шагнувший через Томь…»

«В беседе с корреспондентом областного радио мы поделились результатами первого этапа нашего похода и впечатлениями от города. Было приятно рассказать и о достопримечательностях своего молодого Черногорска: он тоже ширится и благоустраивается… Нам искренне завидовали сталинцы — у них пока этого нет. На другой день беседа транслировалась по радио».

«Нет, не стыдно вернуться в родной город. Мы везли с собой завоёванную грамоту Кемеровского обкома комсомола, алые вымпелы, подаренные нам на слёте…»

Из этого похода Марк Живило привёз не только фотографии, но и рисунки, которые вместе с выписками из походного дневника легли на столы редакций нескольких газет и журналов. Дополнением служили небольшие зарисовки о молодом городе Черногорске. В газетах «Шахтёр» и «Советская Россия» появляются первые статьи нештатного корреспондента «Советской Хакасии» Марка Живило, принёсшие ему известность. Они привлекли внимание редакторов оригинальной формой подачи текстового материала, иллюстрированного рисунками, выполненными в своеобразной манере — в чёрно-белых тонах, а портретные зарисовки героев помогали в раскрытии их характеров. В те годы рождались грандиозные стройки: трасса мужества Абакан — Тайшет, автодорога Абаза — Ак-Довурак, Красноярская и Саяно-Шушенская гидроэлектростанции, — и все газеты с любовью отражали на своих страницах героику событий.

Теперь статьи, корреспонденции, очерки Марка Живило охотно печатают центральные газеты: «Правда», «Известия», «Труд», «Гудок»; еженедельники: «Литературная газета», «Литературная Россия», «Неделя»; журналы: «Огонёк», «Крестьянка», «Работница», а также краевая газета «Красноярский рабочий», альманах «Енисей».

В 1962 году Марк Феодосьевич вступает в Союз журналистов СССР, активно сотрудничает с газетой «Советская Россия» и вскоре становится её специальным корреспондентом по Сибири и Дальнему Востоку. Тогда же выходит в свет его первый (и последний) сборник очерков «Вы с ними встречались». И ещё значительное событие произошло в семье Живило — рождение второго сына, Лёвы.

Марку Феодосьевичу нравился свободный график художника и журналиста, его всегда тянуло к людям творческим, неординарным, он их отыскивал, знакомился, писал с них портреты и из каждой творческой командировки привозил массу рисунков. К художникам у него было особое внимание. Ещё когда работал в художественной мастерской при черногорском быткомбинате, он близко сошёлся с художниками-живописцами Д. Е. Ерошенко, И. Я. Сендиком, И. П. Ломтевым, М. И. Черненко, многому у них научился. Одновременно пробует и писать художественную прозу.

О своём участии в Великой Отечественной войне, о полученных ранениях, о годах, проведённых за колючей проволокой в советских лагерях, Марк Живило не любит вспоминать, и только самые близкие люди знали об этом. Конечно, он не боится горькой правды тех лет, он просто сам себя в собственных глазах ещё не реабилитировал, своё участие в войне героическим не считает. Однако к празднованию Дня Советской армии «по просьбе общественности» на страницах газеты «Шахтёр» опубликовал рассказ на военную тему. Рассказ под заголовком «На крыльях» автобиографичен — о личных переживаниях и обстоятельствах второго ранения, полученного осенью 1943 года под Орлом. Все имена в нём вымышлены, изменено окончание той истории, однако же читатель догадывался, кто скрывался под именем героя произведения.

Как художника и журналиста, Марка Живило привлекают люди труда. Героями его произведений становятся шахтёры, рабочие предприятий и строек, колхозники. В очерке «Любимый город» он рассказал о перспективах развития Черногорска, снабдив его портретом бригадира проходчиков шахты № 15 треста «Хакасуголь» Иосифа Трупова, кавалера орденов «Шахтёрская Слава» трёх степеней. А в очерке «Мир на земле» сделал приписку: «Готовясь к выставке «Советская Россия», я избрал тему труда для своих графических работ, которой мне хочется поделиться с читателями «Красноярского рабочего», представив рисунки…»

Грандиозные стройки Сибири поражали своим размахом. Марк Феодосьевич создавал неповторимые по своей значимости изорепортажи с мест событий, которые принесли ему заслуженную известность и поддержку в литературных и художественных кругах. Всё более успешно работает он в таком направлении искусства, как газетно-журнальная графика, требующая «высокой самоотдачи, большой любви к профессии, к людям, к самой жизни». Этот жанр очень сложен, он требует от художника малыми формами донести смысл целого произведения. И Марк Феодосьевич неплохо владеет этим жанром… На пятой областной выставке произведений художников Хакасии, посвящённой 30-летию образования области, он представлен как график. Темы его работ поразительны: «На стройке Абакан — Тайшет, «По Хакасии», «Шушенские зарисовки» — всего двадцать один рисунок, радующий глаз простого зрителя. Коллективный сборник «Литературный Абакан» проиллюстрирован художником Марком Живило.

По результатам конкурса, проведённого за 1961 год газетой «Гудок», первой премией отмечена серия из четырёх рисунков художника из Черногорска Марка Живило — «С новостройки Абакан — Тайшет».

Несмотря на занятость, Марк Феодосьевич не забывал о матери и братьях, переписывался с ними. Суровый климат Колымы вредно влиял на здоровье, надо было вывезти детей на «большую землю», и Марк помог с переездом. Отцовский дом в Донецке после смерти Феодосия Филипповича пустовал, туда и переселилась Елизавета Ивановна. Марк Феодосьевич от отцовского дома отказался в пользу новой семьи матери, хотя отец и завещал его старшему сыну, ждал его из заключения, но не дождался…

Марк Феодосьевич оставался жить с семьёй в Черногорске. Он много работает, и работает по ночам, редко бывает дома, разъезжает по заданию редакции. А друзья зовут его в Красноярск, в краевой центр, ведь это так важно для дальнейшего творческого роста. Ему не хватает общения с коллегами: художниками, журналистами, писателями, поэтами, а все они — там, в краевом центре. Огромный творческий потенциал не реализуется полностью в маленькой Хакасии, да и сыны должны получить образование. Старшему сыну Марку он хотел дать настоящее художественное образование: азам он его научил, а дальше… В Красноярске есть все возможности для этого.

Издание первой своей книги он передаёт в Красноярское книжное издательство, но дело затягивается, редактор просит новых материалов со строительства крупных предприятий краевого центра. То, что Марк Феодосьевич сделал, получилось поверхностным, сырым, и книга выходит в первоначальном варианте, без дополнительных материалов. Даже это обстоятельство — связь с издательством — подталкивало к переезду. Тесно становилось художнику в маленьком шахтёрском Черногорске.

На семейном совете принимается решение о переезде в Красноярск. Ищут варианты обмена трёхкомнатного коттеджа на жильё в краевом центре. Марку Феодосьевичу предлагают работу главного художника в театре кукол, только вот квартиру сразу дать не обещают. Несколько месяцев он жил в Доме колхозника, изредка навещая семью в Черногорске. Квартиру ему дали — однокомнатную. Маловата, конечно, для семьи из четырёх человек, но и этому он был рад.

Наконец выходит из печати его книга «Вы с ними встречались». Ещё пахнущий свежей краской экземпляр Марк Феодосьевич отправляет матери: «Если тебе моя книжка понравилась, то это значит — всё хорошо в ней… Она получилась такой потому, что *ты* такая у нас! Всё, что я делаю и ещё сделаю, — это *ты*, мама! Это для *тебя*!..» О своём даре художника в письме к ней он пишет: «Я хочу быть самим собой. И буду! Как ты же мне когда-то внушила… что я буду не Репиным, а Живило. Да, Репиным мне не быть, но вот Живило уже есть…»

Отработав два года в краевом театре кукол, не бросая, однако, своего участия в центральной прессе, он переходит на работу в Красноярское книжное издательство художественным редактором и одновременно иллюстратором альманаха «Енисей». Десятки книг известных авторов им проиллюстрированы и «одеты» в красивые обложки. По тому, с каким вкусом они сделаны, их можно узнать и сегодня: своеобразие почерка, индивидуальность художника Марка Живило перепутать с кем-то невозможно.

За двадцать лет работы художественным редактором Марк Феодосьевич Живило четырежды награждён Дипломом ЦК ВЛКСМ за художественное оформление книг о комсомоле, о сибиряках, неоднократно удостаивался первых премий тематических конкурсов газет «Советская Россия», «Труд», «Известия», «Красноярский рабочий», «Красноярский комсомолец». В 1976 году он был участником Всесоюзной выставки художников-графиков в Москве.

Но главным итогом своей жизни, главной наградой он считал своих сыновей, продолживших династию Живило. Марк стал театральным художником, Лев работает в издательстве Красноярского университета и преподаёт на кафедре журналистики.

Шестидесятилетие Марка Феодосьевича Живило в июле 1983 года было отмечено ярким событием — вручением ему ордена Славы III степени. Наградные документы сорок лет пролежали в военных архивах вместе с документами о ранениях. А к 40-летию Великой Победы, в 1985 году, получен и орден Отечественной войны II степени. И это кроме юбилейных медалей…

Марк Феодосьевич Живило умер 17 января 1989 года в возрасте шестидесяти пяти лет, пережив свою жену Зинаиду Борисовну на пять лет, и похоронен рядом с ней в Красноярске на Бадалыкском кладбище.

В его домашнем архиве были обнаружены черновые главы задуманной им книги о своей жизни «Склонен к побегу. Записки заключённого». В одной из глав описывается, как он, будучи в Москве в начале шестидесятых годов, разыскал своих одноклассников, а через них встретился с учительницей из Магадана Валентиной Константиновной, женой высокопоставленного начальника магаданского ГУЛАГа. Многие генералы НКВД после отставки жили в столице, прошлая служба объединяла их, и, находясь на пенсии, они, люди одной системы, продолжали общаться между собой.

В ту памятную встречу Валентина Константиновна вернула Марку дорогую ему фотографию, подаренную в день окончания им средней школы и конфискованную при аресте. В разговоре было упомянуто имя генерала НКВД, бывшего начальника лагерей Ангарска Н. С. Бургасова, из

лагеря которого, переодевшись в женское платье, бежал Марк Живило. И бывшему заключённому захотелось поговорить с ним по телефону.

И такой разговор состоялся. Вот как описывает его автор:

«— Ну ты молодец! Молодец, право!.. Ловко тогда ты охрану провёл… Как сложилась твоя судьба дальше? А где же зазноба твоя — та, что… ну… отрезала для тебя косы?.. Как её?..

Настороженность слышалась в интонациях генерала. «Что нужно этому субъекту?» — видимо, думал он. Почувствовав это, я его успокоил:

— На свободе нахожусь законно, судимость давно снята, честно тружусь. А Зина — она жена мне. Сыну уже одиннадцатый год, — похвастался я.

— Эх, молодцы вы, ей-богу! Ну просто роман… Это посильнее, чем у Пристли — вот почитываю как раз его. Рад, рад, что позвонил! А чем занимаешься-то?

— Учительствовал. Сейчас — художник, журналист. Работаю специальным корреспондентом газеты «Советская Россия».

В трубке наступила пауза. Бывший генерал не ожидал услышать о таком повороте событий в жизни своего бывшего заключённого. После паузы разговор не только перешёл на «вы», но ещё он попросил напомнить мои имя и отчество.

— Ах, здорово как! И сейчас вы живёте в Москве, Марк Феодосьевич? Квартиру, разумеется, имеете?

Я ответил генералу:

— Нет. Вашими стараниями, Николай Семёнович, я прикипел к Сибири так, что не поехал в Москву, хотя имел такую возможность. Я хорошо изучил в своё время природу и географию тех мест и людей, они мне пришлись по душе! В столице проездом. В отпуске.

— И правильно, правильно! Сибирь — ведь она вон какая сейчас, строится!

Я хотел ещё рассказать про семью, про квартиру, но генерал перебил меня:

— Книгу надо писать вам — увлекательная вещь будет! — и, подумав, прибавил: — Я вот пробовал мемуары, знаете, но такой это труд тяжёлый! А годы уже не те, да и, честно говоря, литературным даром Бог не наградил. Словом, бросил я эту затею. Вот без дела и скучаю на пенсии…

При прощании у генерала сорвался вопрос:

— Ну а вы, Марк Феодосьевич, это… против меня ничего не имеете? Понимаете, на что я намекаю?..

Я тогда понял намёк, но не ответил на него. Может быть, оттого, что спешил на вокзал. Но вероятнее всего, потому, что вопрос этот имеет для меня особое значение, смысл его выходит далеко за пределы личного… Я не уверен даже, что отвечу на него в полной мере и сейчас, он требует вместительного писательского слова. А писать трудно. Мне к тому же и больно ещё ворошить свою память. Это — словно калёным железом копаться в собственных внутренностях… Нет! Я не хочу, чтобы получилась «увлекательная вещь». Я представляю документальную повесть!.. Это мой гражданский долг. Это — требование времени. Вот тогда, если угодно, вы прочтёте и угадаете в моём повествовании и ответ на тот вопрос, товарищ генерал!..»

Не удалось журналисту Марку Живило выполнить до конца этот свой гражданский долг: книгу, которую он задумал ещё в лагере, не успел закончить. Не хватило в отпущенные ему шестьдесят пять лет жизни сделать всё, что должен был. Но и того, что он успел сделать, хватило бы на две книги…

Евсей Цейтлин

Тайна голоса

Из цикла «Откуда и куда»

1.

…Но сначала вернусь в прошлое. Было это четыре десятилетия назад. Или больше? Я жил тогда в Сибири, писал свою первую книгу, посвящённую Всеволоду Иванову—одному из самых ярких представителей русского литературного авангарда двадцатых годов. «Неожиданный Всеволод Иванов!»—не раз восклицали его современники. Всю свою жизнь этот «оппозиционный классик» советской литературы уходил не только от догм соцреализма—от самого себя прежнего. «Умер очень большой, не прочтённый нами писатель»,—как всегда парадоксально и пронзительно, закончил свои воспоминания о нём Шкловский. Здесь всё правда. Иванов оставил после себя целое собрание неопубликованных, ярких, во многом экспериментальных книг.

«Неожиданный Всеволод Иванов!»—повторил и я, когда в одном из московских архивов обнаружил около трёхсот неизвестных читателю рецензий мастера на произведения молодых авторов. Оказалось, Иванов был зорким и мудрым литературным наставником. Он учил начинающих писателей многому—в том числе и художественному поиску, вечному сомнению, которое так важно в искусстве.

Одна из самых интересных рецензий Всеволода Иванова была посвящена творчеству детского поэта и драматурга Ефима Чеповецкого. Признаюсь: перечитывая этот отзыв, я и оглянулся сейчас в прошлое.

Вскоре, в феврале семьдесят второго года, я опубликовал некоторые из рецензий в «Литературной газете». Причём решил не называть имена тех, о ком писал Иванов, полностью: мнение знаменитого писателя, казалось мне, не должно давить на его питомцев, которые к тому времени уже активно работали в литературе.

Однако случилось неожиданное. Познакомившись с самым первым из опубликованных отзывов, читатели ничуть не усомнились в том, кто именно подразумевается под инициалами «Е.Ч.». Помню телефонные звонки, письма, смысл которых был столь очевиден: Иванов, конечно, не ошибся, предрекая Ефиму Чеповецкому яркое литературное будущее.

Да, уже к тому времени его популярность у малышей (а значит, и их родителей) была, без преувеличения, огромной. Между тем годы шли. Появлялись новые книги, мультфильмы, спектакли по пьесам Чеповецкого. Даже одни названия самых известных его сказок отзываются сейчас—словно эхо детства—в памяти нескольких поколений: «Непоседа, Мякиш и Нетак», «Приключения шахматного солдата Пешкина», «Мышонок Мыцик», «Про славную коровушку Настурцию Петровну»… Прав был Лев Кассиль, написавший ещё в давние шестидесятые: «Неистощимый выдумщик, весёлый фантаст, знаток ребячьих душ, Ефим Чеповецкий внёс свой приметный вклад в нашу советскую литературу для детей».

Пусть не смущает сегодняшнего читателя формула «советская литература для детей»: её лицо и достоинство определяли Корней Чуковский, Самуил Маршак, Рувим Фраерман, тот же Лев Кассиль.

…Я пишу всё это, а за окном—Чикаго. Эмиграция. Она всегда подвергает творчество литератора серьёзному испытанию.

Эмиграция неожиданно свела нас с Ефимом Чеповецким в одном городе.

2.

Я вновь перечитываю две его вышедшие в Америке книги. На этот раз—книги, обращённые к взрослым.

Конечно, сразу возникает вопрос: почему автор вдруг изменил своему главному читателю? На первый взгляд, причина ясна. Всё та же грустная реальность эмиграции: дети здесь, как правило, говорят по-английски—ну зачем же им русский поэт, на книжках которого вырастали ещё дедушки и бабушки?

Всё же, думаю, дело в ином. И совсем другая жизненная коллизия определила «сверхзадачу» этих сборников Ефима Чеповецкого.

Автор осмысляет прожитую жизнь, в какой-то степени подводит её итоги…

Я написал эти слова с красной строки, однако спешу уточнить: поэт вовсе не прощается с нами.

Да, Чеповецкий — старейшина нашей литературной эмиграции (ему уже давно за девяносто). Но впереди по-прежнему остаётся дорога.

Эмиграция всегда заставляет литератора приступить к «переоценке ценностей». Иногда трудно ответить на самые простые вопросы. «Так чем же вы здесь собираетесь заниматься?» — спросили в Америке Ефима Чеповецкого. Как наверняка спрашивали миллионы людей до него. Позже Чеповецкий признался: «Я уже в первые недели пребывания в стране Свободы понял, что сочинение и писание рассказов, стихотворений и пьес здесь не профессия, а нечто вроде хобби. Сочиняй, пиши себе на здоровье, но за это тебе никто платить не будет. Наоборот — за издание твоих произведений ты должен платить сам и… продавать тоже сам».

Увы, этот ответ абсолютно точен. Если не забыть: отвечает не сценарист из Голливуда, а писатель-эмигрант, не знающий английского языка.

Сомнений, однако, не было. На его столе по-прежнему стояла и стоит привезённая из Киева пишущая машинка с русским шрифтом…

В сутолоке эмигрантского быта, в чертополохе перемен хочется — по-особому, остро — разглядеть вечный смысл бытия. Я думаю, именно так родилась автобиографическая повесть Ефима Чеповецкого «Колесо, вперёд! Колесо, назад!»: первая часть её посвящена детству и юности, вторая — смешные, а иногда печальные зарисовки эмигрантской жизни. Так появились и его притчи, его рассказы о герое еврейского фольклора, плуте и озорнике Гершеле Остраполере.

…Осмыслять «бег времени» можно по-разному. Ефим Чеповецкий строит свою книгу «Шут с вами», как строят театральное представление. Не случайно в начале каждого раздела сборника «раздвигается» занавес. И — на подмостки выходит поэт. Он не только не скрывает, напротив — подчёркивает свою роль. На многих страницах «разбросаны» клоунские колпаки и маски. С обложки смотрят на нас смеющиеся глаза автора. «Шут с вами», — говорит Ефим Чеповецкий читателю-зрителю. Повторю: это название книги.

Конечно, оно звучит необычно. Так и хочется переспросить, подобно Феликсу Кривину, написавшему остроумное предисловие к сборнику: «Шут с нами?! Почему? За что?.. Мой друг, я принял это на свой счёт и чуть было не обиделся, но, зная тебя, воздержался, вник в суть тобой написанного и стал от души смеяться. Оказывается, шут — это ты сам! И в этом привлекательном качестве хочешь остаться с читателем от первой и до последней страницы — не отделаться от него, а наоборот, соединиться, открыть ему свою душу и развлекать его всю дорогу».

Неожиданно, странно? Припомним, однако: такая трактовка образа поэта достаточно традиционна в мировой культуре. И, кстати, с детства близка Ефиму Чеповецкому. В повести «Колесо, вперёд! Колесо, назад!» автор расскажет об уроках дедушки, местечкового книгочея, которого фашисты сожгли в 1942 году вместе с другими евреями в колхозном сарае: терпеливо и настойчиво он «учил меня шуткам, перевёртышам и загадкам, требовал, чтобы я сам решал и догадывался, где правда, а где вымысел».

Хочу особо обратить внимание читателя на неповторимый, как у любого настоящего поэта, тембр голоса. Кстати, именно об этом говорил когда-то Всеволод Иванов. Как всегда, он выделил главное — литературный характер, который ничуть не изменился спустя годы. Ефим Чеповецкий, с некоторым удивлением замечал Иванов, пишет «так непринуждённо, что мне захотелось взглянуть на него, услышать его голос и тем самым в какой-то степени объяснить себе эту непринуждённость, которая удаётся автору и в прозе, и в стихах, и в водевилях. По-видимому, эта его особенность не литературная поза, а природный дар».

Итак, поэт стоит на подмостках жизненного театра. Конечно, он знает: рано или поздно придётся прощаться со зрителем.

> Уходят дети.
> Улетают птицы.
> И вертится без устали Земля.
> Всё в мире к завершению стремится,
> И небо дышит, звёздами пыля.

Рано или поздно занавес закрывается? Но пока — представление в самом разгаре.

В книге «предварительных итогов» нашлось место и для басен, и для романсов, и для прекрасных песен к мультфильму «Приключения капитана Врунгеля». Произведения разных жанров естественно объединяет в «сборнике-спектакле» образ автора. Поэта. Как издревле говорили — шута.

Я не раз думал и о другом: почему так органичны в общем строе книги детские стихи Ефима Чеповецкого? Наугад выбираю сейчас одну строфу:

> Скажу вам по секрету,
> Что утром, сев за стол,
> Смешную сказку эту
> Я в молоке нашёл.

Разумеется, здесь другая — по сравнению со стихами для взрослых — интонация. Но всё тот же творческий принцип: писать «для взрослых, как для детей, а для детей — как для взрослых». Это хорошо подметил, читая Ефима Чеповецкого, Феликс Кривин. А я бы вспомнил ещё новеллу «Как песочные часы» — мудрую притчу о странных и повторяющихся ритмах человеческого бытия: здесь выросшие дети вдруг ощущают себя родителями… собственных отцов и матерей, старики же медленно, но очевидно возвращаются в детство.

Образ песочных часов — это и символ времени. Символ ускользающей, тающей, как песок в часах, нашей жизни. Сколько же лет прошло с тех пор, как автор придумал своего Непоседу? Сколько минуло с того дня, как Всеволод Иванов радостно встретил Ефима Чеповецкого «у порога» литературы? Я думаю об этом, но почему-то вспоминаю не даты — многочисленные книги, точно корабли, отправившиеся в плавание.

Вспомнил вдруг и весёлую песенку нашего Шута:

В море синем, как в аптеке,
Всё имеет суть и вес —
Кораблю, как человеку,
Имя нужно позарез.
Имя вы не зря даёте.
Я скажу вам наперёд:
Как вы шхуну назовёте,
Так она и поплывёт!

У кораблей этих славное имя: Ефим Чеповецкий.

Борис Чичибабин

Я верил в дух, безумен и упрям

● ● ●

Сними с меня усталость, матерь Смерть.
Я не прошу награды за работу,
но ниспошли остуду и дремоту
на моё тело, длинное, как жердь.

Я так устал. Мне стало всё равно.
Ко мне всего на три часа из суток
приходит сон, томителен и чуток,
и в сон желанье смерти вселено.

Мне книгу зла читать невмоготу,
а книга блага вся перелисталась.
О матерь Смерть, сними с меня усталость,
покрой рядном худую наготу.

На лоб и грудь дохни своим ледком,
дай отдохнуть светло и беспробудно.
Я так устал. Мне сроду было трудно,
что всем другим привычно и легко.

Я верил в дух, безумен и упрям,
я Бога звал — и видел ад воочью, —
и рвётся тело в судорогах ночью,
и кровь из носу хлещет по утрам.

Одним стихам вовек не потускнеть,
да сколько их останется, однако.
Я так устал! Как раб или собака.
Сними с меня усталость, матерь Смерть.

● ● ●

И вижу зло, и слышу плач,
и убегаю, жалкий, прочь,
раз каждый каждому палач
и никому нельзя помочь.

Я жил когда-то и дышал,
но до рассвета не дошёл.
Темно в душе от Божьих жал,
хоть горсть легка, да крест тяжёл.

Во сне вину мою несу
и — сам отступник и злодей —
безлистым деревом в лесу
жалею и боюсь людей.

Меня сечёт Господня плеть,
и под ярмом горбится плоть, —
и ноши не преодолеть,
и ночи не перебороть.

И были дивные слова,
да мне сказать их не дано,
и помертвела голова,
и сердце умерло давно.

Я причинял беду и боль,
и от меня отпрянул Бог
и раздавил меня, как моль,
чтоб я взывать к нему не мог.

Армен Зурабов

Возвращение к будущему

Та перемена, которая предстоит человечеству, это переход от животного состояния к человеческому.

М. А. Бакунин (Из книги Л. Толстого «Путь жизни»)

О социализме теперь стыдятся говорить всуе—как о пройденном юношеском увлечении, которое раз и навсегда разочаровало в возможности любви. И если о нём ещё и не забыли, то завалили такими горами брошенных в него за последние годы камней, что словно бы всерьёз уже и говорить—не о чем. А между тем, если вообще можно ещё говорить всерьёз о будущем (и тем более—России), то, скорее всего,—в связи с социализмом. И вот почему.

1.

Давно известно, что основной принцип жизни на земле сводится к борьбе за выживание: сильный побеждает слабого. Давно известно и то—и это отражено в священных книгах многих народов,—что смысл жизни человека—в Любви.

Противоречие между стремлением выжить и извечным—данным Богом—стремлением любить—источник бед в жизни и отдельного человека, и целых народов, и всего человечества. Преодоление этого противоречия—приведение принципа существования человека в соответствие со смыслом его жизни—и есть цель и содержание человеческой эволюции, или путь нравственного совершенствования.

Мудрецы всех времён предвидели гибельность для человека борьбы за выживание (как цели жизни) и приходили к одному и тому же выводу: способ существования людей, заимствованный у животных (и естественный для них из-за отсутствия выбора), должен быть заменён у людей разумной организацией жизни в соответствии с её высшим духовным назначением. Этот вывод закреплён в заповедях почти всех религиозных учений.

В разные времена и у разных народов находились великие люди (то есть совершенные настолько, чтоб, забывая о себе, думать о других), которые даже осмеливались осуществить такую организацию жизни. Пифагору ещё в VI веке до нашей эры удалось построить разумный город-государство, возглавляемый его учениками, и он просуществовал около двадцати лет и был уничтожен в результате нашествия извне.

Итак, речь идёт о таком изменении жизни людей, при котором инстинкт выживания, разделяющий людей, подчинится наконец объединяющей власти разума. Возможность такого изменения жизни людей реальна.

Во-первых, потому что в человеке изначально заложена потребность любить себе подобных и объединяться с ними (первое, что делают даже дети,—это заводят друзей). В обращении Л. Толстого к кружку молодёжи есть такие слова: «Любовь ко всем людям, даже ненавидящим нас, гораздо больше свойственна душе человека, чем борьба с ближними и ненависть к ним». Нравственная шкала всех народов и во все времена определяется способностью человека любить: добро—всё то, что идёт от любви (щедрость, самопожертвование, милосердие, бескорыстие); зло—всё то, что противостоит любви (эгоизм, скупость, жестокость, трусость). Людям как бы с самого начала даны ориентиры, ведущие их к любви, а значит—и к объединению, как к первой и главной задаче их пребывания на земле.

Во-вторых, всё происходившее в мире до сих пор, начиная с изобретения колеса, великих завоеваний, открытий новых земель и до создания современных средств связи и сообщения, вело и ведёт к взаимопроникновению народов, к взаимозависимости их и единению. Сегодня становится ясным то, что казалось неясным ещё сто лет назад: жизнь каждого зависит и неотрывна от жизни всех. Представление о силе как о превосходстве одного над другим вытесняется осознанием её единственного предназначения: сильный должен помогать слабому, а не побеждать слабого.

В-третьих, человеку дана способность самостоятельного выбора, что возводит его из всей живой природы на уровень сотворца Бога. Ему одному дано выполнить волю Бога не только в извечно заданных обстоятельствах жизни, но и в создании новых обстоятельств, без которых невозможно дальнейшее развитие мира (а возможна только его гибель). Первым понял это и развил в своём учении о ноосфере Вернадский. Ему выпало жить в XX веке, который наглядно выявил возможность дальнейшего развития жизни только на основе разума.

Одно из самых, казалось бы, непредвиденных обстоятельств, созданных человеком,—выход

в надземную реальность космоса—определило не только ещё одно условие дальнейшей жизни человечества, но и рождение нового планетарного содружества людей, перед которым всё, что разделяет их, становится архаизмом. Таким же определяющим дальнейшую жизнь людей становится компьютер. Фантастический «интеллект» компьютера, очевидно, уже сегодня вполне реально и безукоризненно объективно, без издержек человеческого вмешательства, может осуществить программу разумного планирования жизни, если такую программу заложить в него.

Но ни могущество компьютера, ни даже изобретение колеса, определившее на многие тысячелетия жизнь людей, не сравнимы со значением того нового разумного принципа организации жизни людей, к которому неотвратимо—каждый по своему пути—идут все государства и народы мира, завершая первый эмбриональный этап развития человечества (когда жизнь человека определяется инстинктом выживания).

Принцип этот воплощает основные заповеди всех религий—и прежде всего те, что призывают любить и не стремиться к богатству,—то есть для большинства людей воплощает новое понимание смысла жизни. «Перемена понимания смысла жизни,—писал Л. Толстой,—не только не невозможна, но, напротив, только она одна может вывести людей из тех бедствий, от которых они страдают, и потому перемена эта неизбежно рано или поздно должна совершиться».

XX век явился временем первых государственных попыток осуществления нового способа жить—не только потому, что созрели объединяющие людей условия, а уже и потому, что жизнь по прежнему стихийному принципу стала невозможной: научившись расщеплять материю, человек тем самым впервые принял на себя ответственность за судьбу мира, и с этих пор разумная организация жизни людей стала единственным спасением от всеобщей, прежде всего экологической, гибели.

2.

Уже в 1918 году Александр Блок писал о предстоящей перемене жизни как о конкретной задаче: «Переделать всё. Устроить так, чтобы всё стало новым, чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, весёлой и прекрасной жизнью».

По существу это означало: создать условия, при которых жизнь человека будет определяться не страхом смерти (порождающим инстинкт выживания и противостояние «враждебному миру»), а будет определяться единственно доступным только человеку стремлением преодолеть этот страх и жить в осознании своего духовного бессмертия—устремления к нравственному идеалу.

Перемена эта предусматривает, прежде всего, освобождение человека от «добычи пищи» как главной задачи жизни (включая в это понятие и трагикомическую бессмысленность приобретения богатства), освобождение его мыслей и чувств для того, что только и оправдывает наличие у него разума,—для познания тайн Божьего замысла и претворения его в непрерывном процессе сотворения мира. Кстати, как правило, почти все мыслители и творцы мира, от древних философов и поэтов и до создателей современных космических кораблей, были свободны от забот о своём физическом существовании (за исключением тех редких случаев, трагизм которых ещё нагляднее подтверждает это правило).

Но и для простого смертного самое унижающее его обстоятельство то, что вынуждает его использовать грандиозные возможности своего разума для того, чтобы быть сытым или победить в борьбе с тем, кто тоже хочет быть сытым. (К понятию «сытости» для человека можно отнести и удовлетворение таких странных его позывов, как тщеславие.) Это обстоятельство, по сей день уничижающее человека до одноклеточной амёбы элементарной задачей выжить, или, что то же, утвердить свою жизненную несокрушимость, порождено «правом сильного», перенесённым из мира животных в мир людей. В мире животных это право обеспечено физической силой, в мире людей—её усложненным аналогом: частной собственностью.

Краткое напоминание:

С древнейших времён земля, как источник жизни, была главным объектом в борьбе за выживание. «Сильный», умевший захватить у «слабого» больше земли, не только заставлял кормить себя, но и придумал правила («законы»), по которым и дети, и внуки, и все последующие потомки побеждённого должны были кормить его детей и его потомков. И хотя на протяжении истории правила эти не раз изменялись (процесс этот и составляет содержание истории), но в результате происходило только то, что победитель и побеждённый менялись местами и ещё и ещё раз подтверждали неизбежность борьбы за существование как единственный принцип жизни, а тем самым—и право «сильного» грабить «слабого».

В XII веке еврейский философ Маймонид писал: «Если ты получаешь доход, не зарабатывая его, то, наверное, кто-нибудь работает, не получая дохода». Почти то же через восемь веков писал Л. Толстой: «Если у одного человека есть много лишнего, то у многих других недостаёт нужного». Вот это лишнее, как следствие незарабатываемого—в конечном итоге отнятого у других!—дохода, превращаемого в новые источники такого же дохода, то есть в ещё большую возможность отнимать его у других, и представляет то, что, по существу, является аналогом физической силы в мире

животных и названо «частной собственностью» и провозглашено священным правом человека.

Иначе говоря, частная собственность, по существу своему, воспроизводит стихийную жизнь бессознательной природы (определяемой «правом сильного») в мире людей и тем самым вновь и вновь питает человеческий эгоизм и порождает иллюзию его непреодолимости.

Но есть в самом возникновении частной собственности нарушение и естественного права, то есть права, бесспорного для всех живых существ, населяющих землю,—права всеобщего пользования землёй.

Генри Джордж, известный американский экономист, писал: «Собственность на землю подобна собственности на рабов, по самому существу своему отличается от собственности на предметы, созданные трудом… Ограбленные люди могут вновь приобрести то, что у них было отнято, но отнимите у народа землю—и ваш грабёж будет продолжаться вечно».

Кант считал, что все люди с самого начала и «прежде всякого юридического акта находятся во владении землёю».

Герберт Спенсер писал: «Если предположим, что вся обитаемая земля может быть собственностью богатых землевладельцев и что они имеют право на её поверхность, то все не землевладельцы не имеют на неё права. Так что не землевладельцы могут существовать на земле только под условием согласия на то богатых землевладельцев. Так что если бы эти не пожелали бы дать им место, они должны бы быть свержены с земного шара».

3.

Страна, называвшаяся Союзом Советских Социалистических Республик, возникла на основе отмены частной собственности и впервые в истории явила миру последствия этого всё определяющего акта.

Известный английский фантаст Герберт Уэллс, приезжавший в Россию в 1919 году и написавший после этого свою знаменитую «Россию во мгле», встречался с Лениным. Ленин рассказал ему о планах предстоящего строительства. Уэллс назвал Ленина в своей книжке «кремлёвским мечтателем». Известные западные писатели приезжали в Россию и в тридцатых годах, когда Ленина уже не было, в самый разгар обещанного Лениным строительства, и видели реальность, казавшуюся Уэллсу в девятнадцатом году фантастической: строились не только заводы, электростанции, железные дороги, шахты, города, но и школы, больницы, институты, библиотеки, Дома культуры, музеи, театры, возникала первая очередь московского метро, удивлявшего и потом иностранцев своей дворцовой мраморной красотой.

Но главным в этом рождении первого в истории «государства разума» (так его назвали в двадцатых годах махатмы Индии в своём приветствии Ленину) было не создание его государственной мощи в сроки, небывалые ни для одного государства в мире, не победа в войне, опровергшая последние надежды на его уничтожение силой, не фантастический выход в космос, воплотивший развитие в нём за тридцать лет самой современной науки, а непредвиденное в течение тысячелетий рождение нового миропонимания.

В своём обращении к молодёжи Л. Толстой писал: «Как растёт человек, так растёт и человечество. Сознание любви росло, растёт в нём и доросло в наше время до того, что мы не можем не видеть, что оно должно спасти нас и стать основой нашей жизни. Ведь то, что теперь делается, это последние судороги умирающей, насильнической, злобной, нелюбовной жизни».

Это было написано в самом начале XX века. Почти за две тысячи лет до этого Евангелие призывало полюбить врага своего. Человечество готовилось к осуществлению этой заповеди всей своей историей, изживая неверие в Любовь и оправдывавшую это неверие «философию эгоизма», которая противостояла не только любви к врагу, но и любви к ближнему.

Путь истории—путь преодоления человечеством эгоизма, а социальные формации—только ступени этого преодоления. Каждый переход на новую ступень совершался в результате усилий (большей частью кровавых) по преодолению «привычки» к прежней ступени. То, что теперь принято называть «социалистическим переворотом в России», так же как и восстания рабов в Древнем Риме, и крестьянские революции в средневековой Европе,—всего лишь неизбежный переход на новую ступень истории. Но на этой, современной, ступени человечеству предстоит не только расстаться с тысячелетней привычкой жить по-старому, но и обрести совершенно новое отношение к жизни, которое естественно было бы назвать «философией любви». Философия эта была основой мудрости ещё и в младенчестве нашей цивилизации, но только пройдя все стадии роста её и дождавшись выстраданной в заблуждениях и ошибках зрелости, обретает сейчас право на реальную жизнь.

У знаменитого поэта средневекового Китая Бо Цзю-И есть стихотворение со странным названием: «Я сшил себе тёплый халат». Речь там действительно о том, как автор (герой стихотворения) сшил себе тёплый халат, избавивший его от мук холода. Затем происходит непредвиденное:

…Но как-то средь ночи
Меня испугала мысль.
Халат я нащупал,
Встал и заснуть не мог!

Достойного мужа
Заботит счастье других.
Разве он может
Любить одного себя?
Как бы добыть мне
Халат в десять тысяч ли,
Такой, чтоб укутать
Люд всех четырёх сторон?
Тепло и покойно
Было бы всем, как мне,
Под нашим бы небом
Не мёрз ни один бедняк.

4.

Великая французская революция сделала первый шаг к равноправию людей—отменила сословия. Но подлинное равноправие людей—это освобождение от того, что ещё яснее выявилось после отмены сословий: рабство не только обездоленных, но и власть имущих, потому что и те, и другие с разных сторон прикованы к одной разделяющей их стене—собственности. Разрушение этой стены и есть путь к подлинному освобождению, равноправию и объединению для всех.

Уже в прошлом веке известный французский богослов Ламенне писал: «Как всякий человек в отдельности, так равно и всё человечество в совокупности должно преображаться, переходить от состояния низшего к высшему, не задерживаясь в своём росте, предел которого в самом Боге… И после восемнадцати столетий, совершив один из кругов своего развития, человечество опять стремится преобразиться. Старые системы—старые общества, всё, что составляло старый мир, уже разрушается—и народы живут теперь среди развалин в ужасе и страдании. И потому не унывать надо при виде этих развалин, этих смертей уже совершившихся или имеющих совершиться, а, напротив, мужаться. Соединение людей недалеко».

Соединение людей—как практическая и ближайшая задача возникшего в начале XX века социалистического государства—прежде всего и естественно должно было основываться на новой оценке самой человеческой личности. Значение человека стало определяться не количеством собственности, которой он владеет, а только тем, что сам создаёт, не тем, сколько приобрёл, а тем, сколько отдал.

Потому что «достойного мужа заботит счастье других», и это не навязываемая извне мораль, а свойство самой природы человека. По существу, в основе нового устройства жизни оказалось единственное условие человеческого счастья—когда душа живёт в заботах о других, то есть главное положение учения Христа.

В том же своём «Пути жизни» Л. Толстой писал: «Людям, принявшим учение Христа, оставалось одно из двух: или разрушить весь прежний порядок жизни, или извратить учение. Они избрали последнее». Дополним: и прожили в этом извращении около двух тысячелетий.

5.

В Новом Завете, в «Первом соборном послании святого апостола Иоанна Богослова», есть такие слова: «Кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце своё,—как пребывает в том любовь Божия? Дети мои! Станем любить не словом или языком, но делом и истиной».

Любовь «делом и истиной» определяла мораль нового общества. Труд только ради заработка, тем более—обогащения, становится стыдным. Слова «выгода» и «карьера» выходили из употребления. «Материальные ценности» жизни уходили на второй план—на первом оказывались духовные. Молодые со школьной скамьи мечтали не о богатстве, а об изобретениях, открытиях, строительствах, поисках… (Помню, ещё в сороковых и пятидесятых годах самой заветной была профессия геолога.) И естественно, что одним из главных «предметов первой необходимости» становилась книга, то есть то, что больше всего питало духовную жизнь.

К середине тридцатых годов—в течение десяти лет после принятия закона о всеобщем образовании—была ликвидирована почти поголовная безграмотность недавно ещё крепостных крестьян. Книги издавались тиражами в десятки и сотни тысяч экземпляров (и их не хватало), ещё большими тиражами выходили толстые журналы (и их тоже не хватало). Цены на книги и журналы были самые низкие в мире, но были и ещё ниже—на те книги, что выходили в сериях «Массовая библиотека», «Школьная библиотека», «Библиотека приключений», «Жизнь замечательных людей», «Книжка для малыша», «Детская литература»… В иллюстрированных великолепных изданиях «Академии» и «Художественной литературы» выходили творения великих писателей разных времён и народов.

Читали все—и дети, и взрослые. Читали дома, в метро, в многочисленных библиотеках. Помню, запись в школьную библиотеку была обязательна, и на многие книги устанавливалась очередь. Книгами обменивались, на пионерских сборах устраивали чтения вслух Вальтера Скотта, Майн Рида, Жюля Верна, Купера, а иногда кто-нибудь, кому удавалось достать редкую книгу, рассказывал на сборе её содержание. Книгу дарили на день рождения, надписывая её, как лучший подарок на всю жизнь.

Подарком был и билет в театр. Билеты доставали с трудом. Заранее. Цены на билеты (как и цены на книги) были самые низкие в мире. В театр ходили как на праздник. После спектакля устраивали обсуждения—тут же, в театре, или увозили артистов к себе на завод, на фабрику, в воинскую

часть, в институты и школы. С отдельными спектаклями театры выезжали в деревни, выступали в сельских клубах, в избах-читальнях, а то и просто — под открытым небом. Артисты одними из первых награждались орденами и званиями, были знамениты и любимы народом.

Почти повседневной необходимостью для всех (и в городе, и в деревне) было кино. В фильмах узнавали свою жизнь, и как бы она ни приукрашалась, проблемы и чувства в них были понятны и волновали. Имена героев становились нарицательными, отдельные фразы их входили в жизнь как афоризмы и поговорки. Кинотеатров было много, посещались жадно, во все дни недели, на некоторые фильмы устраивали дополнительные сеансы. Фильмы становились событием жизни, многие из них смотрели по нескольку раз, — они помогали верить в жизнь, в реальность любви и добра.

Приближали к народу и классическое искусство. Помню в оперном театре симфонические концерты «По понедельникам», на которых дирижировали и солировали знаменитые музыканты и певцы, звучали оратории и композиции по «Эгмонту» Гёте и Бетховена, «Пер Гюнту» Ибсена и Грига… Помню, как-то ночью в очереди за билетами на концерт Рихтера стоявшая передо мной девушка сказала вдруг, что будет рассказывать внукам о том, что «жила в одно время с великим Рихтером». Помню таинственное звучание оркестра из человеческих голосов на концертах хора Свешникова, неправдоподобное, мистическое явление души в танце Улановой…

Артисты, музыканты, учёные, инженеры, конструкторы, педагоги, врачи — люди всех профессий, вступавшие в жизнь ещё в тридцатых годах, учились в двадцатых годах уже в новых школах, театральных студиях, академиях художеств, университетах, институтах, техникумах. Образование было бесплатное, то есть все расходы брало на себя государство (которому в то время самому было не больше двадцати лет). Брало на себя государство расходы и на бесплатное лечение, и на бесплатный (или почти бесплатный) отдых. Санатории и дома отдыха, построенные на лучших курортах, напоминают и сейчас дворцы.

Огромное государство объединяло входившие в его состав республики не только общим для всех новым устройством жизни, но и общим производством: в создании станка, машины, самолёта или ракеты на разных его стадиях участвовали разные республики и тем самым взаимодействовали друг с другом в процессе труда.

Национальное происхождение человека — понятие, давно ставшее условным, и особенно в XX веке (развитие цивилизации неизбежно вело к смешанным бракам), — это ложное понятие сменялось понятием национальной культуры, тем, что всегда выражало и выражает истинную жизнь народа, его вечное и общее со всеми народами устремление к Идеалу.

В республиках возникали — во многих впервые — национальные театры, киностудии, консерватории, издательства, академии наук, академии художеств… Самых талантливых посылали в прославленные уже на весь мир учебные заведения Москвы и Ленинграда. Устраивались национальные декады, выявлявшие на всю страну тех, кто становился потом национальным достоянием своего народа.

Всё это (и многое другое), что необходимо для духовной (истинной) жизни человека, требовало немалых средств. Средства были государственные — то есть всё тот же возвращённый народу результат его труда. Ещё больших средств требовала создаваемая в это же время индустриальная основа государства, и ещё больших — вооружение. После неудавшихся попыток уничтожить новоявленное государство ещё в колыбели, сразу после его рождения в семнадцатом, открыто, на виду у всего мира готовилось его уничтожение руками германского фашизма.

Фашизм к тому времени был оснащён самым последовательным (логично следующим из расовой теории) утверждением «права сильного» и небывалыми ещё в истории средствами истребления людей как неоспоримого подтверждения этого права. Фашизм воплотил в чёткую систему «животность» человечества — всё, что тысячелетиями противостояло разуму. Поэтому столкновение фашизма с государством, осмелившимся доверить наконец жизнь выводам разума, было неизбежно.

Войну ждали, к ней готовились, но никогда в зависимость от неё не ставилось будущее, потому что не было ни малейшего сомнения в исходе войны. Лозунг тех лет: «Наше дело правое — победа будет за нами!» — вполне достоверно выражал веру не просто в победу, но в справедливость истории, которая делала эту победу неоспоримой.

Эта вера явилась высшим достижением двадцатилетнего существование нового государства. Она означала факт становления единства народа и его новой, единой, общей для всех национальностей, составляющих этот народ, родины. А это, в свою очередь, означало, что новое устройство жизни оказалось не «утопическим призраком», а реальностью, которая в самой страшной за всю историю войне подтвердила свою материальную и духовную прочность.

Победа над фашизмом была победой идеи объединения человечества над идеей его разъединения. И в этом смысле наглядно подтвердила, что человечество движется не по кругу (несмотря на утверждение ветхозаветного Экклезиаста), а «от состояния низшего к высшему, не задерживаясь в своём росте, предел которого в самом

Боге»,—и если не по прямой, то, во всяком случае, по спирали, которая могла показаться в медлительном движении древней цивилизации и замкнутым кругом.

6.

Понимаю, что уже давно читающий эти строки готов напомнить о «цене побед»—и в войне с фашизмом, и в создании на пустыре послереволюционной России за каких-нибудь двадцать с лишним лет одной из великих сверхдержав мира. Да, диктатура, или, как принято сегодня говорить, тоталитаризм, нарушение единого для всех времён нравственного закона, цензура, и репрессии, и сотни тысяч жертв…

Но когда, в какой самой демократической стране, даже такой классически демократической, как Греция времён Перикла (кстати, именно в этот «золотой век» был казнён в Афинах Сократ),—когда методы, которыми пользовалась власть, претендовали на соответствие нравственному закону?

Память человечества неистребимо хранит и ужас геноцида американских индейцев, и торговлю неграми, привозимых, как скот, в ту же Америку и Англию уже в «просвещённом XIX веке», и многолетние крестовые походы, благословляемые Папой Римским, и кровавые расправы со всяческой оппозицией, в том числе и религиозной, и, наконец, апофеоз безнравственности власти—брошенные по приказу президента Америки на два мирных города Японии две атомные бомбы, унесшие в течение нескольких секунд более трёхсот тысяч жизней и уносящие их до сих пор—этот так и оставшийся безнаказанным факт протяжённостью в пятьдесят лет и ещё не исчерпавший своего смертоносного назначения.

У Гверрацци в его «Осаде Флоренции» есть такое определение критерия нравственности в политике: «Преступление в политике начинается лишь там, где кончается необходимость».

Коммунисты в России взяли на себя ответственность не только за построение новой жизни—в корне отличающейся от той («лживой, грязной, скучной, безобразной»), которой так трагически долго жило человечество,—но и за победу в неминуемой схватке со «старой жизнью».

Иначе говоря, с одной стороны, надо было создать жизнь, которая понравится людям больше, чем та, которой они жили до сих пор, а с другой—установить в стране положение, близкое к военному: с единовластием, дисциплиной и верой в общую цель. Задачи эти казались взаимоисключающими и в то же время были связаны. Победу в предстоящей войне определяло не только и не столько вооружение, сколько человек, который впервые должен был пойти защищать не свою прежнюю национальную родину, а общую для всех населяющих её народов единую новую родину.

Кинохроника последних лет войны сохранила кадры приезда Черчилля в Москву: он проходит вдоль почётного караула молоденьких солдат и с нескрываемым удивлением, то и дело останавливаясь, вглядывается в их лица. Участник и организатор почти всех войн XX века, Черчилль словно пытался разглядеть в лицах этих парней (скорее всего, ещё и не побывавших на фронте) силу, которая остановила фашизм. Против этой силы Черчилль и объявил «холодную войну», которая довела напряжённость послевоенной экономики Союза до уровня, которого не было и во время войны.

«Холодная война» не оставляла выбора: социализм вынужден был (обязан был) защищать себя и тем самым защитить первые достижения на пути человечества к новой цивилизации. И чем больше развивалась военная техника его потенциальных врагов, тем больших средств требовала его оборона. В восьмидесятые годы, после принятия в Америке программы космического вооружения СОИ, необходимость противостояния ей стоила Союзу почти восемьдесят процентов годового бюджета. В этих условиях производство товаров потребления оказывалось недостаточным—появились полупустые прилавки и очереди. Признаки этого очевидного спада стали относить за счёт системы социализма. И это выглядело достаточно убедительно—особенно для поколения, вступавшего в жизнь во времена этого спада. В нём видели результат прежде всего политического режима, исключавшего зависимость власти от общества.

Хотя, по существу, именно целенаправленное многолетнее давление извне создавало ту сложность внутри государства, которая приводила к противоречию между идеологией и практикой жизни, а это, в свою очередь, и создавало недоверие к идеологии и стремление «жить как все» (как весь остальной мир)—то есть заимствовать принцип жизни у той самой западной—материальной—цивилизации, которая благодаря именно этому принципу (сильный побеждает слабого) уже с начала нашего века ясно вела мир к духовной, а значит, и к физической—экологической—гибели.

7.

Бывший госсекретарь США Джеймс Бейкер недавно сделал официальное сообщение: «Мы истратили триллионы долларов за последние сорок лет, чтобы одержать победу в «холодной войне». Победа одержана: СССР исчез с карты мира».

Сегодня разрушение этой страны, последовательно и неукротимо-безжалостно проводимое не только «за последние сорок лет», но и с самого её рождения в семнадцатом, названо «самопроизвольным крахом социализма», следствием «нежизнеспособности» его экономики. Утверждение это опровергается не только всей историей XX века, наглядно подтвердившей невиданную

жизнеспособность этой системы, не только грандиозным явлением социалистического Китая, невозможного без социализма в России, который прикрыл его своей непредвиденной сверхдержавной мощью, но и тем, сегодня уже открытым всему миру, результатом перераспределения собственности, которое совершилось в России за последние шесть лет,—практическим результатом перехода от государственной собственности к частной. (Под «практическим результатом» имею в виду прежде всего нравственный результат, который потому и считаю всеопределяющим, что только в нём и вижу конечную цель существования любого государства и любой человеческой жизни.)

Итак, нравственный результат совершённого в России капиталистического переворота—возвращения от государственной собственности к частной: прежде всего—мгновенное (в течение года) разделение людей на богатое (чудовищно и стремительно разбогатевшее) меньшинство и нищее (до уровня почти полного отсутствия средств к существованию) большинство; вместо постоянной работы (жёстко гарантированной и реально защищённой государством)—полная зависимость от воли частного владельца, страх потерять работу и, естественно, ещё более ожесточённая борьба за выживание, не оставляющая стимулов для жизни духовной (и уж во всяком случае, не приближающая, а ещё больше отдаляющая от смысла человеческой жизни вообще); вместо объединяющего республики общего производства—разрыв экономических связей, а затем—политических и культурных, разрушение Союза (наперекор народному референдуму и здравому смыслу, в результате борьбы за власть), разрыв, пустивший республики по миру, потому что жизнь в них определялась их взаимозависимостью, нарушение которой обрекало их на сомнительную (если не трагическую) самостоятельность, лишённую каких-либо реальных основ—ситуация, словно специально созданная для разжигания национальной розни, уничтожения национальной экономики и культуры—всего, что тут же и произошло и продолжается по сей день: межнациональные столкновения и войны, неутомимо продолжающие друг друга в самых разных местах, от Молдавии до Таджикистана и от Прибалтики до Кавказа; рождение в хаосе распада мафиозного спрута, опутавшего не только органы порядка, но и правительства, парализовавшего первую и основную функцию любой власти—защищать жизнь и безопасность своих граждан; нескончаемый поток согнанных с родных мест, никем не защищённых, беспомощных в своём бесправии и бессилии полуголодных людей разных национальностей, получивших в средствах информации вечный и безнадёжный статус новой нации—«беженцев»,—и всё это там, где уже возникал единый народ и многонациональное содержание его обретало своё истинное выражение в культуре. И это вполне совмещалось с необходимым в таком государстве единым государственным языком: выступления по радио и телевидению представителей разных республик «бывшего СССР» и даже недавних «врагов», лидеров так называемых «чеченских боевиков», на отличном русском языке и сейчас ещё привычно сочетаются с их нерусскими лицами, и это ничуть, кстати, не мешало им говорить на своём языке, создавать на нём свою литературу, театр, кино, для чего государством из общего котла отпускались немалые средства.

С потерей государственного финансирования культуры, после торопливой или, точнее, беззастенчиво-преступной передачи государственных средств производства в частные руки самые мрачные ожидания превзошло и падение культуры. И дело не только в том, что в сотни и больше раз упали тиражи книг и журналов (в восемьдесят четвёртом году, накануне «перестройки», тираж «Нового мира» составлял пятьсот тысяч экземпляров, сейчас—около четырнадцати тысяч) и так же катастрофически—для большинства людей—взметнулись цены на них, и на книги, и на билеты в театр, и в кино, и на концерты, и даже в музеи; и не только в том, что ещё недавно переполненные кинотеатры превратились в пустующие залы, отдаваемые в аренду под казино, мебельные магазины и игральные автоматы; и не только в том, что резко уменьшилось количество библиотек, а такие всемирные хранилища книг и картин, как Библиотека Ленина, Эрмитаж и Третьяковка, оказались в условиях, наглядно губительных для их уникальных экспонатов; и не только в том, что неправдоподобно оскудело государственное телевидение, вынужденное пойти на содержание к новоявленным миллиардерам (которые открыто заказывают за свои деньги и свою «музыку»—это уже к вопросу о «свободе слова и гласности»); и не только в том, что стремительно организованное вторжение дешёвой западной киномакулатуры подорвало до основания прокат, обанкротило тем самым киностудии (в СССР в год производилось по всем студиям около ста пятидесяти фильмов) и фактически полностью уничтожило советский кинематограф, лучшие достижения которого вошли в сокровищницу мировой культуры; и не только в том, что основа современного государства—наука—и основа будущего в этом государстве—образование—обескровлены до состояния полной финансовой дистрофии, когда доктора и кандидаты наук побираются на свалке разграбленной экономики, торгуя в весело разукрашенных ларьках под весело оглушающую музыку сигаретами, пивом и «сникерсами», чтоб не умереть с голоду, а крупнейшие институты,

создававшие уникальную в мире технику, производят ограды для могил или стальные двери и жалюзи для насмерть перепуганного рэкетом обывателя-спекулянта (именуемого нынче «бизнесменом»), не говоря уже о великой армии школьных педагогов, неоплачиваемых по нескольку месяцев и прерывающих свою работу разве только для законопослушной однодневной забастовки, потому что даже в этой разрушенной, повергнутой в отчаянье стране нет большего преступления перед Богом и людьми, чем предавать детей,—и всё-таки дело не только во всём этом, а дело в том, что с чётко организованной планомерностью делается всё, чтобы уничтожить нравственную основу государства—этот реальный результат грандиозного духовного опыта русского народа, отражённый в его культуре и истории.

Невежественно-уверенное отрицание достоверности русского идеализма как основы исторического развития России и примитивное, самонадеянное навязывание сегодня России западного прагматизма с его неотвратимым провозглашением жизни как игры, в которой единственная цель—выигрыш, не только чуждо, но и враждебно русскому миропониманию. Для этого достаточно прочитать великих русских писателей XIX века, создавших образ не укротимого никакими доводами самосохранения устремления к Идеалу как единственной реальности человеческой жизни—образ, который в Европе ещё в XVI веке был так трагически высмеян Сервантесом. (В России «исправители мира» никогда не были смешны: герои русских романов в той или иной степени все—«рыцари печального образа».)

Один из самых дальновидных политиков Европы «железный» Бисмарк ещё в конце XIX века предостерегал от попыток завоевать Россию: в её духовной неистребимости он видел предназначение судьбы. Понимал ли Бисмарк это так же, как понял это Блок, в своих «Скифах» увидевший спасительное назначение России уже в её азиатской нецивилизованной первичности или, как в «Двенадцати», в мистически непобедимом могуществе божественной стихии, ведущей к долгожданному христианскому обновлению, но словно понявший это предупреждение Бисмарка как указание искать иные пути уничтожения России директор Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес весной сорок пятого года, ещё до капитуляции Германии, успокаивая встревоженный победой России американский Сенат, говорил о планах невидимого разрушения России изнутри.

На этот раз ставка делалась на истребление той самой «неистребимой русской духовности», которая представлялась Даллесу, да, вероятно, и американским сенаторам, чем-то вроде первобытных предрассудков уничтоженных в своё время индейцев. Ей, этой русской духовности, предстояло теперь стать всего лишь объектом для достаточно соблазнительной рекламы западного образа жизни (в сочетании, естественно, с некими усилиями по изменению политической и экономической системы), чтоб Россия добровольно раз и навсегда приняла наконец философию того «здорового западного эгоизма, на котором держится весь цивилизованный мир».

Сегодня эта новая глубинная агрессия против России престала быть «невидимой»—смена политического и экономического режима (точнее, разрушение того и другого до состояния хаоса) выплеснула новую «философию» на самую поверхность жизни: на домах, столбах, автобусах, трамваях, троллейбусах, в метро—изнуряюще истеричные призывы на английском и русском языках: «купить», «разбогатеть», «выиграть», «поехать на Канары», «не упустить счастье в казино»; и бешенство телевизионных клипов, рекламирующих западные боевики и мексиканские сериалы, в свою очередь рекламирующие в паузах (ради которых их показывают) средства против перхоти, жвачки «с устойчивым вкусом» и американские сигареты; и «эротические» короткометражки, где проститутки рассказывают о рабочих деталях своей профессии; и объявления в газетах о сексуальных услугах разных видов; и нищие в переходах, и музыканты, что те же нищие, вымаливающие милостыню голосом своих беспомощных скрипок, саксофонов, гитар; и старики и старухи с сигаретами и хлебом, до полуночи дежурящие у входов в метро; и «целлофановые» заморские продукты в «маркетах» и «супермаркетах», куда простые смертные заходят как в музей; и новоявленная массовая «литература», этот зловонный набор беллетризованных инструкций по грабежам, порнографии и убийствам, упакованных под призывные пёстрые обложки; и громадные заголовки эстрадных афиш, обещающих от имени актрис «все возможные удовольствия», и цивилизованные, в бабочках, вышибалы у сверкающих дверей ресторанов и валютных магазинов,—и перекрывающая всё это, сливающаяся в единый образ, наглая, красномордая, самоуверенная, торжествующая пошлость—высокое знамя нового времени и «свободной» жизни.

8.

В Ленинграде, на набережной Невы, у здания Академии художеств, стоят два сфинкса, привезённые из древних Фив. Им больше трёх тысяч лет. Они возвышаются над гранитным парапетом набережной, и на чёрных огромных пьедесталах их—древние египетские письмена. Их задумчивые лица плывут в облачном северном небе и обращены не к людям, стоящим внизу, а словно видят что-то, что важнее и людей, и самой жизни, что и есть единственное, что заключает в себе смысл

и источник происходящего во Вселенной и того, что непостижимо для смертного, но дано ему в мгновенном прозрении,—и пока смотришь на сфинкса, мгновение это бесконечно повторяется—не продолжается, а повторяется, оставаясь мгновением: возникает и тут же исчезает, и не можешь удержать его и продлить, чтоб что-то разглядеть, потому что не выдержит жалкий разум смертного того, что ему откроется… А сфинксам это открыто, и они всё знают про тот и этот мир и смотрят вдаль и в самих себя, их тёмные гладкие лица тронуты едва заметной улыбкой, полны печали и надежды… А тяжёлые, не сдвигаемые львиные туловища утверждают их неистребимую реальность.

Чуть ниже сфинксов, там, где ступени с набережной ведут к Неве, раздвинутые к этому спуску края парапета завершают маленькие бронзовые львиные головки, оскаленные в ярости. Их готовность к безумной и вечной борьбе противостоит величавой тайне сфинксов—то ли по замыслу устроителей-архитекторов, то ли по естественному выражению в них суетного екатерининского ренессанса XVIII века (когда сфинксы были привезены в Петербург).

Это незаметное с первого взгляда и в то же время такое наглядное воплощение двух разделённых тысячелетиями цивилизаций напоминает о двуединой природе человека: как в жизни отдельного человека берёт верх то духовное его начало, то плотское, так и в бесконечной спирали развития человечества духовные витки его сменяются материальными, создавая новые импульсы движения человеческой истории.

Великая цивилизация Древнего Египта, о которой известный французский египтолог Кристиан Жак писал, что это «высший нравственный мир за всю историю», в которой забота о вечной жизни вытесняла даже стремление к собственности на землю (в Древнем Египте право на землю принадлежало только фараону, то есть воплощённому в его богочеловеческой сущности государству), а история воспринималась не как движение во времени, а как неизменная реальность духа, и поэтому обозначалась не годами, а династиями фараонов,—эта, для современного человека, казалось бы, сказочная страна (представшая, однако, перед нами в наглядной реальности всё ещё таинственных пирамид и величавых скульптур, в том числе и ленинградских сфинксов), эта великая эра человечества протяжённостью в несколько тысячелетий, не отягощённая никаким техническим прогрессом (разве только—колёсами колесниц) и оставившая миру опыт реальной духовности,—она, эта эра, на новом глобальном витке истории сменилась той самой материальной цивилизацией, в которой мир пребывает до сих пор.

Начало новой материальной цивилизации отмечено двумя знаменательными событиями I века новой эры—разрушением Иерусалимского храма, этим последним актом победы римлян над восставшей Иудеей, окончательно прекратившим существование иудейского государства, и возникновением христианства—религии, впервые ясно провозгласившей Любовь как единственное содержание человеческой жизни и взявшей на себя предуготовление человечества к Божьему царству (к жизни, построенной на заповедях Христа или—что то же—на выводах разума).

Первое событие породило народ без земли и государства, который и рассеянным по миру оказался, однако, готовым к такому существованию благодаря изначальной уверенности в своей «богоизбранности» и спасительной преданности единой национальной религии. В борьбе за выживание народ этот направил все силы в единственно доступную ему сферу—в индивидуальное творчество: от искусства приумножения денег, этого обезличенного эквивалента всех отнятых у него богатств и создания на их основе всеохватной финансовой империи (невидимо подчинившей себе весь мир), до научных открытий и изобретений, вот уже несколько веков оснащающих человечество новыми энергиями и скоростями, всё более увеличивающими «вместимость» его земного существования. Иначе говоря, разрушение Иерусалимского храма породило всемирных евреев, народ, подобно египтянам в Древнем мире, создавший и возглавивший цивилизацию нового материального витка всемирной истории.

Второе событие—возникновение христианства—явилось как бы гарантом неистребимости духовной перспективы человека, даже когда он, человек, достигнет высшего самоубийственного умения расщеплять материю (возвращать её в энергию, из которой она сотворена), гарантом его готовности к новому духовному витку, который единственно может повести человечество дальше—уже объединённое техническими связями и способное к осознанию своей единости. (Не в этом ли главное назначение материальной цивилизации—во всяком случае, в той её части, что доступна сознанию?)

Что касается нравственных достижений этой цивилизации, то вершиной её явилась «свобода личности» (противопоставленная, очевидно, всем несвободам личности в прошлом), ставшая основой беспредельного индивидуализма, всё больше и больше отрывающего человека от общества и человечества в целом (не говоря уже о вечности). Иначе говоря, «свобода личности» обернулась не виданным никогда прежде рабством перед торжествующим эгоизмом.

И как древняя египетская скульптура воплотила невозмутимое величие духовного могущества человека, так искусство нашей цивилизации (и нагляднее всего—кино, рождённое этой

цивилизацией) воплотило в своих лучших творениях и непредвиденную (в условиях материального всемогущества) трагедию рабства духа (или, как принято это теперь называть, «бездуховности»), и неистребимую надежду на духовное возрождение.

Яснее всего, я бы сказал — оглушительнее, прозвучала эта трагедия «свободы» в фильме великого Феллини «Сладкая жизнь» (снятого ещё раньше, в шестидесятые годы), в этой пронзительно правдивой монументальной панораме изнемогающего от вседозволенности и богатства современного «высшего общества» — обездоленного духовно до готовности к самоуничтожению. В финале этого хождения по кругам «сладкого ада» — выброшенное морем на берег огромное, колыхающееся, аморфное, отвратительное чудовище (о жизни его свидетельствуют только маленькие, равнодушные, бессмысленные глазки), и люди, вышедшие к морю после отупляющего маразма ночной оргии, с ужасом угадывают в чудовище образ своей жизни… А с соседней косы, отделённой от них заливом, в первых лучах солнца светлая стройная девушка, улыбаясь, машет им рукой и что-то кричит, но голоса её не слышно за шумом прибоя.

В «Восьми с половиной», фильме, снятом сразу после «Сладкой жизни», в этой бесстрашной перед миром и безжалостной к себе исповеди, Феллини яростно и тщетно ищет свободу внутри себя, в пределах собственной личности, обретшей, по утверждению современных устроителей жизни, освобождение от всяческих «духовных предрассудков». От этой «освобождённости» герой фильма — режиссёр, снимающий фильм, — кончает самоубийством. Фильм остаётся незаконченным, разбираются громоздкие конструкции декораций, а действующие лица, сбросив маски своих персонажей и взявшись за руки, под детски наивную, печальную и счастливую мелодию уходят с экрана и словно переходят в реальный мир, призывая и всех в мире вот так же взяться за руки и преодолеть то, что их разделяет. На экране остаются только трое клоунов, они персонажи не фильма, а жизни, это они наигрывают на своих инструментах мелодию, которая ведёт людей, — и, задержавшись на миг, они уходят вслед за всеми, смешно ступая в такт собственной музыке…

Уходит со сцены истории ещё одна великая эпоха, давшая миру небывалые до этого возможности жизни, удлинившая её сроки и убедившая в беспредельности человеческих сил, поставившая людей перед неизбежностью осознания своего единства — главного условия спасения от самоуничтожения. И в то же время породившая страшное препятствие для этого осознания — иллюзию независимости от жизни других людей, «свободу личности», или, говоря проще, свободу только для себя, тот высший индивидуализм, который отвращает человека от единственного, что делает его человеком, — жизни ради других. «Ты для себя лишь хочешь воли», — эта строчка из «Цыган» Пушкина может быть поставлена эпиграфом ко всему уходящему на наших глазах двухтысячелетию.

9.

Недавно «Литературная газета» перепечатала из итальянской «Унита» интервью с Ивом Кусто, ныне уже покойным. Интервью посвящено условиям сохранения жизни на земле. Вот несколько выдержек из него: «И всё-таки я лично придерживаюсь мнения, что сохранение жизни на нашей планете возможно при условии борьбы с неравенством… Нельзя до бесконечности терпеть нынешнюю ситуацию, когда в руках каких-нибудь шестидесяти человек сосредоточены богатства, превышающие богатства всей Африки и части Азии, вместе взятых… Мы не только уничтожаем разнообразие видов в джунглях или морях, возникшее за тысячелетия эволюции, мы ещё разбазариваем наше будущее ради сиюминутной прибыли… Список случаев разграбления планеты ради немедленной прибыли очень велик… Общество, а не индивид, должно взять под контроль эту разрушительную тягу к потреблению… Когда мы за рулём, а на светофоре загорается красный свет, мы останавливаемся и не считаем, что красный сигнал светофора — это покушение на нашу свободу. Наоборот, мы понимаем, что он нас охраняет. Почему же мы не можем руководствоваться тем же принципом и в экономике?.. Нам нужна новая революция — революция культурная, глубокое преобразование нашего образа мышления».

Это «глубокое преобразование нашего образа мышления», по существу, уже началось восемьдесят лет назад в России, где впервые была разрушена основа для прежнего образа мышления (отменена частная собственность) и где был сделан первый, немыслимо бесстрашный шаг в новую духовную цивилизацию («Десять дней, которые потрясли мир» — так назвал этот переворот тысячелетий бывший тогда в России американский журналист Джон Рид).

Народ, совершивший этот шаг, выстрадал свою решимость всей своей историей; точнее, история его готовила к этому шагу — как история еврейского народа предуготовила его роль на витке материальной цивилизации.

История русского народа, выявившая в течение веков известный сегодня характер этого народа, естественно, вела его к противостоянию тому самому западному индивидуализму, который так гордо назвал себя «свободной личностью». И именно к ней, к этой «свободной личности», вмещающей в гордыне своей все ожидающие человечество беды, именно к нему, этому всемирному

индивидуалисту, обращены ещё в начале прошлого века слова величайшего гения этого народа:

> Оставь нас, гордый человек,
> Мы дики, нет у нас законов,
> Мы не терзаем, не казним…

«Тут уже подсказывается русское решение вопроса,—писал Достоевский в своём «Дневнике писателя»,—«проклятого вопроса», по народной вере и правде: смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость… Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой—и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собой. Победишь себя, усмиришь себя—и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнёшь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймёшь наконец народ свой и святую правду его. Не у цыган и нигде мировая гармония, если ты первый сам её недостоин, злобен и горд и требуешь жизни даром, даже и не предполагая, что за неё надо заплатить».

Эта мысль о том, что платить за жизнь надо главным, если не единственным, богатством души—способностью любить, и явилась основой нового, а по существу—христианского мышления, которое определило и весь характер русской литературы. Вот как писал о ней почти наш современник, немецкий поэт Райнер Мария Рильке, изучивший русский язык, чтоб прочитать в подлиннике русских писателей: «Они (русские писатели.—*А. З.*) похожи на чрезвычайно озабоченных людей, которые, глядя вдаль, полны тяжких дум… они похожи на рабочих, которые по вечерам, когда на небе высыпают звёзды, склоняют чело, размышляя о дневных тяготах. Жизнь русского человека целиком протекает под знаком склонённого чела, под знаком глубоких раздумий… Он поднимает свой взгляд лишь для того, чтобы задержать его на человеческом лице, но в нём он не ищет гармонии или красоты. Он стремится найти в нём собственные мысли, собственное страдание, собственную судьбу и те глухие дороги, по которым прошлись долгие бессонные ночи, оставив эти следы. Русский человек в упор рассматривает своего ближнего; он видит его и переживает и страдает вместе с ним, как будто перед ним его собственное лицо в час несчастья. Этот особый дар видения и воспитывал великих писателей: без него не было бы ни Гоголя, ни Достоевского, ни Толстого…»

И, может быть, именно поэтому ни одна литература в мире не выразила так полно «томление духа» своего народа—и не только своего,—как сделали это русские писатели.

Уже к концу XIX века в своём дневнике, в записи от 3 августа 1898 года, Л. Толстой писал: «Люди все заняты тремя делами: 1) кормиться, т. е. поддерживать своё существование, 2) плодиться—поддерживать существование рода и 3) исполнять то, для чего они посланы в мир: устанавливать Царство Божье, для чего одно средство—совершенствовать себя. Люди заняты почти все первыми двумя делами, забывая последнее, которое, в сущности, есть одно настоящее дело».

Этим «настоящим делом»—продолжением сотворения мира—и стал заниматься человек, впервые освобождённый от вынужденности продавать себя или покупать себе подобных. И эта новая жизнь понравилась ему настолько, что уже через двадцать лет пребывания в ней он пошёл с оружием защищать её против тех, кто со дня её зарождения почему-то стремился её уничтожить (как будто не для общего блага она создавалась) и кто сегодня уверенно (и преждевременно) торжествует свою победу.

В интервью газете «Унита» Кусто сказал ещё вот что: «Крах системы коммунизма вызвал ликование на Западе. Какое заблуждение!.. рыночная система в том виде, в каком она у нас существует, вредит планете больше, чем что-либо, поскольку всё у нас имеет цену, но не рассматривается как ценность».

В этой простой формуле—самый страшный результат материальной цивилизации: обесцененность ценностей жизни. Собственно, этот результат, скорее, даёт право говорить о крахе сегодняшней западной цивилизации, чем «системы коммунизма». Потому что коммунизм, или, точнее, социализм в России,—следствие не столько экономической теории Маркса, сколько тысячелетнего развития русского самосознания, которое больше всего не сочеталось с материальной цивилизацией Запада, и поэтому Россия раньше других отказалась от неё (когда только эта цивилизация стала проникать в её жизнь) и создала систему, которая соответствовала её устремлениям ещё со времён принятия христианства.

Именно поэтому октябрь семнадцатого года—прежде всего вершина русской национальной идеи, и именно поэтому никакого краха «системы коммунизма» не произошло и не могло произойти, потому что речь идёт не о конкретной государственной структуре (в которой неизбежно для первого в истории опыта были и кровавые социальные поиски, и трагические заблуждения, и великие жертвы), а речь идёт о вызревавшей в течение веков изначальной устремлённости человечества к всеобщей справедливости, которая остаётся и единственным спасением от всеобщей гибели.

А «остановка» на этом пути, которую так поспешно назвали сегодня «крахом», столь же необходима для продолжения пути, как необходим привал, чтоб очиститься от приставшей в дороге грязи, уточнить дальнейший путь и обновить силы.

И не свирепость патологического двуглавого орла, торопливо извлечённого из свалки истории, а колосья, обрамляющие орудия труда,—этот самый необычный герб самого необычного в мире государства—останется символом дальнейшего движения истории; и не рудимент тысячелетнего рабства—«господин», а «товарищ»—это ясное повседневное напоминание о том, что идущие к одной цели—прежде всего товарищи, останется знаком отношения между людьми; и не заимствованное у животных право сильного побеждать слабого, а заповеданное мудрецами стремление сильного помогать слабому станет основой того всемирного социализма, которому не будет угрожать уже ни агрессия извне, ни рождённый ею тоталитаризм изнутри и к которому так самопожертвованно первой вышла Россия и идут теперь уже и полуторамиллиардный Китай, и крохотная Куба, и, осторожно приглядываясь к их опыту,—всё человечество.

Время—река. В неё нельзя войти дважды. И то, во что вступает Россия на пороге третьего тысячелетия, не может быть возращением к пройденному. Скорее, это возвращение к будущему.

Никто сегодня не может знать, каким оно будет. Но всё больше людей во всём мире начинает понимать: история выходит на новый виток своей вечной спирали, начинается новая духовная цивилизация человечества, обещанная христианством ещё в I веке нашей эры (не случайно с этого времени—с рождения Христа—исчисляется наша эра) и готовая осуществить учение Христа без преступного приспособления его к социальному неравенству, этому высшему проявлению антихристианства.

Д*и*Н ревю

Дарьяна Антипова
Козулька

Москва: «Эксмо», 2012

В эпоху всемирной глобализации, интернетизации и эгоцентризма очень трудно жить и не ожесточиться сердцем, сохранить способность искренне сострадать ближнему своему и делить всё в мире не на один, а хотя бы на два. На себя и ещё кого-то, кто тебе дорог и ради кого ты можешь пожертвовать чем-то важным.

Дарьяна Антипова написала книгу о нашей современности, увидев её жадными глазами счастливого и незлопамятного человека.

«Проза молодой писательницы Дарьяны Антиповой изменчива, как лунная дорожка на воде. Она ещё не устоялась, но мерцает и светится талантом. Невольно вспоминаешь древнее значение этого слова—мера серебра».

Марина Бородицкая

«Я родилась в Красноярске, работаю директором этногруппы «ВеданЪ КолодЪ», выпустила пять альбомов и несколько международных сборников этнической музыки. В свободное от музыкального творчества время преподаю русский язык как иностранный в Москве и за рубежом. Работала в литературном журнале для семейного чтения «День и ночь», публиковалась в толстых литературных московских журналах.

Дарьяна Антипова

Юрий Беликов, Михаил Ремизов

Клей для державы

Ко мне обернулась женщина, не пропускавшая в пермской библиотеке имени Пушкина ни одной из публичных лекций проекта «Русские встречи». Судя по всему, она отфильтровала все звучавшие здесь речи—Проханова, Дугина, Бородина, Куняева, Калашникова, Чудиновой, Курбатова, Севастьянова.

—Слушали Ремизова? По-моему, он самый лучший! Вы уже сделали с ним беседу?

—Завершаю,—заверил я.

А сам про Ремизова думал: «У этого тридцатитрёхлетнего, можно сказать—молодого, человека, возглавившего в Москве Институт национальной стратегии, чёткое, я бы даже определил—рапирное, изложение мыслей».

Гибок, но и колок. Однако его выпады—не укол зонтиком, а мастерство фехтовальщика.

Дело, конечно, не в статусе, пусть он и обязывает, а скорее—в складе ума и ранней публичности. И хотя Ремизов (в дальнейшем вы убедитесь) настаивает на том, что его поколение прошло через «заморозку публичной политики», всё-таки эта непубличность была весьма относительной, если её сравнить с непубличностью моего поколения, привыкшего к молчанию и тьме как естественной среде.

У нас обыватель пуганый. А Ремизов спокоен и убедителен. Например, доходчиво объяснил, почему идея русского национализма так важна сейчас для России.

—Михаил Витальевич, ещё лет десять назад вряд ли было возможно из уст относительно молодого политика (или политолога, как вы) услышать словосочетание «русский национализм», по крайней мере—во всеуслышание. Сейчас эта тема, на мой взгляд и слух, захватила поколение тридцатилетних: Ремизов, Холмогоров… Почему именно это поколение? И существует ли в современной отечественной политике проблема поколений?

—Десять лет назад я был моложе ровно на десять лет, но из моих уст уже тогда можно было услышать приведённое вами словосочетание. Однако я согласен: по той причине, что сегодня моё поколение вошло в более активную фазу социальной жизни, оно и выносит на публику то, что его когда-то начало волновать. Что касается поколенческих особенностей, то я себя отношу к той генерации, которая застала распад Советского Союза в сознательном, но не деятельном возрасте. Иными словами, я уже был достаточно большим мальчиком, чтобы сопереживать происходящему, но недостаточно большим, чтобы участвовать в каких-либо процессах. В тысяча девятьсот девяносто первом году, на момент создания гкчп, в известной степени рубежном, мне было двенадцать лет. Существует тонкая грань, буквально даже в несколько лет, и по ней отчасти проходит граница между поколениями, потому что есть люди, которые вообще не застали этот слом в сознательном возрасте, и есть те, кто могли в нём участвовать.

—И ваше поколение—из заставших, но не участвовавших?

—В своё время Станислав Белковский вбросил понятие «поколение бмп», что означает: «Без меня поделили!» Это действительно одно из поколенческих переживаний—ощущение, что мы пришли к шапочному разбору. Но главное—это исходное, осевое переживание утраты социального порядка и поражения в холодной войне. Отсюда острая потребность в реванше. Я вообще думаю, что главное переживание моего поколения—реваншистское.

—В чём же проявляется этот реваншизм? В жёсткой попытке трансформировать свои идеи в социум и донести их до властных структур?

—В том числе. Кстати, есть ещё одна поколенческая веха. Моё поколение вошло в социально продуктивную фазу в ситуации заморозки публичной политики, когда были закрыты каналы публичной политической карьеры. Внутри старых, сложившихся партий «лифты» были заблокированы, а если и действовали, то не по законам публичной политики, а в логике «клиентелл». Создание новых политических сил ограничивалось до недавнего

времени не только административным цензом, но и негласным запретом на политические инвестиции для отечественного бизнеса. Только сейчас эти каналы политической мобильности приоткрываются. И то говорю это пока гипотетически.

— Я не случайно заговорил о движущем факторе поколений. Вы — семьдесят восьмого года рождения. А в Москве жил мальчик семьдесят девятого года рождения, и звали его Илья Тюрин. Он погиб в девяносто девятом — в девятнадцать лет. К тому времени был уже сложившимся поэтом и формирующимся философом.

— Да, я слышал о нём…

— Одно из его последних эссе, называвшееся «Русский характер», в своё время опубликовала «Литературная газета». Главная мысль этой работы такова: России требуется десятилетие исторического покоя, для того чтобы сформировался русский характер. Было ли у нас это десятилетие?

— На мой взгляд, было…

— А если было, значит, и русский характер сформировался?

— Интересный посыл. На мой взгляд, в России было десятилетие относительного по историческим меркам покоя…

— С приходом Путина?

— Было бы неправильно изображать это десятилетие как некое царство стабильности. «Золотой век» путинской стабильности был довольно короток — когда уже улеглись страсти по поводу чеченской войны, «равноудаления» олигархов и ещё не разгорелись страсти вокруг экономического кризиса и кризиса доверия к власти.

Но всё-таки по историческим меркам это десятилетие было достаточно спокойным и не связанным с масштабными социальными потрясениями. Обыватель мог немножечко накопить жирок. Сформировало ли это русский характер?

Когда Путин приходил к власти, он, по крайней мере, реализовал важный запрос общества — на самоуважение. И это то, что ему удалось. Однако удовлетворённая первичная потребность в самоуважении не переросла в устойчивую и обоснованную уверенность в себе. Чтобы это произошло, мы нуждаемся не в покое, а в том, что можно назвать социальной инженерией.

Это целенаправленная и планомерная деятельность с рассчитанными целями и средствами по формированию и переформированию каких-то звеньев общества. В принципе, это практика, которая сопровождала формирование современных обществ, потому что многое из того, что мы воспринимаем как данность, изначально было проектом.

— А что лично вы вкладываете в понятие «русский характер»? Вообще, существуют ли нации без характера? Помните, у Лермонтова: «Недолго продолжался бой: бежали робкие грузины!» Или: «Злой чечен ползёт на берег, точит свой кинжал». Разве у тех же грузин и чеченцев нет характера?

— Есть, конечно. Лев Гумилёв считал, что этнос — это прежде всего стереотип. Не уверен, что прежде всего. Думаю, здесь есть риск считать, что стереотип поведения неизменен. Но, помимо реально действующих стереотипов поведения, существует некий набор автостереотипов. То есть стереотипов — представлений о самих себе или стереотипов на экспорт, тех, через которые нас воспринимают другие. И сегодня русский характер — это совокупность не слишком продуктивных стереотипов и автостереотипов.

— Например?

— Возьмём представление о том, что русские всегда действуют на авось. Или — что мы заведомо непрактичны и бессистемны. Или — что «умом Россию не понять». Соответственно, ни она себя не понимает, ни другие. Знаете, что мне это напоминает? В конце восемнадцатого — начале девятнадцатого веков, когда активно заявил о себе литературный романтизм, немцы воспринимались как некие существа, блуждающие по лесам, озабоченные судьбами мира, но не видящие то, что у них под ногами. Я читаю Ницше (это уже более поздний период, но стереотип ещё не выветрился), где он говорит про «характерный немецкий авось». Я не знаю, какое слово было употреблено в немецком оригинале, но переводчик именно так выразил его мысль.

Вспомните Ленского. Пушкин ссылается на то, что Ленский германофил, что его образ мыслей и поведенческий стиль сформировались под немецким влиянием. Но вот в течение нескольких десятилетий, под воздействием, очевидно, успехов бисмарковского государственного строительства, происходит глубокий ребрендинг этой нации. Немцы перестали быть нацией возвышенных неудачников, «не от мира сего». Характерная немецкая «духовность» никуда не ушла, а стала хорошим дополнением к образу расчётливого и волевого народа. Думаю, мы нуждаемся в чём-то подобном.

— А те черты русского характера, которые вы назвали, — их можно отнести к взгляду извне? Или — изнутри?

— Если бы это был только взгляд извне, то — не проблема. Но нас губит представление о вечной русской лени, вечном русском пьянстве, о том, что мы можем быть сильными только тогда, когда нас совсем припекут, и мы поднимем дубину народной войны, помашем ею, опять опустим, дабы вновь

возвратиться в прежнее состояние спячки. У нас очень много негативных автостереотипов, которые нужно каким-то образом преодолевать. Поэтому для меня русский характер — это не данность. Это — задание, с которым необходимо работать, чтобы корректировать негативные самовосприятия.

— В Москве до недавнего времени жил довольно известный философ и культуролог, ныне покойный, Георгий Гачев. Главный его конёк — национальные космосы. Всех. В том числе — русских. Например, он говорил: «Россия — огромный материк, мать-сыра-земля. Она рождает себе сына — народ. А народ реденький. Мальчик, но не муж. Плохо он её продирает по вертикали, гребёт-пашет, и поэтому ей второго мужа затребовалось — варяга, то бишь государство». И варяги действительно были — монголо-татары, немцы, еврейство в Октябрьскую революцию, грузин Джугашвили, малороссы — Хрущёв, Брежнев, Горбачёв. Но сейчас-то вроде на самом верху русские. Казалось бы, и русскому народу должно быть вольготно. Ан нет. В чём парадокс? Или наверху нарушена связь со своим народом?

— Если говорить о связи власти с народом, мы остаёмся заложниками старой имперской матрицы. Имперская матрица власти предполагает, что её источник трансцендентен обществу — он вне общества, дан откуда-то сверху.

В случае с традиционной имперской моделью — это династия. В случае с империей реформированной, советской — это партия, вооружённая «единственно верным учением». В обоих случаях источник легитимности власти — вне нации. Нынешняя российская власть утратила внешний, сакральный источник легитимности, но не укоренилась в нации. Иными словами, лишилась «имперского» содержания, сохранив имперскую матрицу отношений с обществом. В известной степени это феодальная знать без идеи божественного права и номенклатура без идеи коммунизма.

— Тогда такую власть должен посещать страх…

— Элементарное беспокойство по поводу необоснованности занимаемого ею положения…

— Однако конституционно-то всё безупречно?

— Да, но в случае чего бьют, как известно, не по паспорту. То беспокойство, о котором я сказал, характерно проявляется в теме межнациональных отношений. Повышенная нервозность власти по этому поводу связана не только и не столько с этническими конфликтами, сколько с неопределённостью её собственного положения в национальной системе координат. Возникает вопрос: властью какой нации является эта власть? Если она — власть наднациональная, как она себя позиционирует, то где та наднациональная идея или наднациональный проект, которые могут обосновывать это положение? Если она — власть национальная, то почему она так упорно отказывается представлять исторически сложившуюся русскую нацию, предпочитая грезить о формировании очередной «новой исторической общности»?

— А если задаться вопросом, в какой стадии находятся русские как нация? В стадии её формирования, становления, или на протяжении длительного времени мы так и пребываем в неком аморфном воплощении?

— В моём понимании народ является зрелой нацией, если успешно воспроизводит свою этническую идентичность в формате современного массового общества. То есть это некое соединение опыта этничности и опыта модерна. С одной стороны — умение строить современное государство, гражданство, школу, армию, бюрократию. А с другой — верность корням и этническая идентичность. У нас есть и то, и другое. Но соединение до конца не заладилось. Это связано с тем, что наш опыт исторического модерна — советский. Русское этническое содержание в нём было если не табуировано, то сильно смикшировано. Нам нужно как-то исправить этот вывих.

— Как раз на лекции вы сделали акцент на том, что «не все народы являются нациями». Это выглядит примерно так: американцы — народ, но не нация? Поскольку это конгломерат различных национальностей…

— Нет, тут идея другая. Нацией не является народ, этнос, который не дошёл до определённого порогового уровня. Например, не имеет собственной развитой письменной культуры и системы массового образования, через которую её можно «закладывать в головы» подрастающим поколениям. Или не имеет правовой системы, обеспечивающей минимум гражданских прав. И так далее.

Что касается Америки, то, конечно, она очень специфична как эмигрантское общество, но, несмотря ни на что, она строилась как нация. Там был пафос суверенитета и солидарности, там было своё этническое ядро. Некоторые авторы говорят даже о наличии американской национальной культуры примерно в таком же смысле, в каком существуют другие национальные культуры. И «американцы» *производятся* через усвоение этой культуры примерно так же, как «французы» — через усвоение французской.

— Тогда назовите народы, которые, на ваш взгляд, не являются нациями. К примеру?

— Возьмём некоторые горские народы, в том числе такие крупные, как чеченцы. Они находятся на пассионарном подъёме, у них есть определённые предпосылки для того, чтобы стать нациями в строгом смысле слова. Однако эти предпосылки

пока не реализованы. Нация — это не просто гордость и гонор, это определённый тип социальной структуры. И — особая роль национальной интеллигенции, особая роль системы образования, принцип индивидуального членства в сообществе, не опосредованного клановыми и родоплеменными структурами… В том же ряду — и способность иметь свою государственность. На этом критерии часто зацикливаются, что неверно, но он тоже имеет значение. В общем, повторюсь, это определённый цивилизационный порог, который взяли, откровенно говоря, немногие.

— У вас есть довольно ёмкая формула: «Национализм — это преодоление социального неравенства». Поведайте, хотя бы в штрихах, как эта формула может материализоваться в современных условиях.

— Вот смотрите: в Европе пенсионную систему первым стал внедрять Бисмарк. Его поддерживал в этом социал-демократ Лассаль, который говорил о том, что опора на национальную солидарность может быть гораздо более прямым путём к воплощению идеи социального равенства, чем классовая борьба в русле коммунистической и социалистической идеологий. То есть изначально одним из сильнейших стимулов к смягчению социального неравенства была идея национальной солидарности. Идея о том, что богатые и бедные связаны узами национального родства, они — свои. Это моральный фундамент для практики социальной солидарности. Например, для перераспределительной налоговой системы, для приоритета инвестиций внутри страны. Здесь мы должны учиться у американцев периода рузвельтовского курса, за время реализации которого, несмотря на то что был начат новый виток экономического роста, количество миллиардеров сократилось вдвое. Соответственно, пропорционально выросла численность среднего класса. И это всё — планомерно, благодаря целенаправленной политике, которая диктовалась в том числе идеями национальной солидарности. Опыт развития западных социальных государств свидетельствует о том, что платформой для их образования была национальная идея.

— На лекции вы говорили о распаде, который идёт в нашем обществе. О кланах и стратах. Социальных гетто и элементах новой знати. Мне приходит на ум аналогия: у нас в Пермском крае действует музей тоталитаризма «Пермь-36», бывшая политзона. Так вот, во времена советской власти было плохо кучке диссидентов, но, по крайней мере, народ не пребывал в состоянии постоянного стресса, и у него была уверенность в будущем. Сейчас песочные часы перевернулись: хорошо кучке обособленных и плохо народу. И формула моя такова: уж лучше пусть будет плохо кучке, но спокойно народу. И в этом смысле национализм, по вашему утверждению, — «тот клей, который может помочь стянуть России саму себя»?

— В настоящее время я просто не вижу других идей, которые могли бы связать верхи общества с его низами.

— Ну да, вы даже сказали: «Я вижу в русском национализме не угрозу Российской Федерации, а единственный шанс её существования».

— Это вопрос моральной настройки поведения элиты, если понимать мораль не как бессильную проповедь, а как технологию социальной сборки. Как совокупность внутренних правил и норм, которая формирует сообщества. Именно в этом качестве — как формула сборки элиты — должна быть востребована русская национальная идея.

— Тогда насколько для вас правящая в России элита — собственно элита в полном смысле этого слова? В одном из интервью вы заметили, что «в десятилетней перспективе смена правящей элиты не только возможна, но и неизбежна».

— Есть нормативное понятие элиты, есть — фактическое. Нормативное — представление о том, что элита — лучшие в своих видах деятельности. Но существует также понятие элиты как совокупности людей, которые контролируют критическую массу ресурсов общества и принимают критически важные решения. И вопрос в том, насколько совпадают два этих понятия. У нас в России степень этого совпадения очень незначительная. Поэтому надо стремиться к тому, чтобы правящая элита образовывалась из тех её представителей, которых мы определили как лучших в своих видах деятельности. Эта идея называется меритократией. То есть властью достойных. Меритократия — это борьба с клановостью и семейственностью. В принципе, это то, в чём мы остро нуждаемся.

— Не считаете ли вы, что нынешняя главная беда России — система порочных иерархий и ценностей, когда последние становятся «первыми»? А значит, общество наше запрограммировано на пожар, о возможности которого вы однажды предупредили, потому что существуют люди, которые «не принадлежат к кланам, а являются людьми второго и третьего сорта», будучи во многом первыми? Как повернуть этот «бинокль», если не через пожар?

— Чем дальше мы идём по пути построения сословно-кастового общества, тем больше риск того, что исправление ситуации может происходить через насильственные эксцессы. Если людям постоянно напоминают об их второсортности и третьесортности и эта ситуация уже фиксируется, в какой-то момент единственным способом доказать

обратное может стать повешение тех, кто пытался указать человеку на его место. Так было во время «великих революций». В известном смысле революционное насилие есть способ социальной коммуникации. Чем жёстче зафиксированы кастовые различия и перегородки, тем в большей степени будут востребованы на выходе из этой системы насильственные формы коммуникаций. Поэтому элитам стоит опомниться и отказаться от пути создания сословных перегородок, от стремления обеспечить наследование должностей, от поляризации в социальной политике и сфере образования.

Что касается рычага, точки опоры для перемен, то, на мой взгляд, такой работоспособной технологией является создание правящей партии, которая будет ориентирована на солидаристские ценности.

— И здесь вы сознательно употребили синоним русской национальной партии?

— Да, я употребил дипломатичный синоним национализма, но он правильно расставляет акценты, давая общий знаменатель для национальной и социальной солидарности. Правящая партия, опирающаяся на солидаристские ценности, может стать одним из механизмов выхода из кризиса, потому что партия — это механизм сквозной интеграции общества сверху донизу. Я, в принципе, верю в возможность партийного правления. Это хороший способ обеспечить консолидацию элит и массовых слоёв общества.

— Но пример «Единой России» — партии власти, как она себя позиционирует, — говорит об обратном.

— Во-первых, «Единая Россия» не является правящей партией!

— Чем же тогда она является?

— «Единая Россия» — всего лишь инструмент исполнительной власти, федеральной и региональной. Политические решения внутри партии не принимаются. Её руководство ждёт, когда поступит инструкция из Белого дома или из региональной администрации. На следующий день оно может получить другую инструкцию — и тут же перестроится. И это не имеет никакого отношения к тому, что называется правящей партией.

Во-вторых, «Единая Россия» не является идеологической партией. Можно сколько угодно называть себя консерваторами. Но вспомните, как это было. Заняли места в парламенте и сказали: ну вот, избрались, теперь нужно придумать идеологию. У идеологических партий бывает наоборот. Сначала идеология — потом движение во власть.

— Посему не кажется ли вам, что демократическая форма правления России противопоказана? У неё — большой самодержавный опыт, продолженный генсеками как олицетворением советской формы самодержавия. России нужен вождь, в лучшем случае — помазанник Божий. Но нынешняя власть, как слон, упорно вытаптывает вокруг себя всех и вся. Вожди не взращиваются, не говоря уж о помазанниках. Является Баркашов с РНЕ *— его дискредитируют, возникает генерал Рохлин — его «убивает жена», вырастает Лимонов — сначала сажают в тюрьму, потом снимают с президентских выборов. Дальше — история с Удальцовым... И подставляют народу смехотворных, марионеточных вождей типа Касьянова и Ксюши Собчак... Разве не так?*

— Это очень интересный вопрос. Есть две разные проблемы: лидерства и демократии. И я бы не противопоставлял возможность производства сильных лидеров демократическим институтам. Наоборот: воспроизводство лидерства наилучшим образом происходит именно на демократической почве. Но, кроме того, я бы не ставил через запятую вождей и помазанников. Иван Солоневич, идеолог «народной монархии», совершенно справедливо говорил о том, что на месте помазанника как раз оптимален и вероятен средний человек.

— Условно говоря, Михаил Романов, призванный на царство во времена Смуты?

— Да, конечно. Но его как раз избрали. А Солоневич говорит о том, что в династическом правлении запрограммировано правление «средних» людей. Конечно, бывают исключения типа Петра Первого и некоторых других.

— Тут, конечно, я могу с вами поспорить, защищая недюжинный ум Екатерины Великой, реформистскую сущность Александра Второго Освободителя или твёрдую волю Александра Третьего Миротворца...

— Екатерина — как раз пример «парвеню», прорвавшейся к власти. А остальные — да, средние люди с определённым уровнем образования и подготовки. Их нельзя назвать пассионариями. Тогда как вождь — безусловно, это человек выдающихся лидерских качеств. В принципе, демократия не работает без определённого элемента вождизма. Вождь — это всего лишь русский эквивалент слова «лидер». И проблема лидерства перед нами стоит очень остро. И с этим — очевидная беда.

— Но беда — не оттого, что их нет, а оттого, что их выкорчёвывают едва ли не в зародыше?

— Да, это есть. С другой стороны, на мой взгляд, в обществе нет готовности принимать и признавать лидеров.

— А как же ностальгия по Сталину?

— Это невроз, который не имеет никакого отношения к текущим социальным практикам. Это ретроспективная утопия. Повторяю: общество склонно отторгать лидерство и лидеров…

— Но ведь оно не отторгает Владимира Владимировича? Пожалуйста — наш национальный лидер, какие бы оттенки в это словосочетание ни вкладывались!

— Парадокс в том, что Путин сначала стал носителем власти. И только потом — лидером. Это тоже немало. Но о настоящей культуре лидерства можно было бы говорить, если бы было наоборот: сначала — лидерство, потом — власть. Как мне кажется, наши люди недоверчивы по отношению к себе подобным и плохо относятся к претензиям на лидерство. В социологии есть понятие дефицита социального капитала. Дефицит лидерства — из той же серии.

— Вот тут я, наверное, с вами не соглашусь относительно недоверчивости наших людей к лидерству. Как раз они доверчивы, иначе как объяснить феномен того же ВВП, раскрывающийся едва ли не в поголовном за него голосовании? Значит, очаровал он чем-то граждан России?

— Меня, скорее, поражало голосование две тысячи восьмого года — за Медведева. Это было антилидерское голосование. Голосование за человека, у которого на тот момент нет выраженного антирейтинга, но при этом — и никаких сильных позитивных стимулов. Он не вызывал ни одобрения, ни осуждения. И в данном случае это был просто акт лояльного безразличия по отношению к власти. Это голосование говорило, скорее, о проблемах с лидерством в нашем обществе. На мой взгляд, полноценное развитие среды публичной политики — один из механизмов решения этой проблемы. Даже те же губернаторские выборы могут стать ареной, на которой, в конечном счёте, будет возникать когорта лидеров федерального масштаба. А без этого демократия вообще никак не работает. Соответственно, нужны площадки, где эти лидеры будут рождаться. Нормально работающие механизмы публичной политики в какой-то степени должны сами по себе эту проблему решать.

Ситуация выкорчёвывания лидеров, о которой вы упомянули, имеет место, и она характерна для атмосферы неустойчивой политической системы, когда приход к власти альтернативной правящей команды означает крах предыдущей и, по сути, полную зачистку площадки. В этом случае, естественно, будут пытаться всех выкорчёвывать. Поэтому наша совместная задача состоит в том, чтобы была возможна смена власти без коллапса системы. Эта задача актуальна и для власти, и для оппозиционно настроенных сил общества. Но она пока не решена.

Своё сохранение у власти в Кремле обосновывают тем, что если не мы, то — катастрофа. И это аргумент отчасти искусственный. Если вернуться к началу нашего разговора и приведённой вами формуле Ильи Тюрина о том, что для возникновения русского характера России необходимо десятилетие исторического покоя, то за минувшие десять лет относительно устойчивого существования правящей командой не было выработано механизмов сменяемости, которыми бы она была более-менее застрахована от катастрофических срывов.

— Вам видней, каков в Кремле процент присутствия здравомыслящих русских людей. Даёт ли нам появление в его стенах некоторых новых личностей надежду на оздоровление в элите и выработку тех самых механизмов, о которых вы говорите?

— Такие люди присутствуют в той или иной степени. Но сказать, что они критически влияют на власть, было бы преждевременным. Я считаю, что русское национальное движение или люди, себя с ним ассоциирующие, должны в какой-то степени учиться у либералов, которые не очень сильно делятся на системных и несистемных. Условно говоря, между этими группами — либералами во власти и либералами в протестной среде — сохраняются неформальные механизмы координации и какая-то солидарность. То же самое должно быть между представителями неформальной «русской партии» (если взять советскую аналогию) во власти и в оппозиции. Кремлёвские зубцы не должны слишком сильно их разделять. А это происходит в том числе из-за неумеренного ожесточения наших национал-оппозиционеров.

Я полностью понимаю мотивы этого отторжения, но не считаю его эффективной тактикой. Я тоже в некоторой степени радикал, но быть радикальным — это не действовать шумно, а стремиться к максимально возможной реализации своих целей и ценностей. Политическая сдержанность может гораздо дальше нас продвинуть, чем истерические жесты. Поэтому русское движение нуждается в культуре формирования национально ориентированного лобби. Как во власти, так и в оппозиции, и в масс-медиа. Лобби, которое не делилось бы по линии «оппозиция и власть».

Салахитдин Муминов

Аплодисменты в зеркале

Ангел ты, ангел я

Шёл сильный осенний дождь; капли стучали по крыше низкого домика, который стоял на краю отдалённой улицы дачного посёлка.

Андрей, мужчина лет тридцати—худощавый, с флегматичным взглядом,—сидел на ветхом стуле и смотрел в мутное от дождевой воды маленькое окно. Ася, его жена, молодая женщина—твёрдый подбородок, большие серые глаза, волевое выражение лица,—стояла у газовой плиты в аккуратном фартучке и помешивала ложкой в кастрюле.

— Если бы у нас был миллион долларов,—мечтательно произнесла она, и ложка застыла в воздухе,—вот было бы здорово.

Раздался громкий стук в дверь. На пороге топтался сгорбленный крохотный старичок в потёртом пиджачке; на оттопыренных ушах легкомысленно сидела серая кепочка. На ногах болтались сандалии с поникшими крылышками и пахли мокрыми куриными перьями. В правой руке он держал изящный кейс. И вообще, старичок был похож на мышонка, которого поставили на задние лапки, облачили в пиджак, всучили кейс и нахлобучили кепку; из-под неё бойко прыгали проворные чёрные глазки.

— Добрый вечер,—бодро сказал старичок.—Пустите переждать дождь…

— Конечно,—Андрей гостеприимно посторонился, чтобы пропустить незнакомца.

— А вы актёр?—полюбопытствовала Ася.

— Почему вы так решили?—удивился старичок, приподняв бровки.

— Ну, вы… ну…— она выразительно посмотрела на крылатые сандалии.

— Я бог,—обыденно ответил старичок, перехватив её взгляд.

Хозяева с недоумением переглянулись. Заметив это, старичок повторил:

— Бог я… Самый обычный, античный…

Они снова обменялись настороженными взглядами; старичок же приосанился и торжественно произнёс:

— Я Гермес, сын могущественного Зевса, прибыл на землю, чтобы передать богу деньги, не могу назвать его имени—большой секрет; живёт в соседнем городе. Лететь до города осталось всего-то ничего, но я попал под дождь и промок до костей. Ох, нелегка моя доля!

Старичок громко чихнул, потом ещё раз и с негодованием взглянул на сандалии.

— Аллергия,—кротко пояснил он.—На куриные перья.

Из кухни послышалось сварливое шипение. Ася в панике умчалась туда.

— А разве боги нуждаются в деньгах?—спросил Андрей.

— Нуждаются, ещё как нуждаются. Вы даже себе представить не можете, как! Тот бог, кому предназначены эти деньги, в пух и прах проигрался в карты. А карточные долги надо отдавать. Молодость—она такая, неразумная… Эх, молодо-зелено,—махнул рукой старичок, но осуждения в его голосе не было, а напротив, прозвучала даже шаловливая игривость.

— Пожалуйста, проходите в комнату,—пригласил Андрей.

Гостю предложили переодеться в хозяйкин домашний халат, расшитый яркими цветами. Старичок, удобно устроившись в кресле, вытягивал тонкую морщинистую шею из просторного ворота, словно выглядывал из клумбы, и с наслаждением пил крепкий чай.

Напившись чаю, странный гость стал клевать носом. Его уложили на диване в соседней комнатушке, и вскоре оттуда послышался могучий храп.

— Никакой он не бог. Он просто сумасшедший,—почему-то сердито сказала Ася, размашистыми движениями прибирая со стола.

— А откуда у сумасшедшего такие деньги?—спросил Андрей.

— Неважно. Нам нужны деньги. Его, а точнее, деньги в кейсе, нам послала сама судьба!

Она приблизилась к нему и что-то горячо зашептала, воровато оглядываясь по сторонам.

— Ну и как моя идея?—её глаза смотрели твёрдо.

— Да ты что?! Он же человек!

— Ну какой же он человек? Он же сам сказал, что античный бог! Античных богов не бывает! Как будто ты не знаешь… Пойдём, пойдём…

Они направились в комнату, где спал старичок, и осторожно закрыли за собой дверь. Спустя

минут десять дверь скрипнула, выпустив их назад. Она держала в правой руке изящный кейс.
— Бог умер. Умер Гермес,—послышался в комнате печальный женский голос.—Нет больше Гермеса.
— Что, что ты сказала?—побледнев, спросил Андрей.
— Я? Я ничего не говорила. Тебе послышалось.
— Умер Гермес. Нет больше Гермеса,—повторил всё тот же самый неведомый голос.

Они тревожно переглянулись. Андрей ещё больше побледнел, Ася кинулась его утешать:
— Возможно, это слуховые галлюцинации. Не обращай внимания. Мы должны быть сильными.

Долгое молчание снова прервал знакомый женский голос:
— Бог умер. Умер, умер великий Гермес.

Андрей нервно вздрогнул, его глаза в тоске заметались по комнате.
— Это ещё Ницше писал, что бог мёртв,—высоко вскинув голову, произнесла Ася в пространство с вызовом. Говорила громко и агрессивно; её слова звучали чётко и гулко, как энергичные шаги решительного человека, идущего по пустынному коридору.—В университете проходили. Вы ничего нового, дорогуша, не сказали.
— Ницше что, тоже бога убил?—он был мрачен.— Как это мы только что сделали?
— Да нет, не убивал Ницше никого, да это совсем и не важно,—рассуждала она, убеждённо играя глазами.—Важно другое, а именно то, что античных богов не существует в природе, и существовали они только в сознании людей. А люди те давным-давно уже превратились в прах. Следовательно, Гермеса нет. Всё так просто, и незачем драматизировать ситуацию.
— А как же деньги? Деньги-то реальные. Вот,—он открыл кейс и вытащил оттуда пачку стодолларовых купюр; его руки заметно дрожали, голос тоже.
— Да, реальные, но Гермес нереальный,—метнув ласковый взгляд на кейс, упрямо отвечала Ася.— Античных богов нет в природе, значит, мы никого не убили. И вообще, что это за боги, которые шляются по ночам?

Патетически воздев глаза и руки к небу, с вдохновением продолжала, расхаживая по комнате широкими шагами:
— Сколько людей в наше время сделали свои немалые состояния на крови и насилии! И ничего! Пользуются почётом и уважением. А мы… мы ангелы по сравнению с ними.
— Да, но наш гость был живым: ходил, ел, пил…
— Ошибаешься, милый, он не человек и не животное даже. Он никто, и его никогда не существовало. Значит, и нам ничего не будет. Неужели это так трудно понять?
— Но мы же видели его! Живым видели!
— Ну хорошо, хорошо, мой милый! Вот мы завтра вечером вернёмся в город, домой. А когда утром придёшь на работу, расскажи-ка ты, дружок, своим коллегам, что видел воочию бога Гермеса с кейсом, битком набитым долларами, и что даже беседовал с ним. Да они тебя на смех поднимут! Или сходи в полицию, признайся, что убил античного бога. Представляешь, что тогда будет? Да тебя непременно упекут в психушку,—Ася назидательно подняла правую руку и по слогам произнесла:—Не-пре-мен-но!
— Какая ты умница,—воскликнул муж и потянулся к ней, чтобы обнять.—Как всё просто. Гермеса не было, нет и никогда уже не будет; следовательно, никого мы не убивали.
— И ещё, мой милый, ты забыл упомянуть, что мы с тобой ангелы, самые настоящие ангелы. Запомни это на всю жизнь,—загадочно усмехнувшись, изрекла она.
— Ангелы, ангелы,—рассеянно бормотал Андрей, доверчиво, словно ребёнок, склонив голову на её колени.—Ангелы!—неожиданно крикнул он с угрозой в голосе, но кому адресовалась угроза—и сам не смог бы объяснить.

Наступал долгий вечер. В темнеющем окне—ни звёздочки.
— Ангелы, ангелы… ангел ты, ангел я,—тихо, на мотив колыбельной, пела Ася, убаюкивая задремавшего мужа.

Кейс сверкал, притягивая её беспокойные взгляды.

Стыдно, Антон Павлович!

Кириллов прошёл на кухню. Жена уже приготовила завтрак. Они сидели вдвоём, каждый на своём месте. Кириллов—спиной к окну, она—лицом. Сонное лицо жены; пар завитками поднимался от двух чашек—белой и синей; запах копчёной колбасы; кот свернулся клубком на табуретке. Как полированный, блестел красный бок помидора. Светлым брюшком вверх умиротворённо лежал огурец. Кириллов без обычного удовольствия пил чай и всё думал, что надо бы отправить деньги сыну, который учился в областном центре.

«Мне пора!»—бросив взгляд на наручные часы, сказал он и встал. Вышел в прихожую, с опаской сунул ноги в серые, изрядно поношенные туфли—того и гляди развалятся на ходу. Надо бы купить новую обувь, но сыну нужны деньги. Похожу ещё в старых эту осень, уж как-нибудь перебьюсь, решил Кириллов. Он даже немного повеселел и отправился в школу.

Школа была недалеко, поэтому он всегда, в любую погоду, ходил на работу пешком. На краю неба меланхолично сияла утренняя звезда. Ленивой овцой плелось лохматое облако. Унылый забор вяло лизал осенний воздух белыми языками приклеенных объявлений.

Поздоровавшись с учителем географии, скучным, как ненастный день, носившим большие

очки, рыжий кожаный портфель, кислую улыбку, и завучем, лысым масштабным толстяком, похожим на мультяшного добродушного бегемота, Кириллов взял журнал и побрёл на урок.

Ученики писали контрольное сочинение. А он всё стоял у окна и смотрел на кактус, что сонным ежом свернулся на подоконнике. В классе послышался шум. Он обернулся, предварительно сделав строгое лицо. Шум сразу же стих.

Бросив взгляд на портрет Чехова, который висел над доской, сразу вспомнил знаменитые слова: «В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Невольно взглянул на себя в зеркало. Отражение находилось в явном противоречии с этой формулой. Лицо Кириллова никак нельзя было назвать прекрасным. На него в упор смотрел из зеркала уставший человек, худой, с потухшим взглядом. Одежда тоже была неказистой. Старый пиджак, выцветший галстук… Особенно бросались в глаза поношенные туфли—серые, с чёрными шнурками. «Старость не радость»,—грустно подумал он, хотя на прошлой неделе ему стукнуло только пятьдесят лет.

Домой возвращался в подавленном настроении. Впереди, шатаясь, словно пьяный человек, суетливо бежал столбик пыли. Как будто устав от бега, как подкошенный он внезапно упал на тротуар. Листья летели с деревьев в тоскливом недоумении. Чистое небо излучало синюю меланхолию.

В квартире стояла глухая и душная тишина, словно стены комнаты обили плотным войлоком. Жена ещё не вернулась с работы. Кириллов сел на старый диван, который немедленно сердито заворчал, будто пёс, потревоженный озорными мальчишками.

Он встал, включил настенную лампу и подошёл к книжному шкафу. Вытащил том Чехова, полистал, нашёл нужный фрагмент и прочитал: «В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Перечитал вслух несколько раз, словно не верил себе, своим глазам, чёрным буквам, проворными тараканами разбежавшимся по странице, пожелтевшей по краям.

В сознании возник хрестоматийный образ грустного Чехова в пенсне. Сердце забилось от раздражения. Да что он вообще, этот писатель, знал о жизни? Вот бьёшься, бьёшься как рыба об лёд, и толку никакого нет! А денег всё равно мало, хватает только на самое необходимое. А сын ждёт, когда ему пришлют деньги. Где же при такой каторжной работе… чтобы всё было прекрасно… Идеализм какой-то… маниловщина…

«Стыдно, Антон Павлович! Стыдно, господин Чехов! Стыдно вам должно быть, милостивый государь!»—громко, с укоризной, немного кривляясь, произнёс Кириллов, отчитывая невидимого Чехова, и захлопнул книгу.

В ушах послышался бешеный стук—как будто где-то рядом проскакал табун лошадей. Понимая, что надо бы отвлечься, лёг на диван, немного поворочался, протянул пульт и включил телевизор. Скоро он крепко уснул и не слышал, как пришла жена.

Кириллову приснился сон. Стоит он посредине класса, молодой, в новом тёмно-синем костюме, и с воодушевлением громко произносит, воздев указательный палец кверху: «В человеке должно быть…» Ученики почему-то улыбаются, деликатно отводя взгляды в сторону. Он подходит к зеркалу и внимательно рассматривает себя. Молодой… в новом костюме… элегантный галстук… и туфли… эти ужасные туфли—серые, поношенные, с чёрными шнурками.

Аплодисменты в зеркале

—Артистом тебе быть! Артистом!—ласково приговаривала молодая красивая женщина, с любовью поглаживая густые русые волосы своего сына.

Семилетний Саша, переминаясь с ноги на ногу, нетерпеливо ждал, когда же мама поправит воротник его ослепительно белой рубашки. Сегодня первое сентября, и ему поручили прочитать стишок на утреннике в школе.

И вот ликующими птицами понеслись в волнующее многолюдное пространство торжественные стихотворные строки. Родители с добрыми улыбками слушали краснощёкого голубоглазого мальчугана. Мама, розовая от счастья, утирала слёзы белым платочком. Выступление Саши зрители оценили дружными аплодисментами. А он всё стоял на сцене и долго раскланивался, с явным удовольствием принимая знаки внимания.

Шло время. Саша выступал с чтением стихотворений на всех школьных концертах. Ни один конкурс чтецов не обходился без него. Мать уже вовсю мечтала о блестящей театральной карьере Саши.

Вечерами, укладывая его спать, нежно целовала в лоб. Дождавшись, когда мальчик засыпал, осторожно поднималась с кровати и, стараясь не шуметь, уходила из комнаты. Отправлялась на кухню; скрипнув дверцей шкафа, доставала бутылку вина. Звякал стакан.

Держала в руках фотографию мужа, погибшего в автомобильной катастрофе за месяц до рождения Саши, и долго беззвучно рыдала, размазывая обильные слёзы по щекам.

Утром, склонившись над кроватью, ласково, но настойчиво тормошила Сашу. Тот просыпался, и день начинался с того, что видел её сияющие любовью глаза. Заботливо накормив сына вкусным завтраком, отправляла в школу.

В старших классах Саша окончательно и бесповоротно уверовал в свой артистический талант. Когда он, воздев правую руку к потолку, громким

голосом читал стихи, учительницы, затаив дыхание, с умилением слушали его. Высокий и стройный, с горящими глазами, белокурый юноша в строгом чёрном костюме эффектно смотрелся на сцене. Даже суровая директриса, которую как огня боялись самые отъявленные хулиганы, не таясь, иногда прикладывала к чёрным неулыбчивым глазам большой синий носовой платок. Мама неизменно сидела в первом ряду, радостно улыбалась и не сводила с него восторженного взгляда.

А когда Саша окончил школу, то сразу же, как только получил аттестат с отличием, уехал в Москву поступать в театральный институт. Сдал все вступительные экзамены, но не хватило баллов для зачисления. Возвращаться домой, в маленький скучный город, где, казалось, заснуло даже время, не хотелось. Остался в столице, устроился работать в один из театров—суфлёром.

Незаметно пролетело десять лет. Саша не любил приезжать в родной город, а потому редко навещал мать. Но она серьёзно заболела; пришлось вернуться домой. Мать заметно постарела: голова и руки сильно дрожали, а глаза потускнели. Саша терпеливо и заботливо ухаживал за ней.

Умерла она ранним осенним утром. На кладбище поехали Саша и три пожилые соседки. В чистом небе сияло солнце, дул лёгкий ветер. А вечером квартира показалась Саше необычайно пустой. Стояла такая непривычная тишина, что, желая нарушить её, он громко сказал:
— Ау!
— Ау,—грустно отозвалось в комнате.

Прошёл год. Иногда к Саше приходила высокая неулыбчивая женщина с мрачными глазами, жившая в соседнем доме. Казалось, что она сплошь состояла из претензий к людям, поскольку выражение хронической мизантропии практически никогда не сходило с её лица. Саша в глубине души побаивался её. А когда она уходила, испытывал облегчение, хотя без неё в квартире воцарялась угнетающая тишина. И когда молчать становилось невмоготу, застенчиво оглядывался по сторонам, несмотря на то, что дома больше никого не было, а затем громко произносил какое-нибудь слово. И эхо послушно вторило. И становилось приятно, ведь с эхом было не так одиноко.

Он устроился работать грузчиком в продовольственный магазин. Совсем перестал следить за собой: погрузнел, тело расплылось, а черты лица обрюзгли. Долгими вечерами, лёжа на старом диване, без всякого интереса, лишь бы убить время, смотрел по телевизору все передачи подряд. Женщина с мрачными глазами перестала к нему приходить. А ему было уже всё равно.

Однажды в субботний поздний вечер Саша, как всегда, удобно устроился на диване и лениво потянулся к пульту. Но протянутая рука застыла в воздухе: с недоумением заметил, что на противоположной стене чётко нарисовался чёрный силуэт человека. Саша вскочил с дивана, протёр глаза, думая, что померещилось. Но—нет, не померещилось! Видение оказалось арлекином. Арлекин уже стоял у стены и печально смотрел на него. Саша не испугался, а, широко раскрыв глаза, внимательно и с любопытством наблюдал за таинственным существом.

Арлекин грустно вздохнул и осторожно коснулся рукой большого прямоугольного зеркала, висевшего на стене. Зеркало, сверкая острыми бликами отражаемого света настольной лампы, стало медленно увеличиваться. Спустя минуту вся стена стала зеркальной. В прозрачной глубине торжественно засияли огни больших люстр.

Печальный арлекин согнулся в низком поклоне и сделал правой рукой приглашающий жест. Саша робко шагнул в зеркальный мир и оказался на ярко освещённой сцене. Из огромного зала волнами доносились запахи духов и приглушённый шум голосов. Как только Саша появился на сцене, шум сразу стих, и раздались одиночные аплодисменты. Он медленно обвёл взглядом зал. Напротив него, в первом ряду, сидела женщина в белом платье и энергично аплодировала, ободряюще кивая головой. На какой-то миг показалось, что женщина—его мать. Но в зале висела синяя дымка, скрывавшая черты её лица, а потому он не смог хорошо разглядеть даму в белом.

Саша хотел продекламировать одно из стихотворений Пушкина, но слова вылетели из головы, и к тому же неожиданно пропал голос. Запершило в горле. Всё поплыло перед глазами. Люди в зале молчали холодно и даже враждебно. А он всё стоял и стоял и тоже молчал. Несмотря на то, что так и не смог прочитать стихотворение, совсем не смутился; напротив, ему нравилось стоять на сцене и смотреть в зал, на зрителей, и очень не хотелось возвращаться в неуютную квартиру, где ждало утомительное одиночество.

Проснулся Саша рано утром с плохим настроением. На работу побрёл с неохотой, едва волоча ноги.

Прошло ещё пять лет. Он сильно постарел. По-прежнему работает грузчиком в продовольственном магазине, а долгими вечерами лежит на продавленном диване и смотрит телевизор. Время от времени приподнимается на локте, с надеждой разглядывает противоположную стену и ждёт, когда же на ней возникнет силуэт арлекина. Но долгие ожидания напрасны. Тяжело вздохнув, принимает прежнее положение. Тускло горит старая настольная лампа, глухо бубнит телевизор, а за окном неумолимо темнеет.

Татьяна Ефремова

Универсальная стрижка

Сомнительное наследство

Ведьма Самойлиха умерла под утро.

Умирала страшно: металась по кровати, мычала что-то непослушным ртом, хваталась за горло здоровой левой рукой, потом вдруг начинала стучать по тумбочке, роняя многочисленные свои склянки. Дежурная медсестра то ли спала на посту, то ли надоела ей беспокойная восьмая палата хуже горькой редьки — теперь этого, конечно, не допытаешься. Теперь эта корова Ленка стоит на своём твёрдо: как только услышала сигнал, сразу и прибежала, да только сделать уже ничего не успела. И пойди её проверь! Старухи, что вместе с Самойлихой лежали, как сговорившись, в маразм впали: не помню, не знаю. То всё замечали, чего и не надо даже, а то обе разом обеспамятели. Хотя их тоже понять можно. Им этой Ленке и дальше задницы для уколов подставлять, ссориться с ней не резон. Врач-то на обход пришёл, про самочувствие спросил — и нет его. А Ленка — вот она, рядом. Случись чего — к ней, корове, и кинешься за помощью. А Самойлиха, царство ей небесное, всех достать успела, не только медсестёр. Так что неизвестно ещё, кто там промедлил. Может, Ленка и в самом деле вовремя прибежала, а соседки как раз не торопились на кнопку жать.

Тёть Маша ловко скрутила в узел постельное, скатала валиком матрас, обнажив продавленную сетку кровати с подложенными для твёрдости досками. Старухи таращились на неё из своих углов не то испуганно, не то с усталым любопытством. Разбирать было некогда, нужно убрать Самойлихино место побыстрее, чтобы разорённым видом своим оно не напоминало о произошедшем. Хоть и ясно было, что недолго бабке оставалось, а всё же в любой смерти, даже ожидаемой, мало приятного. Тёть Маша открыла тумбочку и сгребла Самойлихино барахлишко в большой пакет из супермаркета, оказавшийся очень кстати на нижней полке. Туда же сунула полотенце, по виду домашнее, висевшее на «ножной» спинке кровати, кружку с тумбочки и лежавшую там же упаковку но-шпы. Как кружка удержалась на тумбочке, непонятно. Самойлиха колотила по ней, когда билась в агонии, и пол вокруг кровати был щедро засыпан какими-то бумажками и упаковками от лекарств — пустыми и не очень. Бумажки тёть Маша, аккуратно расправив, сложила в маленький пакетик и затолкала к остальным вещам: пусть родня уж сама разбирается, какие нужные, а какие выбросить надо. Таблетки сгребла в кучу (пришлось из-под кровати даже доставать, но тут уж она не церемонилась — веником вымела, да и вся недолга) и стала сортировать: что на выброс, а что родне отдать, когда придут.

Сколько же всяких пилюлек у Самойлихи было! На каждую болячку по пять лекарств. От чего только ни лечилась покойница, а всё равно смерть не обманешь. Да и на что тут надеяться-то было, если разобраться? Второй инсульт пережила кое-как, еле-еле одной рукой шевелила да мычала непонятно, так ещё и почечная недостаточность прицепилась, да язва, да холецистит… Весь ливер больной был у бабки: тут уж пей таблетки, не пей — толку мало.

Тёть Маша споро сортировала весь этот лекарственный мусор. Там, где оставалось по одной-две таблетки, она тоже выбрасывала, не жалела. Задержалась на минутку только на одной баночке. Написано всё было не по-русски, а внутри с десяток, может, капсул оставалось всего. Яркие такие капсулки, одна половина жёлтая, а вторая оранжевая. Красивые, как игрушки. Вот иностранцы даже лекарства делают такие, что от одного вида радостно. А на наши глянешь — и ничего хорошего от лечения не ждёшь. Тёть Маша покрутила баночку в руках, сомневаясь. Капсулок-то совсем мало осталось. Если ерунда какая, витамины, то можно и не отдавать родственникам, невелик убыток. А если лекарство дорогое, дефицитное, так лучше отдать, от греха подальше, а то как бы скандал не подняли. Так ни на что и не решившись, она положила баночку в карман халата. Родственники ведь не прямо сейчас придут за вещами. Пока с врачом лечащим поговорят, а это после обхода только, пока выписку возьмут да поплачут, может. А она к тому времени узнает, что это за лекарство такое, да и решит, как с ним дальше быть.

Оттащив пакеты с вещами к кастелянше, тёть Маша пошла прямиком на пост, где Ленка раскладывала утренние лекарства. Выглядела медсестра хмурой и невыспавшейся. Тёть Маше кивнула,

но ничего не спросила, молча вскрывала упаковки с таблетками и раскладывала по маленьким прозрачным стаканчикам, мельком сверяясь со списком на столе.

— Ленок, погляди, что за пилюльки. От чего они?

Ленка взяла баночку, покрутила, вчиталась там как-то в мелкий текст. А может, просто вид делала, что читает, цену себе набивала.

— Тадифен. Обезболивающее.

— Хорошее?

— А как же! Импортное, качественное очень. Побочных эффектов почти нет, а боль снимает хорошо. Для наших почечников самое лучшее. Только дорого очень, не всем по карману. Так что наши анальгин пьют да но-шпу. Как говорится, чем богаты. А ты где взяла-то его?

— Да у Самойловой под кроватью валялось. Там осталось всего ничего, я и подумала: отдавать родне или уж не надо?

— Лучше отдать,—сказала Ленка, подумав.—Лекарство дорогое, ещё скажут, что украли. Не связывайся, ну их. С богатыми лучше не связываться.

— Да разве Самойлова богатая была? По ней и не скажешь.

— Она, может, и не богатая. А родственники, видишь, не жалели денег на лекарства. Толку только нет. Если больной неизлечим, то никакое лекарство не спасёт. Только зря мучили бабку. Так посмотришь иногда, да и согласишься, что эвтаназия—не так уж плохо. Чего мучить-то человека, если всё равно надежды нет?

Тёть Маша пожала плечами и спрятала баночку с тадифеном в карман. Ладно, отдаст она его. А то и правда скандал поднимут, раз такое замечательное лекарство. Тем более обезболивающее любому может сгодиться.

С родственниками умерших больных доктор Белов разговаривать не любил. Не то чтобы виноватым себя чувствовал, нет. Но вот появлялось при общении какое-то гаденькое чувство, что оправдывается, старается побыстрее рассказать про все причины, приведшие к такому печальному финалу, лебезит и в конце концов готов уже признать, что да, виноват. Что убийца в белом халате и что земля должна гореть под ногами. Всё, что угодно, готов признать, лишь бы родственники ушли поскорее. Без них он страдал на полную катушку, не притворяясь и не играя на публику. Всех своих умерших в отделении больных Юрий Владимирович Белов помнил прекрасно, о каждом переживал подолгу, казнил себя за неправильное лечение, а чаще всего—за собственное бессилие перед законами природы. А вот при родственниках не мог показать эту свою скорбь и переживания. Смотрел поверх голов, выдавал скороговоркой анамнез и мечтал, чтобы ушли поскорее, раз всё равно уже ничем не помочь, а уж тем более разговорами.

Смерть больной Самойловой не стала для него неожиданной. Организм был порядком изношен, да и два инсульта, случившиеся почти подряд, надежд не оставляли. Но слишком уж скоропостижно скончалась больная, как-то вдруг. Хотя после двух инсультов ничего не бывает вдруг.

Сейчас напротив него сидела женщина лет шестидесяти, а чуть в стороне, у окна,—вторая, помоложе, лет тридцати пяти. Первая была дочерью покойной, вторая—внучкой. А между собой они вроде тётка и племянница, Белов не вникал особенно. (Была ещё третья внучка, но та в ординаторскую заходить не стала, сразу пошла забирать вещи.) Старшая слушала его внимательно, даже слишком внимательно, чем раздражала невероятно: он понимал, что быстро от неё отделаться не выйдет. А молодая смотрела в окно равнодушным взглядом. Солнечный луч падал ей прямо на щёку, и она жмурилась лениво, но положения тела не меняла. Застыла в одной позе и сидела с отсутствующим видом.

— Доктор, а когда тело можно забрать?—прервала его вдруг посетительница.—У нас уже всё готово для похорон, нам бы побыстрее.

— А куда вы торопитесь?—не понял Белов.—Или у вас религия так велит?

— Да какая там религия,—махнула рукой родственница.—Просто всё готово, так чего тянуть-то? Сегодня пятница, так завтра бы и похоронили, воскресенье поболели, а в понедельник на работу. А то нам ведь на работу всем, так чтобы не отпрашиваться, а?

— Завтра никак не получится. Надо ещё вскрытие делать, а тут выходные… В понедельник, думаю, можете забрать вашу бабушку.

Белов поднялся из-за стола, давая понять, что беседа окончена. И чего он, дурак, столько распинался? Плевать им на его терзания и чувство вины—им бы похоронить поскорее, чтобы с работы не отпрашиваться.

— Ой, доктор, а нельзя без вскрытия? Чего её вскрывать-то? И так ведь всё ясно.

— Вам, может, и ясно. А нам заключение писать.

— Да какое заключение, вы что?—не отставала настырная родственница.—Чего там писать-то? Бабушка старая, почти парализованная, да ещё больная насквозь. Какое там может быть заключение? Мы же не в претензии, не подумайте. Мы всё понимаем.

Не в претензии они. Только претензий ваших не хватало для полного счастья. Белов махнул рукой и согласился:

— Ладно, постараюсь, чтобы отдали сегодня. Попробуем без вскрытия обойтись, там действительно всё ясно. Позвоните к вечеру ближе, часиков в пять.

У заведующего в кабинете было накурено, и Белов невольно поморщился. Как Лев Палыч сидит

в своей каморке? Тут же топор можно вешать. Юрий Владимирович сел к столу, стараясь дышать пореже, и сказал будничным тоном, словно не разрешения у начальства спрашивал, а ставил перед фактом:
— Родственники Самойловой отказались от вскрытия, хотят забрать тело уже сегодня. Я распоряжусь, чтобы отдали без проволочек.
— Ты погоди распоряжаться,— встрепенулся Лев Палыч.— Это какая Самойлова?
— Да старушка сегодня ночью умерла. Семьдесят девять лет. Там, кроме почечной недостаточности, ещё букет. Какая разница, от чего она, в конце концов, умерла?
— Тебе, может, и нет разницы, а проверяльщикам разным очень даже есть. Сейчас, после скандала во второй городской, вообще надо тише воды быть. Не дай Бог, кто заподозрит, что ты нарочно бабку залечил, не отпишемся потом.
— Да чего там нарочно залечивать-то было?— не выдержал Белов.— Бабка и так уже лишнего пожила. Она же после инсульта бревном лежала, одна рука еле-еле работала. Мучили бабку только. Там, кроме почек и язвы обострившейся, ещё и пролежни появились. Сколько её можно было лекарствами пичкать? Вот всем же лучше оттого, что померла. И ей самой в первую очередь.
— Сдурел ты?!— Лев Палыч затравленно глянул на дверь и выразительно постучал себя по лбу.— Даже слов чтобы таких не произносил! «Всем лучше, а ей лучше всех». Только эвтаназии нам тут не хватало. Тоже мне, Доктор Смерть нашёлся!
— Да при чём тут эвтаназия-то?
— При том! При том, что кампания у нас очередная по борьбе. Брякнул какой-то дурак, вот вроде тебя, что некоторым больным гуманнее умереть дать, и понеслось. Ещё и не убили никого, а уже подозревают всех подряд.

Зав. отделением вытер вспотевшее лицо платком, высморкался и сказал твёрдо:
— Вскрытие делать будем обязательно. Раз положено— значит, будет вскрытие. Потерпят родственники пару дней, ничего.

В понедельник Белов на работу опоздал. Не доезжая до больницы каких-то пару кварталов, встрял в грандиозную пробку. Сначала нервничал, пытался разглядеть причину непонятного столпотворения, даже порывался бросить машину и идти до больницы пешком. Потом вдруг как-то разом успокоился, устал волноваться, двигался, как все, в час по чайной ложке, пока не добрался наконец до причины— столкнувшихся разом четырёх машин, перегородивших три полосы из четырёх. Одна из пострадавших машин была «Скорой помощью», и это обстоятельство почему-то особенно задело Юрия Владимировича, царапнуло по сердцу, быстро, впрочем, уступив другим мыслям, более насущным и животрепещущим.

В отделение он почти вбежал, стараясь ни с кем не встречаться даже взглядом.

Дежурная медсестра при виде его порывисто встала и сказала, глядя настороженно-любопытно:
— Вас Лев Палыч искал. Велел, как только появитесь, сразу к нему зайти.

Белов кивнул и пошёл сразу к начальству, даже сумку в ординаторскую не забросил.

В кабинет он входил, внутренне готовый к разносу,— любил Лев Палыч иногда побороться за трудовую дисциплину. Особенно сейчас, когда после случая во второй городской горздрав затеял проверки всего подряд.

В кабинете, кроме зав. отделением, сидел ещё какой-то мужик. Невзрачный и незапоминающийся. Лет сорока, с лицом, в котором памяти не за что было зацепиться, с редкими волосами неопределённого цвета, в среднестатистических джинсах и пиджаке,— никакой, будто по основному шаблону деланный. На «проверяльщика» он был непохож, не было в нём чиновной самоуверенности, а для родственника ещё рановато, приём родных и близких у заведующего с часу. Мужик поднялся навстречу Белову и быстро разрешил его сомнения, сунув почти в лицо раскрытое удостоверение.

Через несколько минут, совершенно ошалевший от свалившихся на него новостей, Юрий Владимирович сидел с краю стола, словно нашкодивший пацан в кабинете завуча, и отвечал на стандартные пока вопросы. Посетитель, представившийся капитаном Вепревым, подбирался к нему не торопясь, как кот к добыче. Заключение патологоанатома он не стал прятать, и Белов всё время видел это заключение, пробегал глазами строчки, хотя запомнил наизусть с первого раза. Согласно этому заключению, пациентка Самойлова А. И., семидесяти девяти лет, скончалась не вследствие своих многочисленных болезней, а от отравления цианидом. Просто и доходчиво. Как в дешёвом романе.
— А где она взяла цианид?— спросил Белов растерянно, ни к кому конкретному не обращаясь.
— А вот это мы и пытаемся выяснить,— сказал Вепрев медленно и ласково, как умственно-отсталому.— Расскажите-ка мне, доктор, только по возможности простым человеческим языком, без этой вашей латыни: какое лечение проводилось Самойловой, и какие результаты можно было ждать?
— Про лечение без латыни не получится,— огрызнулся неожиданно для себя самого Белов.— А результаты ожидались самые печальные. Полностью вылечить Самойлову было невозможно, мы могли только продлить немного её существование. Не самое приятное, смею заметить.
— Это как? Сильно мучилась покойница?

Белов кивнул, и капитан продолжил с довольным видом:

— Вылечить, значит, её было нельзя, можно было только продлить страдания. Или разом эти страдания прекратить — а, Юрий Владимирович? Одним махом, так сказать.
— Вы меня, что ли, подозреваете? — догадался наконец Белов. — Вы в своём уме, вообще? Я врач!
— Да никто не спорит, что вы врач. Именно потому, что врач, лучше всех знали, что лечить Самойлову смысла не было. Не проще ли разом всё прекратить, а?
— Если бы я хотел, как вы выражаетесь, всё разом прекратить, я бы нашёл другой способ, не такой откровенный. Что будет смертельно для организма моей больной, я знал всё же получше многих. И уж точно не стал бы травить её ядом, который любое вскрытие покажет.
— Так против вскрытия вы как раз и возражали, — напомнил Вепрев, оглянувшись за подтверждением на зав. отделением.

Тот ссутулился ещё больше и виновато посмотрел на Белова.
— Может, вы меня тогда арестуете, раз всё уже для себя решили?
— Надо будет — арестую, — пообещал Вепрев ласково.

В ординаторской Белов швырнул сумку на диван и сел за стол, не переодеваясь. После разговора с капитаном осталось чувство тягучей тоски и необъяснимой паники. Хотелось бежать без оглядки, а ещё лучше — сойти с ума, превратиться в бессловесного идиота, пускающего слюну. Чтобы взятки гладки и никакого спросу. Только сначала кофе бы выпить. Белов покосился на кофеварку на подоконнике, потом на свои дрожащие руки и решил не рисковать, обойтись пока без горячих напитков. Вместо этого вытащил из ящика стола заначенную пачку сигарет и пошёл на первый этаж, в курилку.

В курилке в гордом одиночестве восседал капитан Вепрев. Вошедшему Белову он улыбнулся лучезарно и сделал приглашающий жест.
— А вы на меня обиделись, что ли, Юрий Владимирович? — поинтересовался он как ни в чём не бывало. — Зря. Я же не со зла всем интересуюсь, у меня работа такая.
— Дебильная работа, — буркнул Белов. — Вместо того чтобы настоящего убийцу искать, вы в меня вцепились. Мне-то какая корысть в смерти пациентки?
— Да корысти там ни у кого нет. Вот не поверите — уникальный случай: никто от бабкиной смерти ничего не выигрывает. Мы ведь в первую очередь родственников подозреваем в таких случаях.
— Так не бывает, чтобы никто не выигрывал, — не поверил Белов. — Какое-то наследство должно ведь остаться. Квартира, например. Или просто надоело за лежачей старухой ухаживать.
— А чего за ней ухаживать? Она последние несколько месяцев из больниц не вылазит, там и ухаживают. Сами же говорите, ей недолго оставалось. Умерла бы естественной смертью на больничной койке, ждать ведь всего ничего. К тому же характер у покойницы был тяжёлый, особой любовью к родне она не пылала, видеть их часто не хотела, в гости к себе не звала. До смешного доходило: дочь говорит, что бабка ключи от квартиры с собой в больницу забирала и не давала никому, даже чтобы вещи какие-то оттуда принести. Подозревала всех подряд. Так что дочери приходилось халаты с тапочками новые покупать, чтобы старушка в больнице совсем уж сиротой не выглядела. А квартира по завещанию отойдёт к одной из внучек, про это вся родня знала, и наследница в том числе. Ей надо было просто терпеливо дождаться, пока бабуля сама по себе помрёт. Тем более что квартирка — дрянь, дом старый, и район плохой. Да и ремонта сто лет не делалось. И продать её быстро не получится, в наследство только через полгода можно вступить.
— Получается, убивать Самойлову никому не было выгодно?
— Получается, так, — согласился Вепрев. — Выгоды никакой, остаётся убийство из гуманных соображений.
— Хороший гуманизм — ядом накормить бабку. Существует много более приятных способов уйти, это я вам как врач говорю.
— Может, поделитесь этими способами? — вкрадчиво поинтересовался капитан.
— Нет уж! Хотите, чтобы я своими руками могилу себе вырыл?
— Да какая могила, помилуйте? У меня чисто теоретический интерес. Вы скажите лучше: кто мог подсыпать бабушке яд? Что это было: еда, лекарства?
— В еду вряд ли. Еду из столовой привозят, кому какая тарелка достанется, угадать сложно. Лекарства в жидком виде больная не получала, растворить яд было не в чем. Не через капельницу же её отравили?

Белов попытался пошутить, но капитан шуток, как видно, совсем не понимал, потому что моментально встрепенулся:
— А что, через капельницу нельзя?
— Нельзя, — отрезал обескураженный доктор, решив не вдаваться в объяснения. — Единственный вариант, на мой взгляд, — это подмешать яд в еду или питьё, которые больной приносили родственники. Но вы говорите, что им резону не было её убивать. Может, вы всего не знаете? Вы бы проверили те продукты, что у неё были, на наличие цианида.
— Проверили уже. Там всё чисто. Даже лекарства, что у неё в тумбочке нашли, тоже проверили на всякий случай.

— Тогда не знаю,— развёл руками Белов.— А точно все вещи осмотрели?

К кастелянше они пришли вдвоём. Похоже было, что капитан Вепрев кастеляншу побаивается, несмотря на красные корочки, вот и взял с собой Белова в качестве поддержки.

При их появлении кастелянша, известная на всю больницу своей хамоватостью, даже головы не подняла. Только зыркнула исподлобья и снова уткнулась в лежавшие перед ней списки непонятно чего. При этом вид она делала очень занятой: шевелила губами и морщила лоб. Иногда считала что-то на крошечном калькуляторе. Белов был уверен, что своими толстыми пальцами она нажимает не меньше двух кнопок зараз, но предпочитал не мешать тётке делать важный вид.
— Тамара Петровна, где вещи Самойловой?
— Да вон они,— кивнула кастелянша на два больших пакета, стоявших в углу.— Когда уже заберутто их, наконец? Ведь совсем наступить некуда от посторонних предметов. У меня не камера хранения тут.
— Скоро заберут,— заверил Белов.— Сегодня родственники приедут и заберут.
— Как же! Была уже сегодня одна родственница. Переворошила всё и ускакала, ничего не забрала. Ещё и телефон забыла. А я что теперь, ещё и телефон её караулить должна? У меня не камера хранения. Я за ценные предметы не отвечаю. Тем более даже не больных телефон, а родственников. Два раза уже в этих пакетах копалась — и всё время здесь оставляет. Если не надо, так можно ведь и на помойку вынести. Чего здесь-то загромождать?
— А когда второй раз эта родственница в вещах копалась?— ласково спросил Вепрев.
— Сегодня как раз второй. А первый — сразу, как бабка померла. В пятницу ещё.
— Так может, она искала что-то?
— Может, и искала. Мне откуда знать? В пятницу ключи забрала, вроде чтобы, значит, вещи в морг привезти. А что уж сегодня ей надо было, не знаю. Ещё и телефон забыла, растяпа.
— А как выглядела?
— Обыкновенно. Молодая такая, светленькая. Штаны такие на ней драные, коленки в прорехи торчат.
— Это Вероника Самойлова, внучка,— определил Вепрев.— Она действительно ездила на квартиру за одеждой для покойницы, это нам ещё в субботу её тётка рассказала. А здесь все вещи?— спросил он вдруг у кастелянши.— Других нигде не осталось?
— Вот этого я не знаю. Это вы у санитарки узнавайте, которая их собирала.

Санитарка тёть Маша на вопрос о недостающих вещах горестно вздохнула и молча вышла из ординаторской. Белов с капитаном переглянулись недоумённо, но никаких выводов сделать не успели, потому что санитарка вернулась почти сразу и поставила перед ними на стол небольшую пластиковую баночку.
— Вот,— сказала она и быстренько убрала руки за спину.— Я сразу хотела отдать, да потом закрутилась и забыла. Вы не думайте, я не то чтобы прикарманить решила. Мне чужого не надо. А родственники и сами могли спросить, если так им это лекарство нужно. Зачем же сразу милицию беспокоить?

Вепрев открыл баночку, зачем-то понюхал, заглянул внутрь. Внутри лежало несколько жёлто-оранжевых капсул. Он вытряхнул две штуки на ладонь и протянул Белову:
— Это что за пилюльки?
— Тадифен. Сильнодействующее обезболивающее. Лекарство хорошее, но дорогое. Это родственники купили, оно ей помогало.

Вепрев ухватил пальцами капсулу с двух сторон, потянул и разъял её на две цветные половинки. На стол просыпалось несколько мелких бесцветных кристалликов. Капитан соединил половинки обратно, бросил капсулу в баночку, закрутил крышку.
— Это я в лабораторию забираю. И телефон тоже. Когда младшая Самойлова за ним придёт, отправьте её в отделение. Адрес она знает.

Он поднялся и пошёл к двери. Белов посмотрел ему вслед и неожиданно для себя самого спросил:
— А можно мне с вами?

Пока они ждали из лаборатории результатов анализа содержимого капсул, в кабинет Вепрева, робко постучав, зашла дочь убитой Самойловой — та самая шестидесятилетняя родственница, что в пятницу просила обойтись без вскрытия. Теперь эта её просьба уже не казалась доктору Белову такой невинной и естественной. Он сидел в углу и пытался рассмотреть на лице родственницы хоть какие-то признаки злодейства. Признаков не было. Обычная тётка, замороченная ежедневными проблемами, которую больше заботили предстоящие хлопоты с похоронами, чем поиски виноватых.
— Ну да, Никуша забрала ключи от маминой квартиры. Надо же было одежду взять, да и вообще посмотреть, как там всё. Мама же нас в квартиру не пускала, всё боялась, что мы всё там растащим.
— А было что растаскивать?
— Да что вы!— всплеснула руками тётка.— Ничего там ценного не было. Всё ценное давно в антикварный магазин отнесли. Сама же мама и отнесла, чтобы нам меньше досталось.
— А у неё антикварные вещицы были? Она из дворян, что ли?
— Да какие там дворяне, что вы? Это дед мой, мамин отец, после войны из Германии привёз кое-что. Сервиз фарфоровый, ложки серебряные, подсвечник. Ещё какие-то вещи, я уж не помню

всего, да и мать всегда прятала от нас. Дед сапёром был, войну майором закончил. Они в сорок пятом подвалы разминировали, вот и находили припрятанное, ложки да фарфор. Может, и ещё что было, точно не скажу. Я мало что из этого видела, мать прятала от нас.

— Так может, оно до сих пор спрятано?

— Да нет. Мы же вместе с Никушей на квартиру ездили, нет там ничего. Там и мебели-то почти не осталось: стол да кровать. Да шкаф книжный с дедовыми бумагами. Он же инженером потом был, так там чертежи какие-то да записки. Никуша разбирала их как-то, интересовалась. Она же в аспирантуре учится на историка, ей интересно, особенно где дед про войну писал. Просила даже у мамы забрать несколько листочков, а та ни в какую. Ну, мы Никуше пообещали, что потом всё отдадим, хоть весь шкаф. Квартира-то моей дочке достанется, так ещё при маме решили. А пока Никуша только одну папку оттуда забрала, говорит, для диссертации надо.

— А что именно в папке?

— Да бумаги какие-то, я не заглядывала. Там пылищи полно в этих старых бумагах. По мне, так выбросить всё надо разом, а Ника копается чего-то. Историк, одним словом, чокнутая малость.

— Ну и что вы думаете? — спросил Вепрев после ухода родственницы.

Белов пожал плечами. Что тут можно было думать, он решительно не понимал.

— А не могла эта Самойлова всё-таки выздороветь? — не унимался капитан. — Может, вы родственников обнадёжили, дали понять, что всё будет хорошо? Вот они и подстраховались. Не надеясь на чудеса медицины.

— Зачем? Чтобы записки фронтового сапёра получить? Это же не дневники Геббельса. Какая в них ценность? Тем более что никого я не обнадёживал. Я родственникам сразу дал понять, что надежд на выздоровление их бабушки мало.

— Тогда совсем ерунда получается, — сказал Вепрев обиженно. — Тогда не вижу я смысла бабку убивать. К чему такая спешка-то?

— Может, нужно было квартиру освободить поскорее? Это продать её можно будет только через полгода, а сдавать, например, вполне можно и сейчас. Кто там при найме документы особенно проверяет? Или самим жить. Заселиться-то можно, и не дожидаясь документов на квартиру.

В этот момент в кабинете раздалась залихватская казачья песня, исполняемая тонким «мультяшным» голоском. Вепрев схватился за карман и выудил оттуда двумя пальцами золотистую дамскую «трубу» — телефон Вероники Самойловой, забытый сегодня утром в больнице. Вызывающий абонент оказался настойчивым — песня пошла уже на третий круг. Доктор с капитаном вопросительно смотрели то друг на друга, то на пляшущий на столе телефон. Наконец Вепрев не выдержал и ткнул пальцем в кнопку вызова, словно назойливую муху придавил.

Динамик в телефоне-малютке оказался не по размерам мощный, голос дозвонившегося наконец абонента было слышно, даже не прижимая трубку к уху.

— Голубушка моя, ну разве так можно? — невидимый собеседник не дожидался ответа, торопился, захлёбывался словами. — Я вам звоню, звоню, а вы не подходите. Так дела не делаются, дорогая моя. Покупатель мой завтра утром уезжает. Вы обещали, что передадите мне всё ещё позавчера, и пропали. Так у нас с вами…

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, на пороге показалась девушка лет двадцати пяти. Светловолосая, с мудрёной какой-то стрижкой, больше похожей на веник из перьев, чем на волосы, в свободной футболке почти до колен и драных джинсах. На плече у неё висела большая холщовая сумка, по виду почти пустая. Доктор Белов узнал в ней ту родственницу старухи Самойловой, что не стала в пятницу заходить в кабинет, а капитан Вепрев — Веронику Самойлову, внучку убитой, аспирантку исторического факультета.

Капитан быстренько нажал на телефоне кнопку отбоя и заговорил преувеличенно приветливо, чтобы скрыть смущение:

— Здравствуйте, Вероника Аркадьевна! Проходите. За телефончиком своим пришли?

Девушка кивнула, подошла к столу, протянула руку за телефоном и замерла, глядя вопросительно на капитана.

— Берите, берите, — подбодрил её Вепрев. — Как говорится, больше не теряйте.

Вероника взяла телефон и снова вопросительно посмотрела на капитана. Видимо, ждала разрешения идти, но Вепрев стал вдруг очень непонятливым и отпускать посетительницу не спешил.

— А что вы такая грустная, Вероника Аркадьевна? Бабушку жалко?

— Жалко, — согласилась Ника и посмотрела на капитана внимательно, наклонив голову набок.

— А похоронами кто занимается, кстати? Тётушка ваша?

— Нет, тёте Ане сейчас не до того. Похоронами я занимаюсь. А что?

— Да я просто сочувствие выразить, что вы! А чем же тётя Аня сейчас так занята, что маму хоронить ей некогда?

Вероника вдруг усмехнулась скептически и сказала, почти полностью копируя сюсюкающий тон капитана:

— У тёти Ани дочка замуж собралась, беременная она. Только жених попался вредный, с тёщей будущей жить не хочет. Своего жилья у него тоже нет. Вот тётя Аня и переживает сильно, что женишок в

последний момент жениться раздумает и останется её Мариночка с пузом, а всё наше благородное семейство — с несмываемым позором. А уговаривать капризного жениха ведь интереснее, чем бабушку хоронить? Вот все этим и занимаются, а похороны организовывать мне досталось. Я могу идти? А то у меня времени мало.

— Конечно, идите! — спохватился Вепрев. — Не смею вас задерживать.

Когда Ника уже была в дверях, он добавил:

— Вам, кстати, звонили. Только не представились.

Вероника обернулась, внимательно посмотрела на капитана и молча вышла. Аккуратно прикрыла за собой дверь.

Капитан Вепрев, застывший с улыбкой малолетнего идиота на лице, вдруг разом переменился, вскочил порывисто и схватил трубку стоявшего на столе телефона.

— Серёга, давай на выход бегом.

Сам он схватил со стула пиджак и, надевая на ходу, бросился к двери.

Озадаченный Белов кинулся следом, пока не понимая, зачем он это делает.

— А вы, доктор, куда собрались? — поинтересовался Вепрев уже на лестнице.

— Я с вами.

— Ещё чего не хватало, — начал было капитан, но потом махнул рукой. — Да чёрт с тобой, езжай, — согласился он, переходя в азарте на «ты». — Только в машине сидеть будешь как приклеенный, понял?

Ни слова больше не говоря, Вепрев подбежал к стоявшей у входа машине, сел на водительское сиденье, вставил ключ. Белов понял, что особого приглашения не будет, и дёрнул на себя заднюю дверцу. С другой стороны в машину плюхнулся невысокий темноволосый паренёк, по виду не старше Ники Самойловой.

— Куда едем? — осведомился он, преданно глядя на Вепрева.

— На задание, — отрезал тот, выруливая со двора отделения на оживлённый проспект.

Там он отчаянно завертел головой и закричал радостно:

— Вот она, голубушка!

Белов глянул, куда показывал радостный капитан. По тротуару впереди, метрах в двадцати, шла Вероника Самойлова и разговаривала по телефону. Потом кивнула несколько раз, хотя собеседник её видеть никак не мог, затолкала телефон в свою необъятную сумку и подняла руку, останавливая такси.

Вепрев тоже слегка притормозил, дождался, пока Нику подберёт проезжающий частник, потом пристроился тому в хвост.

— Вы что же, за Вероникой следить собрались? — не понял Белов. — Я думал, вы теперь дочь подозревать будете. У неё же, оказывается, есть причина торопиться.

— Дочь от нас никуда не уйдёт. И внучка-наследница тоже. А вот кто такой нетерпеливый Веронике телефон обрывает, выяснить не помешает. Что-то мне подсказывает, что к нему она сейчас и едет.

Коренастый Серёга сидел молча и ничего не спрашивал. Видно, привык уже к таким методам работы.

Вероника вышла из машины возле сквера Героев Революции, прошла немного и остановилась, оглядываясь по сторонам. Из-за газетного киоска вышел высокий, почти под два метра, пожилой мужчина, поманил её рукой. Вместе они дошли до скамейки возле маленького фонтанчика, но садиться не стали. Из машины было видно, что мужчина что-то горячо говорит, наклоняясь к Нике, как к ребёнку, а та слушает, задрав голову вверх, и иногда согласно кивает.

— Серёга, сходи послушай, о чём говорят, — велел Вепрев, вглядываясь в эту нелепую парочку.

Серёга направился в сторону фонтана, на ходу закуривая.

У капитана зазвонил мобильник. Он выслушал молча и повернулся к Белову.

— Цианид нашли в капсулах от тадифена. Все шесть штук, что в баночке оставались, начинили ядом. Чтобы уж наверняка. Кто именно лекарство бабке принёс, не помните?

Белов откинулся на спинку сиденья, боясь поверить услышанному. Трогательная забота родственников об умирающей старухе оказалась на поверку лишь способом побыстрее от неё избавиться. Радикальным, надо заметить, способом.

— Какая разница, кто принёс, — сказал он глухо. — Принесли его дней десять назад. Если бы там сразу яд был, то Самойлова давно бы умерла. Значит, капсулы подменили позже. Любой из посетителей это мог сделать, там все трое дежурили по очереди: и эта без пяти минут тёща, и невеста-наследница, и вот эта вот Ника — любитель старых документов.

Белов с силой потёр ладонями лицо, возвращаясь к реальности.

— Послушайте, мне кажется, мы зря за младшей Самойловой следим. Ей бабку убивать было не из-за чего. Сестра её двоюродная отдельную жилплощадь получает, тётка дочь замуж выдаёт наконец-то. А Веронике какая выгода?

Младшая Самойлова тем временем достала из сумки картонную папку заметно больше стандартного размера. Держа её в руках, раскрыла и повернула к долговязому. Тот протянул было руку к содержимому папки, но Ника решительно её отвела и папку захлопнула. Серёга, куривший на соседней скамейке с равнодушным видом, повернул голову и вытянул шею, пытаясь хоть что-то рассмотреть.

Ника с незнакомцем поговорили ещё пару минут и разошлись в разные стороны. Картонную папку девушка унесла с собой.

Вепрев, ни слова не говоря, рванул из машины и быстрым шагом пошёл за Вероникой. Серёга глянул на него вопросительно, но капитан махнул рукой в сторону быстро удаляющегося незнакомца, и Серёга побежал за ним.

Белов вышел из машины и в растерянности стоял, не понимая, что ему делать дальше, и главное, зачем он вообще ввязался в эту историю. Ему почему-то казалось, когда он напросился поехать с капитаном, что расследование убийства — мероприятие захватывающее и где-то даже таинственное. А на деле всё обернулось сидением сначала в кабинете, потом в душной машине, а когда дошло до настоящей слежки, его просто забыли, как сумку в супермаркете.

Правда, толком обидеться он не успел. Очень скоро Вепрев вернулся, ведя под локоток Веронику. Когда они подошли ближе, стало ясно, что капитан не просто ведёт девушку, но и крепко держит за руку повыше локтя.

Он втолкнул странно молчащую Веронику в салон, пристегнул наручниками к дверце.

— Садись, чего встал? — бросил он Белову, и, не дожидаясь, завёл машину.

В кабинете, кроме капитана Вепрева, задержанной Вероники и до сих пор ничего не понимающего доктора Белова, оказались ещё двое: молодой парень, чем-то неуловимо похожий на молчаливого Серёгу, и пожилой уютный дядечка с растрёпанной буйной шевелюрой и носом картошкой. Дядечка сразу заграбастал изъятую у Ники картонную папку и уединился с ней за угловым столом.

— Вероника Аркадьевна, а зачем вы сегодня приходили в больницу? Искали что-то в вещах покойной бабушки? Что? Ключи от квартиры вы забрали ещё в пятницу, вам же туда нужно было попасть как можно скорее. А сегодня-то что вы искали?

Вероника молчала и смотрела поверх головы Вепрева на противоположную голую стену.

— Наверно, вот это? — Вепрев поставил на стол баночку из-под тадифена.

Ника посмотрела на стол и, побледнев, молча перевела взгляд на окно.

— Что вы забрали из квартиры вашей бабушки, Вероника Аркадьевна? Неужели человеческая жизнь стоит каких-то старых исписанных листков?

— Это не просто листки, — подал голос лохматый дядечка. — Вы только посмотрите, что пыталась продать гражданка Самойлова.

На вытянутых руках он поднёс к столу лист бумаги, бывшей когда-то синеватой, а теперь пожелтевшей от времени. Эксперт нёс её на вытянутых руках и дышать старался в сторону. На одной стороне листа был хорошо различим рисунок мужской головы, бритой наголо, с крупным носом и упрямо сжатым ртом. В ответ на вопросительные взгляды присутствующих он перевернул листок другой стороной, и Белов, приподнявшись со стула, разглядел полустёршийся чернильный штамп: «Gemäldegalerie Alte Meister».

— Что это значит? — спросил он почему-то шёпотом.

— Галерея старых мастеров, — тоже тихо ответил враз ставший серьёзным эксперт. — Это официальное название. А мы привыкли называть её Дрезденской картинной галереей.

Юрий Владимирович Белов сидел в ординаторской и слушал, как по стеклу барабанит пальцами дождь. О том, что время уже позднее, он не вспоминал. Вообще ни о чём не вспоминал и старался не думать. Просто тупо смотрел перед собой и словно ждал чего-то. Как будто не всё ещё было договорено, не поставлена какая-то точка…

Телефонный звонок разорвал вечернюю тишину и вывел его из непонятного оцепенения.

— Не ушёл ещё? — бодро поинтересовался на том конце линии капитан Вепрев. — Интересно, небось, за что внучка бабушку пришила? Ну слушай, не жалко. Папочка-то эта покруче всякой жилплощади будет. Дедушка-сапёр, как видно, интересные подвалы разминировал. Там не только ложки да фарфор находили, но и картинки всякие. В картинках, правда, на первый взгляд, особой ценности не было. Зачем он эту папку прихватил, теперь не узнаешь. Вряд ли понимал, какое это сокровище. Ну а правнучка у него — девица образованная, начитанная, сразу сообразила, что этот штампик означает. Покупателя нашла, но не напрямую, а через посредника (тот самый долговязый, что её торопил). Только покупатель ждать долго не хотел, да и в подлинности сомневался. Ника ещё при жизни бабки сумела один листочек как-то вынести незаметно, а потом старуха что-то подозревать начала и внучку на порог пускать перестала. А листочек тот тем временем проверили, убедились, что подлинный, предложили купить всю папку. Вот только ждать, пока старшая Самойлова помрёт, покупатель не соглашался.

— А что за рисунки-то? — не выдержал Белов.

— Эксперты говорят, предположительно Дюрер. В Дрезденской галерее барахла не держали.

В дверь заглянула дежурная медсестра и сказала:

— Юрий Владимирович, Соколова из четвёртой палаты умерла.

В среду, придя на работу, Белов обнаружил в ординаторской грустного капитана Вепрева.

— Что же у вас в больнице творится-то? — спросил тот страдальческим голосом. — Что это за мода такая — старух цианидом травить?

— Как? — Белов обессиленно опустился на диван.

— Вот, читай, — Вепрев протянул ему заключение патологоанатома. — При вскрытии гражданки Соколовой И. Е., семидесяти двух лет, обнаружены

следы цианистого калия в организме. У этой что за наследство? Фрагменты Янтарной комнаты?

— Нет у неё наследников,— растерянно ответил Белов.— Она одинокая, из дома престарелых к нам поступила…

Тёть Маша сидела на кухне в тёплом байковом халате и шерстяных носках. Хоть и не поздняя осень ещё, а всё же на первом этаже прохладно по ночам. Вот и сейчас она сидела и чувствовала, как по ногам тянет сквозняком. Хорошо, что носки надела, а то так и простыть недолго. А в её возрасте болеть нельзя. Тут любая болезнь может так скрутить, что мало не покажется. А за ней ухаживать некому, одна живёт. Ладно сейчас одна — пока ещё крепкая, работать может. А как совсем состарится, что с ней будет?

Попроситься, что ли, в дом престарелых? Всё же какой-никакой, а уход. В больницу отвезут, если что, присмотрят. Вон как Соколова эта, что на днях померла. Одинокая совсем, и не навещал никто. А такая бабулька была душевная, не злая совсем. Так жалко её было тёть Маше. И главное, ведь не жаловалась никогда, ничего не просила, а наоборот, за любую малость благодарила так, будто ты её озолотила. Тёть Маша, жалея её, старалась почаще в палату заходить, помочь там чего, воды подать или постель поправить. Одинокая ведь совсем была старуха, как перст. Ради неё тёть Маша и на воровство пошла. А как иначе назвать? Воровство и есть. Когда родственники Самойлихины-то хватились своей баночки с пилюльками, да ещё и в милицию заявили, скопидомы, она, прежде чем отдавать, маленько пилюлек-то отсыпала для Соколовой. Ведь одинокая старуха, кто о ней позаботится? А болела она не меньше Самойлихи, только родни богатой у неё не было, чтобы лекарство импортное принести. Так что и не грех это, получается. Ведь не для себя она эти пилюльки взяла, а для больной старухи.

Может, ей это когда и зачтётся.

Универсальная стрижка

После обеда пошёл дождь. Забарабанил в стекло требовательно и бесцеремонно. На улице разом потемнело, и яблоня за окном нахохлилась и замотала ветками — поднялся ветер.

Зоя поёжилась и вздохнула. Как ни успокаивай себя, а осень всё же вот-вот наступит, никуда от неё не деться. Осень Зоя не любила и даже слегка побаивалась. Мало того что природа медленно умирает, так ещё и все Зоины несчастья и неприятности случались именно осенью. Осенью умерла бабушка. И родители развелись осенью. И даже Юрка её бросил тридцатого ноября — не мог уж пару дней потерпеть до зимы, чтобы было не так обидно.

Лето — другое дело. Лето Зоя любила и всегда ждала какого-нибудь чуда. Вот другие под Новый год чуда ждут, а она летом. Даже если ничего особенного не случалось, всё равно радовалась. Вот только лето всегда заканчивалось, и наступала осень…

Зоя с тоской посмотрела сквозь залитое оконное стекло на дорожку, ведущую к её двери. Нет, не придёт сегодня никто. Дождь всех распугал, не пойдёт никто в парикмахерскую в такую погоду. И вообще, конец августа всё же, отдыхающих в пансионате и так немного осталось, да и те по номерам сидят, непогоду пережидают.

Зоя накинула куртку, закрыла дверь на ключ и вышла на улицу. Дождь начал утихать, да и просто хотелось подышать свежим воздухом, пусть даже и сырым. Натянула на голову капюшон и побрела неторопливо по дорожке.

Пансионат их располагался очень живописно. Вокруг сосновый бор, а сразу за спортивной площадкой — река. Даже свой пляж есть, с песочком. Но на пляж Зоя не пошла, нечего там делать в такую погоду. С главной аллеи она свернула направо и по узкой тропинке пошла в сторону гостевой автостоянки. Сразу за ней тоже была река. Там берега поросли ивняком, и подойти к воде можно было только по рыбачьим мосткам. Зато как там было красиво! Зоя любила туда ходить в любую погоду. И даже ночью ходила — смотреть, как в тёмной, почти неподвижной воде отражаются звёзды.

Сейчас мостки были скользкими от дождя, и Зоя ступила на них с опаской. Вроде ничего, подошвы кроссовок не скользили, и она шагнула дальше уже увереннее. Сделала ещё шаг и почувствовала, как зашатались под ней ненадёжные доски. Или это просто ноги у неё затряслись?

Прямо возле крайнего подпорного столбика поднялось вдруг из воды тёмное и страшное. То, что это очень страшно, Зоя успела сообразить гораздо раньше, чем разглядела плечи в насквозь мокрой куртке и совершенно чёрные от воды волосы, облепившие затылок.

Зоя рухнула на мокрые доски и заскулила, опираясь на руки и изо всех сил стараясь не смотреть вниз, на тёмную воду и торчащий из неё затылок.

В комнате дежурного администратора было шумно и многолюдно. Смотрели утренние новости. В последнюю неделю это было самым увлекательным занятием — узнавать, что нового в деле об ограблении инкассаторской машины, обсуждать и переживать. Причём переживали больше не за доблестных тружеников следствия, не за ограбленных самым бессовестным образом банкиров и даже не за пострадавших при нападении инкассаторов, которые до сих пор находились в реанимации. Переживали за грабителей, сумевших

уйти с деньгами. Одного из нападавших накануне нашли мёртвым на крыльце маленькой сельской больницы всего в десяти километрах от пансионата. Судя по всему, это был именно тот нападавший, которого ранили инкассаторы. Второго искали до сих пор.

Когда Зоя влетела в кабинет, на экране как раз маячил фоторобот предполагаемого грабителя.

— Ой, ну на кого-то он всё-таки похож!— причитала кастелянша тётя Вера.— Ну так похож! Вот только вспомнить не могу, на кого.

Тётю Веру никто не слушал и предположений никаких не строил. Всем давно известно, что фотороботы похожи на всех людей сразу и ни на кого конкретно. А то, что показывали сейчас по телевизору, вообще идентификации не поддавалось: низко надвинутая шапочка, глаза под прямыми бровями, прямой нос и такой же прямой, по линеечке, узкогубый рот. Палка, палка, огуречик— получился человечек. Таких фотороботов Зоя могла нарисовать с десяток, хоть за портреты у неё никогда больше тройки не было.

В общем, опознавать кого-то по фотороботу было глупо. Гораздо интереснее обсуждать появление мёртвого грабителя неподалёку от пансионата. Ведь добрался он, раненый, как-то до Ольховки. Тут и младенцу ясно, что добрался не сам— наверняка подельник его дотащил до больничного крыльца и оставил там в надежде на медицинскую помощь. Кто же знал, что раненый не доживёт до утра? Но тогда получается, что и второй грабитель находится где-то рядом. Ольховка-то совсем недалеко. За это время он вполне мог дойти и до пансионата.

— Это что же получается? Он в любой момент может здесь у нас появиться и всех нас перерезать?— хватаясь за левую грудь, вопрошала администратор Анжелика.

— Почему перерезать? У него же пистолет есть,— возразил меланхоличный охранник Коля.— Он нас перестреляет, если что.

Все посмотрели на Колю с возмущением и загалдели разом, строя предположения о своей дальнейшей судьбе. Предположения получались одно другого ужаснее.

— Надо милицию вызывать,— решила старший администратор Ольга Леонидовна.— Пусть организуют у нас стационарный пост. Пусть охраняют нас, в конце концов, раз до сих пор никого поймать не могут.

— Милиция к нам не поедет,— продолжал нагнетать Коля.— Вот когда у нас убьют кого-нибудь, тогда они приедут. А без трупа им неинтересно. Они сейчас деньги инкассаторские ищут.

В этот момент и появилась Зоя, бледная, с круглыми от ужаса глазами.

— Там труп!— заорала она, показывая себе за спину.

И хоть никакого трупа у неё за спиной, конечно, не было, эффект получился ошеломляющий. Все разом повернулись в её сторону и замерли на полуслове. Помнится, в учебнике литературы был рисунок финальной сцены «Ревизора». Так вот, получилась почти один в один эта сцена. Только народу всё же было поменьше.

Совместными усилиями вытащили утопленницу из воды и положили на берегу. Вытаскивали, собственно, дворник дядя Паша с тем же меланхоличным Колей. Дамская часть компании жалась в сторонке, горестно вздыхая и озираясь испуганно по сторонам.

Утопленница оказалась миниатюрной девушкой в джинсах и тёмно-красной курточке. Тёмные волосы подстрижены под каре— это Зоя отметила машинально. Когда тело перевернули лицом вверх, все ахнули:

— Так это же наша Самойлова!

Было от чего ахнуть. Виктория Самойлова была популярной ведущей на местном телевидении. Звездой областного масштаба, можно сказать. В пансионате она отдыхала уже вторую неделю и, естественно, находилась в центре внимания. И вдруг такое!

— А кто это?— спросил дядя Паша, закуривая.

— Да ты что, дядь Паш! Это же Вика Самойлова. Ты что, телевизор не смотришь?

— Не смотрю,— кивнул он.— Чего там смотреть?

В этот момент на дорожке, ведущей к реке, показалась Ольга Леонидовна, которая оставалась звонить в милицию. Следом за ней шли несколько человек. Сначала маленький толстячок в смешной кожаной кепке. Толстячок подпрыгивал при каждом шаге и переваливался с боку на бок, сильно напоминая сказочного колобка. Следом шёл молодой светловолосый парень в непромокаемой куртке. Но, несмотря на натянутый на голову капюшон и торчащие рукава толстого свитера, парень заметно мёрз. Руки он держал в карманах, ёжился и вообще смотрел на мир глазами больной коровы. Следом шли трое милиционеров в форме, не отличимые друг от друга, несмотря на разницу в росте и комплекции. Всё-таки любая форма здорово обезличивает.

— Вот товарищи из милиции,— представила своих спутников Ольга Леонидовна, хотя нужды в этом особой не было.

И так все поняли. Непонятно только, как это милиция так быстро оказалась на месте происшествия. Пяти минут не прошло, как позвонили, а они уже здесь.

Впрочем, объяснилось всё просто. Оказывается, недалеко от пансионата нашли труп второго грабителя. Вот милиция к ним и приехала, чтобы опросить возможных свидетелей и заодно предъявить убитого для опознания.

— Так это же дикторша с телевидения,— сразу узнал толстячок,— Самойлова вроде. И что же мне так не везёт-то в последнее время? Только дикторши утонувшей мне не хватало для полного счастья… Но хоть с опознанием проблем нет, и то хорошо.

Троица в форме дружно закивала головами, соглашаясь. Толстячок шагнул к стоящему поодаль персоналу и спросил всех разом:
— А как она могла здесь оказаться?
— Так она у нас отдыхает. То есть отдыхала. Почти две недели.
— Ну да, двенадцатый день сегодня.
— С пятнадцатого августа, если точнее.
— С прошлой пятницы она здесь,— сказал вдруг невпопад дядя Паша.

На него махнули было рукой, но толстячок, оказывается, расслышал в общем хоре именно дядь-Пашино заявление.
— Так когда она приехала всё-таки? Пятнадцатого или в прошлую пятницу, три дня назад?
— Пятнадцатого,— стояла на своём Анжелика.— Я же сама её оформляла. Да хоть кого спросите. Вика здесь уже вторую неделю отдыхает… отдыхала.
— Нет, три дня,— стоял на своём дядя Паша, опровергая версию про «спросите хоть кого».— В пятницу она приехала. Ещё спрашивала у меня, как к главному корпусу пройти. Рано утром приехала. Я ещё подумал, что на такси добиралась, как видно. Автобусы-то не ходят в такую рань.
— Да откуда ты знаешь, что это именно она была?— поддела Анжелика.— Ты же у нас телевизор не смотришь.
— А я её и без телевизора узнал. Вот эта самая девчонка была. Худенькая, волосы вот так вот подрезаны.
— Это каре,— зачем-то пояснила Зоя, моментально смутившись.— Стрижка такая.
— Ну да, каре. Только куртка на ней тогда другая была. А девчонка эта самая.
— Нет, дядь Паш,— сказала Зоя, глядя на мёртвую Вику Самойлову,— не мог ты её в пятницу видеть. Потому что под каре я её только в воскресенье подстригла. И волосы в тёмный каштан покрасила. А до этого она блондинкой была, и волосы ниже плеч.

Тело Вики Самойловой перенесли в комнату администраторов и закрыли простынёй. Вика лежала на полу, маленькая и неподвижная. Простыня на ней промокла, а с одежды на пол натекла небольшая лужица. Зоя старалась не смотреть в ту сторону, но взгляд всё равно нет-нет да и скользил по неподвижной фигурке, облепленной мокрой тканью.

Вику было очень жалко, прямо до слёз. Она была весёлой и совсем простой, без гонора. Как будто не телезвезда, а обычная двадцатитрёхлетняя девчонка. Это она сама Зое рассказала, что ей двадцать три года, когда приходила укладку делать. Она тогда много про себя рассказывала, а Зоя слушала и восхищалась.

От воспоминаний её отвлёк милиционер, который позвал всех присутствующих взглянуть на мёртвого грабителя. Его тоже принесли в администраторскую и положили в противоположном углу.

Когда убрали закрывавшую его лицо тряпку, Зоя подумала, что на свой фоторобот грабитель точно не похож. Ничего общего с тем портретом, состоящим из одних прямых линий, у этого человека не было. Этот был вполне симпатичным молодым мужчиной с правильными чертами лица. Только, пожалуй, подбородок был чуть тяжеловат.

Все смотрели на мёртвого грабителя с любопытством и сочувствием.
— Эх, парень,— сказал сокрушённо дядя Паша,— а мы-то на тебя надеялись…
— В каком смысле?— не понял толстячок.
— Думали, что хоть ему удастся банкирам показать кузькину мать. А оно видишь как получилось. А может, это и не он машину-то ограбил? Может, другой кто?
— Этот. При нём сумку инкассаторскую нашли.
— А деньги?— все затаили дыхание, ожидая ответа.
— Денег совсем мало,— развёл руками толстячок.— Видно, успел спрятать где-то.

Анжелика вдруг наклонилась почти к самому лицу покойника и прошептала изумлённо:
— Так это же Костик.

Слух у толстячка оказался отменным, потому он вцепился в Анжелику мёртвой хваткой:
— Какой Костик? Откуда вы его знаете?
— Да не знаю я его. Это Вики Самойловой друг. Ну, бойфренд, по-нашему.
— Хахаль ейный,— подсказал дядя Паша.

После этого все сразу узнали в убитом грабителе того мужчину, что приезжал к Самойловой несколько раз. И конечно, тётя Вера сразу заявила, что именно его ей и напоминал показанный по телевизору фоторобот.
— Принесите ключ от комнаты Самойловой,— велел толстячок.— Посмотрим её вещи. Кеша, ты пока тут с экспертами останься.

Белобрысый, успевший снять куртку, кивнул и молча уселся на стул возле двери.

Толстячок вместе с Ольгой Леонидовной пошли осматривать комнату Вики. За ними, не дожидаясь приглашения, потянулись все остальные. Зоя осталась. Осматривать вещи ей было неинтересно. Гораздо любопытнее было наблюдать за экспертами. Ну и ещё немного за белобрысым Кешей. Он сидел, нахохлившись, на стуле и молчал.
— А у моей бабушки попугай был. Его тоже Кешей звали,— вдруг сказала Зоя.

Нужно же было о чём-то говорить. А ничего умного в голову ей не пришло, вот и брякнула. Кеша-человек посмотрел на неё долгим внимательным взглядом, но опять промолчал.

«Обиделся»,— поняла Зоя. И в самом деле, зря она про попугая сказала. Просто вспомнилось вдруг, как он вот так же сидел, нахохлившись, на жёрдочке и смотрел вокруг внимательным глазом. Второй глаз у Кешки-попугая обычно был прикрыт. Видно, считал, что для наблюдения за нашим несовершенным миром вполне достаточно и одного глаза. Он вообще загадочной птицей был, даже немножко таинственной. И умер тоже осенью, недели за две до бабули. Как будто чувствовал.

— Осень скоро,— сказал вдруг белобрысый. Грустно так, будто пожаловался.— А я осень не люблю. Мёрзну сильно. Зимой ничего, привыкаю, а осень ненавижу просто.

— Я тоже осень не люблю,— подхватила Зоя обрадованно.— Я лето люблю, в нём радости больше. Только оно кончается всегда. А осенью проблемы всякие. Вот сейчас, например, работу надо будет искать.

Кеша вопросительно поднял брови, и Зоя, радуясь, что парень, похоже, совсем не обиделся, объяснила:

— Я же тут временно, только на лето. Я училище закончила весной. А у нас соседка, тётя Оля… то есть Ольга Леонидовна, тут старшим администратором работает. Вот она меня на лето сюда и устроила. А зимой им парикмахер не нужен, вот и придётся другую работу искать.

— Так ты парикмахер?

— Ну да. Я же говорю, училище закончила весной. Между прочим, с красным дипломом,— похвасталась зачем-то Зоя и снова прикусила язык. Кому интересно про её диплом слушать?

— А я тоже недавно работаю,— сказал вдруг Кеша.— После университета. Я на практике был в милиции, а потом остался. Должен же кто-то и преступников ловить, не всем же юрисконсультами быть, правда?

Зоя подумала немного и кивнула. В самом деле, не всем же быть юрисконсультами.

Тут эксперт, осматривавший тело Самойловой, вдруг поднял голову и сказал задумчиво:

— А девица-то, похоже, не сама утонула. На затылке ушиб, и кожа рассечена.

Кеша мигом оказался рядом с телом. Присел, рассматривая затылок.

— Это получается, её сначала по голове ударили, а потом уже в воду столкнули?

— Получается, так. Не исключено, что она сознание потеряла — удар сильный был. Так что поздравить вас не с чем. На несчастный случай это не тянет.

Вернулся страшно довольный толстячок. Едва войдя в дверь, он радостно поднял над головой полиэтиленовый пакет с пистолетом внутри.

— Смотри, Кеша, какой улов богатый! Дело об ограблении инкассаторской машины можно считать раскрытым. Сейчас главное, чтобы это оказался тот самый пистолет, из которого инкассаторов ранили и этого вот Костика застрелили. Но я уверен, что так и окажется, вот увидишь.

Кеша посмотрел на пистолет недоверчиво, но толстячка это не смутило.

— Всё ведь понятно. Эта Самойлова вместе с приятелем своим и ещё одним, которого в Ольховке нашли, всё и провернули. Мужики машину ограбили, а у Самойловой в пансионате отсидеться планировали, пока всё не утихнет. На популярную ведущую никто ведь не подумает. К тому же она здесь всё время на виду. Кому в голову придёт, что она в своём номере грабителей прячет? А потом у них всё наперекосяк пошло. Или, может, поссорились они с подельником своим, деньги не поделили. А может, Самойлова сразу решила ни с кем не делиться. Только застрелила она подельника в лесочке и ветками забросала. А сама нечаянно на досках поскользнулась и утопла.

— А деньги тогда где? — подал голос Кеша.

— Денег нет,— развёл толстячок руками.— Наверно, успела спрятать. Надо на территории пансионата поискать. Она ведь никуда отсюда не отлучалась, значит, здесь и спрятала.

— Всё это хорошо, Игорь Петрович,— кивнул Кеша,— только эксперт вон считает, что Самойлова не сама утонула. Кто-то её хорошенько по голове стукнул и в воду столкнул. Тогда что же получается: был ещё кто-то четвёртый?

— Какой ещё четвёртый? — перепугался толстячок.— Откуда тут четвёртому взяться? Грабителей было двое, а Самойлова им прикрытие обеспечивала. Может, эксперт ошибся? — спросил он с надеждой.

— Не ошибся. Там следы удара отчётливые. Да вы сами посмотрите. И денег нет. Даже если это Самойлова своего бойфренда застрелила, всё равно должен быть ещё кто-то. Тот, кто саму Самойлову убил и деньги забрал.

Расстроенный толстячок снова вышел куда-то, теперь вместе с экспертом. Кеша с Зоей остались наедине. Не считать же, в самом деле, за присутствующих два мёртвых тела.

— А что теперь с ней будет? — спросила Зоя, кивнув на мёртвую Вику.— Хоронить же надо.

— Родственники похоронят,— успокоил её Кеша.— Все формальности закончатся, эксперт заключение напишет, после этого тело родственникам отдадут.

— А у неё только сестра. Но она сейчас за границей живёт.

— Откуда такие подробности?

— От самой Вики. Она часто ко мне в парикмахерскую приходила, вот и рассказывала, как они в детстве с сестрой дрались. А потом выросли, и сестра её за границу уехала. В Таиланд. Она там в гостинице какой-то работает. Несколько лет уже.

— А чего она приходила? Стриглась, что ли?

— Да нет,— рассмеялась Зоя.— Так часто никто не стрижётся. Она на укладку приходила. У неё

раньше волосы длинные были. Это она недавно совсем подстриглась. В воскресенье. Я её отговаривала, а она упёрлась: хочу, и всё! Нет, каре, конечно, стрижка универсальная, она всем идёт. Но мне всё равно жалко было такие волосы обрезать. Да ещё и красить потом. Я думала, получится её уговорить хоть цвет свой оставить, а она ни в какую. Взбрело ей в голову, видите ли!

— А что, хорошие волосы были?—спросил Кеша задумчиво.

— Замечательные. И цвет редкий. Светло-пепельный. А она упёрлась, как баран…

Зоя сообразила вдруг, что ругает покойницу, про которую плохо говорить нельзя, и, ойкнув, прикрыла рот ладошкой.

— Когда, говоришь, она подстригаться пришла?

— В воскресенье, прямо с утра. Я её отговаривала, а она ни в какую. Хочу, говорит, каре, и чтобы волосы тёмные. Нет, каре, конечно, всем идёт. Тут я не спорю. Но всё равно жалко. Хоть бы цвет свой оставила.

Зоя поняла, что пошла уже на второй круг, и замолчала. Тем более Кеша её, похоже, не слушал совсем. Он снова подошёл к мёртвой Вике Самойловой и разглядывал её, приподняв край простыни.

— Слушай, а есть здесь где-нибудь факс?

— У Ольги Леонидовны в кабинете есть. А зачем?

Кеша не ответил, только посмотрел задумчиво и молча вышел. Ну и пожалуйста! Так даже лучше. Зое давно уже хотелось взглянуть ещё разок на мёртвую Вику, но при нём было неудобно.

Она подошла к телу и тоже подняла край простыни, прикрывающий лицо убитой. За то время, что тело пролежало в помещении, вода почти успела высохнуть. Теперь Вика выглядела уже не так страшно. Лицо, правда, бледное, зато волосы высохли и распушились.

Зоя взглянула на них и ахнула. Потом прикрыла аккуратно лицо убитой и помчалась искать неудавшегося юрисконсульта.

Кешу она нашла в кабинете Ольги Леонидовны. Он сидел за столом и гипнотизировал взглядом факсовый аппарат.

— Пойдём скорее,—Зоя схватила его за руку и потянула за собой.

Кеша пошёл за ней, как телок на верёвочке. Это бабушка так говорила. И такого вот «телячьего» поведения не одобряла. Говорила, что человек свою голову должен иметь, а не идти по первому зову за тем, кто позвал. Но сейчас Зоя была такому Кешиному поведению рада. Иногда нужно, чтобы человек не задавал лишних вопросов, а просто шёл куда позвали. Тем более что объяснить сейчас она всё равно ничего не сможет—это надо показывать.

— Смотри!—она подвела Кешу за руку к телу Вики и подняла край простыни.—Видишь?

— Вижу,—согласился Кеша.—Волосы тёмные. Стрижка каре. Универсальная, всем идёт. И что?

— Да при чём тут стрижка?! То есть стрижка, конечно, при чём. Но ты не туда смотришь.

— А куда надо?

— Вот видишь: корни отросли,—Зоя ткнула в пробор пальцем, сердясь на Кешину бестолковость.—Волосы тёмные, крашеные, а корни светлые. Цвет редкий, светло-пепельный.

— Про редкий цвет я запомнил,—снова кивнул Кеша.

Удивительно, но он совсем на Зою не раздражался. Золото, а не человек!

— Да цвет тут тоже ни при чём!

— Стрижка ни при чём. Цвет ни при чём. А куда смотреть-то?

Зоя снова провела пальцем вдоль пробора.

— Видишь, корни светлые. И отросли на сантиметр примерно. Может, даже больше. Волосы так быстро не растут, понимаешь?

Кеша помотал головой—не понимал. Зоя набрала в грудь побольше воздуха и стала говорить медленно и внятно:

— Волосы растут примерно по сантиметру в месяц. Значит, вот эту вот голову красили примерно месяц назад. Но этого не может быть, потому что я сама Вику стригла и красила в воскресенье. Позавчера,—она посмотрела на Кешу и сказала жалобно:—Я ничего не понимаю. Этого не может быть, но это так.

Кеша снова задумался, тоже провёл пальцем по пробору в волосах мёртвой Вики. Потом достал из кармана какую-то бумажку и помахал ей перед Зоей.

— Я проверил, у Виктории Самойловой действительно есть сестра. Валерия Самойлова. И она действительно живёт и работает в Таиланде. И знаешь, что интересно?—Кеша понизил голос и почти прошептал, наклонившись к Зое:—Лера Самойлова в прошлый четверг прилетела в Россию. Понимаешь?

Зоя кивнула, хотя не понимала пока ничего.

— Но и это не самое интересное,—заявил Кеша.—Самое интересное знаешь что?

— Что?—выдохнула Зоя и уставилась на него, как на сказочную фею.

— Самое интересное, что сёстры Самойловы—близнецы…

Они бежали в кабинет Ольги Леонидовны наперегонки, перепрыгивая через две ступеньки.

— Я попросил ребят из отдела,—говорил Кешка на бегу,—чтобы они нашли фото Леры Самойловой. Она как раз новый загранпаспорт получала в четверг.

Когда они вбежали в кабинет удивлённой Ольги Леонидовны, факс как раз выплюнул ещё тёплый листок. Кеша схватил его и засмеялся счастливо.

— Смотри! Качество, конечно, не очень. Но самое главное видно.

Он сунул Зое бумагу, на которой она с трудом разглядела изуродованную двойным копированием фотографию Валерии Самойловой. Но самое главное было видно: у Леры на фотографии была универсальная стрижка каре.

— Ты понимаешь?— Кеша заглядывал ей в глаза с надеждой, и Зоя снова кивнула, хотя снова ничего не понимала.— Валерия приехала в Россию в четверг— значит, в пятницу она могла быть здесь. Решила сестру навестить.

— И, значит, это её видел дядя Паша?

— Конечно! У Леры обратный билет на сегодня. Вот почему Вика решила постричься. Чтобы все приняли убитую Леру за неё. А заодно стать похожей на фотографию сестры в паспорте. И деньги она не прятала. Зачем? Никто не станет подозревать Валерию Самойлову, которая в день ограбления была в другой стране. Вика убила Костю, потом инсценировала собственную смерть. Потому она и от пистолета не избавилась. Пусть все думают, что Виктория Самойлова застрелила подельника, спрятала деньги, а потом нечаянно утонула. А она тем временем уедет из страны с деньгами и новыми документами.

Не договорив, Кеша бросился к выходу. Но уже в дверях вдруг остановился.

— Если бы не ты, никто бы не подумал, что убитая девушка— не Виктория,— сказал он торжественно.

Потом вернулся, взял Зою за плечи и вдруг поцеловал в нос.

Викторию Самойлову взяли тем же вечером при посадке в самолёт.

Зоя и Кеша поженились следующей осенью. Сразу после свадьбы они завели себе попугая. Назвали Гошей. Ещё через год, в октябре, у них родились девочки-двойняшки.

Юрий Татаренко

Двенадцатым шрифтом

Високосный год

Грибной стоп-кран нетрезвой тучей сорван,
И сходит с рельсов шляпочный состав.
Замысловато длящимся узором
Июль поляну украшать устал…
И вновь о предстоящей катастрофе
Туманно скажет мшистый ватерпас,
И паутинки семафорный профиль
Украдкой август развернёт анфас.

● ● ●

В Америке как ни старайся, а
Ты не насытишься, фуршетствуя!
Не по европам, не по азиям—
Люблю в России путешествовать!

Гостям— внимание особое,
Для них здесь все места— козырные!
На Волге люди хлебосольные,
А в Сочи— даже виносырные!

Бесплатно кормят ароматами
Кафе-шашлычная и блинная!
Отдаст последнее Россия-матушка,
Радушная, гостеприимная…

Пропущенный вызов

Осень становится женщиной.
Льдинки хрустят под ногами.
Глянец экранчика— с трещиной.
«Ах, как же так, дорогая?»—
Ангел-хранитель не всхлипывал:
Разве царапине больно?..
Игрек в мышлении клиповом
С иксом займутся любовью.
Тормоз ты, буква «и краткое»,
Олух, дурында, раззява!
Вот уж на небо вскарабкалась
Армия белых козявок.

● ● ●

«Ноутбук— мой последний причал,—
Понял вдруг популярный прозаик.—
Нет, шалишь…» И рассветы встречать
Домик с садиком снял под Рязанью.
«Сколько можно писать и писать?
Так и жизнь пролетит— не заметишь!
Ах, какая сегодня роса—
Вся двенадцатым шрифтом, не меньше…»

Артур Чёрный

Город Страшной Ночи

Лето четвёртого года… Тревожное лето Чечни. Время брожения умов, время горячих голов, пора расцвета анархии и бандитизма. Золотой период безвластия между двумя президентами. Каждый вчерашний царский опричник—сегодня сам барин и князь. Каждый отдел, гарнизон и блокпост—крохотная демократия или монархия. У опустевшего царского трона—целые толпы новоявленных президентов. Одни с деньгами, другие с войсками. И неясно, кого толкать в шею, а кому броситься в ноги.

В этих больших политических играх, когда каждый замахивался на Грозный, а нюх держал на Москву, когда все рванули во власть, совсем забылась война. Её оставили где-то за кадром, за кандидатскими шоу и откровениями, за дверями партийных собраний, где каждый болтун зарился на долгожданный министерский портфель. Чечня готовится к выборам!—вот была главная новость республики. И тем, кто тянулся к короне, было не до войны. Они сами объявляли войны, но не бандитам—друг другу или самим себе. Один вызвал на бой коррупцию, другой брался покончить с зачистками, третий мечтал построить рай на земле… А в это время Чечню трясло от террора. От грохота взрывов, от стука сапог, от рёва двигателей. Не знала покоя армия, не думала про отдых милиция. На запруженных дорогах не успевала садиться пыль. Колонны, колонны, колонны… Что ни день, то новый поход, что ни ночь, то снова тревога. В Грозном, Гудермесе, Итум-Кале на устах одни и те же слова: боевики готовят реванш, боевики окружают город, боевики сегодня ударят. В Автурах, Курчалое, Шарое уже не до слов. Там уже отражают атаки, уже плюются кровавой пеной, уже нагружают «Чёрный тюльпан»… А вокруг: «Обеспечить достойное проведение выборов!» А в ответ: «Не то что пуля—муха не пролетит!»

Так всё и было. На величавых ступенях дворцов, в княжеских спальных покоях складывались новые союзы, зрели новые заговоры. А внизу, в халупах презренной черни—в армейских русских палатках, в городских чеченских развалинах,—никто не был уверен, что завтра не начнётся третья чеченская. В Грозном носились слухи, что город продан боевикам, что завтра в него явится лично Басаев, что вся кадыровская гвардия присягнула ему на верность, что вот-вот затевается вывод войск. «Сплетни!»—думали мы. А потом смотрели, как через наши блокпосты бегут из города люди. На машинах, на мотоциклах, на велосипедах или пешком. Все с сумками, с детьми, какие-то невероятно спокойные и безучастные. Будто не от войны спасали себя, а лишь оставляли свой надоевший очаг. Ни жалоб, ни слёз. Ведь так прошло уже много лет. И никого ничем не пронять. Хоть камень на шею вешай…

…Лето изменило Грозный. Вдохнуло в него какую-то жизнь и скрыло с глаз безобразное наследство войны—громадные груды битого кирпича, искалеченные до уродства улицы. Потерялись в листве и больше не провожали твой путь мёртвые окна домов. Как будто просветлели сплошь чёрные краски руин. И сгинула, потонула в дождях тяжёлая тоска унылой зимы.

Словно задумал выбраться из могилы этот безжизненный город. Задумал поднять своих павших, позвать из бегства живых, поставить на место упавшие стены. Но судьба давно утвердила свой приговор. И здесь ничего не менялось, кроме природы. И за зелёной завесой каштанов и тополей едва держались на ногах всё те же, что и вчера, развалины. А у ветра не было других свирелей, кроме решета заборов и крыш… Безлюдные километры мусорных свалок, отхожих мест и зловонных руин—вот весь список того, что осталось от Грозного. И всё новое, что он мог ещё дать,—был чей-нибудь свежий гроб.

Больше и охотнее всего убивали ночью. Если днём смерть ещё стеснялась своего выхода в свет, то ночью не стало от неё никакого спасения. Мы уже позабыли прежнее время весны, когда была новостью какая-нибудь бестолковая ночная перестрелка, когда кто-то случайно слышал про пробравшихся в город боевиков. Теперь с наступлением тьмы бандиты ставили на уши весь город. Там обстреляли комендатуру, здесь подорвали блокпост, в соседнем переулке расстреляли ночной наряд, пробрались в дом местного милиционера, вырезали семью, завербовали нового камикадзе, отправили на тот свет ещё несколько душ… Не пересчитать. В горах стояло сплошное светопреставление. Там валили, валили и валили… Как-то мы наладили тайную связь с нашим армейским штабом и сами взялись считать. К их потерям

прибавляя свои. Мы думали, такого не может быть!.. Не верили сами себе и запрашивали вновь вчерашние цифры. И снова всё подтверждалось. Выходило, что республика выдаёт по сорок-пятьдесят гробов и похоронок в неделю. Одних только военных и милиционеров. Ничего себе конвейер!.. А включали телевизор — и слышали прежнюю ерунду: «Удачная спецоперация... Незначительная перестрелка... Налаживается мирная жизнь...» Какая там мирная жизнь?!.. В один день в каком-то районе с одного двора вытащили из нефтеколодцев шестнадцать трупов!

А мы? Разве сидели сложа руки? Нет. Торчали на площадях, ставили заслоны на улицах, шастали в комендантские патрули. Недосыпали каждую ночь. Но вечно не успевали. Вечно на шаг отставали от боевиков. Почему-то они легко обходили все наши засады, разгадывали любые наши ловушки. И всегда стреляли первыми. И редко, чтоб не по цели.

Оказалось, это так сложно — дождаться утра. Мы поняли вдруг, как безмятежен наш день со всеми его несчастьями. День, который целиком проходил на ногах, средь уличных развалин, в одной упряжке с омонами, собрами, вв, сб, фсб — всеми, кого вмещал в себя город. День, на который нам всем не хватало сил. За одной зачисткой следовала вторая, за второй третья, и не было столько людей, чтобы справиться с Грозным. И даже приходившие на помощь армейские части Северного, Ханкалы, Урус-Мартана, Шали — и те не могли ничего изменить. Огромный город поглощал всех. Чем больше нас собиралось в нём, тем больше было зачисток, тем больше мы не успевали и уставали... Но прекращал свои издевательства день, и в город вползала ночь. И раздавала билеты на все заслоны и блокпосты.

О, ночи Грозного!.. Многосерийные фильмы ужасов, которым не будет конца. Ночи, сделавшиеся смертельным нашим испытанием, нашей бессрочной вахтой. Сколько хороших снов упустили мы в жизни, охраняя Минутку, сколько зелёных лун прокатилось над нами, пока мы держали Сунженские мосты... Сколько мы вытерпели дождей, сколько перенесли туманов, сколько крови отдали комарью... И всех мы проклинали больше врагов.

Но они стоили себя, эти ночи! И те, кто заплатил жизнью во тьме, не нашли бы за них более подходящей цены. Потому что Грозный ночью — это картина, достойная таланта! Их можно награждать золотом, всех художников-самоучек, кто когда-то трудился над этим полотном. Подносил снаряды, наводил стволы, ронял с неба авиабомбы. Всех, кто не жалел себя, создавая этот шедевр.

...Чёрный-чёрный город. Выходишь за ворота как в дикий лес. У обочин — в человеческий рост бурьян, за обочинами — прописавшиеся в квартирах деревья. Километр вперёд, километр назад — ни одной бродячей души. Только камень да пыль. Ни одного фонаря на согнутых столбах, ни одного огонька в разнесённых дворах. Раскатанные под ноль дома, засыпанные стенами и крышами улицы. А по улицам ходит страх. Невозможный могильный страх, с которым справится только рассвет. А между домов шныряют дикие пули. Они несутся из тьмы и валят любого с самых устойчивых ног. А над городом висит бешеное эхо канонады — обязательный поздний концерт спятивших батарей... Город Страшной Ночи! Киплинг, ты не видел его. Он начинается не за Делийскими воротами, он начинается здесь, в трёх километрах от Ханкалы. Ты просто перепутал дорогу и не оказался у нужных стен. Но ты умер, Редьярд, и нет тебе судьи по твоим делам. И я допишу за тебя неоконченный твой рассказ. Я поставлю точку в столетней этой истории.

И снова Грозный. И снова гробы, слёзы, беда...

А ещё я вдруг только сейчас увидел, что всё, всё было напрасно. Вся наша кровь, все наши жертвы — это было не нужно здесь. Мы зря тратили столько сил и жизней на эту Чечню. Мы столько разрушили здесь, создали вновь, столько пролили пота на этой работе, столько хороших ребят положили на ней, а оказалось — всё зря. Они были никому не нужны, наши подвиги, о них никто не знал, о наших страданиях.

Когда-то мы прошли с победами по этой земле, это перед нами, срывая с себя погоны, бежали армии разных стран. Наёмная сволочь всех континентов. Кто-нибудь ещё помнит, на какую глубину зарыли их вонючие трупы?.. И вот теперь, когда окончился этот победный марш, миновал и час нашей славы. Мы никому не нужны здесь. Мы не нужны Чечне, на нас плевала Россия. Мы сидим здесь, словно в гнилом болоте. Завязли в перестрелках, остановились на минных полях. Ни вперёд, ни назад. Нам стреляют в спину, нам смеются в лицо. Мы больше не командуем на спецоперациях, нам больше не верят в высоких штабах. Нас подменили другими. Мы первые только там, где надо погибнуть. Но последние, когда награждают за смерть.

Мы не пожалели себя для этой земли, не поступились жизнями для этого города, а их вернули чеченцам. И не тем, кто шёл с нами в атаки, а тем, кто бил нас в этих атаках.

Где теперь искать справедливость? К какому идти президенту рассказать о том, что случилось? К русскому или чеченскому? И хватит ли сил у нас выстоять у порога, пока откроются двери?..

Да только мы уже никому не верим. Никакому русскому или чеченскому президенту.

Когда-то мы заставили себя уважать. Но сейчас нас предали.

Нефть... Золотые реки Чечни. Чёрная кровь земли, перемешанная с людской, её багровые зарева пылающих скважин. Непоправимое горе Кавказа...

Неужели только из-за неё, из-за этой смердящей дряни, все эти годы плакали мамы? Бежали и не могли убежать от снарядов дети и старики? Дрались между собой мужчины? А видели ли они эту нефть? Макали ли в неё свои руки, умывали ли ею лицо? Нет. Только слышали про неё. Только могли её проклинать.

Они ничего не нажили с тех богатств, что лежали у них под рукой. Ни кола, ни двора, ни куриного пера. Ничего, кроме горя. Никого, кроме врагов.

Нас обманули, всех русских и всех чеченцев. И мы зря воевали друг с другом. Все колы и дворы встали далеко за нашей оградой. Все куриные перья пролетели мимо наших домов. Вся слава и все богатства от этой войны попали не в наши руки. Всё досталось политикам, правителям, владыкам и повелителям…

А значит, и правда всё было зря?!

Выходит, что так.

…Лето четвёртого года. Куда ты побежало из Грозного? По какой улице проходит твоя дорога, и какую найти преграду, чтобы тебя задержать?

Постой, лето! Здесь так холодно, в этом городе. Здесь так мёрзнет живое сердце. А теперь и ты уносишь тепло. Кто же споёт нам в засадах, когда уйдут из садов соловьи? Как мы уснём на голой земле, когда её промочат дожди?

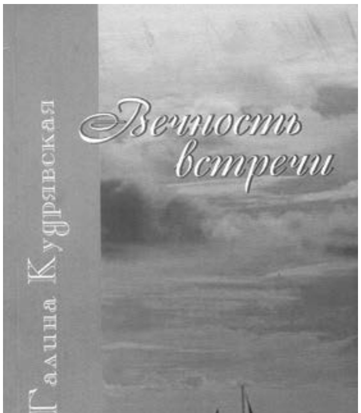
Зелёный июнь, жгучий июль да кровавый август—наш потерянный рай, в который уже закрываются двери. Как счастливы те, кто успел до них добежать. Как несчастливы мы, кого не пустили на небо. Кому ничего не досталось, кроме ненужной памяти об этом тяжёлом времени.

Уже не хочется никуда по ночам. Уже не зовут дороги, не просится на плечо автомат. Уже упустили свой аромат медвяные стройные травы. Задышал пылью и пресной водой свежий холодный ветер. Рухнул под ноги первый некрепкий лист… Всё кончено.

Куда ты, лето? Куда же ты, молодость?

Город Страшной Ночи. Вон он, сразу за воротами, наш разрушенный город, который уже не называет себя нашим. Не надо сбивать ноги, чтобы его найти. Он сам находит тебя через полчаса после заката. И ты вновь теряешь свой сон. И вновь выходишь на КПП, за которым ждут тебя неизвестность и мрак. Опять пылишь по дороге, которой не будет конца. А над тобой, невидимые в темноте, колышутся рваные провода столбов, висят колоссальные башни развалин. А выше, не разглядеть и вовек, летит по чёрному небу или уже падает с него счастливая твоя звезда…

Это не жизнь. Это песня. Мелодия высокого таланта.



Галина Кудрявская
Вечность встречи

Омск: Издательский дом «Наука», 2012

Новая книга прозы Галины Кудрявской составлена из повести, рассказов, эссе, миниатюр. Это вполне современная проза, она о людях, о себе, о своих воспоминаниях, нравственных итогах. «В ней явлена жизнь живой души, печального, но верующего сердца, где скрепляется всё любовью». Автор выводит читателя к серьёзному и светлому духовному прозрению, лечит от безысходности и даёт надежду.

Михаил Стрельцов

По встречке

Седина

Новую фамилию я получил вместе с паспортом. Вначале, как все, дождавшись шестнадцати, законопослушно решил сфотографироваться для документа. Или классный руководитель объяснил, или одноклассники, что уже гордились красной гербовой книжечкой, подсказали: с собой — свидетельство о рождении и четыре фотографии. На вопрос: какие? — пояснили: мол, скажешь в фотосалоне, что на паспорт, они сами знают какие.

Костюм и галстук я не надевал давно. Они мне казались пережитком моего комсомольского начала двухлетней давности. Ныне мы в школу носили кожанки в металлических напайках, волосы дыбом и крестик в мочке уха. Девчонки что-то такое делали с волосами, что постоянно присутствовал эффект мокрой чёлки. Иногда под чёлочку они надевали яркие повязки, словно перед занятиями ходили на аэробику и забыли снять. В дальнейшем, годы спустя, я отказывался некоторых из них узнавать без этих чёлок и повязок. Просто не ассоциировал таких серьёзных и чуток раздобревших тётенек с одноклассницами. Кульминацией разъяснения недоразумений было предъявление ими паспорта, где они ещё такие — с чёлочками и в синих школьных пиджачках с широкими лацканами. И тогда мы хохотали над нами же, молоденькими и модными.

И я было собрался на фотографирование с волосами торчком благодаря их намыленности, в кожанке, которая отличалась от прочих тем, что вместо напаек — лацканы и меж пуговиц сплошь переливалось значками с изображением Ленина. Классе в третьем ещё, после принятия в пионеры, раздавали поручения. Классуха считала, что каждый член коллектива обязан что-то делать для победы коммунизма. И мне приказали собирать значки с Лениным. Вероятно, это приближало коммунизм. Мы переходили из класса в класс, я уже вступил в комсомол, классухи менялись чуть ли не ежегодно, но никто из них того пионерского поручения не отменял. А я все эти годы честно выпрашивал у матери денег, если в киосках «Союзпечать» появлялся значок, которого в моей коллекции не было. Скопилось несколько десятков различных Лениных — от октябрятской звёздочки до значка участника XXVI съезда КПСС, что я выпросил у Наташки Ершовой, отец которой когда-то ездил на съезд, видел Брежнева, а потом несколько лет был нашим главой города. Не совсем удобно говорить, на что я выменял значок.

После «Маленькой Веры» и всяких газетных статеек, видимо, по итогам родительского собрания в школе, матушка внезапно озаботилась моим половым воспитанием. Делала это очень мягко, внятно, не подозревая, что я давно стащил у неё медицинский справочник по венерическим заболеваниям и внимательно изучил. В том числе и картинки. Мне было где-то тринадцать, пацаны вокруг заговорили о странных вещах, с которыми я был в корне не согласен, потому что ещё в детсадовском возрасте мама уверенно объяснила, что ребёнок в женщине образуется сам по себе, как только она выходит замуж. А на мой вопрос про дочку соседей, которая родила без мужа, ещё более честно сообщила, что клеточка, из которой происходит ребёнок, сама чувствует, когда ей надо начинать расти. И что бы мне затем и после ни объясняли, как ни убеждали, ни показывали, я до сих пор уверен в этом. Сама чувствует — и всё. Ей Бог говорит: пора. Независимо ни от чего.

Зная, что я уже второй год общаюсь с одной и той же девочкой, тем более что её фотка висела у меня на стенке между Тальковым и дуэтом «Модерн токинг», мама завершила процедуру воспитания, подарив мне три презерватива с пояснением, как ими пользоваться. Всё-таки она долго проработала в медицине, и были связи — их достать. За что я ей всерьёз признателен. Поскольку презервативы видел впервые в жизни. И это по тем временам было — сокровище. Когда я ими не интересовался, в аптеках лежали, но не для детей, а затем — исчезли вовсе. И для нас, старшеклассников, обладание этими штуками было суперважно. Не потому, что мы бежали их использовать сразу же. Просто знали, что рано или поздно они должны будут пригодиться, а кому-то — уже необходимы. Презервативы были самой дорогой валютой, на них было можно выменять что угодно. Так и Натаха из параллельного, уже обладавшая хроническим советским сознанием, что всё нужно иметь про запас, без тени смущения

спёрла у бати значок, а резиночку в непрозрачной упаковке спрятала в сумочку.

Её значок разместился у меня где-то выше всех на лацкане кожанки, поскольку коллекцию никто с меня не требовал и не хотелось себе сознаваться, что собирал я её, собственно, зря. Пусть, пригодится, решил, чем с напайками возиться — куртку портить. Учителя мне за Ленина ничего не говорили, и одноклассники не язвили, поскольку на этот счёт была шикарная отмазка: я входил в комитет комсомола школы. Да-да, вот таким — волосы дыбом, крестик в ухе, весь в Ленине — и входил. Забавной была эта середина восьмидесятых. С ощущением полной и неограниченной свободы!

Отговорила меня мудрая матушка. Я и сам чувствовал, что так не бывает, свобода не длится долго, как и мода. Поэтому принарядился так, чтобы меня узнавали до двадцати пяти лет, в галстуке, в пиджачке — побрёл в фотосалон. Не описать разочарование, когда оказалось, что он закрыт на ремонт. Пару дней выяснял, что делать. Пока не объяснили, что в нашем городишке есть два фотосалона, и оставшийся — по такому-то адресу на другом конце города. Ехать туда было далековато и опасно. Если к нам, в центр, вечером попадал районный, мы его тупо били, чтобы неповадно было. Так же там поступали и с нами. Каждый «не из своего района» считался потенциальным претендентом на твою девчонку.

Тем не менее — что делать?! — поехал. Промозглым мартовским вечером, после занятий в школе. Непонятно зачем повалил новогодний снежок. Из окна автобуса я любовался его порывистым пушистым десантом, автоматически слагая в голове стихотворные строчки под настроение. Время от времени на меня такое находило. И в местной газете, где я проговорился об этом, с меня попросили что-то из поэзии — им нечем было заполнить какую-то полосу.

С газетой я начал сотрудничать случайно. У нашего подъезда постоянно находилась огромная лужа, и годами люди вынуждены были ходить по газону под окнами. Матушка-медик, обожающая цветоводство, ежегодно высаживала на клумбе тигровые лилии и пионы, и их ежегодно затаптывали, не давая расцвести. Мама переживала. И я написал в газету. Ехидно. В духе перестройки и гласности. Письмо неожиданно опубликовали, а мне пришло уведомление из ЖЭКа, что проблема скоро решится. И вправду: для лужи под пешеходной дорожкой проложили сток, и она исчезла. Газету побаивались. Недавно там появилась статья, что глава города, товарищ Ершов, имеет три квартиры, а его жена — кооперативное кафе, и Натахиного батю взяли и сняли. Так что, думаю, потеря депутатского значка стала меньшой из его проблем.

А год назад на комитете комсомола мы обсуждали план мероприятий по поводу отмечания дня рождения Олега Киригешева, портрет которого в траурной рамке висел в зале боевой славы. Олег был сыном бывшего директора школы, ушёл в армию и погиб в Афганистане. И нам, комсомольцам, было указанно чтить его память. За годом год в начале марта мы ездили активом школы на кладбище, стояли у мрачного обелиска, думали про Афганистан. Но недолго, потому как на кладбище было зябко. А в этом году зима всерьёз задержалась, и ехать не хотелось. Поэтому я внезапно обозлился, обвиняя родной комитет комсомола в формализме при почитании памяти. На что замдиректора, куратор наш, обозлилась не меньше и сказала холодно:

— Женя, а ты что сам можешь предложить?

Я осёкся, но во мне бродил смелый дух середины восьмидесятых, поэтому выпалил:

— А давайте улицу, где он жил, переименуем!

Внезапно меня поддержали все, включая куратора. Мы тут же составили письмо в горком комсомола, и тут же его возбуждённо отнесли. Михал Сергеевич Задворкин, секретарь горкома, поджарый, с залысинами, дяденька, так же взбудоражился:

— Какая прекрасная идея к вам, ребята, пришла! Действительно! Что за улица такая — Западная?! Ни туда — ни сюда! Пусть будет — имени Киригешева!

Надо, наверное, пояснить, что мой городок располагался в Горной Шории, и фамилии с окончанием на «ешев», «ашев» и «чаков» там вполне распространённые. Об этом я впервые подумал, выполняя комсомольское поручение. Дело в том, что Михал Сергеевич тут же распределил между нами пятиэтажки Западной и попросил собрать подписи жильцов в поддержку. Я лично за два дня обошёл два дома. На третий вернулся в те квартиры, где ранее не открывали. Мне исписали в поддержку всю тетрадку в сорок страниц. Даже предложили поставить Олегу бюст во дворе.

А на днях, в день рождения погибшего «афганца», торжественно состоялось открытие мемориальной таблички на доме, где он когда-то жил. Новый глава города — почему-то Михал Сергеевич Задворкин — объявил, что отныне улица изменила своё название. Наш военрук командовал залпами из автоматов. Однако таблички на домах остались старые — «Западная». Или это, или то, что все сразу и навсегда забыли, кому изначально в голову пришла такая идея, сподвигло написать заметку в газету, рассказывающую, как, собственно, всё происходило, как собирались подписи, что наш комитет комсомола оказался в этой истории как бы задвинут в дальний угол. И вообще — как можно объявить о переименовании, не сменив таблички? Заметку я отнёс лично — благо, уже был знаком с

некоторыми из сотрудников редакции. Пару лет назад, в преддверии городской комсомольской конференции, меня вызвали с урока к директору, в кабинете которого сидел дылдоватый здоровяк, похожий на Дитера Болена.

— Ты заметку про лужу написал? — с ходу спросил он.

И когда я сознался, почему-то покраснев, — внезапно попросил меня написать, с чем комсомольцы нашей школы готовы выйти на конференцию и каковы мои соображения по поводу уменьшения роли комсомола в воспитании молодёжи. Ещё в коридоре, провожая корреспондента, я признался, что считаю единственным способом выживания для комсомола — отделиться от партии, иначе он загнётся вместе с ней. На что журналист побледнел и попросил меня вот именно об этом не писать и больше никому не говорить…

Ему я отнёс материал о «переименовании». Грустно вздохнув, «Дитер Болен» отсёк от моей заметки окончание про «задвинутых в угол» и про таблички, сообщив, что остальное — просто гениально. На попытки возразить, что убрали самое главное, что именно для этого и писалось, он внезапно спросил ни к селу ни к городу:

— Хочешь поехать на слёт РБС? В «Орлёнок»? В этом году летом там областные журналисты будут проводить занятия с начинающими и одарёнными.

«Орлёнок» в нашей области считался тем же самым, что «Артек» для всей страны. Я отвесил челюсть и сказал, что, конечно, хочу. Ошарашенный, совсем забыл, о чём спорили. И только уже в дверях вспомнил и сказал:

— Ну ладно, отсекайте. Я тогда в стихах про это напишу.

— А ты ещё и стихи пишешь?! Да с такой фамилией?! Принеси мне в пятницу свою поэзию. У нас полполосы не хватает…

Покинув автобус, оказался внутри снегопада и пожалел, что слагал про него такую красоту, поскольку он был навязчивый, мокрый и липкий. Я брёл, ничего не различая в двух шагах от себя, и как спасение принял огромную вывеску «Фотосалон». Ввалился, отряхивая шапку, перчатками обмахивая пальто. В нашем, центральном, салоне всегда была очередь. Ждёшь — минимум час. Потому я не стремился в другой район и вообще не стремился фотографироваться. И если бы не закон, обязывающий в месячный срок получить паспорт, не ввязался бы во всю эту историю. В этом же салоне — никого не было. Я оказался единственным клиентом. Снегопад ли этому поспособствовал, или у них всегда так, разбираться не было времени, поскольку, быстро вызнав, чего я припёрся, какая-то женщина тут же потащила под объектив. Пытался возражать: мол, не успел расчесаться, — предъявляя извлечённую из кармана расчёску. На что ответили:

— И так красавец.

Усадили, покомандовали наклоном головы и, спрятавшись под чёрный чехол, демонстративно сняли крышечку с объектива. Даже щелчка не было.

— Готово! — сказали.

Через два дня вновь поехал на край города. Забирать фотографии. На них я был солидный, подтянутый, серьёзный и вдумчивый. Открытый лоб, галстук и пробившиеся усики придавали сходство с одним из поэтов, Андреем Белым, кажется. Насторожило одно. Нависающая пышная чёлка была как бы с седой прядкой. Ежедневно наблюдая себя в зеркало, подобного ранее не замечал. Посмотрелся тут же, в салоне, — всё нормально. Выдав мне фотки, шустрая тётка куда-то уже смылась, и спросить, почему так, стало не у кого. На обратной дороге вспоминал тот день и прикинул, что шапку-то стряхнул, а на чубе так и остался пушиться снег. Поскольку всё происходило быстро — он не успел растаять, одарив меня благородной седой прядкой. Красивой, надо сказать. Возможно, таким я и буду как раз к древним двадцати пяти годам, когда вновь придётся менять паспорт.

Документ мне выдали в начале апреля. Красное советское удостоверение гражданина. С тремя страницами для фотографий. По идее, моя рожица должна была красоваться на первой странице, но её почему-то наклеили на вторую, словно мне уже двадцать пять лет и всё такое. Собственно, оно и не насторожило вначале. Только потом, рассматривая паспорта одноклассников, которые принялись получать их один за другим, сообразил, что у меня документ немного неправильный.

Как раз вышла моя статья про улицу Киригешева, и в том же номере — первая моя публикация стихотворений! После памятной поездки в фотосалон я принёс «Болену» стихи, аккуратно переписанные в тетрадку, включая и совсем новое, где:

…А снег устало падал врачевать
И укрывать собой земные раны:
Из нищеты творил он благодать
И умирал в земле обетованной…

Газетка пришла по подписке, я несколько раз перечитывал стихи, несправедливо игнорируя статью про улицу, не веря своим глазам. Это было какое-то новое ощущение. Типа первого поцелуя, обладания значком участника съезда КПСС и Нового года — одновременно. Мне захотелось, чтобы таких необычных газет у меня было больше, поэтому пошёл в редакцию — попросить ещё. А попутно, раз рядом, заглянул в паспортный стол, спросив, почему не там наклеена фотография. Отправили к начальнику паспортного стола, что меня испугало. Ни разу в жизни не был ни у каких начальников. Натахин папа — не считается, я его с детского сада помню и в квартире у них бывал. А вот в кабинете у кого-либо — впервые.

Начальник оказалась женщиной. Долго разглядывала мой паспорт, хмыкала: мол, такой седой — ну кто бы мог подумать, что шестнадцать лет! До возмущения спокойно отправила вновь фотографироваться. Сама бы помоталась на другой конец города! Недовольный, я промялся ещё какое-то время. Раздражение усугублялось ещё и тем, что в школе меня начали дразнить «поэтом». Своеобразно причём. Подходили и говорили: а спой вот это! Или: мол, какие ещё его стихи за свои выдашь? Не надо долго думать — всё дело было как раз в фамилии. Уже был такой певец и поэт, даже выступал в нашем городе. Недавно он умер и стал как никогда популярен. Его фото рядом со Сталиным красовалось у всех водителей автобусов над лобовым стеклом. Через какое-то время я понял, что бесполезно доказывать, что стихи я написал сам, а не спёр у него.

Фамилия не устраивала ещё по одной причине. Она была — папина. А папа нас бросил. Его просто не было. И уже не помню, как он выглядел. Возможно, как этот курящий мужик над лобовым стеклом.

В очередной раз поехав фотографироваться, я всё думал, как бы избавиться от фамилии. Чтобы мои стихи — были только моими и не приписывались алкоголикам-алиментщикам. Донельзя сердитый, заявился в фотосалон и предъявил шустрой тёте за косяки. Мол, из-за неё мне паспорт менять, из-за неё на фотки у мамки денег просить, из-за неё — да-да! — возможно, из-за неё папка нас бросил!

Я не заметил, что кричу сквозь слёзы, пока из ноздри не надулся пузырь из сопли. Я не заметил, что моя голова прижата к её груди, а она гладит по моему — совсем не седому — чубу и что-то шепчет, успокаивающее и складное. Под предлогом умыться, чтобы получился на фотографии, увела в подсобку, где, шмыгая носом, умывался над раковиной. Затем предложила попить чай, что-то спрашивала. И, не знаю почему, я выложил ей всю фигню про значки, презервативы, стихи в газете, одноклассников. Про то, что ненавижу свою фамилию.

Двумя руками придерживая чашку, она внезапно спросила:
— Знаешь, какая у меня была фамилия? Козюлькина! Как только не дразнили! А потом вышла замуж и сменила. Стала — Курочкина.
— Правда? — вырвалось глупое, потому что я внезапно загоготал, не мог сдержаться, понимал, что могу обидеть, но почему-то стало смешно.

Но она не обиделась.
— По-моему, Курочкина лучше, чем Козюлькина. Как ты считаешь?

И мне показалась, что она абсолютно права. Отпив чай, фотограф продолжила:
— И ты, когда женишься, можешь взять фамилию жены. Если не передумаешь.

Для меня это стало огорошивающим открытием. Поэтому взахлёб принялся рассуждать:
— Нет… что-то мне её фамилия… какая-то не та… Кем я буду — Чердояков? Я же — русский.
— А ты на ней хочешь жениться? — лукаво прихлёбывала чай женщина.
— Если честно, мне больше Натаха нравится, — сказал и не поверил, что признался, но отступать было поздно. — Но её фамилию тоже не хочу. Скажут ещё, что у «Конька-горбунка» спёр. А сейчас можно фамилию поменять? Я же паспорт получаю.
— Сейчас только на материну можно изменить, — кивнула женщина. — Её фамилия тебе нравится?

Матушка моя была наполовину румынкой, и всю дорогу домой я размышлял, пытаясь привыкнуть. Поэт Евгений Стеклински — звучит или нет? Мне показалось, что звучит. Но сомневался. Промаялся пару дней. И новые фотки уже были на руках, а в комнату к матери зайти стеснялся. Как-то так повелось, что в её комнату я никогда не входил без приглашения. Впрочем, как и она в мою. Будничные дела и попрошайство денег всегда решалось на кухне, за едой. И если кто из нас просился в комнату к другому, то причина должна быть весьма серьёзной. А необходимость вновь нести в паспортный стол свидетельство о рождении — чем не причина? Так подумал, постучавшись к матери. К тому времени я нашёл на карте Румынию, вспомнил, что она, как и мы, социалистическая, освежил знания о ней из учебника географии в школьной библиотеке. Смущала фигура Дракулы, но и у нас хватало персонажей…

С мамой мы говорили о её предках, о её отце-коммунисте, почему-то сосланном в Сибирь. Говорили долго. Коснулись и темы моего отца. На вопрос, можно ли мне взять её фамилию, потупясь, ответила:
— Я тебе не запрещаю. Ты вырос.

Как-то странно сказала. Не разрешила. Но не запретила. Что бы это могло значить? Всё ещё раздумывая, перешагнул кабинет начальника, не приняв решения. И если бы она тихо и спокойно забрала бы мои документы, то, наверное, ждал бы женитьбы. Но она подсунула на подпись какой-то акт об уничтожении и со словами:
— Подписал? Ну вот и всё! — взяла и разорвала мой паспорт.

Мелькнул край фото с благородной сединой, и показалось, что разорвали меня. Отчего-то в виски прихлынула кровь; набычившись, сказал:
— Нет, не всё. Я ещё хочу фамилию поменять…

Меня отговаривали, но кровь в висках мешала слушать. Только тряс головой, отказываясь. Подсунули лист бумаги, и под диктовку я написал заявление.

В середине мая получил новёхонький паспорт. Тут же пробежал глазами — фотка на месте. Шагал домой и разглядывал. Всё равно что-то смущало.

Приглядевшись — понял. Они вставили лишнюю «р» в мою фамилию. И дописали «й».

Однако больше я в паспортный стол не пошёл. Менялись законы, менялась страна, менялись документы и правила, как классухи когда-то. Ровно настолько, насколько никто не интересовался моей коллекцией значков с Лениным, никто не поинтересовался происхождением моей фамилии, выдавая всё новые и новые паспорта, требуя ксерокопии с них… Жалея, что не записался Снеговым или Седовым, Белым, наконец, — размышлял, почему я тогда не пошёл ещё раз. Понял: надо было вновь фотографироваться. И не хотел встречаться с той женщиной. Курочкиной. Мне было стыдно её видеть. Как стыдно видеть тех, кому нагрубишь, а они тебя пожалеют и научат, как жить дальше.

Высоцкий

И дома — благоприятствовало: мать в ночную смену, отчим вернётся с работы к двенадцати. Не спалось, вертелся. Из шпионских детективов серии «Подвиг» постоянно крутилось: «Продумал всё до мелочей». За полночь — ясно сложилось: последний автобус от дачного посёлка уходит в десять. Около десяти же Нефёдовы обычно уезжают домой на авто. Половина улицы пустеет. «Подвиг» продолжал обещать: «Всё будет сделано чётко и быстро». И никто не услышит. И не узнает.

Форточка осталось на ночь открытой, свежело, и я зябко кутался в одеяло, ещё раз прокручивая в голове процедуру предстоящего преступления. Вероятно, именно так — «преступление» — охарактеризуют, если поймают. Но мне тогда предстоящее казалось естественным, как сама справедливость. Поэтому не мешало бы уже и поспать, поскольку завтра встать надо пораньше, чтобы застать Ероху дома. Потом предки угонят его по дачным делам или сам свистанёт куда: Андрюха Ерохин такой — во время летних каникул поймать можно, пока не проснулся.

Жалко, что свой велосипед — как назло! — приказал долго жить после недавней поездки к сестре за город. Вначале «восьмёрку» засадил, затем — цепь разболталась… Значит, завтра предстоит договориться с Ерохой по поводу велосипеда и зайти к нему около девяти вечера. На велике до дачи — минут сорок. Туда-сюда — ещё двадцать минут. Всё сходится. К десяти приеду на дачу. Если кто спросит, чего на ночь глядя, то скажу, что мать попросила посмотреть, высохли ли полы, которые мы покрасили пару дней назад. Тогда, накануне, всё и произошло.

…Дача была маленькой, новой и уютной. Не зря предки раскошелились. Я сразу же принялся за оформление — предназначенной для меня — комнаты на втором этаже. Крохотная — кровать и проход на балкон, но — своя! Стены внутри оббили листами крагиса, обоев не хватило, но, имея планы, я предложил маме не тратиться. Наклеил на них огромные разноцветные афиши любимых кинофильмов и портреты известных актёров. Афиши нам с Ерохой задарил какой-то подвыпивший мужик из мастерской у кинотеатра, куда мы, увидев открытую дверь, не преминули залезть. Мне всегда было интересно, откуда они берутся у входа в кинотеатр, и именно об этом спросил у оказавшегося в мастерской мужика. Матерясь и бурча про «ворохи», он выдал нам кипу, которую мы с Ерохой чуть ли не до драки затем делили. Со стороны мужика это было весьма умным, поскольку если бы его в мастерской не было, мы бы их просто стырили. Зачем, собственно, и лезли — чего-либо стырить. Природная наглость помогла нам не только выкрутиться, но и обрести подарки.

Портреты актёров я вырезал из журнала «Советский экран», что выписывала мама. Хотя — не совсем так. Сотрудники почты отчего-то любили писать номер нашей квартиры авторучкой, где им его было виднее. И приходилось — на лбы и щёки любимых артистов. Меня это жутко бесило. И некая мечта — сниматься в кино — постепенно таяла. Зачем быть знаменитым, если тебе на морде пишут номера какие-то тётки? Поэтому я брал «Советский экран» в городской библиотеке, вырезал портреты с обложки, бритвочкой срезал кармашек для формуляра и переклеивал его на наш журнал, испорченный номером. Штампа городской библиотеки у меня не было — и с этим ничего нельзя было поделать. Но пока подмена проходила незаметно.

Прикинув, если буду лежать на кровати, куда упрётся взгляд, — в центральную точку, почти под потолок, приклеил чёрно-белую фотографию Владимира Высоцкого. Маленькую, но — настоящую. В нижнем правом углу шариковой ручкой было набросано три слова: «Высоцкому от Высоцкого». И теперь каждый день артист и певец, которого совсем недавно не стало, улыбался мне еле заметной улыбкой, за которой виделось мудрое понимание всего, что со мной случалось и могло случиться. Отчего-то мне хотелось верить, что после смерти он переселился на эту фотографию и теперь всегда будет жить в этой комнате. Высоцкий и Высоцкий.

Не успел налюбоваться работой, как затопало по ступенькам, и в комнате возникла дылдоватая девочка с маленьким ротиком и смешливыми глазами. Поскольку город у нас крошечный — я узнал выделяющуюся невероятной белизной волос ровесницу из шестой школы. Пару раз она мелькала, заметная, на стадионе во время общешкольных соревнований, и единожды наблюдал её на волейболе, когда шестая играла с нашими девчонками.

Но кто такая и как звать—до момента, пока она неожиданно не ворвалась в мою жизнь со словами: «Привет! Так вы этот домик купили?»—не интересовало.

Естественно, с такими волосами её могли звать только—Светой. Это я узнал чуть позже, но по всем законам логики она должна была как-то объяснить своё появление. Что она и сделала—тыкнув в окно пальцем:
— А мы ваши соседи! Через дорогу дом видишь? Наискосок. С зелёной крышей. Это наш. Нефёдовых здесь все знают.

Я посмотрел на основательный особняк, рядом с которым стояли «Жигули» редкого оранжевого цвета. Почему-то вспомнил слова мамы: мол, разрешают строить дачные домики не больше, чем четыре на шесть. Потому и хитрили, строили в два этажа. По размеру рассматриваемого дома предполагалось, что Нефёдовы каким-то образом обошли номенклатурное постановление.

Света же бесцеремонно разглядывала стены.
— Красиво у тебя тут!—прицокнула, рука—в бедро.—Это кто? Штирлиц?
— Тихонов.
— А этот толстый?
— Банионис.
— А это Высоцкий?! Правда? Настоящая фотография? У меня пластинка его есть. Там песня про жирафа, такая комичная.
— Дашь послушать?—я оживился.
— Ну, не знаю…— замялась Света.—Если только не поцарапаешь… А пойдёшь сегодня с нами купаться?

Река была совсем недалеко: преодолеть самодельную насыпную дамбу, полянку и галечный пляж. Когда мне сказали «с нами», я предполагал, что будет какая-то местная компания, с каждым из которой надо будет знакомиться. «Привет! А я Жека Высоцкий»—«О, Высоцкий!»—и какой-нибудь подколупчик навроде: «А на гитаре не играешь?» С одной стороны, где-то, конечно, и приятно быть однофамильцем знаменитости, но вот эти всякие новые знакомства всегда оставляют осадок. Потому обрадовался, когда понял, что до реки мы со Светой пойдём вдвоём. Не прошла и часа после знакомства, а мы шуршим галькой под сланцами. У Светы они розовые, с тонкой резиночкой, ярко разделяющей большие пальцы ног от остальных. Под цвет купальника. Как я думал, знакомство с её компанией оттягивалось лишь до пляжа, где ребятня и девчата давно плюхаются в воде, ныряя с огромного камня, едва видимого над поверхностью. Там могло одновременно уместиться бок о бок до шести ребятишек.

Так оно и было: с визгом, всплесками, шумно некая группка оседлала камешек, как воробышки у лужицы. Но Света повела вверх по течению, пообещав показать «обалденное». Действительно, галечный пляж—не лучшее место загорать. Под спиной всегда что-то колет, мешается. А тут натаскали крупных плоских камней и соорудили две приличные обжигающие лежанки. Хотя после недолгого барахтанья в реке нагретые солнцем камни, тепло поглаживая, принимали мокрую спину.
— Как электрофорез, правда?—подмигнула Света.

Пришлось у неё поинтересоваться, о чём она. Как дочь врача, Светланка тут же принялась рассказывать о всевозможных медицинских приборах, которые лечат и то, и это, причём странными способами. Я тут же вообразил её привязанной, не могущей пошевелиться, стянутой туго-накрепко, когда тело щекочет электричество. Прикинул, что в этой ситуации, наверное, запросто можно сдёрнуть с неё купальник и наконец посмотреть, чего там у них, у девчат. Тем более находящееся напротив, правда, в купальнике, было совсем рядом—стоит руку протянуть. Необычная, внезапная мысль о том, что вот так вот, с почти раздетой девчонкой—впервые наедине, меня же и смутила. Она трещала про фантастические какие-то солярии в Москве, где недавно была с мамой, а я невольно восхищался длинными ногами, крупной родинкой на лопатке, светлым этим каре, почти как у Алисы Селезнёвой—только белого цвета, и даже—резиночкой от сланцев между пальцами ног. Мокрый купальник увлёк одну из лямок от прятавшейся под ней белой полоски, и я—потерялся в этом мире. Словно зажмурился, тёмный кадр—и вот совсем рядом, прямо над лицом, настолько близким, что оно не помещается в фокус зрения. От внезапности замямлил, что было в голове:
— Можно, я тебя поцелую?

И тут же пожалел об этом. Потому что стало происходить непонятное. По логике—мне сейчас должны были заехать ладонью по макушке, сказать какое-нибудь обидное слово, оттолкнуть и убежать, хлопая себя сланцами по пяткам. Но Света лишь задрала носик, уводя глаза в просторное, без облачка, небо, отчего её взгляд стал задумчивым, не присутствующим, и, медленнее обычного растягивая слова, сообщила:
— Об этом вообще-то не спрашивают… Пока никто не видит, быстренько.

Мне показалось, что коснулся губами солоноватого узелка пионерского галстука, только мягче, даже мягче, чем шёлк… И вот тут она оттолкнула, поднялась, оставив на камнях мокрый контур, и в три прыжка, смеясь, оказалась в реке. Внезапно я почувствовал, что известный мне Жека куда-то пропал, вместо него телком к реке поплёлся некий манекен. Причём ему на этот раз было всё равно, купаться или не купаться. Окунаясь в воду, щурясь от брызг, которыми из ладошек Света на меня плескала, пытался поймать некую ускользающую сферу. Она отделялась от головы, размером с неё, только пустая до прозрачности,

и, подобно воздушному шарику, юлила над водой в только ей ведомом направлении. А голова при этом стала действительно пустой — напечённая солнцем, не могла выдать ни одной путной мысли, кроме странного: «А дальше-то чего?»

А дальше, устав прыгать с камня, к лежакам потянулась шумная ребятня. Хорошо, что и Светке она была незнакомая, чужая. Потому мы побрели назад, к дачам. Мне приспичило взять её за руку, но девчонка почему-то раздражительно вырывалась:
— Отстань, увидят!

Хотя я не понимал, что в этом плохого. Ну увидят! Ну так мы теперь… как бы это… вместе, что ли. Дружим, наверное. Либо та прозрачная сфера лопнула где-то мыльным пузырьком, либо листва деревьев при дамбе загородила тенью от солнца, потому как почувствовал, что оттолкнулся от важного слова, и понял, как быть дальше.
— А в городе сейчас «Опасные гастроли» идут. С Высоцким. Пацаны говорят — боевик про революцию. Пойдём завтра?

Ещё не услышав ответ, почувствовал, как отхлынула непонятная раздражительность сбоку, заметил, как чуточку ссутуленная при ходьбе спина с родинкой распрямилась… Вечером долго не засыпал, вспоминая солёный узелок галстука, представляя, как пробую его снова и снова, снова и снова.

…Высоцкий прыгал, дрался, стрелял, пел весёлые куплеты, а я держал белобрысую Свету за руку, и это было среди людей спрятано темнотой зала. Иногда поглядывал на её как бы отдалённый профиль, словно из другого мира, где мельтешат пылинки в луче кинопроектора, и понимал, что все мои картинки с актёрами, мечты о ролях в кино должны быть не только моими. Даже не так. Они больше не должны быть моими. А только Светиными.

На дачу не поехал в связи с поздним временем суток, поскольку провожания до дому затянулись благодаря каким-то немыслимым траекториям перемещения по городу в поисках тёмных парковых мест, где губы настойчиво пытались продолжить изучение влажного бантика. Но постоянно кто-то откуда-то появлялся. То подвыпившие мужики, шумно раздвигая кусты, искали место для отправления нужды и матерились при этом. То внезапно загогочут рядом более старшие парочки: пацаны с усишками, девчонки в чулочках. А то и вовсе, пыхтя и капая слюной, высунется в предел видимости и уставится подозрительно морда кавказкой овчарки, с трудом управляемой тщедушным мужичком. И только в подъезде, прижав к почтовым ящикам, до первого стука открывающейся входной двери наверху, удалось дважды её чмокнуть. Дверь спугнула, Света суетливо запрыгала по ступеням, махнула:
— Пока! — и исчезла, оставив жжение на щеках, лёгкую досаду с привкусом счастья.

Тем более что теперь я знал её телефон.

Из дома, не удержавшись, крутанул диск, набрал. Но никто не снял трубку. Минут через десять позвонил ещё раз — с тем же успехом. Мне и в голову не могло прийти, что стал обладателем несуществующего номера…

…А ночью дачу обокрали. Причём унесли — так, по мелочи. Ножик, ложки, корзинку для рассады. Пару окон разбили, обои отодрали кое-где. Недавно покрашенные полы нарочито облили оконной краской: зелёные пятна на коричневом. Особо мама жалела бабушкино настольное зеркальце, похожее на крупную подкову; говорила — венгерское, по наследству. Но я особо не слушал, с раскрытым от негодования ртом оглядывая разорванного Банрониса, одноглазого Штирлица, смятые куски моих афиш на полу. И выдавил из себя неприятный хлюпающий звук, только когда сообразил, что на месте фотографии Высоцкого, потупляясь, словно виноват, сморщился прямоугольник желтоватых обоев с сухими кристалликами клея. Ещё оставалась надежда, что хулиганы просто сорвали фотографию, смяли и кинули на пол вместе с остальными обрывками. Перебрал все, капая на куски былого богатства невесть откуда взявшимися слезами.

Вышел на балкончик, подставив лицо солнечным лучам, чтобы отупеть, не чувствовать обиды, особенно нелепой в прекрасный, идеальный по погоде летний день. И вот как потянуло… Будто бы та недавняя сфера-шарик выпрыгнула поплавком и поплыла, приманивая взгляд. В оконной раме дома с зелёной крышей, что наискосок, сиротливо торчала знакомая фотография. Не веря удаче, подбежал к соседям: точно! Наверное, хулиганы её обронили впотьмах, а Светка или её родители — нашли!

А тут и она, в смешных оранжевых перчатках, с лейкой, с косынкой на голове, вышагивает от грядок.
— Свет! Спасибо! Вы нашли мою фотку!
— Какую?
— Высоцкого!
— Ты о чём? Не поняла.
— Да вот у тебя в окне торчит!
— Так это моя. У меня такая же, как у тебя, есть.
— Ну там же подпись стоит! — догадался, а то уже и сам себя за идиота начал считать.
— Ах, ты не веришь?! — лейка под ногами, руки в резиновых перчатках — в бок. — Ну иди, смотри внимательно. Нет там никакой подписи.

Прошёл в ограду, не отрывая глаз от прямоугольника с изображением Высоцкого. Вблизи уже, у рамы, — впился. Уголок фотографии аккуратно обрезан. А артист на ней улыбается уже

не загадочно, а ехидно: мол, слабо тебе, Жека? Попробуй докажи!

— Вас обокрали, а я крайняя, да? Да это те пацаны с речки, наверное! Чужие. Не подходи ко мне больше! Понял?

...Итак, утром дойду до Ерохи, попрошу велосипед. Потом буду ждать вечера. Может быть, к сестре съезжу. А пока спать! Спать и не вспоминать больше тех почти незнакомых пацанов. Я—сумасшедший. Мне только показалось, что я их видел когда-то на общешкольных соревнованиях, болеющих за женскую волейбольную команду шестой школы. Тогда почему, если из одной школы, они не поздоровались со Светой на речке? Почему она сделала вид, что их не знает?

...У сестры сидел как на иголках. Старше меня на двенадцать лет, она недавно вышла замуж и жила теперь на окраине, в частном секторе, водилась с крохотной дочуркой и пекла вкусные, сладкие пироги. Не то что мама, у которой вечно то подгорит, то сахара столько, что в рот не возьмёшь. Возможно, увлёкся поеданием, потому как едва не опоздал на автобус. Задержался-то минут на десять, запыхавшийся от бега—жал кнопку звонка, но никто не открывал. Ероха, сволочь, уже куда-то смотался. А ведь говорил же ему утром, что мне важно. Очень-очень важно одолжить у него на пару часов велосипед. Вот что теперь делать? Вот тебе и «продумал всё до мелочей»...

Побрёл наугад по городу, опустив руки, сжавшись, словно ударили в «солнышко» и ещё не отошло. Ненавистные стрелки часов давно перевалили за девять. На последний автобус до дачи—до автовокзала не дойти уже, поздно. Пешком до посёлка—и говорить нечего! Отчим придёт с работы около двенадцати... У кого же ещё из наших есть велосипед? Перебрал на память всех одноклассников, кто что говорил, кто хвалился. Отбросил Влада, вернулся. Нет, только не Влад...

С ним лишний раз лучше не связываться. Ехидный, болтливый, всегда готовый поднять на смех. Талант—найти больную точку, конопатость, скажем, и поддразнивать, капать на нервы. Дрались даже. Давно, правда. Но после—вообще старались друг друга не замечать. А кто-то—Ероха тот же!—на первомайские сказал, что с Владом катафотками обменялся...

Ноги привели сами. Пару лет назад был на дне рождения, вспомнил квартиру. Звонка не было, постучал.

— Знаешь, Жека, велосипеда я тебе не дам,—с какими-то знакомыми киношными интонациями, но непривычно серьёзно, выслушав мой сбивчивый рассказ, вынес Влад вердикт.—Какой с тебя партизан? Твои конопушки за два километра видно. Точняк—опознают и предкам заложат. Сам поеду. Адрес скажи!

— Нет, Влад. Тут... самому мне надо. Дай велосипед. Просто—дай. Через полтора часа—верну.

— Да и чёрт с тобой,—Влад отмахнулся, словно я был не больше назойливого воробья.—Бери. Змий Упрямыч.

Никогда ещё я так быстро не работал педалями. Часы показывали без четверти десять.

...Нигде я такого больше не видел. Пожалуй, только в кино и хронике про рабочие забастовки первой революции. Толпа надвигается. Стихийно, лавиной. Людей жмёт друг к другу, исчезает меж ними пространство—стеной. И тут оружейные залпы жандармов—и люди врассыпную, отхлынули. И когда я смотрел по телеку про «кровавое воскресенье» и прочее, то невольно возвращался к крошечной своей памяти, не узнавая. Ведь всё было не так!

Самое первое, что я помню в своей жизни,— лицо сестры, огромное, склонившееся, чуточку страшное, потому что серьёзное. Ей почти пятнадцать, но для меня—взрослый человек, которого надо слушаться.

— Опять упал!—охнула, поднимая меня и укладывая в кроватку.

Но я не чувствовал боли. Я спал. И этот миг— встревоженное лицо сестры—как бы часть сновидений. Затем—именно воспоминания. Не обрывки ощущений, не связанные меж собой картинки, а логическая цепь. Утром сестра вернувшейся с ночного дежурства маме рассказывает, что я опять ночью падал. Мама посылает её к соседу дяде Диме спросить струганную доску. А вечером доска, втиснутая меж дужек кровати, отгораживает меня от пола.

Затем—неприятно трясущаяся голова соседкой бабушки, разноцветные глаза соседки, мосток через Маральник. Ступать нужно аккуратно, чтобы нога не попала в трещины меж брёвен. Дальше— вновь логика отступает. Я не помню свой трёхколёсный детский велосипед—только по фотографиям представляю. Но помню приближение земли к лицу—чётко, покадрово. Кровь на зелёной траве. Разбил лоб и нос. Велосипед просто разломился. Сам по себе. Дядя Дима его сварил аппаратом, но я всё равно больше к нему не подходил—предатель. В зеркале—у меня на лбу короста. Если её чуточку отковырять, то щиплет. С ней я не похож на других людей. Я—урод. А мне говорят, что—нарядный. Мы идём в городской клуб. Там скучно. Какой-то дядька играет на гитаре, как сосед Серёга. Голос неприятный, грубый. О чём поёт—непонятно. А потом вдруг становится смешно, потому что дядька запел весёлую песню про попугая и жирафа.

Когда мы заходили в зал, то люди сидели в креслах, никто никому не мешал передвигаться.

А тут вдруг все одновременно вскочили, вначале хлопали, а затем от людей стало тесно. И хотя в зале включили свет, я уже не видел ни сестру, ни маму, толпа зажала их, спрятала, потащила к выходу. Я вскочил на сиденье, чтобы их найти, и—растерялся. Люди выходили и в те двери, в которые перед концертом входили и мы, и в другие—у сцены. Кто-то раздвинул тёмную штору и открыл ранее невидимый проход. И мне показалось, что мама там, среди выходящих. Упёршись лицом чуть ли не в попу какой-то толстой тётеньки, я семенил за ней. Но, оказавшись в коридоре, решил тут и остаться. Мама будет меня искать. И ей проще меня увидеть не в толпе, а стоящим отдельно.

Уже и толстая тётка, и все остальные утекли по темноватому коридору. Он стал пустой и жуткий. За ним как из-под воды бубнили голоса, непохожие на людские, дробящиеся, однотонные. И вздрогнул, и готов был разреветься, когда неподалёку хлопнула дверь, из неё выскочил высокий дяденька и промчался мимо, завернув куда-то за угол, где виднелся краешек лестницы наверх. И я подумал, что у него надо было спросить, как отсюда выйти. Пусть даже к бубнящим, но не одному по гулкому коридору. Неподалёку послышался голос. Почти как у дяди Толи, что материт свою лошадку. Хриплый, в нос. Потянуло папиросой. И я вошёл.

Убежавший дверь не прикрыл, и в комнате, полулёжа на диване, курил дядька, который недавно пел про жирафа и попугая. Он меня увидел и замер от неожиданности, потом резко сел и спросил:
— Ты откуда такой… красивый?

В последнем слове послышалась улыбка. Я потрогал постоянно чешущуюся коросту и сказал:
— Меня Женька Высоцкий зовут.
— Как?!—гоготнул артист и отложил гитару.
— Ягений,—поправился; вспомнилось, что взрослым надо называть полное имя.

Правда, оно было сложным, и не всегда получалось сказать его правильно.
— Ну ты, малый, даёшь! Так не бывает!—засмеялся артист.—А мамка твоя где?
— Потерялась,—искренне сообщил.—А по коридору один идти боюсь.

Дяденька вроде как не собирался на меня ругаться, потому что, привстав, хлопнул по плечу:
— Ничего, Жентяй, не ссы, прорвёмся. И мамку твою найдём.

Наклонился к столу, давя в пепельнице окурок. И вдруг замер.
— Высоцкий, говоришь?

Подмигнул, подхватил авторучку, что-то быстро черканул на бумажке и протянул мне.

Читать я не умел, но на фотографии артиста узнал. Она была не совсем чёткая, сделанная вблизи. Часть причёски и шеи остались за кадром. Чуть отвернувшись, он смотрел как будто вдаль, но и косился на меня.

— Ну, пойдём… тёзка.

Взял за руку, и с ним коридор не показался страшным. Нисколечко.

…Путь можно было сократить по берегу вдоль дамбы. Моя гибкая «Кама» легко огибала бугорки и ямки, а на Владином «взрослике» пришлось жестковато. Явно не хватало роста, приходилось привставать, давая на педали. Грело только, что при этом ощущал себя ковбоем в вестерне. К тому же, приметив подходящие камни—крупные—среди гальки, рассовал парочку по карманам, отчего те оттопырились и вдавливались под пузо. Но терпел. Так должны терпеть ковбои кобуру с пистолетами.

И успел. Прибыл без пяти десять, успев отметить, как приученные к расписанию оранжевые «Жигули» Нефёдовых показали зад вверх по дороге. Соседи справа также вышли, чтобы успеть на последний автобус.
— Женя? Чего здесь так поздно?
— Мама просила воды накачать для поливки. И полы проверить—высохли или нет. Пришлось красить после погрома.
— Так и не нашли, кто это сделал?
— Нет,—потупился.

Моё мнение участковый даже не спросил. Хотя вряд ли я ему рассказал бы…
— Тётя Шура и другие, что ночуют, говорили, будто в тот вечер подростки на берегу костёр жгли, шумели, вроде как пили даже. И Светку Нефёдову там видели.
— А милиции чего же не сказали?
— Мал ты, Женька, не понимаешь…—соседка перебросила с руки на руку бидон с викторией.—Нефёдовых тронь только… Она главврач, он—в горкоме… Ну, пока, а то опоздаю…

А я поспешил к колонке, воду надо было накачать в бочку ещё днём, а тут как раз—по плану: можно дёргать рычаг и наблюдать, как соседка с бидоном и другие соседи скрываются за перекрёстком, спеша на остановку. На какой-то момент пришлось задуматься: докачать воды или уже к делу? И поплевал даже на ладони, на которые только что давила тугая ручка колонки, как заметил бабу Шуру, что всё лето жила на даче и в город не уезжала. Она шла к реке, волоча под мышкой огромный таз с бельём. Приспичило же постирать на ночь глядя! Вновь ухватился за тугую ручку, носик выплюнул в бочку очередную струю.
— Ты чего поздно так, Женька?!—проходя мимо ограды, поинтересовалась бабуля.

Вот всё им знать надо! Вот любопытные все не к месту! А когда нам стёкла били, носа, поди, никто не высунул.
— Полы проверил—высохли или нет. Сейчас на поливку докачаю и поеду.

— Днём надо было качать! Прошаландался где-то. Мы вот в колхозе, как солнце встало, в поле уже. И помладше тебя были…— ворчала, но уходила.

Видимо, в основном ответ её удовлетворил.

Интересно, услышит или нет? От реки далековато. Сколько она там полоскать будет? Некогда рассуждать, получается. Вышел на улицу, осмотрелся. Как написали бы в «Подвиге» — озираясь. Никого поблизости. Засунул руку меж штакетин, отвёл шпингалет, калитку толкнул. Бегом — за угол, к высокому окну. Камень освободил карман — полетел ровнёхонько в центр.

Мне представлялось, что как только камень стукнется о стекло, оно с грохотом разлетится на мелкие осколки — как в кино. Но глуховатый звук — бздынь — оставил небольшую дырку, даже трещинами не пошла, и ещё глуше повторился внутри, на полу. Не достать фотку! Не достать! Так что второй — пригодился.

На этот раз прицельно в верхний угол — бздынь. На цыпочках дотянуться, просунуть руку в отверстие… До этого всё шло ровно, голова и тело выполняли задуманное, подчиняясь. А как коснулся клочка бумаги с изображением артиста — словно отскочил в прошлое, к вискам прильнули волны, наталкиваясь друг на друга.

…В кинохрониках толпа нисколько не напоминала ту, что меня чуточку испугала. Настолько, что потом иногда снилась. Она была неправильной, непривычной. И непривычность, как я потом понял, имела лицо. Не раз до и после приходилось видеть, как люди сбегаются к прилавку, если «выбросили» какой дефицит. Толкаются, теснят, бранятся — каждый за себя, а в целом — безлико. После просторного и пустого коридора она возникла передо мной как-то сразу, стоило артисту толкнуть дверь. Напротив, ближе к входу, сидела вахтёрша, и телефон у неё звонил. За ней во всю стену — зеркала, под ними — лавки. И люди, получившие одежду, уже в шапках, распахнутых пальто, обматывали шеи шарфами. Гардероб — справа, и там гул. Некий пчелиный улей, где всё логично: одни — ждут, другие — отходят, с удовлетворением неся в руках верхнюю одежонку, словно тот упомянутый дефицит, словно — не отдадут, так и выгонят на мороз неодетыми.

И тут почти одновременно повернулись отовсюду — от зеркал, от гардероба, и даже вахтёрша выпучилась, подняв трубку, не поднесла её к лицу. Гул стих сам собой, дрожью, электрической цепью пробежало по телам нечто и дёрнуло их к нам. Забыв про шарфы, вещи в руках, люди неосознанно засеменили полукругом, теснясь плечами, в шапках и без, тихо, словно зажмурившиеся. Но как только вахтёрша зачем-то сказала: «Алло»,— объединяющий их ток заставил ускориться: они почти уже бежали к нам, они вот-вот втиснули бы нас назад, в коридор, если бы мы отступили. Вернее, это я невольно прижался к ноге дяденьки, стремясь спрятаться за него. Но одна рука прижимала к груди непонятную фотографию с буквами, а другая была втиснута в его ладошку, не особо позволяя маневрировать…

И сейчас мне внезапно захотелось куда-то спрятаться, рука с фотографией задрожала, стала почти чужой, лишней. Как верёвку, как канат на физре, я потянул её на себя прямо по краю получившейся дыры — защипало, на стекло брызнуло красным, и только тогда ощущение себя целого вернулось. Под окном рос ревень; рванув лопух, прижал его к ране и понял, что — времени не осталось. Баба Шура могла услышать, прополоскать, вернуться. А мне ещё — закрыть за собой калитку; в свою ограду выкатить велосипед и свою калитку закрыть. И непонятным стало, куда деть фотографию. Запихнул не глядя в карман, на велосипед — и по дороге до асфальта.

Механически привставал, давя педали, прислушиваясь к себе новому, навсегда потерявшему ту волшебную полую сферу, что крутилась вокруг головы. А без неё хотелось плакать. Над телом, которое оказалось мерзким, противным, измазанным. Решил, что Влад подождёт,— мне надо к реке, умыть лицо и руку от крови сполоснуть. Сделал крюк — по какой-то незнакомой улице разогнался до того, что перемахнул через насыпь дамбы прямо на велосипеде. Не совсем удачное место — не раз его проезжал мимо. Здесь никто не купается: берег обрывистый, можно спуститься, лишь держась за корни одинокой облезлой сосны. Но ничего не оставалось.

Руку посёк прилично. Мама всегда заставляла носить с собой носовой платочек, и вот он-то мне как раз сейчас и пригодится. Но в кармане что-то мешало, было лишним. Вместе с платком из него выудилась помятая, с конопушками крови фотокарточка. Отчего улыбка артиста стало немного грустной, растерянной. Он как бы хотел сказать: «Ну как же это, Жека? Гнилой ты пацан, оказывается. Во мне разве дело-то?»

И действительно. Зачем мне такая его фотография? Мятая. Без подписи. Пока перетягивал запястье платком, зубами помогая пальцам завязать, лицо актёра ещё плыло вдоль берега, порой даже поглядывая на меня, если попадало под отражение просыпающихся на небе звёздочек. И когда исчезло совсем, я повернулся к сосне, проверяя, не спёр ли кто прислонённый к ней велосипед, и вздрогнул, когда над ухом гаркнуло:

— Кто ребёнка потерял? Чей мальчик?

…И тут ток, гнавший людей на нас, запустился в обратную сторону. Обступившие люди внезапно остановились, их ещё теснили сзади, но первые

ряды стойко держали напор, сами готовые отступить ещё, но не могли и от этого дёргались, крутя головами:
— Ребёнок! Ребёнок! Чей мальчик?

И вот это стало моим самым первым воспоминанием: настолько необычно было, как люди, бежавшие на нас, резко подались назад, словно морская волна, занеся пены над берегом, внезапно передумала и опала бессильно. Притом — создавая новый рисунок. Портрет человечности. Растерявшись, я поднял голову и увидел снизу лицо артиста. Подняв вверх руку, он не был похож на того, кто рассмешил жирафом, подмигивал мне и дарил фотографию. Губы поджались, уводя вниз уголки рта, ноздри раздуты — почти такой же страшный, как и моя сестра из сна-воспоминания, поднимающая меня с пола и укладывающая в кровать.

Толпа чуть раздвинулась, выдавив из себя маму. Та бежала как прижатая, согнув колени. Она плакала и ничего не сказала артисту, даже спасибо.
— Твой? — сверху сухо. — Следить надо!

И крепко державшая меня ладонь разжалась. Я обернулся, чувствуя, как мама хватает меня за плечи, но рядом больше никого не было. Потянул было голову, чтобы заглянуть в коридор, но мама уже волокла, тащила к людям, которые продолжали свои дела: воссоздавали очередь у гардероба, запахивали пальто. Но по-другому как-то, менее шумно, и показалось — невесело, похожие на тех, кому не хватило дефицита.

— Ну как? — спросил Влад.
— Нормально. Руку только чуткá ободрал. Забирай велик.
— Подожди. Проходи давай, показывай, — буквально втащил в квартиру.

Хотел сказать ему, что показывать нечего, фотографию я выбросил.
— Руку показывай, говорю! — он дотянул меня до табурета в прихожей. — Бинт сейчас принесу.

Пока деревянными пальцами пытался развязать узел на пропитанном кровью платке, он уже вернулся из комнаты.
— Давай, горе ты моё…
— Сам я. Спасибо. Пойду уже.

Влад был не таким, как всегда. Пока я ездил, его, наверное, кто-то подменил.
— И куда ты торопишься? Семеро по лавкам? У меня предки в командировке. Всё зверушек отлавливают.
— Отчим скоро придёт. Искать будет. Отругают.
— А к тебе можно? — Влад справился с узлом и смотрел на него любовно, словно Джоконду нарисовал. — В прошлый приезд они мне магнитофон задарили. И кассеты с ним есть…

Раньше я таких записей не слышал. Там артист не просто пел, но ещё, между, говорил с залом. Поскольку Влад пообещал магнитофон на пару дней оставить, я особо и не прислушивался пока. Отчего-то мы с Владом говорили сами. И не могли наговориться. Говорили всю ночь.

А в какой-то момент, когда Влад отлучился до туалета, артист на кассете, чувствовалось — улыбаясь, сказал: «Сейчас будет последняя песня — и мы расстанемся. Вы только детей в зале не забывайте».
— Чей мальчик? — почему-то спросил я у магнитофона.

Александр Матвеичев

И возвратится прах в землю…

Unsolved secret detective story

Памяти В. А. Павлова

Ибо человеку, который добр перед лицем
Его, Он даёт мудрость и знание и радость;
а грешнику даёт заботу собирать и копить,
чтобы [после] отдать доброму перед лицем
Божиим. И это—суета и томление духа!

Ветхий Завет. Еккл. 2:26

1.

Из истории Английского клуба в лицах. Второй родной язык в судьбах clubmen'ов

Полное название Английского литературного клуба, более сорока лет назад нашедшего приют под добрым крылом научной библиотеки Красноярского края, звучит весьма пышно: *English Literature Speaking Club*. По-русски говоря, *Club*—единственное прибежище для бесхозных, вроде меня, любителей литературы на «инглише». Здесь принято обсуждать прозу в оригинале, написанную на английском языке авторами из разных стран: Англии, Соединённых Штатов, Канады, Австралии. А это—романтик Эдгар По, неоромантик Роберт Стивенсон, поэт-романтик Генри Лонгфелло, трагический стоик-гуманист Эрнест Хемингуэй, психолог и символист Уильям Фолкнер, социолог и бытописатель Джон Голсуорси, мастер самооценки и житейского опыта Сомерсет Моэм, страдалец по «потерянному поколению» Ричард Олдингтон, разоблачители «американской мечты» Теодор Драйзер и Фрэнсис Фицджеральд, защитник молодого поколения Джером Сэлинджер, мастер детективного жанра Агата Кристи, певица природы и людей Австралии Катарина Причард… Много их, всех не перечесть—и классиков, и менее известных ловцов человеческих душ,—прошло, способствуя углублению знания английского, сквозь наши мозги и чувства.

Программную установку на изучение и выработку собственного суждения о литературных произведениях известных кудесников пера сформулировал в своих инженерно-профессорских мозгах, обогащённых языком британцев, первый президент клуба Владимир Андреевич Павлов. А в постсоветское время это блюдо он, несмотря на возражение единственного оппонента-коммуниста, приправил чтением глав из *Holy Bible*—Священного Писания. Полторы сотни наиболее известных эпизодов, описанных в этой Книге Книг, мы намеревались в течение нескольких лет прочесть и обсудить на английском языке. Когда озадаченные этим предложением «клубисты» спросили президента, уж не ударился ли он, как и все новоиспечённые лидеры страны—выходцы из безбожной компартии, в религию, Павлов сухо ответил:

—*I'm an agnostic.*

Все сделали вид, что поняли его философско-религиозное кредо, дабы взять тайм-аут и заглянуть в толковый словарь или энциклопедию. Оказалось, что наш президент, когда-то сдававший кандидатский минимум по насквозь материалистической марксистско-ленинской философии, признавал себя *агностиком*—убеждённым идеалистом. Значит, он признавался в своём неверии в познаваемость объективного мира, а верил лишь в изучение его отдельных явлений. Что он и делал, став известным в научном мире специалистом по пространственным зубчатым передачам… Или, как подумалось мне гораздо позднее, он давно уверовал в библейское предупреждение, что «человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он всё-таки не постигнет *этого*, и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть *этого*».

Одна из давних «членш» клуба, Любовь Ивановна Карнаух, за пару лет до начала библейского периода в истории нашего клуба побывала в Финляндии, познакомилась там с ирландским священником-миссионером отцом Майклом—*Father Michael*, получив от него «погоняло» *Sister Luba*.

До этого знаменательного знакомства рядовая атеистка советской закваски товарищ Карнаух по велению и хотению *Father Michael*'а уже через неделю, поскольку у неё кончалась турпутёвка, без проволочек и формальностей прошла процедуру баптизации—крещения—в католическом костёле. И, по её признанию, благодать Божья снизошла

на неё. Из вспыльчивой, крикливой учительки-«англичанки» тридцать пятой английской школы Красноярска она превратилась в приветливую, улыбчивую леди. Оказалось, что полюбить ближних как саму себя не так уж и трудно, когда твои тело, душа, сердце и дух полны любви к Святой Троице.

Мы, *clubmen'ы* — члены клуба, — почувствовали духовное преображение Любови Карнаух на себе: прежде непримиримая спорщица, теперь она в жарких дебатах с неизменно кроткой улыбкой призывала нас к смирению гордыни и сохранению равновесия духа и плоти.

А потом и чудо не заставило себя долго ждать. Новоиспечённой католичке потребовалась срочная операция на сердце, каких в России не делали даже за большие деньги. Сестру Любу, по рекомендации о. Майкла, спасла ирландская католическая община. Она даровала Любови Ивановне деньги на дорогу, её тепло встретили в аэропорту Лондона, привезли в Дублин, поселили — на халяву, конечно, — в прекрасном отеле.

Пока шла подготовка к операции, сестрицу кормили, пичкали лекарствами, развлекали поездками по Ирландии и как сенсацию показывали по телевизору: ещё бы! — измождённая болезнью сибирская медведица пожаловала на излечение в туманный Альбион. А потом — за пятьдесят тысяч долларов или даже фунтов, точно не помню, пожертвованных женским монастырём, — ей сделали операцию в самом дорогом госпитале. И *Sister Luba* уже через неделю снова жила в отеле и давала интервью дублинскому телевидению. Католики не прогадали: реклама их благотворительности в другом виде обошлась бы церкви гораздо дороже. Да и граждане свободолюбивой Ирландии были в восторге: надо же, русская католичка из ледяной Сибири ещё и на классическом инглише «спикает»!..

А теперь, когда *English Club* начал изучать Библию, Любовь Ивановна по просьбе Павлова и клубменов заказала доставку по почте с десяток экземпляров в синей ламинированной обложке из Ирландии и распродала нам их по дешёвке — по десять тысяч рублей (всего-то пара долларов) за экземпляр. Мне, слава Богу, тоже досталась эта книга в те незабвенные времена, когда почти все дорогие россияне в одночасье стали миллионерами и владельцами бесценных приватизационных ваучеров. Прежде всего, за ваучеры россияне до сих пор клянут и восхищаются рыжим Толиком Чубарчиком: надо же так изящно, легко устроить «кидалово» ста пятидесяти миллионам любимых соотечественников!.. С погружением в библейские заветы, заверяю вас, этот трюк и другие фокусы эпохи великих потрясений переживаются как данность свыше, как суета сует.

Посещал наш клуб и католик с рождения отец Иоанн, поляк, крошечный старичок, ещё пацаном чудом выживший в нацистском концлагере и потерявший в пламени войны всю родню. Повзрослев, он, после послушания в монастыре, постригся в монахи, стал миссионером. Служил в этом качестве в Канаде, в Корее, в Индии, в какой-то африканской стране. А в годы перестройки Господь заслал его в Россию, к нам в Сибирь. Мы звали его на английский манер: *Father John*. Он и в клуб приходил в чёрной сутане с простым католическим распятием на груди — неправдоподобно миниатюрный, с доброй улыбкой. И в то же время исполненный достоинства и очень уверенный в себе, как всякий много переживший и побродивший по свету бедуин от религии.

Поначалу его довольно беглый английский, как, впрочем, и русский, понимали лишь избранные, но со временем привыкли и с удовольствием слушали рассказы об экзотических безгреховных похождениях священнослужителя. На заседаниях он иногда месяцами отсутствовал, оправдываясь тем, что его миссионерство связано с распространением католицизма на красноярском Севере, в селениях по берегам Енисея.

Именно оттуда, с Севера, пришла страшная весть, попавшая на ТВ и в газеты. Отца Иоанна пытал, привязав к стулу, а потом зарезал бывший зэк, которого после освобождения из лагеря священник приютил в храме истопником и уборщиком. Отморозка поймали, судили, посадили. На суде убийца признался, что хотел из своего благодетеля выдавить церковное «бабло», но так ничего и не получил. Испугался, что старик выдаст его, и перерезал ему горло.

Я долго не мог прийти в себя: человеку довелось пережить Бухенвальд, индийские джунгли, не стать лакомством для африканских каннибалов, а принять мученическую смерть в стране высокой духовной культуры, населённой добрыми людьми. Одно дело — читать или слушать подобные истории о незнакомых людях, а когда это происходит со знакомыми, смертельная опасность терзает твоё воображение, как бандитский нож.

Все эти случаи — из конца прошлого века!.. Главное, смею вас заверить на собственном примере, — интересное и полезное дело — изучать иностранный язык! И в душе с глубоким прискорбьем признаваться себе, что ты и родной-то речи толком не знаешь…

Пути Господни неисповедимы, а человеческие — тем более. И в клуб наш люди попадали, как правило, благодаря господину случаю.

Меня, например, в *English Speaking Club* осенью 1972 года завлёк Саша Кижнер, мой подчинённый с дипломом учителя английского, сбежавший из школы в Покровке после трёх лет обязательной отработки по окончании инфака пединститута. Основанием для приёма этого, как потом оказалось,

гиганта мысли на работу в возглавляемый мной отдел на должность инженера-постановщика задач автоматизированного планирования и учёта на предприятиях цветной металлургии послужило то, что Кижнер учился на факультете экономики заочного отделения Иркутского института народного хозяйства. Он шутил, что после получения диплома хочет приравняться к Карлу Марксу и написать свой вариант «Капитала» для условий развитого социализма, где, как утверждала компартия, экономика должна быть экономной, а масло масляным.

Предпринимательская жилка у продолжателя марксизма в новых исторических условиях появилась ещё в утробе матери. Главный её постулат — персональная материальная заинтересованность в качестве и количестве затраченного труда: сначала подумай о личном, а Родина пусть подождёт…

Сам он уродился запойным трудоголиком. Так, параллельно с преподаванием в школе Кижнер ухитрялся заниматься репетиторством и учить студентов-медиков латыни, едва познав её азы, дабы пополнить свой семейный бюджет: зарплата советских учителей держалась стабильно хорошей, но маленькой. Эта уважительная причина и подвигла его к поступлению на заочное отделение Иркутского института народного хозяйства, чтобы развивать труды Адама Смита и Карла Маркса для блага новой общности человеческой расы — советских людей. И если эти два светила оставались просто экономистами, то длинноволосый, бородатый и носатый Александр Кижнер через десяток лет свой карьеры по спирали на этом поприще стал и ведущим, и главным экономистом-программистом. А в постсоветское время — хозяином собственной фирмы по разработке и продаже бухгалтерских программ бюджетным организациям края. И если бы не трагическое ДТП, убившее его в расцвете интеллектуального бизнеса, — кто знает, может, и стать бы ему одним из олигархов в нашем нищем Отечестве.

К сожалению, за много лет до своей гибели он прекратил из-за занятости бизнесными хлопотами посещать наш клуб. А в Штатах, по его словам, некоторыми лицами подвергнутым сомнениям, побывал задарма, якобы выиграв в девяностых годах путёвку в телевизионном конкурсе «Кто лучше знает США?».

Английский мне довелось изучать в суворовском и пехотном училищах. А через пять лет службы в пехоте — на радиотехническом факультете Казанского авиационного института. Но это было давно и почти неправда: известно, на каком уровне находились знания иностранного у большинства спецов, окончивших вузы. И я от них ничем не отличался: желание знать язык уступало лени на его зубрёжку, увлечению литературой и постоянной — ответной или безнадёжной — влюблённости в юных дев.

А в начале семидесятых нужда в английском возникла для сдачи кандидатского минимума и для преподавания его моей дочери Тане. Я начал пытать её этим языком с пяти лет по прекрасному учебнику Валентины Скультэ «Английский для малышей». И вскоре понял, что наши знания сравнялись и что для поддержания родительского авторитета мне самому нужно следовать указанию мавзолейного великого вождя: учиться, учиться и учиться.

Клокотали во мне и амбиции кадета, семь лет проходившего суровый тренинг в Казанском суворовском училище. Как это господа дворяне, недоумевал я, Пушкин, Лермонтов, Толстой ухитрялись говорить и писать на французском или английском стихи и прозу? И почему бы мне, крестьянскому сыну, не одолеть всего-то один английский и хотя бы этим на сантиметр приблизиться к моим литературным кумирам белой кости?..

Саша Кижнер приходил в мой тесный кабинет и терпеливо воспринимал, вежливо подправляя, моё чтение вслух с произношением на славянский манер, а потом — и корявый пересказ глав из романа Сомерсета Моэма «*The Moon and Sixpence*» — «Луна и грош». Дал мне и полезный совет: вечерами регулярно слушать «Голос Америки» на английском языке — на этой волне вражескую радиостанцию гэбэшники не глушили. Диссидента продажные дикторы из меня не сформировали потому, быть может, что тараторили слишком быстро, и я успевал выхватывать из потока речи, как мелкую рыбёшку, лишь отдельные слова и банальные клише. А для непрерывного тренинга мы с Кижнером условились: где бы и при ком бы ни находились, говорить друг с другом только на английском. Это весьма раздражало некоторых из моих подчинённых, особенно женщин: они подозревали, что в их присутствии мы обсуждали их очевидные достоинства и скрытые недостатки. Однако на их переживания дружно «клали с прибором», призывая присоединиться к нам под древом познания.

Мелкая зависть и месть не заставили себя ждать: в новогодней стенгазете, контролируемой партбюро КПСС, появилась злая карикатура с не менее ехидным стишком под ней с намёком, что мне и Кижнеру место не в великом и могучем Советском Союзе, а за «бугром». Удобнее всего — в Израиле: там, в Земле обетованной, уже несколько лет назад, покинув навсегда украинские Черновцы, обосновались родители и брат Кижнера. Но я-то, чистокровный *Russian*, мог эмигрировать из Сибири разве что на свою родину — в тогда ещё советский автономный Татарстан…

Через год упорных занятий с шести до семи утра перед работой и неограниченно — дома по

вечерам и выходным, а также ежедневного общения с Кижнером и регулярных посещений клуба по четвергам с восемнадцати до двадцати часов, я, как мне почудилось, удивил преподавателей кафедры иностранного языка института цветных металлов. Нагло заявил, что кандидатский экзамен готов сдавать, разговаривая с экзаменаторами только на английском. Экзамен проходил вместе с группой людей — подвижников науки, которые год платно учились по вечерам на кафедре. А с меня за приём экзамена взяли всего десятку.

Прочитав предложенные вытянутым мной билетом статьи из американского журнала об автоматизированной системе управления крупным госпиталем и политические заметки из советской газеты «*Moscow News*», я пересказал их содержание на английском, прибегнув к некой хитрой уловке, обеспечившей успех. А от описания моего времяпровождения в выходные дни, клянусь вам, заведующая кафедрой и другая преподавательница искренне посмеялись. И живо поинтересовались, где я так насобачился «спикать». Оказалось, что кандидат педагогических наук, зав. кафедрой Лидия Макаровна Ермолова и её коллега Елена Павловна Кодман, тоже к. п. н., иногда посещали наш клуб. Так что на каком-то заседании они лицезрели меня, как старого знакомого, и беседовали на «инглише» на равных. С ними пришла и третья преподавательница, Молчинская Ольга, тоже из числа первых *clubwomen*.

2.

Роль личностей в истории Английского клуба

Душой клуба, его непререкаемым авторитетом был Владимир Андреевич Павлов, мой одногодок, доцент кафедры ТММ — теории механизмов и машин — политехнического института. Студенты со времени оного расшифровывали эту аббревиатуру на свой лад: *тут моя могила*. В этой могиле на третьем курсе Казанского авиационного института мне довелось побывать; еле из неё выбрался с «трояком» в зачётке.

Павлов же являлся президентом и основателем клуба в краевой научной библиотеке, при энергичном участии таких его ветеранов и патриотов, как Анатолий Ефимович Бережной, Виктор Васильевич Бондаренко, Любовь Ивановна Карнаух, уроженцев Украины милой, и менее знакомых мне клубменов: Николая Калинина, Ларисы Аполлоновой и преподавателей английского языка из разных вузов города.

Пожалуй, во имя торжества справедливости стоит упомянуть, что корни нашего сообщества уходят ещё глубже — к давно покойному академику АН СССР Леониду Васильевичу Киренскому, Герою Соцтруда, первому директору Института космофизики Российской академии наук и основателю красноярского Академгородка. Замысловатый памятник, имитирующий бетонной завитушкой строение атома, и могила Киренского перед зданием Института физики ещё долго будут напоминать учёной братии о человеке, получившем дар Божий насладиться от трудов своих, а также и бренности нашего существования в этом мире юдоли и скорби. И о том, что были люди в наше время: это Киренский создал в Красноярске школу магнитологов, сделал открытия в области магнетизма, стал пионером в управлении биосинтезом физико-техническими методами.

А как, врубитесь, занимаясь таким малопонятным для обывателя спектром наук — и не владеть английским языком для общения с коллегами из разных стран на частых симпозиумах? Или смотреть, «как в афишу коза», на оригиналы статей в зарубежных изданиях?..

Незадолго до смерти в 1969 году — шестидесятилетним, полным сил и великих замыслов учёным,— Киренский, как я разумею, спохватился и под своим патронажем организовал Английский клуб. Заседания этой неформальной ячейки проходили, как мне сказал Виктор Бондаренко, в научгородке, в столовой Института космофизики.

Но Павлову и его единомышленникам тот клуб через какое-то время, уже после кончины академика, пришёлся не по вкусу. «Протестанты», отколовшись от «киренцев», и создали наш сепаратистский *English Literature Speaking Club*. К этому времени Павлов поступил на заочное отделение пединститута, решив подтвердить и усовершенствовать свои познания в английском. И трансформироваться из *amateur* — любителя — в *professional* — профессионала.

Судьба ему благоволила. Он оказался в одной группе с молодой белокурой стройненькой женщиной, Ларисой Ивановной Аполлоновой, недавно приехавшей с малолетними сыном и дочкой из Австралии. Она откликнулась на вызов отца, когда его выпустили из ГУЛАГа после смерти Сталина и позволили поселиться в Красноярске, где его ждала жена.

В гостеприимном советском лагере казак Иван Каледин, мирно живший с семьёй в Харбине, оказался за компанию с другими тысячами русских эмигрантов сразу после прихода в сорок пятом году советских войск в Маньчжурию. Из Китая чекисты отправили на расстрел или за колючую проволоку почти всё мужское поголовье россиян первой и второй волн эмиграции. А после установления коммунистического режима Мао Цзэдуна в сорок девятом, по соглашению с Никитой Хрущёвым, русских стали выживать из Китая добровольно-принудительными мерами. В Советский Союз их, выдав мизерные подъёмные в «деревянных» рублях, везли эшелонами в Сибирь и Казахстан, на целинные и залежные земли, без

права проживания в городах. А желающие отправиться, как правило — к своим родственникам, в капиталистические страны должны были выложить выкуп китайскому правительству валютой и лишиться всей недвижимости.

Лариса Ивановна молоденькой девушкой из Харбина уехала к тёте в Австралию, окончила там гимназию, вышла замуж. Несмотря на отказ мужа последовать за семьёй, Лариса, несколько лет спустя после замужества, по зову дочернего сердца махнула с детьми с жаркого зелёного континента в покрытый снегом и сибирским морозным паром Красноярск.

Существовал ли между Ларисой Аполлоновой и Владимиром Павловым любовный роман или просто установилась дружба — осталось для клубменов тайной. Но то, что долгое время они появлялись на заседаниях клуба и уходили по окончании посиделок вдвоём, в памяти старых «клубистов» отложилось прочно.

Главное, что заинтересованное участие Ларисы в жизни клуба было для всех Божьим даром. Въезд иностранцам в Красноярск партией и гэбистами был наглухо закрыт, а тут с нами сидела и беседовала на равных недавняя австралийка, носительница языка! Внимай, впитывай, наслаждайся!.. Валерий Пэшко, окончивший этот же пединститут и высшие трёхгодичные курсы иностранных языков в Москве, считает, что в те годы она была, пожалуй, лучшей переводчицей в городе. Так что во владении языком этой студенткой некоторые преподаватели в сравнении с нею выглядели весьма бледно.

Для Павлова, как вспоминают клубмены лет тех давних, внезапный приезд в Красноярск мужа Ларисы Ивановны явился ударом. Тем более что бродяга-супруг не мог бы оказаться здесь без её вызова. С тех пор Лариса перестала ходить в клуб, продолжая работать в пединституте на том же факультете, который закончила. Однако муж её в семье надолго не задержался. Каким-то обманным путём он сумел пробить в советское время «железный занавес» и вернуться в Австралию, оставив в Союзе в заложниках жену и детей. А потом прислал письмо из Японии с известием, что он работает там переводчиком. Неужели он знал и японский?.. На этот вопрос я внятного ответа не получил.

Сейчас никого из Калединых и Аполлоновых в Красноярске не осталось. Умерли старики, умер и сын Ларисы Ивановны. Дочь с её красноярским мужем эмигрировали в Канаду. А недавно и Лариса Ивановна в возрасте, близком к семи десяткам, навсегда вернулась в Австралию. И коллеги её понимают: конечно, дым Отечества и сладок, и приятен, да разве можно в России достойно существовать на преподавательскую пенсию?..

Вот так же около двадцати лет назад исчез в Германии ещё один из отцов-основателей *English Literature Speaking Club'a* — гитарист, весельчак и преподаватель английского языка в радиотехническом техникуме Николай Калинин. С трудом накопил деньги и уехал к немцам лечить язву желудка. И не вернулся. Наверное, побоялся снова нажить её на наших продуктах. Преподавание английского в техникуме Калинин довёл до такой степени, что некоторые учащиеся защищали дипломы на «инглише» и получали свидетельства переводчиков. С отъездом Калинина всё встало на свои места: иностранный язык ушёл, как и во всех советских школах, на тридесятый план.

Исчезновение Калинина «за бугром» стоили Любови Ивановне Карнаух душевных мук. Она душой и сердцем прикипела к донжуанистому барду, без утайки своих чувств, всерьёз и надолго. Он написал ей несколько писем с просьбой прочесть их в клубе и навсегда замолк. Для парней с таким характером и широтой интересов найти поклонниц в любой части земного шара — не проблема. К тому же он, как мне запомнилось из его письма, был озабочен форсированным изучением другого языка — немецкого.

Постоянной резиденцией *English Literature Speaking Club'a* стал отдел иностранной литературы при краевой универсальной научной библиотеке.

Лучшего места не придумать. Здание в административном центре столицы края, включающее в себя библиотеку, начали строить ещё до Великой Отечественной, а достраивали — говорят, при участии пленных японцев, — уже после войны. Этот тяжеловесный хмурый домина со всеми атрибутами сталинской архитектуры — ордерами с карнизами, фризами, архитравами, капителями, толстыми колоннами, базами — обращён фасадом к площади Революции, оккупировавшей территорию старинного базара.

Читальные залы книжного храма всегда переполнены интеллектуалами. Членство в Английском клубе нефиксированное, добровольное. Актив его оставался почти неизменным. А временных членов хватало с избытком: студенты, преподаватели, инженеры. Даже ученики из двух красноярских школ с усиленным изучением английского в советские годы обычно переполняли душную угловую аудиторию на четвёртом этаже, в правом крыле здания. Окна комнаты взирали на центральный парк и на площадь с чёрным памятником вождю мировой нищеты. На моих глазах его торжественно открыл народу, согнанному на митинг, первый секретарь крайкома Долгих в семьдесят первом году двадцатого века. Вообще-то открытие памятника планировалась на семидесятый год — к столетию Ленина, но он пришёлся по душе кому-то из региональных лидеров, находившихся ближе к телу Брежнева. Поэтому оригинал памятника

оказался в другом городе. А Красноярску через год была дарована его копия.

Взгляд вождя устремлён в счастливое будущее всего человечества, а зад—к крайкому КПСС. К нашему клубу монумент стоит до сих пор левым боком, напоминая членам о том, как английский пригодился ему в беседе с писателем Гербертом Уэллсом в Московском Кремле о России во мгле.

Теперь мне кажется странным, почему люди—и я в их числе,—имеющие почти нулевые шансы не только на выезд за границу, но и встретить иностранцев в закрытом для них Красноярске, так стремились выучить английский… А как только «железный занавес» пал, интерес к нашему клубу довольно скоро снизился. Хотя возможность улучшить свои знания и разговорные навыки в нём можно любому «на халяву». Впрочем, и частных курсов и школ, обещающих научить любому языку за месяц, молниеносно расплодилось в городе несть числа.

Пожалуй, я не совсем точен: в начале девяностых появились забугорных дел активисты. Мне запомнились трое. Первый из них—Валерий, преподаватель политехнического института, к. т. н., программист. По договору с какой-то американской фирмой, он работал над составлением по её заданию компьютерных программ. Заодно подал по каким-то каналам заявку на перетекание собственных мозгов в мозговые резервуары США и Канады. Долго ждал, а в один из четвергов появился на заседании клуба, лучась голубым сиянием и нимбом вокруг усато-очкастой физии:
—Наконец-то! Получил приглашение почти в один день в обе страны. Куда вы посоветуете податься?..

Меркантильное перевесило: американцы предлагали больше долларов в конторе по разработке *software*—программного обеспечения—в Лос-Анджелесе.

И укатил Валера в страну чужую. Но жене не изменил. Хотя, как мне наедине признавался, жил с ней отвратительно. Даже и не контачил с ней долгое время в сексуальном смысле данного слова. Может, поэтому она ехать с ним за океан наотрез отказалась.

Однако через год Валера вернулся и забрал жену и сынишку из хрущёвки в Северо-Западном районе в какой-то дистрикт Лос-Анджелеса. В клубе он общался уже без напряга, весьма бойко на американском английском, с прежним ужасным произношением, сказав, что янки на такое «пронансиэйшн» внимания не обращают. Как и мы—на акцент и искажение русского кавказцами, азиатами и другими народами мира.

Потом—через год или два—Валерий снова удостоил наш клуб своим посещением. Сказал, что приехал из Штатов в связи с кончиной отца и для продажи его «хрущобы» в предельно короткий срок: в Америке длительные отпуска не в почёте—махом останешься без «джёп» (без работы то есть).

А второй мужик, убеждённый холостяк, с неряшливой светло-русой бородой, геолог или геодезист лет сорока, усовершенствовав английский самостийно и в нашем клубе, лет двенадцать назад махнул в Австралию туристом со стратегическим замыслом—никогда из страны кенгуру и бушменов не возвращаться. Однако в Австралии с давних пор хотят поселиться жлобы не только из России. Геодезиста австралийцы изловили и без долгих проволочек экстрадировали из Сиднея в Красноярск—из тропической жары в неполярный мороз.

Только не на того напали! На следующий год, накопив денег в таёжных экспедициях, он—тоже как турист—пробрался в Соединённые Штаты с целью навсегда остаться там. Он в клубе открыто, до боли непатриотично, выражался о нашей прекрасной Родине: «*I hate Russia!*..»—«Ненавижу Россию!..» И ни один патриот за такое богохульство ему хлебало не начистил—у нас же в клубе свобода мнений, либеральная, а не суверенная демократия!..

Короче, остался он в Америке и выжил благодаря золотым рукам и умению адаптироваться в экстремальных условиях. Сначала, если верить его письмам, работал два-три месяца нелегально плотником и столяром в каком-то кемпинге—строил домики в лесу для автотуристов. Полиция его едва не загребла, но он скрылся в Чикаго и там чем-то промышлял. Наконец, попал к хорошему хозяину, получил грин-карту—вид на жительство. Водительские права у него были, и сбылась его мечта: наш геолог-геодезист получил возможность бродить не по таёжным распадкам и буеракам, а на машине какой-то рекламной фирмы колесить по всем штатам нашего вероятного противника. И дразнить бывших коллег восторженными посланиями с описанием прекрасной страны, где всё делается во имя человека и на благо человека. А наш народ в те девяностые сосал лапу или нечто другое, и того срамнее.

А года полтора назад в клубе мелькнула лёгкой бабочкой симпатичная девчушка, студентка, с милой откровенностью признавшаяся, что английский нужен ей для замужества с иностранцем. Она уже завязала по Интернету дружбу с несколькими претендентами на её руку и сердце. Английский у неё был так себе, зато журчала ключом уверенность в неотразимости отдельных частей своего *body*. И вскоре бабочка исчезла за виртуальным горизонтом клубного пространства—знать, некий интернетовский жених завлёк-таки малышку на огонёк своей виллы или заграничного борделя. Выходит, безумство храбрых берёт не только города, а целые страны.

О роли личности Владимира Павлова и его апостолов я уже вскользь поведал. Но было бы

несправедливо не упомянуть ещё одно историческое лицо. Это прекрасная наша Галина Петровна Опорина. Она заведовала отделом иностранной литературы с 1964 по 2000 годы и продолжает работать рядовым библиотекарем в родном отделе по сей день.

Для *English Club'a* Галина Петровна стала прямо-таки Марией Терезой, его ангелочком-хранительницей. В работу клуба никогда не вмешивалась, только вежливо справлялась, есть ли у нас какие-то нужды. Зато взяла на себя все хлопоты по обеспечению «клубников» нужной литературой на английском. Сделать это было непросто: требовалось много, часто до двадцати, экземпляров книг одного наименования. Уговорить директоров — а на её веку их было семь — на такие затраты, скупо выделявшиеся из госбюджета, было непросто. Выезжая в частые командировки в Москву, Галина Петровна многие книги на иностранных языках покупала на развалах и в магазинах у букинистов. Пусть единичные экземпляры, но желающим можно было их размножать на тогдашних примитивных аппаратах «Эра».

За последние полтора десятилетия в библиотеке — на базе применения компьютерной и множительной техники, доступа к Интернету и банкам данных крупных библиотек страны — эволюционным путём совершилась настоящая научно-техническая революция. Традицию доброго отношения к нашему клубу продолжает и преемница Галины Петровны Обориной — Наталья Анатольевна Чернова. Недавно она организовала для меня незабываемый вечер встречи с моими читателями в гостеприимном салоне, где проходят по четвергам заседания нашего клуба и многие другие культурные мероприятия…

3.
Нет власти над днём смерти

В 1995 году в безмятежное существование *English Club'a* ворвалась ужасная трагедия. Боль от её последствий не только у меня возникает в душе до сих пор…

За год до этого события, летом 1994 года, я вернулся из Москвы после учредительного съезда партии «Демократический выбор России» (ДВР), поработав в ходе подготовки съезда в составе редакционной комиссии со многими либеральными мозгокрутами того времени — Гайдаром, Чубайсом, Панфиловой, Похмелкиным, Каспаровым и их ныне забытым окружением.

По возвращении в Красноярск, как член политсовета и исполкома краевого отделения партии, уже сам стал «парить мозги» своим знакомым, в том числе и прихожанам Английского клуба, завлекая их пополнить жидкие ряды ДВР. Сила собственной убеждённости удивила меня самого. Далёкие от политики президент клуба Владимир Павлов и ближайший его соратник Анатолий Бережной по моей рекомендации были приняты в партию. На призыв мой, страстный и нежный, откликнулся и молодой учёный Павел, а он, похоже, потянул за собой другое племя, молодое, незнакомое. Так что, кроме еженедельных заседаний в *English Club'e*, мы сиживали рядом на партийных конференциях, голосуя за разного рода резолюции, постановления, выбирая и кооптируя членов и кандидатов в члены и органы.

У Бережного была «Волга», а у меня — «жигуль-копейка», купленный пятнадцать лет назад в Новосибирске на чеки, заработанные за полтора года потения на Кубе. Так что с заседаний любого толка президента Павлова подбрасывали до дома его одноклубники и однопартийцы. Это позволяло нам общаться — как правило, на английском, — на разные темы — от бытовых до мировых. Пару раз мне довелось прокатиться от библиотеки с Павловым и на его тольяттинской «копейке», приобретённой им каким-то чудесным образом чуть ли не одним из первых красноярских счастливцев.

Дружба с учёными мужами и политическими единомышленниками меня обогащала и воодушевляла: наши души устремлялись снова в неведомую даль, к счастливому будущему России.

Павлов уже успел поработать полгода в США по приглашению какого-то провинциального частного университета — преподавал свою «*тут-мою-могилу*» инженерам-механикам. Это были практики, имевшие работу на предприятиях и приезжавшие из разных штатов в университет за свои кровные баксы повышать квалификацию. На них Павлов испытывал изобретённую им зверскую методику, понуждающую американцев напрягать ум, подорванный употреблением виски с содовой. Посыпались жалобы ректору университета, получавшему от них за обучение кругленькие суммы «зелёных», на недопустимую требовательность русского «тичера». По анонимным письменным анкетам, подаваемым в ректорат с интервалом в полгода, учредителями университета определялся рейтинг каждого преподавателя по балльной системе. И *Mr. Pavlov*, не набрав должного числа баллов, был признан анонимными лентяями профнепригодным.

Доктор Ваин С. Соломон, ректор и профессор, до этого приговора восхищался русским профессором и регулярно приглашал его по выходным дням на обеды на своё ранчо в латиноамериканском стиле, с прогулкой верхом на лошадях по окрестностям. Однако перспектива потерять платёжеспособную клиентуру и ректорское кресло была дороже улыбок и дружеских похлопываний по спине мистера Павлова. И *Dr. Wayne C. Solomon, Professor and Head*, как значилось на визитной карточке ректора, демонстративно перестал замечать

его. А потом и вероломно не продлил контракт Павлова на последующие полгода работы.

— А жаль,—с оттенком запоздалой печали признался мне Владимир Андреич в заключение своего рассказа о его «американской трагедии».

Мы сидели после заседания клуба в моей «копейке», приткнувшейся к тротуару на углу улиц Копылова и Киренского.

— Представь, мне от университета выделили персональный коттедж, платили хорошо—во сне такого не снилось. А самое печальное, что я Америки и не видел: все полгода профукал на написание на английском реферата по коническим зубчатым передачам. Потом, правда, уже в Красноярске, три месяца потратил на перевод реферата с «инглиша» на русский, его оформление и издание за свой счёт. Он помог мне получить звание профессора. Теперь довольствуюсь месячной мздой, какую там имел за пару прочитанных лекций… А меня каждый выходной звали на разные *barbecue*, поездки на Ниагарский водопад, в большие города, в рестораны—и всё это за *free of charge*—бесплатно… Дурак, словом. Ректор говорил о продлении контракта как о деле решённом, и я думал: всё ещё успеется. Главное—дать американцам настоящие знания. А они им и на хрен не нужны! Важней всего корочки для карьерного роста… Ну что ж, ничего, переживём и это. В Америке я завёл полезные знакомства, денег хватило, чтобы компьютер и факс купить. Занимаюсь чем-то подобным маленькому бизнесу. Договариваюсь со здешними производителями, а потом передаю своему боссу в Америке сведения о ценах на цветные и драгметаллы и условиях поставки их в Америку. Другой бизнесмен присылает задания на разработку прикладных компьютерных программ, *software*, а я передаю задания институтским коллегам. Они делают работу, я отсылаю по факсу результат, получаю на свой счёт в банке баксы, расплачиваюсь с ними и с этого имею комиссионные. Я, как и ты, пенсионер, без работы могу остаться в любой день. Родных нет, рассчитывать не на кого, надо на чёрный день что-то подкопить, лучше в баксах.

Слышать такие откровения от Павлова мне казалось странным—не настолько мы с ним были близки. С другой стороны, в людях он умел разбираться и понял, что дальше моих ушей его слова не уйдут. А теперь, когда они предаются огласке, Владимиру Андреевичу из его небесного далёка, думаю, глубоко безразличны все земные словеса и страсти…

Дружба Павлова и Бережного зиждилась на любви не только к английскому, но и к здоровому образу жизни. Они не пили, не курили, бегали на длинные дистанции—в кроссовках и на лыжах, купались в холодной енисейской воде. Кроме того, оба были кандидатами наук, преподавали в разных вузах: Павлов—в политехе, а Бережной заведовал кафедрой экономики в сельхозе, читал лекции, писал научные статьи. И множил армию учёных-аграрников быстрее, чем урожайность сибирских полей и поголовье колхозно-совхозного скота на таёжных пастбищах.

Весной того года наш шестидесятидвухлетний президент упорно готовился к общероссийскому марафонскому забегу в Москве: два раза в неделю пробегал по пересечённой местности по тридцать километров, а в остальные дни—всего лишь по три. На финише—в Студенческом городке—он спускался по крутой тропинке к своему «бунгало»—дощатому сараю в ряду других таких же, сколоченных из чего попало, кооперативных хранилищ лодок и разного барахла. Открывал бунгало, раздевался догола, остывал после бега установленное знатоками время и в одних резиновых «следках» шёл к Енисею по песчано-гравийной полосе. Оставлял «следки» и плавки у уреза воды и в одной резиновой шапочке нырял в воду, ледяную в любое время года.

Выше по течению, в трёх десятках километров от Красноярска, Енисей тридцать лет назад был схвачен за горло плотиной ГЭС. И вода из её верхнего бьефа в нижний падала на колёса турбин с глубины сорок метров, успевая до Красноярска нагреваться на поверхности лишь до восьми-девяти градусов в самое жаркое время года.

Мне как-то взбрендило после возлияния горячительного на импровизированном пикнике сунуться в Енисей в районе пригородного посёлка Удачный. Через несколько секунд я выпрыгнул на берег как ошпаренный, почти бездыханный, инстинктивно стиснув в ладонях своё мужское достоинство, опасаясь за его настоящее и будущее. А Павлов нёс на себе не один год ещё одно руководящее бремя—являлся президентом Красноярского общества криофилов. И, если мне не изменяет память, организовывал или участвовал сам в тридцатикилометровых заплывах «моржей» вниз по течению быстрого Енисея от плотины ГЭС до Красноярска.

Я поинтересовался этимологией и современным значением слова «криофил» и узнал, что это то же самое, что и психрофил, любитель холода,—одноклеточная водоросль, червь, насекомое, живущее на льду, в снегу или в воде, пропитывающей лёд, и размножающееся при температуре не выше десяти градусов. И понял, что я, многоклеточный, не только жить, а даже размножаться в таком дискомфорте не смогу. Поэтому от предложения Павлова вступить в «моржовый» клуб без сожаления отказался.

А вот Павлов мог и после тридцатикилометровой пробежки проплыть с километр в восьмиградусной воде, а потом явиться на заседание *English Club'a* не свежезамороженным, а бодрым

и требовательным президентом. Заседания он вёл жёстко: прерывал говорливых, терпеливо слушал тех, кто лепетал на английском на уровне *baby*, не давал уклоняться от темы и в разговор вставлять русские слова.

Говорили, что лицом Павлов мог бы сойти за Джона Кеннеди. Я этого сходства, судя об убитом президенте по фото и телевидению, не находил. Может быть, потому, что ни разу с ним вживую не встречался. А Павлов, судя по разговорам, о том, что он является особой, своим обликом приближённой к застреленному тридцать пятому президенту США, как бы в шутку любил напоминать.

В альбоме клуба сохранилась хорошая цветная фотография Владимира Андреевича, почти в профиль, но при этом хорошо виден его слегка прищуренный правый глаз под покатым высоким лбом. Взгляд твёрдый, умный, может быть, даже пронзительный, каким он и был у него при жизни. Непослушные, как солома, мягкие русые волосы — в жизни они обычно рассыпались на прямой пробор. Устремлённый бушпритом нос с широкими ноздрями, сжатые узкие губы и крепкий подбородок. Вполне властная президентская внешность. Одет в американском стиле — в клетчатую ковбойку с длинными рукавами и накладными карманами.

Меня, признаться, коробило, когда он появлялся в клубе в подобной рубашке с красным галстуком и в неизменном коричневом пиджаке. Это сразу напоминало мне, что он старый убеждённый холостяк, не знавший или утративший вкус к презентабельной одежде. Мне, кстати, он как-то сказал, что никогда не был женатым и не собирается связывать себя браком в будущем. Это наводило на некоторые неудобные для высказывания вслух размышления…

А относительно одежды… О вкусах не спорят. И если вспомнить, что Иоанн Креститель и Иисус Христос довольствовались одной длинной рубахой, а иудейский первосвященник Канафа и римский прокуратор Понтий Пилат предпочитали модный прикид, то несоответствие между формой и содержанием становится очевидным.

Да и, как потом оказалось, далеко не всё обстояло так, как Павлов мне, в общем-то случайному знакомому, говорил. В своё прошлое и будущее он допускал немногих, и даже Анатолий Бережной, проводивший с Павловым немало дней в течение многих лет, потом удивлялся, что знал о нём немногим больше меня.

Что ж, теперь, когда я познакомил вас с элитной частью Английского клуба и его славной историей, пора перейти к рассказу о трагедии, упомянутой в начале главы.

Навсегда запомнил эту дату — первый день лета 1995 года. На заседание я немного опоздал с кирпичного завода — работал там переводчиком с тремя испанцами, присланными на наладку своего оборудования фирмой *Agemak* из Игуалады, городка в шестидесяти километрах от Барселоны.

Седьмой час вечера. Солнце сияло, было душно, мы распахнули окно в новом помещении *English Club'a*, отведённом нам недавно, словно пришли на праздник. Кто-то напомнил: сегодня же и впрямь праздник — Международный день защиты детей! Решили, что это не тот повод, чтобы сбрасываться и посылать гонца в гастроном.

В ожидании президента Павлова вспомнили, как недавно, всего недели две назад, на торжественное открытие отвоёванного для отдела иностранной литературы у краевого управления лесного хозяйства и потом заново отделанного второго этажа библиотеки явился сорокалетний кудрявый губернатор со свитой. Зав. иностранным отделом Галина Петровна попросила перенести заседание клуба по этой причине на другой день, чтобы губернатор смог порадовать нас своим посещением.

Мне он кивнул кудлатой седеющей головой, как своему знакомому задолго до избрания на высокий пост. Правда, после избрания я поливнул его парой газетных статей за невыполнение предвыборных обещаний. Но он, как истинный джентльмен и демократ, не предал меня высокомерному презрению. И этим напомнил мне, щелкопёру, что воспитанные люди затушёвывают своё интеллектуальное величие, не выпячивая его и не вступая в полемику с обидчиками. Тем более что в моём случае защитников его чести и достоинства было предостаточно. А я для его слоновьего величества, избранника народа, выглядел той самой крыловской моськой, не более.

Заранее предупреждённый Павлов, худощавый и невысокий, непривычно одетый в новый серый костюм в полоску и белую рубашку с галстуком, произнёс перед губернатором и телекамерами пышную речь на английском. Переводил речь высокий грузный членкор Бережной, украсив её витиеватыми эпитетами. А в завершение речи о значении знания иностранных языков для культурного человека Павлов, как это нередко бывало, удивил всю толпу — и клубменов, и пришельцев. Принял от *Sister Luba* большой букет цветов и вручил его… нет, не губернатору! Он пробился сквозь свиту к двери и утопил в букете маленькую Галину Петровну со словами — на английском, конечно, — благодарности и признательности за её покровительство и бескорыстное служение нашему клубу. Смущённая и пылающая милым личиком зав. отделом сумела в ответ пробормотать только одну известную всему культурному миру фразу: «*Thank you very much*».

Вскоре после ухода губернатора мы открыли шампанское, рассыпали по столу конфеты

и печенье и отпраздновали новоселье, поскольку последние годы терпели притеснения из-за нашествия в библиотеку новоявленных сектантов разных ветвей религии. Из-за этого нам стало не хватать стульев: сектанты приходили на слушания и песнопения раньше нас в соседний зал и бесцеремонно уносили стулья из нашей комнаты. На моё замечание на недопустимость такого поведения одетая в чёрный балахон матушка ростом на голову выше меня, тоже немаленького, прошлась по наглецу таким высокомерным взором, что я забыл о сути своей претензии.

Помнится, после шампанского я вслух высказал удивление, почему губернатор не ответил Павлову на английском: как университетский профессор экономики, он в перестроечные годы проходил двухлетнюю стажировку в Штатах. Один из его коммунистических конкурентов использовал этот штрих в карьере противника и во время выборной компании призывал избирателей проявить революционную бдительность: как бы они не проворонили и не избрали главой края продажного агента ЦРУ…

— Да забыл губернатор уже английский, а может, и совсем не знал,— рассеял наши сомнения кто-то из совсем распоясавшихся при демократах почитателей прежней власти «коммуняк».

«Клубистов» первого июня пришло немного: у студентов шли экзамены, кто-то уехал в отпуск, кто-то орудовал лопатой и граблями на дачах. А Павлов что-то задерживался. И это всем показалось странным: он во всём являлся для нас примером, и его пунктуальности мог бы позавидовать любой король. А если, бывало, и пропускал наши посиделки, то заранее звонил Галине Петровне, и она оповещала нас. Тогда кресло президента на правах «вице» с подчёркнутым удовольствием занимал Виктор Бондаренко.

Это он, коммунист Бондаренко, часто цитировавший стихи Маяковского о советском паспорте в не собственном английском переводе, активный деятель украинской диаспоры Красноярска, весной этого года настоял на легитимных, в духе демократических перемен в обществе, перевыборах президента клуба, выставив свою кандидатуру в качестве альтернативной. Тайным голосованием единогласно, кроме одного «против», выбрали Павлова, и он великодушно, с вольтеровской усмешкой на длинных тонких губах, предложил проголосовать за Бондаренко, как вице-президента, открыто. На этот раз предпочёл воздержаться я — наши мировоззренческие позиции с Бондаренко были диаметрально противоположными. А Павлов своим жестом подчеркнул, что *English Club* должен оставаться вне политики. Хотя политические дискуссии в клубе нередко разгорались спонтанно, если на это оставалось время после обсуждения глав из художественных книг и Библии. Павлов в них участвовал редко и очень сдержанно, отпуская саркастичные уколы в адрес того или иного оппонента, независимо от того, коммунист он или демократ.

Но на этот раз и Бондаренко почему-то не явился. Предположили, что нашего «вице», помимо работы, взяли в полон дачные дела. Надо же было целый год чем-то закусывать самогонную горилку: по его собственному признанию, он без её ободряющего воздействия не обходился ни одного дня. В чём мы иногда убеждались, когда наш «вице» являлся с характерным румянцем на щеках и начинал клевать носом в ходе заседания.

Некоторую ясность в сложившуюся обстановку правительственного кризиса в клубе внёс Анатолий Ефимович Бережной, бывший в молодые годы директором передового сибирского совхоза, а ныне членкор. На английском он говорил очень бегло и уверенно, поражал иногда слушателей чтением наизусть монологов из английской и американской классики. В первые годы существования клуба практиковалась даже постановка коротких сцен из спектаклей и разучивание стихов, и его ёмкая память сохранила их.

В моём переводе на русский язык Бережной заверил нас:

— Мистер Павлов должен прийти. Я вчера ему звонил: он сказал, что обязательно будет. У него сегодня, правда, пробежка на тридцать километров, а потом купание в Енисее, но он сказал, что успеет. Тем более что он и Галину Петровну не предупредил, что будет отсутствовать.

Ведение клуба взяла на себя *Sister Luba,* носившая большие очки на коротком носу и короткие волосы, пылающие рыжей хной. Она привыкла преподавать английский детям и с нами часто разговаривала как со школьниками — кокетливо улыбаясь, проверяя усвоение клубменами новых слов из литературных и библейских текстов, поправляя наше славянское произношение.

После операции Любовь Ивановна выглядела неважно: щёки провалились, обозначились глубокие морщины. На автобусе она ездить боялась, зимой особенно: мучили одышка и нехватка воздуха. Репетиторские занятия с детьми вела у себя на дому. Лекарства на послеоперационную реабилитацию требовали больших расходов. К тому же и в аптеках города они были не всегда. Если бы не посылки из Дублина от католических братьев и сестёр, вряд ли бы она выжила.

Но больше всего о ней заботился *Brother John*. В юности он дал обет безбрачия. Этот шестидесятилетний весёлый, приветливый, говорливый кругленький монах-миссионер из Ирландии прислуживал в красноярском костёле, построенном в девятнадцатом столетии польскими ссыльными. А жил с русской католичкой в её просторной

квартире на улице Баумана уже второй год. Её взрослые дети переехали на Украину, в Харьков, удачно вошли в бизнес, и Любовь Ивановна на лето уезжала к ним. А братец *John*—по-русски Иоанн,—непьющий и некурящий *мэн*, так изящно обходивший обет безбрачия, в это время навещал свой монастырь с годовым отчётом о проведённой религиозно-идеологической работе и приросте численности католиков в Сибири. И, полагаю, заодно обнимался с роднёй и знакомыми в Ирландии, забавляя их рассказами о дикой стране, одетой в шубы и шапки из шкур разных животных. Сам он стоически переносил сибирскую стужу в болоньевой куртке и треухе из рыжей лисы.

Отсутствие президента и «вице» отрицательно сказалось на настроении клубарей. *Miss Helen*, Лена, бывшая ученица Любови Ивановны в английской школе №35, а теперь её соседка-подруга, в возрасте, совпадающем с номером этой школы, наскоро изложила, заглядывая в книжку *«The world's best short stories»*, юмористический рассказ *O. Henry «The exact science of matrimony»*. Никто не смеялся. На обсуждение *short story* потратили минут десять. Библейские истории без Павлова традиционно вообще было не принято трогать. А посему заседание заняло меньше часа вместо обычных полутора часов.

Бережной и я жили в Ветлужанке, а *Luba* и *Helen*—по пути в этот окраинный микрорайон, напротив тополиного сквера, посаженного некогда трудящимися ныне не работающего и разворованного телевизорного завода. Нам было по пути с членкором Бережным, поэтому мы и уселись в его старую, раскалённую солнцем «Волгу», оборудованную для экономии под газ. Опустили стёкла на дверцах и тронулись в путь.

Я сел на заднее сидение, рядом с Леной. По дороге разговорились.

Helen, как оказалось, училась в параллельном классе с моей дочерью Таней. После тридцать пятой школы окончила факультет прикладного искусства, стала художником-керамиком, нашла применение своему таланту в одном из цехов этого завода, где раньше делали фарфоровые изоляторы для боевых радиолокационных мобильных станций. А в новых условиях рыночной экономики перешли на массовое производство фарфоровых зверушек по её рисункам и формам. Сначала торговля шла бойко, а теперь Леночка уже второй месяц не получала зарплату. Поэтому приходится мотаться по городу—навещать дома «новых русских» и подрабатывать уроками английского их детям, обречённым на обучение в европейских или американских университетах.

Лена порылась в своей сумочке и подарила мне симпатичную свинушку—то ли матку, то ли борова, с красным бантиком на шее. В презенте я не заподозрил намёка на свою личность. Рассказал ей о курьёзе, случившемся со мной и мужем племянницы при встрече дочери, возвратившейся из Германии, в Москве. Она смущённо, тихо посмеялась, застенчиво глядя на меня сквозь стёкла очков кофейными глазами художницы. И сказала, что ей отказали в посольстве США в поездке по приглашению знакомой американки: чиновники опасаются, что незамужняя *lady* может там остаться с кем-то из старожилов и создать проблему перенаселения страны, и без того нафаршированной коварными нелегалами со всего света.

—Я Павлову позвоню, а если его нет, то его женщине: не исключено, что она скажет, где он и что с ним,—сказал Бережной, когда дамы покинули машину и я сел справа от него.

—А она у него разве есть?

—Конечно. Помнишь, с месяц назад мы заехали по пути из клуба на Копыловский проезд? Так это ей, по просьбе Володи, я передал картошку с нашего университетского учхоза—сортовую, морозоустойчивую.

Об этом я помнил: мы завернули во двор девятиэтажки, и Бережной, достав из багажника сетку с картошкой, уволок её в подъезд дома и через несколько минут вернулся, тяжело пыхтя. «Лифт у них не работает уже второй месяц,—пояснил он свою одышку.—Вандалы срезали все медные кабели, украли релюшки, контакторы и даже приводной двигатель. А у «Лифтремонта» на восстановление нет денег. Требуют, чтобы жители собрали. Хотя вполне вероятно, что сами лифтёры и сдали весь цветной металл в утиль».

—С картошкой и цветметом всё ясно,—сказал я,—а о павловской пассии ты умолчал.

—Да я и сам о ней узнал, только когда проговорился об этой картошке. А Павлов попросил меня достать килограмма три для посадки. Он своей подруге на даче помогает—сеять, сажать, убирать. Она, по-моему, тоже «моржиха». Ничего из себя, можно…

—И что у них, любовь и голуби?

—Об этом спроси у него. А лучше вообще не упоминай о ней.

4.

На орбите следствия

Прошло два дня, и кто-то из жильцов нашего дома, знавший о моей принадлежности к *English Club'y*, попался на выходе из подъезда.

—Ты, конечно, слышал по радио, что президент ваш утонул?

—Что, опять с моста свалился?—тупо пошутил, я, вспомнив о раздутом масс-медиа курьёзном эпизоде с Ельциным. Но тут же осёкся, пожалев о глупой шутке.—Кто, Павлов?..

Приехал в местный «кремль», с недавних пор прозванный Серым домом, в тридцатые годы водружённый на месте взорванного и разворованного прекрасного христианского храма. В нём теперь вместо крайкома КПСС и крайсовета разместились администрация и Законодательное собрание края, а на третьем этаже несколько кабинетов было отведено под офис представителя президента РФ в Красноярском крае. Я состоял помощником демократического депутата Госдумы и часто проводил там целые дни. Сюда стекалась пресса со всей России. Торопливо знакомясь с ней, я вскоре наткнулся на короткую заметку в местной ультракоммунистической газете об исчезновении профессора и президента в енисейской пучине. Поиски тела оказались безуспешными. Да и проводились ли они, эти поиски?—ядовито усмехался репортёр.

Позвонил в агроуниверситет и преподнёс эту сенсацию членкору Бережному—он оторопел и выдал смачный крестьянский матерок.

— Ведётся следствие,—добавил я,—а кем—не сказано. То ли транспортной, то ли районной милицией. Утонул он наверняка напротив своего бунгало—выходит, в нашем, Октябрьском, районе.

— Так ты узнай, Саша, мне чертовски некогда. Идут экзамены, защита дипломов—у меня восемь человек ещё предзащиту не прошли. А я член госкомиссии.

— Хорошо. Только возьми себя в руки—у тебя голос дрожит. Узнаю что-то новое—сообщу.

Покопавшись в городском справочнике, позвонил дежурному Октябрьского РОВД, представившись помощником депутата Госдумы. Через минуту связался со следователем, на которого взвалили «глухаря» по делу В. А. Павлова.

— Да, этим мы со вчерашнего дня занимаемся,— сухо сказал он.—Если сможете, подъезжайте ко мне после обеда. Сейчас времени нет—вызван на происшествие… У меня двести восьмой кабинет. Пропуск на вас закажу.

Дверь в комнату следователя, обитая некрашеным железом в пятнах ржавчины, наводила на мрачные мысли. Их эмоционально усиливала и решётка из толстой арматурной стали на окне с грязными стёклами. Узкая комната с давно не белёнными стенами, засиженными мухами, напомнила мне музейную камеру Петропавловской крепости, где сидели декабристы и их революционные потомки другого века в ожидании петли, царской милости или пролетарской пули.

Два облупленных стола, четыре стула, сделанных зэками в Арийской колонии для всех красноярских учреждений и обывателей, и угрюмый краснокирпичный сейф говорили о крайнем аскетизме обитателей этой камеры для допросов. Духота и запах бумажной пыли идеально гармонировали с этим интерьером.

Темноволосый следователь, двумя пальцами стучавший на пишущей машинке, поднял на миг бледное лицо с тёмными усиками, кивнул в ответ на моё приветствие и продолжил сочинять своё покрытое тайной творение.

Не дожидаясь приглашения, я сел напротив него на стул, протёртый невинными и преступными задами подозреваемых и свидетелей.

Следователь, одетый в полосатую рубашку, расстёгнутую на груди чуть ли не до пояса, продолжал свой вдохновенный труд, словно забыв о присутствии пома думдепа. Потом, не глядя на него, то есть на меня, любимого, открыл ящик стола, достал скоросшиватель и минуты три читал, водя по строкам длинным тонким пальцем.

— Это протокол осмотра места происшествия,— наконец пояснил он, остановив на мне холодные тёмные глаза.—Признаков насильственной смерти вроде нет. Павлов разделся в своём сарае для хранения лодки. Всё его личное имущество—джинсы, клетчатая рубашка, кроссовки, часы, деньги, ключи от квартиры—в целости-сохранности. Следы от гаража к воде принадлежат, правда, двум лицам. Но мы предполагаем, что второй—это тот, кто первым обнаружил исчезновение Павлова. Он заглянул первым делом в сарай. Потом увидел вещи Павлова на пляже и прошёл к ним. Вот написано: на берегу найдены полосатые плавки, розовые следки и белый бандаж для поддержания паховой грыжи. Этот человек, скорей всего, и позвонил дежурному РОВД первого июня, в четверг, в двадцать два часа. Вы, кстати, не знаете такого? Бернштейн или Беренштейн Илья Соломонович.

— Нет, впервые слышу. Но именно в четверг к шести вечера Павлов не явился на заседание Английского клуба. Он у нас—президент.

— А Бернштейн в этот же вечер приехал к нам в РОВД. Здесь отдал ключи дежурному, оперативники вместе с Бернштейном осмотрели место происшествия и квартиру Павлова. А его самого до настоящего времени не нашли—ни живого, ни мёртвого.

Следователь мне нравился всё больше и больше: чувствовалось подспудно, что он сопереживает вместе со мной исчезновение нашего президента. Он полистал скоросшиватель и добавил очередную порцию информации:

— Со слов Бернштейна, нам бы интересно было пригласить ещё двух человек. Первый—студент политеха Олег Петрович Макаров. Живёт в Ветлужанке. На кафедре нам сказали, что он племянник Павлова, частенько бывает у него. А вторая—женщина, Галина Николаевна Кузьмина. Она с правого берега, есть адрес. Обоим передали повестки, дважды по вечерам к ним ездили—и всё впустую. Вы их не знаете?.. Жаль. Кузьмина из клуба «моржей». Лето, оба могли уехать: он—к родителям в Уяр, а она—в отпуск, в любом направлении.

Неплохо быть старым холостяком или католиком-миссионером, невольно промелькнуло в моём грешном сознании. По женщине на каждом берегу у первого и по одной в заморских странах—у второго.

—Ничего полезного сообщить вам не могу. С Павловым мы приятели и встречались только на заседаниях Английского клуба. Попытаюсь выяснить что-то у одноклубников. А насчёт квартиры как?

Следователь пожал широкими плечами:

—Мы её осмотрели бегло, с понятыми из соседей. Никаких признаков отклонения от нормы—грабежа, воровства, насилия. Квартиру опечатали и попросили присматривать за ней. В случае чего—звонить нам... А вы бы не согласились, кстати, поучаствовать в более детальном осмотре, например, завтра? По закону нам следует сделать детальную опись имущества в присутствии понятых, знавших Павлова. Сегодня попытаемся разыскать Бернштейна—они давние друзья. Ну и с кафедры придёт целая комиссия—бухгалтер, зав. кафедрой, из преподавателей кто-то.

Желания копаться в чужом белье в буквальном смысле у меня не было, но уж раз ввязался...

—В принципе, ничего против не имею,—сказал я.—Только большого толку от меня не ждите. Дома у Павлова мне быть не доводилось, поэтому каких-либо отклонений от обычного состояния вряд ли замечу. Вы не против, если я позову Анатолия Ефимовича Бережного, профессора агроуниверситета, старого приятеля Павлова? Бережной наверняка бывал у него не однажды.

Следователь задумчиво провёл двумя пальцами по своим чёрным, словно подкрашенным, усикам и холодно, как бы оценивая затаённый смысл моего предложения, посмотрел мне в глаза:

—Пожалуйста, это не помешает. В какое время вам будет удобнее?

—Мне—в любое. Бережному будет посложнее,—и я перечислил все компоненты высокой занятости профессора, услышанные от него утром:—В университете идут экзамены, он член научного совета и госкомиссии, руководитель дипломных проектов... Разрешите, я ему позвоню?

Следак кивнул хорошо подстриженной головой. Приятно иметь дело с аккуратными людьми.

Секретарь Бережного долго разыскивала шефа, зато Бережной, попросив передать трубку следователю, без уговоров согласился подъехать к дому Павлова ближе к обеду—к одиннадцати тридцати, а к двум успеть на работу. Это я услышал от самого Бережного: он зачем-то попросил следователя вернуть мне трубку, чтобы заверить меня в своей обязательной явке. Предложил заехать за мной, но я отказался, сказав, что с утра займусь делами в представительстве президента и доберусь до Студгородка на троллейбусе или автобусе.

Следователь вдруг оттаял и перешёл на житейский тон:

—Ладно, с вами договорились, а на кафедру я сам позвоню. Труп должен рано или поздно найтись—без этого уголовное дело не закрыть. Мы уже проконсультировались у речной милиции. Через четыре дня утопленник всплывает и по течению плывёт вдоль левого берега. Иногда за что-то может и зацепиться, но течение сильное—рано или поздно отцепится. И всё равно его выносит на песчаную косу за городом. А место, где Павлов утонул, пользуется дурной славой, как Бермудский треугольник. Человека затягивает в воронку—и он бесследно исчезает. Там ежегодно по два-три человека пропадает. И почему он этот гиблый водоворот выбрал?

—Просто ему близко от дома и удобно спуститься по тропинке к своему бунгало с лодкой. Да и трудно поверить, что он мог утонуть без чьей-то помощи. Для него Енисей переплыть—как два пальца...

—Вот-вот,—обрадованно перебил меня милиционер,—такие герои чаще всего и тонут. Как раз самоуверенность и делает их неосторожными. Всё долго сходит с рук, но с природой шутки плохи... Ну что, до завтра?

—Всего доброго!..

5.

И любовь его, и ненависть,
и ревность уже исчезли

Мне пришлось горько раскаяться в отказе от предложения Бережного добраться до Студгородка на его газогенераторной «лайбе». Солнце подбиралось к зениту, и в муниципальном автобусе, похожем на инвалида на смертном одре, набитом озлобленным народом, получающим вместо зарплаты бартерные продукты сомнительной свежести, было уютно, как в фашистской душегубке. Моё тело купалось в горячем рассоле и тёрлось о потные тела молодых женщин. Но это не вызывало греховных желаний.

А вот власть я хотел бы иметь и так, и этак!..

Пресса поносила губернатора и мэра за все грехи, в том числе—и за ситуацию с городским транспортом. Распоясавшиеся газеты каждый день подпитывали обозлённые умы и души взбаламученных экспериментами над их жизнью граждан пикантными подробностями из проверенных источников. Сначала газетчикам была подкинута утка: молодой и талантливый начальник управления по внешнеэкономическим связям при губернаторе сплавил, по легенде, бюджетные деньги солидной германской фирме для закупки комфортабельных автобусов для Красноярска. А потом наступил момент горькой истины: такой фирмы в Германии никогда не было, а деньги

были, да сплыли вместе с начальником управления. И автобусы — тю-тю!.. Мэр тоже заслал валюту в Германию, заплатив за новую технику. А город получил оттуда рухлядь, тут же поставленную под заборы муниципальных автобусных парков.

И теперь губернатор и мэр запели на телевидении дуэтом страстную арию, что виртуальные автобусы помогли бы не больше, чем мёртвому припарки. Единственный способ спасти город от транспортного коллапса — срочно построить метро. Конечно, это дорого, но губернатор могуч, он решит вопросы финансирования: семьдесят процентов инвестиций покроет Москва, остальное могучий край извлечёт из карманов родных налогоплательщиков.

За разоблачение аферы с автобусами лишилась своего поста прокурор Красноярска, заслуженная и орденоносная старая дева, имевшая репутацию неподкупной и принципиальной служительницы закона. А вскоре и расправившийся с ней генеральный прокурор страны следил за криминальной обстановкой в стране сквозь тюремную решётку «Матросской тишины», угодив в неё за банальное воровство. Выходец из нашего города, он гнал самолётами полученные в качестве взяток иномарки своей маме и сестре. А деньги, думаю, передавал при личных свиданиях. Аппарат представительства президента, где я отирался, всё это сильно огорчало, поскольку СМИ требовали объяснений за развал страны и тому, что за этим последовало.

В половине одиннадцатого, потный и расстроенный горькими размышлениями о судьбах моей несчастной Родины, я вывалился из душегубки с десятком дорогих земляков в Студгородке, купил в киоске бутылку «Спрайта» и притушил им пепел в своём сердце вечного диссидента. А прохладный бриз со студёного Енисея и океан солнечного воздуха слегка охладили распаренное тело и растревоженную душу.

Хрущёвская кирпичная пятиэтажка, где находилась квартира Павлова, примыкала к краю берёзовой рощи. Подумалось, что для него, бегуна и лыжника, место идеальное: бери с места в карьер прямо от крыльца!.. Институт и Енисей с бунгало тоже в пределах четверти часа ходьбы. Солнце, запахи леса, трав, цветущей черёмухи, растущей под окнами домов, пьянил, и не хотелось думать о смерти — её словно не существовало.

Две опрятно одетых дамы контролировали вход в подъезд. На моё приветствие они слегка привстали со скамьи под сенью цветущей сирени. Услышав краткое объяснение, почему я оказался здесь, сказали, что живут в этом доме почти тридцать лет, получили квартиры одновременно с Павловым.

— Прекрасный человек был Владимир Андреевич, — скроив жалобную мину, посочувствовала одна из них, с молодыми бирюзовыми глазами отставной покорительницы сердец. — Не верится, что его уже нет. Присаживайтесь, пожалуйста. Мы же и работали в одном институте, пусть и на разных кафедрах. Я кандидат философии, подруга — математик, тоже кандидат наук. А теперь вот греем косточки на пенсии.

Надеялся, что дамы продолжат разговор о прекрасном человеке. А пришлось минут десять терпеть, как пенсионерки поливают пьяницу и предателя Ельцина и новую власть, тоскуя о прежней пенсии, о пропавших вкладах и страшась беспросветного будущего.

Я извинился и пошёл прогуляться по тропинкам рощи, радовавшей душу и обоняние молодой берёзовой листвой и густой бирюзовой травкой, с риском подхватить энцефалитного клеща — газеты и радио пугали народ их нашествием и убеждали не жалеть тысяч на платные прививки. Вернулся через четверть часа, точно к одиннадцати, и увидел, что старух нет. Вместо них рядом с «Волгой» с распахнутыми дверцами меня ждут два мужика: Бережной, и с ним курил незнакомый мне низенький плешивый господин в белой короткорукавке, с нависающим над брючным ремнём животом. Глаза он скрывал за тёмными очками, но горбатый нос и отвислую нижнюю губу спрятать было невозможно. Он, с прилепившейся сигаретой к этой губе, протянул мне мягкую потную ладонь:

— Бернштейн Илья Семёнович, друг Володи. Я с ним сто лет назад, после армии, в машиностроительном техникуме учился.

— Что, он и в армии служил?

— Вы не поняли, это я служил. А он в техникум поступил после десятилетки. Я его на четыре года старше. Володьку в армию по здоровью не забрили, из-за сердца. Он бегать и купаться не от хорошей жизни начал — инстинкт самосохранения заставил.

— Что-то следак опаздывает, — сказал я. — Что-нибудь новенького не обнаружилось?

— Да ничего! — отмахнулся Бережной. Было жарко, а профессор одет в серый пиджак, и на шее — неизменный полосатый галстук. — Вот Илья вчера со следователем встречался. Ждут, когда труп на какую-то песчаную косу вынесет.

По тому, как Бережной назвал Бернштейна, я понял, что они старые знакомые.

— И мне он тем же на мозги капал, — неожиданно для себя вскипел я. — Дался им этот естественный трупоулавливатель! Они и пальцем не пошевельнули, чтобы Павлова найти.

— Мне мент сказал, что водолаза привозили по дну пошарить, — возразил Бернштейн быстрым говорком. — И свидетелей тоже не могут разыскать. В том месте, где Вовка купался, моторная лодка носилась, вполне могла его зацепить и отправить на дно. А собаки, которых он кормил, до сих пор от его бунгало не уходят. Первые трое суток вообще

у воды сидели и беспрерывно выли. Как будто что-то видели или учуяли. Вовка их от расстрела в прошлом году спас: за ними по берегу с ружьём какой-то сумасшедший шофёр бегал и стрелял, так Вовка его разоружил и пригрозил милицией.

— А ты его, Илья, давно видел? — спросил Бережной, вытирая лоб носовым платком и садясь на скамейку. — Может, его тот шофёр…

— Не мели чепуху!.. Дня за два до того, как он пропал, я к нему заезжал. Потом по телефону болтали — договаривались, когда ехать картошку полоть и окучивать. Рядом в День Победы посадили под Солонцами — там нашему предприятию землю выделили.

— А вы не «морж»? — встрял я.

— Нет, я — *икс* моржовый! Этой сранью я никогда не занимался — ни купанием, ни бегом. От смерти не убежишь. Да и зачем мне, скажите, долго жить, если жена три года назад умерла, дети и внуки в Израиле?.. Протираю штаны по инерции замом гендиректора в фирме, где всю жизнь проработал. Слава Богу, её пока не приватизировали.

Бернштейн говорил о себе легко, словно подсмеивался над кем-то посторонним с оттенком одесской иронии, и сразу стал мне симпатичен роковым духом уставшего от потерь фаталиста.

— *Hi*, — прервал наш диалог Бережной. — *Stop talking, friends! The preliminary investigator is coming.* (Перестаньте болтать, друзья! Следователь едет.) И с ним ещё кто-то.

Милицейский синий «жигуль» с мигалкой и антенной радиостанции на крыше затормозил в полуметре от «Волги» Бережного. Из машины вышел следак с тонкими усиками, а с заднего сиденья — немолодой полный мужчина в белой рубашке с чёрным галстуком и невысокая женщина, пламенеющая густыми ярко-рыжими волосами, привлекающая внимание тяжёлым задом, обтянутым белой юбкой. Из-под мышки у неё торчала потрёпанная амбарная книга. Мужчина представился заведующим кафедрой, а женщина с испуганными светлыми глазами — бухгалтером.

— Кажется, вся команда в сборе, — удовлетворённо сказал следак с блестящими, словно смазанными лампадным маслом волосами. — Поднимемся на четвёртый этаж, посмотрим, что там.

— Вот убедитесь, — обратился к нам следователь, позванивая ключами, когда мы столпились на тесной лестничной площадке перед обитой коричневой клеёнкой дверью, — дверь опечатана, печать не нарушена. Поэтому я обладаю правом открыть её в присутствии свидетелей.

За первой дверью оказалась вторая — металлическая, сварная, как будто бы отражавшая своей тусклой поверхностью суровую суть российских будней. Следователь с ловкостью давнего жильца этой квартиры устранил и эту преграду на пути к частной собственности нашего президента. Из сумрачного коридорчика «хрущобы» на нас пахнуло нагретым, пахнущим нежилым, спёртым воздухом, словно пропитанным книжной пылью.

Медленно, в колонну по одному, ведомые следователем, мы, шесть человек, последовали в гостиную. Я шёл последним, вслед за тяжело ступавшим высоким и грузным Бережным, в странном ожидании увидеть в комнате гроб с Павловым. А когда оказался там, то увидел, что люди рассредоточились вдоль стен в ожидании дальнейших указаний худощавого следователя, жмурясь от солнечного света из большого окна. Он расхаживал по свободному пространству — полу, покрашенному жёлтой «нитрой», задерживая взгляд на предметах мебели. На диване с протёртой местами бордовой обивкой, голом столе, придвинутом вплотную к стене, этажерке с книгами слева от окна. На отечественном телевизоре «Рассвет». На компьютере и факсе, помещённых на отдельном столике в противоположном углу. Эту технику, как Павлов мне недавно сказал, он купил, освоил и привёз из США. А теперь она служила ему для бизнеса и связи с американскими заказчиками.

Наконец внимание следака привлёк самодельный ящик из полированных досок с несколькими раздвижными шторными дверцами, закреплённый под потолком на длину всей стены.

— Посмотрим, что там находится, — задумчиво, скорее для себя, молвил «пинкертон», легко, не снимая ботинок, вспрыгнул на отозвавшийся взвизгом пружин диван и раздвинул дверцу крайней секции антресоли.

Она оказалась забитой книгами и рулонами ватмана — должно быть, чертежами или наглядными пособиями. Их следователь не стал разворачивать, а книги доставал, показывал нам, пролистывал, встряхивал и возвращал на место. Вместо ожидаемых баксов из них сыпались какие-то бумажки. На бесстрастном лице поисковика промелькнула тень улыбки, когда на пол выпорхнули одна за другой три сберкнижки. При коллективном подсчёте выяснилось, что у Павлова накопилось пять миллионов рублей, равных на то время примерно трём тысячам долларов США.

Бухгалтерша, составлявшая вместе с заведующим кафедрой в амбарной книге опись имущества квартиры, занесла туда и сберкнижки, попросив всех, кроме следователя, расписаться в ней в качестве понятых.

Находка сберкнижек, по-видимому, вдохновила следака, и он продолжил шерстить оставшиеся секции антресолей, выбрасывая из них книги, папки, чертежи на диван и на пол. У меня возникло подозрение, что следаку подбросили версию о наличии у Павлова крупных сумм валюты от общения с американцами. Вспомнилось, как осенью девяносто третьего я работал переводчиком

с группой янки из тридцати пяти человек на реконструкции центральной лаборатории завода цветных металлов. Павлов, узнав об этом на заседании клуба, попросил меня купить у них баксы на его трудовые рубли. Я отказался не потому, что боялся, а не хотел показаться в их глазах контрабандистом или мошенником—*smuggler or swindler*. К клубящимся вокруг них русским жучкам янки относились с презрительным снисхождением, иногда сбывая им ненужное барахло и заводя через них знакомства с *Russian girls*.

Мой отказ от покупки баксов Павлова не обескуражил. Уже через день, где-то около семи вечера, я увидел его за высокой стойкой бара гостиницы «Октябрьская» оживлённо болтающим с Эдом Солерно, дилером компании, поставлявшей на завод лабораторные приборы. Павлов небрежно кивнул на моё «*hi*» и продолжал разговор с седобородым шестидесятидвухлетним толстяком, безнадёжно влюблённым в замужнюю молодую продавщицу антикварного магазина на Стрелке. Она откровенно смеялась над ним, а он продолжал таскать ей букеты роз и с моей помощью уговаривал поехать в Тампу и пожить с ним в его вилле на берегу Мексиканского залива. А сам недавно получил извещение по факсу о выходе на пенсию и подарки от фирмы: фотоаппарат за две тысячи баксов и халявную путёвку на посещение вместе с женой Москвы, Петербурга, Парижа, Рима и Лондона. Слышал бы американец итальянского происхождения, какими эпитетами возлюбленная наградила его, «старого козла», когда я на несколько минут остался с ней наедине. А косвенно и меня—я-то был всего на год моложе Солерно.

На следующий день Эд спросил, откуда я знаю Павлова, и сказал, что наш президент—хороший бизнесмен. Он предложил свои услуги стать представителем фирмы, где Эд отрабатывал последнюю неделю, и найти покупателей её продукции среди заводов Сибири и Дальнего Востока.

Духота и пыль вызывали желание убежать отсюда куда глаза глядят. Я попытался открыть балконную дверь, но следак строго прикрикнул на меня:
— Не трогайте! Видите, двери оклеены на зиму, и бумага цела! Значит, сюда через балкон никто не проникал. И пока следствие не закончено, пусть всё остаётся как есть.

Бережной и я, не сговариваясь, самоотстранились от копания в скудном павловском наследстве и завели знакомство с книгами на вращающейся этажерке. Книг разных размеров и наименований было не меньше трёх десятков, и все они—только на английском.
— И что с ними делать?—задался вопросом членкор.—Кому они могут понадобиться?
— Нашему клубу, в первую очередь,—подсказал я.
— Тогда сдадим их в нашу библиотеку. Ты не против, Илья?

Тяжело дышащий Бернштейн в прилипшей к его жирному торсу рубашке пожал вислыми плечами:
— Да мне по барабану! Хоть всё забирайте! В библиотеку, себе или на мусорку. Я же всё равно в них, как и на идише, ни хрена не секу… Мне бы вот сейчас пива холодного. Вчера после работы с директором этого «Рояля», спирта импортного, до ноздрей надрались! А он так сушит, гад!..

Обратились к следаку и зав. кафедрой за консолидированным разрешением и пришли к «консенсус омнимум»: книги ваши, господа полиглоты. Глядишь, бухгалтерше громадное облегчение: их в опись не надо заносить. Можете хоть сейчас тащить их в свою машину.

На дурно пахнущей кухне с немытой посудой отыскали несколько пакетов и в два захода перетаскали книги в багажник «Волги». В ходе операции договорились, что каждый из нас, Бережной и я, на память возьмёт по паре книг. Ему понадобились англо-русские словари, а я положил глаз на двухтомник Оксфордского толкового словаря, изданного в восемьдесят втором году в Москве, и аккуратный томик Библии, изданный типографией Оксфордского университета, в сафьяновом переплёте, почти на 2000-х страницах, на тончайшей индийской бумаге с позолоченными краями. Томик помещался во внутренний карман пиджака и рекомендовался для чтения в церквах. На титульном листе, с левого края вдоль страницы,—надпись голубыми чернилами: «Павлов Влад. Андр. 1/VIII/1965». Договорились, что если свершится чудо и президент объявится живым, все книги вернём ему.

А мне стало ясным, откуда у Павлова появилась идея ввести в программу занятий клуба чтение и обсуждение Библии. Сам он начал читать её почти на тридцать лет раньше нас. И ещё больше занимал вопрос: как этот золочёно-сафьяновый томик оказался в руках Павлова в годы хрущёвского гонения на церковь, когда заполучить Священное Писание и на русском или старославянском языках было нереально?.. Впрочем, теперь на любом предмете в этой квартире застыла печать некой тайны, унесённой её хозяином в быструю студёную пропасть сибирской реки, в запредельный мир пространства и времени.

Пока мы возились с книгами, Бернштейн раскопал ещё одну находку—большие жёлтые конверты с фотографиями разных форматов, в основном чёрно-белыми, натолканными в них бессистемно, без пояснений на обратной стороне. Ни дат, ни мест, ни имён людей…

Редко улыбавшийся на клубных заседаниях, суровый лицом и суждениями, Павлов на многих снимках оживал улыбчивым, иногда восторженным парнем в обществе «моржей» и «моржих»,

лыжников, иностранцев, красивых женщин. В памяти более других сохранилась вот эта. Он в одних плавках, расставив босые ноги, стоит на ноздреватой льдине, подняв над головой руки. Мускулистый, поджарый, с улыбкой до ушей психрофил, и рядом с ним — молодая упитанная криофилка в чёрном бикини, тоже смеющаяся, счастливая. А за спиной у них — падающий по ледяным уступам, дымящийся холодным паром водопад, осыпающий бесстрашную пару ледяными брызгами. И где это было, когда и кто была эта женщина — ни Бернштейн, ни Бережной пояснить не смогли.

Бережного и меня весьма удивила ещё одна находка — синяя пухлая корка диплома с гербом СССР, свидетельствовавшая, что Павлов окончил иняз пединститута с высокими оценками. Сделать это он мог только заочно. А мне и Бережному говорил, что английским овладел, как и мы, самоуком. Илью же это не удивило: точно, было такое, учился Володя в «педике». Без диплома его бы не допустили к работе с интуристами.

И я вспомнил, как летом прошлого года я увидел Павлова в программе местного телеканала на борту туристического теплохода «Чехов» — он переводил с английского впечатления туриста от путешествия по Енисею до острова Диксон в Ледовитом океане. Павлов заметно волновался перед камерой, и перевод получился неважным. Или интервьюируемый молол чепуху, и её невозможно было откорректировать на ходу. Я и сам, работая переводчиком с американцами и испанцами, в схожих ситуациях не раз оказывался в положении без вины виноватого дурака.

Следователя фотографии не заинтересовали. Зато две записные книжки он полистал и положил в свой портфель без занесения в бухгалтерскую опись. Как мне показалось, в поведении следователя чувствовалась незаинтересованность в проведении расследования, и выполнял он некий формальный акт с заранее известным результатом.

Фотографии на правах старого друга забрал Бернштейн. Я попросил для себя только вырезку статьи с включёнными в текст тремя фото плохого качества из какой-то американской газеты. В начале статьи — снимок женщины с короткой стрижкой, коротким носом и широким ртом. А два других снимка, как я узнал при беглом просмотре текста,— сцены из разных спектаклей, сыгранных известной актрисой с Бродвея.

Эта вырезка заставила меня вспомнить относительно недавний разговор с Павловым на вечные мужские темы в моей машине. Я, по-моему, в шутку спросил его, почему он не использовал верный шанс остаться в Америке: покончил бы со статусом старого холостяка, женился на натуральной американке любой масти — и запросто обрёл бы гражданство USA. Владимир Андреевич на мою провокацию отреагировал серьёзно:

— А для чего мне в такие годы жениться? Да ещё и в Америке, где у меня ни кола ни двора. И здесь, в общем-то, кроме хрущёвки и работы за гроши, нет ничего. Но это родина — плохая или хорошая, но моя. Ты сам жил за границей и знаешь, что это такое. Всё равно ты там — чужак. А жениться на американке и стать нищим примаком, лишиться свободы в конце жизни — какой в этом смысл?.. Горничная у меня есть — приходит раз в неделю, убирается. Питаюсь в основном в студенческой столовой. В женщинах никогда недостатка не испытывал. И в Америке, ты угадал, меня хотели женить на профессорше того же университета. Умная женщина, муж умер, дети взрослые. Моложе меня лет на двенадцать-пятнадцать. Свой дом, две машины… С ней было интересно поговорить, посидеть в баре, побывать в её доме или у меня. Однако спать с такой, упаси Господи, даже представить страшно!.. Очень толстая. Особенно ноги — баобабы в два обхвата, положит на тебя — окочуришься. Но, каюсь, грешная мысль посещала: а не жениться ли и не остаться ли? Получу гражданство, стерпится-слюбится. А вернуться в страну рабов, в страну господ с деньгами всегда смогу. Но эти ноги, это сало, эта продажная неволя!.. Торговать своей свободой и самоуважением — не для меня!

Павлов поморщился с брезгливой усмешкой на растянутых в нитку губах, зябко повёл плечами и лукаво проверил мою реакцию проницательным уколом тёмных глаз, окружённых частоколом острых светлых ресниц.

— Да, Володя, ты не создан для блаженства! — поддержал я вольнолюбивые мотивы в поведении президента и его неподкупный патриотизм.

— Была и другая американка, молодая и довольно красивая,— продолжил Павлов, ободрённый, по-видимому, моей искренней заинтересованностью.— Но и мне тогда было около тридцати пяти. Учился в Ленинграде, в аспирантуре при политехе, и подрабатывал в «Совтурагентстве» переводчиком; она оказалась моей клиенткой. И судя по всему, богатая леди: заказала и заплатила в турагентстве за индивидуального переводчика. Мне от этой суммы, конечно, перепали копейки… А она начиталась Достоевского, Толстого и захотела изучить Питер за две недели как можно основательней. Журналистка, драматург и артистка — всё при ней: ум, душа и тело. И во мне она что-то нашла. Взаимно влюбились, ночевал у неё в номере с риском, что гэбэшники накроют, кастрируют и вместо аспирантуры сошлют сюда же, в Сибирь. Но эпоха шестидесятых, «оттепель» хоть и шла к закату — пронесло. Или просто для государства было выгодно пополнить казну её баксами. Уже в шестидесятые финны в Питер ехали в автобусах, чтобы обойти действовавший у них

«сухой закон», напиться и притащить в гостиницу нашу проститутку. Негласно им это дозволялось. А Кэт доллары меняла на «деревянные» и тратила бессчётно. Потом несколько лет получал из Штатов от неё письма, аккуратно отвечал на них, пока уже здешние жандармы не вызвали и не предупредили: переписываться можешь, но с работой со студентами придётся расстаться. Допустить тлетворного влияния Запада на их чистые советские души жандармерия не дозволит. Да и, сам понимаешь, как можно писать женщине даже просто о любви, если заранее известно, что и твои, и её письма перлюстрируются?.. А когда недавно оказался в Америке, любопытство взяло верх: позвонил ей, не надеясь на удачу—с тех пор около тридцати лет пролетело. И она на следующий день ко мне приехала на машине. Это, по американским меркам и их *highways* с односторонним движением, не очень большое расстояние—где-то миль сто сорок. Не больше трёх часов пути для драйверов с пелёнок. И знаешь, до сих пор жалею, что увидел её. Думаю, и ей эта встреча радости не принесла. Что от нас прежних после тридцати лет разлуки осталось? Кандидаты в покойники—и только. Смотрел на неё и думал: неужели эту старую накрашенную бабу с редкими седыми волосами я любил? И у неё в глазах читалось то же недоумение: сибирский призрак в Америке!.. Посидели в кафе, поговорили, кое-что вспомнили, и она в тот же день уехала… Живёт тоже одна, с мужем давно развелась, дети, как это в США водится, с восемнадцати лет живут отдельно, чаще в других городах, учатся и зарабатывают себе на жизнь.

Помнится, я слушал Павлова с экклезиастовской печалью: всё проходит, а познание людей и жизни чревато томлением духа и скорбью. Осень, поздний вечер, по ветровому стеклу, по капоту хлещет дождь, «дворники» едва успевают стирать серую текучую пелену. «Идёт ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги своя». Да разве был тридцать лет назад Павлов таким, каким я видел его при свете тусклой лампочки в кабине своей «копейки»,—седым, морщинистым, как будто ссохшимся, жухлым осенним листом, с ввалившимися висками и открытой морщинистой шеей?.. А мы с одного года рождения—и значит, на мне лежит такая же беспощадная печать времени. «Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать».

Не меньше Павлова и я сокрушался при встречах с женщинами, которых страстно в некие, по Тютчеву, *баснословные года* любил, целовал и ласкал. И вот оно, кривое зеркало беспощадного времени, не подлежащее рихтовке! И ты не ты, и она не она…

Оформлять и подписывать документы поехали на кафедру. Я не удивился, что нас встретили скромным с виду, но дорогим застольем: слышал, как зав. кафедрой из квартиры Павлова, напомнив о наступлении обеденного времени, отдал по телефону соответствующее распоряжение секретарше.

В кабинете, обращённом окнами к Енисею, на трёх столах, сдвинутых в ряд и накрытых листами ватмана, красовались плоские блюда с мясной и рыбной нарезкой, бутербродами с красной икрой. А краснощёкие яблоки выглядывали из большого берестяного лукошка.

В открытое окно, играя складками полураздвинутых прозрачных штор, прохладными волнами поступал солнечный ветерок, и взгляд отдыхал на покрытых тайгой склонах отрогов Саян на противоположном берегу реки.

Зав. кафедрой принёс из своего кабинета две бутылки и разлил в поставленные перед ним разовые стаканы амаретто для дам и виски для джентльменов. Когда кубки были переданы участникам печальной тризны, зав. кафедрой поднялся и произнёс положенную в таких случаях речь о множестве достоинств так безвременно и так трагически покинувшего юдоль земную выдающегося учёного, педагога и жизнелюба Владимира Андреевича Павлова. Он бы мог сделать ещё так много для процветания кафедры, своих учеников и… он помедлил и добавил, остановив взгляд на членкоре Бережном: одноклубников.

Бережной и следователь слегка прикоснулись губами к краям стаканов и поставили их подальше от себя: им предстояло вскоре сесть за руль. А Илья Бернштейн и я, переглянувшись, осушили стаканчики до дна и попросили добавки.

Не знаю, сыграло ли роль виски или Илья от природы был философом-мыслителем, тяжело переживавшим гибель друга, но его поминальное слово меня ошеломило и восхитило. Он не стал вставать и говорил негромко, без пафоса, с лёгкой одышкой:

— Никто из вас не знал Володю больше, чем я,—не как учёного, «моржа» или полиглота, конечно. А как человека, верного друга, которому можно было доверить всё, что угодно, и быть уверенным: этот мужик тебя не выдаст, не подведёт. А ещё всего четыре года назад быть самим собой, особенно с такой фамилией, как у меня, было очень опасно. Приходилось мимикрировать: думать одно, говорить другое, а делать третье. Это он принёс мне давным-давно книжку моего однофамильца—а может, и дальнего германского родственника,—Эдика Бернштейна «Возможен ли научный социализм?» ещё дореволюционного издания. И сказал, чтобы я прочитал её на досуге и никому не показывал. А Эдик этот, оказывается, сначала проповедовал, а потом стал ревизионистом и во всю ивановскую поносил марксизм с его верой в победу социализма, классовую борьбу, пролетарскую революцию. Говорил, что движение

к прогрессу идёт само собой, без определённой цели. Цель — ничто, движение — всё. Я поднатужился, одолел эту муть, и потом мы говорили с Володей, что никакого социализма у нас в Союзе нет. В лучшем случае — намёк на госкапитализм… И что глупо жить только ради светлого будущего и не быть счастливым сейчас, сегодня. Прикидываться идиотом и не ценить в себе человеческое достоинство. Так вот главное, что я уважал в Володе, — его личное достоинство, жёсткое следование принципам кантовского категорического императива. Не стану пояснять, что это значит, сами прочитаете. И для меня Павлов являл пример того, как надо относиться к людям, чтобы не оскорбить их достоинство. Не верится, что друга уже нет, но и в его спасение — тоже.

Бухгалтерша за столом отсутствовала. Слышно было, как она стрекотала на пишущей машинке где-то за стеной. И когда мы вернулись с перекура, бумаги для подписи лежали на столе.

— Вот видите, какая нищета, — посетовал зав. кафедрой, — всё печатаем на машинке, а Владимир Андреевич документы готовил на компьютере. Теперь мы можем его взять себе — пока наследников у Павлова не нашлось.

— А племянник? — возразил Бережной.

— Да это не племянник, а очень способный студент, — сказал заметно раскрасневшийся от виски зав. — Он досрочно сдал зачёты и экзамены и уехал в Казачинское — помочь матери с огородом и дровами. Владимир Андреевич с ним индивидуально занимался, хотел оставить на кафедре своим преемником. Помочь с диссертацией, и всё такое.

— Тогда всё остальное кому достанется? — не остановился на достигнутом дотошный членкор. — Квартира, гараж, машина, лодка с бунгало?

— Квартира, по-видимому, будет моей, — встрял следователь. — Пока у нас так заведено: если у погибшего нет наследников, квартира достаётся отделению милиции. И если дело расследует бездомный семейный следователь, то, при отсутствии взысканий, он и получает освободившееся жильё. Остальное, если нет завещания, конечно, — имущество и деньги — отойдёт кафедре.

— И это что, не противоречит закону? — удивился Илья Соломонович.

— Нет, конечно, это обычная практика, — заверил везучий претендент на жилище утопленника.

— Выходит, — логично заключил Бернштейн, — милиция напрямую заинтересована в размножении утопленников.

Следователь на секунду остановил на лице мудреца прицельный взгляд и, бросив на ходу: «До свидания», — скрылся за дверью.

Возникла минута молчания. Наверняка каждый подумал, что плохо оснащённой новой техникой кафедре смерть профессора-пенсионера тоже пришлась весьма кстати.

— Да ну их всех на хутор к бабушке! — уже на улице, закуривая сигарету дрожащими руками, сплюнул потомок ревизиониста-антимарксиста. — Если это и впрямь по закону, то каким местом российские законы пишутся?.. Может, спустимся к бунгало? Тут рядом. Посмотрим, что там изменилось. Не исключено, что и из него уже всё утащили, раз хозяина не стало. Помните из Экклезиаста? «Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришёл…»

Пока спускались к смеющемуся солнечной гладью Енисею по крутой извилистой пыльной тропинке, членкор Бережной вдохновенно рассказывал, как шесть месяцев назад энтузиасты двух клубов — Английского и криофилов — встречали в бунгало Павлова наступление Нового года. Пили, пели, плясали, жгли костёр и жарили шашлыки, запускали в сторону Енисея китайские шутихи. Голые «моржи» и «моржихи» резвились в дышащей холодным паром воде, оглашая морозное пространство дикими приветствиями в честь Нового года на русском и английском.

На этом шабаше присутствовали две настоящих американки — доктор философии миссис Берта Дэвис и её двадцатидвухлетняя дочь мисс Элизабет Дэвис. Обе — непропорционально раздутые гамбургерами коротышки, приглашённые на работу в госуниверситет, но вскоре изгнанные оттуда из-за капризов и низких знаний, но ухитрившиеся найти приют в других вузах.

Вскоре у них истёк срок визы, и руководство регионального отделения партии ДВР поручило мне, как толмачу, разрешить эту проблему. Представитель президента России Москвин, выслушав в моём переводе печальную историю мытарств мамы и дочки в сибирской цитадели добра и справедливости, отфутболил нас к заму губернатора по правовым и силовым структурам Уссову. А тот, обходительно, с чарующей улыбкой, приняв меня с обеими леди, позвонил и отправил всех на верхний этаж Серого дома к совсем необходительному, как кол проглотившему, бывшему, но уже демократическому чекисту. Американок он и видеть не захотел. А меня подверг суровому допросу, не предлагая садиться и сам оставаясь на ногах у двери своего кабинета:

— А вы-то что за этих дамочек хлопочете? Вы хоть знаете, кто они такие? Эта старшая Дэвис в военно-морском флоте работала психологом по подбору кадров на корабли и докторскую на этом защитила.

— И она то же самое открыто говорит, — не без удовольствия парировал я. — Недавно её попросили выступить на конференции партии «Демвыбор России». Потом ей задавали вопросы, и она сказала, что служила научным экспертом в американском ВМФ. Переводчиком был я. Вы, похоже,

склонны считать меня пособником американских шпионок или бескорыстным агентом ЦРУ? Сам Ельцин говорит, что на его памяти ни одного шпиона, кроме Пауэрса, КГБ в России не поймал.
— Распустили языки!—сквозь зубы процедил госбезопасник.—Он сказал—в Свердловской области. Идите, мы подумаем.

Визу американкам продлили.

Чуть позже меня постигло горькое разочарование в своём альтруизме. Приглашённые на заседание нашего клуба, мать и дочка показали полное незнание американской литературы и—что поразило клубменов больше всего—Библии.

Но это полбеды. Дошёл слух, что какая-то сердобольная преподавательница из педуниверситета поселила эту парочку у себя, и они жили и питались за её счёт, пока не уехали в США. Я почувствовал в душе своей незаглаженную вину и сострадание к доверчивой россиянке.

А примерно через год получаю открытку от миссис Берты Дэвис из Питера. Она горячо благодарит меня за прошлогодние хлопоты, вспоминает щедрый обед в нашем доме и ныне счастлива, что работает с дочерью в лучшем городе России.

Вид бунгало в ряду ему подобных убогих строений из горбыля, жести и рубероида во мне не вызвал восторга. К тому же деревянные ворота сарая были опломбированы, а верные президенту собаки куда-то подевались. Лишившись своего покровителя, они вполне могли оказаться долгожданным лакомством для свободного стрелка-шофёра, который уже покушался на их жизнь.

Так что нам осталось только постоять, склонив головы, на указанном Ильёй Соломоновичем месте, где Павлов оставил свои плавки и сандалии, чтобы двинуться на встречу с вечностью. Вблизи вода и точно имела опасный вид: она устремлялась к океану как бы в несколько слоёв, обладающих разной скоростью, местами завихряясь и словно пытаясь вернуться к своему истоку. А в метре от берега со дна тянулись к свету, лениво шевелясь, мотаясь, словно щупальца в ожидании жертвы, напитанные тёмной зеленью водоросли. Я слышал от кого-то, что они жгучие, как крапива. Вот уж где, подумалось мне, истинно нельзя дважды войти в одну и ту же воду. И над всем этим беспокойным студёным пространством, казалось, витал дух нашего президента…

На пути из Студгородка Бернштейн притормозил «Волгу» и показал нам заросший бурьяном кирпичный гараж Павлова. На крыше, над входом, шевелила листиками крошечная берёзка. В гараже должны были находиться «Жигули» президента.
— Ко мне он часто на машине приезжал,—сказал сквозь сигаретный дым Илья Соломонович.—На всякий случай записался в профсоюзе на очередь, подошла—он купил. Только после покупки власть разрешила вступить в кооператив и построить гараж—построил для машины и картошку в подвале хранить. Машина прошлой осенью сломалась, он её забросил. И вот видите—сплошная крапива, к воротам не подступиться. А теперь и «жигуль», и гараж достанутся кафедре. И как они собираются их поделить?..

Когда тронулись дальше, Бернштейн открыл ещё одну тайну старого друга. Кто-то из нас—Бережной или я—высказал в разговоре недоумение: как, мол, такой мужик, как Павлов, темпераментный симпатяга и умница, ни разу не угодил в брачный капкан?
— Не совсем точно, есть нюансы,—меланхолично возразил Илья.—Володя попросил меня об этом молчать, но теперь, когда его, я чувствую точно, на свете нет, скажу. Нас после техникума направили работать в известную вам урановую «девятку». Работали в горе́—на секретном подземном производстве. Я уже был женатым, дочка родилась, а Володя влюбился и женился на красивой лаборантке. Устроили, как тогда водилось, комсомольскую свадьбу, вручили молодожёнам ключи от однокомнатной квартиры. В закрытых городах с жильём, известно, было намного легче, чем в других местах: и строили много, и люди умирали чаще, и уезжали тоже довольно много—квартиры освобождались. Не стану врать, что между ними произошло, но вскоре, я только позднее узнал, он бросил всё: работу, жену, квартиру—и уехал в Красноярск. И попросил меня никогда не напоминать ему о бывшей жене. Иногда мне казалось, что он не переставал её любить. А может, и ненавидеть.

Нечто подобное довелось перенести и мне после потери первой любви. Она внезапно вышла замуж за того, над кем до этого смеялась и, похоже, презирала. После этого я наделал много глупостей, изрядно покалечив жизнь себе, двум жёнам с детьми. Но загнать часть своей души в некое подобие замка Ив и никому не открывать её, как граф Монте-Кристо,—на это был способен только Павлов!..

У меня не нашлось слов для комментариев. Да и Бережной, похоже, был ошарашен в не меньшей степени. И тоже промолчал.

6.

*Всему своё время и время
всякой вещи под небом*

Ровно через три недели после гибели президента, двадцать второго июня, в четверг, перед обедом, мне позвонил следователь: тело Владимира Андреевича Павлова найдено, опознано, подвергнуто судебно-медицинской экспертизе. Похороны назначены на завтрашний полдень, от центрального входа технического университета. И попросил

об этом оповестить Бернштейна и Бережного. До этого я пару раз вечером звонил на квартиру Павлова и убедился, что следователь с женой уже справили новоселье и, конечно же, сразу вплотную занялись процессом увеличения семейства.

Меня же — как писателя и журналиста — не переставал терзать вопрос такой внезапной и труднообъяснимой гибели Павлова. Незадолго до него застрелили бывшего секретаря горкома, добровольно оставившего свой партийный пост и переключившегося на торговый бизнес. Это событие вызвало большой шум в местной прессе, на ТВ и радио. Политики призывали к возмездию, а прокуратура и милиция заверяли, что кровь из носа, но непременно вычислят и найдут заказчика и киллера, и пусть они не ждут пощады. А мотивом для покушения все единодушно считали, что лично знакомый мне Витя Цыбик, молодой и задорный умница из директоров завода, пострадал из-за того, что пересёкся с криминалом в торговле цветным металлом.

Но тем же самым занимался, как сказал он сам, и наш президент Павлов. И не убрали ли его столь экзотическим способом? По моей версии, за ним следили, и по заранее разработанному плану водолаз ждал Павлова под водой, утопил и завернул его в водоросли на прокорм рыбам. А на расследование направили человека, лично не заинтересованного в раскрытии этого негромкого дела. Но мои примитивные догадки я мог высказать разве что профессору Бережному.

А когда я поделился ими на заседании клуба, в тот же вечер мне позвонила Лариса Михайловна, одна из старых знакомых Павлова, школьная учительница английского и немецкого языков, «моржиха» и англоманка. Она посоветовала мне не заниматься расследованием этой тёмной истории. Оказывается, едва клуб криофилов вздумал активно включиться в поиски причины гибели и тела своего президента, как на телефон Ларисы Михайловны поступила грубая угроза, что она и прочие психрофилы рискуют присоединиться к своему лидеру в подводном царстве, *замоченные* не только холодной водой.

Продолжала интересовать меня и личная жизнь Владимира Павлова, особенно после прочтения статьи на вырезке в американской газете, найденной в его квартире в конверте с фотографиями. Вырезка не содержала ни названия газеты, ни даты её напечатания. Но из содержания статьи мне путём умозаключений удалось установить приблизительное время её написания под заголовком «*Hepburn's niece shares the famely brains, talents*» — «Племянница Хэпбёрн унаследовала фамильный ум и таланты». Предположительно довольно пространная заметка о талантливой актрисе *Katherine Houghton* — Кэтрин Хогтон — появилась в начале девяностых годов, незадолго до преподавания Павлова в американском университете.

Если верить корреспонденту, Кэтрин могла бы вскружить голову не только русскому инженеру и переводчику.

«Кэтрин Хогтон выглядит как классическая актриса и в разговоре сохраняет актёрский тон. Её безукоризненно белая кожа напоминает гладь фарфора. Длинные каштановые волосы свободно откинуты назад, открывая лицо, а локоны, связанные на затылке в свободный узел, слегка приподняты. Одета она весьма скромно и удобно; джемпер и блузка не стесняют её в движении и соответствуют этому особому в её жизни дню.

Мягкая уверенность натуры не мешает её живому острому взгляду следить за всем происходящим и замечать то, что другие люди восприняли бы как нечто обыденное. Пока она не начинает говорить, её ярко-голубые глаза — самая заметная деталь во внешности актрисы. А во время разговора в них, как в зеркале, отражается её проницательный ум. Это одна из тех умных леди, которые уверенно и доверительно ведут беседы на самые разнообразные темы, будь то литература, война, образование или солнечная энергия. Компанейский характер актрисы и интеллект только способствуют сохранению её внутренней свободы и простоты.

Моя часовая беседа с Кэтрин Хогтон могла бы сравниться с приятным разговором во время прогулки. Поведением и манерами она напоминает свою знаменитую тётушку Кэтрин Хэпбёрн, но племянница отличается мягкостью, чего не было в характере её легендарной родственницы, чей волевой феминизм известен не меньше, чем её неподражаемая актёрская игра.

Интересы Хогтон разнообразны, и им соответствуют грани её способностей. На сегодняшний день она более всего озабочена своей игрой в спектакле «Убить пересмешника», который будет идти в Мельбурне до 23 марта. Драма, рассказывающая о жизни маленького южного города, поставлена по одноимённому роману Харпер Ли.

Хогтон и актёр Гриззард играют в телевизионном шоу «Хроники Адама». Он занят в роли Адама, она — его дочери Нэвви. А на сцене эти два актёра играли в драме Юджина О'Нила «Прикосновение поэта».

На ранней стадии своей карьеры Хогтон выдала несколько многообещающих дебютов. Ей выпала удача сняться в фильме «Гость, который приходит пообедать» вместе с такими известными звёздами, как Кэтрин Хэпбёрн, Спенсер Трэйси и Сидни Пойнтер. А на Бродвее она сыграла инженю — простодушную девушку — в пьесе «Первая страница».

В некотором смысле её работа на сцене и в кино прошла по замкнутому кругу. На Бродвее она была миссис Вэбб в недавней заново поставленной

пьесе «Наш городок». Скоро она появится в новом фильме «Билли Батергейт» режиссёра Роберта Бентона с участием звезды Дастина Хоффмана.

В провинциальных театрах во многих городах Америки она сыграла множество женских ролей из мирового репертуара. От Портин в «Венецианском купце» до Норы в «Кукольном доме». От Дореен в «Тартюфе» до Антигоны в одноимённой греческой драме по версии француза Жана Ануя. От Лауры в «Стеклянном зверинце» до Катерины в «Укрощении строптивой».

Похоже, её драматическое разнообразие не имеет границ. Но в настоящее время для неё наибольший интерес представляет творчество писательницы. Приветствуя журналиста, Хогтон радостно восклицает: «Вы писатель!»

У неё есть склонность к сочинению пьес. Её «Будда» в 1988 году была опубликована в сборнике лучших коротких пьес. А в предыдущем, 1987 году она представила свою трилогию «Глаз под капюшоном» в нью-йоркском кафе «Западный берег», а в Коннектикуте—в драмтеатре «Айворитон».

Она была занята в пьесе одного актёра «В небеса—враскачку», и её божественная игра перекликалась с названием пьесы.

Спектакли с участием Хогтон с неизменным успехом шли на подмостках «Театра на 44-й улице» в Нью-Йорке («Представление по телефону») и театра «Коймопу» в Канзасе («Мерлин»). А кафе «Западный берег» принимало Хогтон на своей сцене в спектаклях «Весёлый месяц май» и «Друзья до гроба».

Эта интеллектуальная актриса и писательница занимается даже переводамиъ пьес. Её перевод с французского на английский язык «Антигоны» Ануя стал основой для постановки этой пьесы на сцене театра «Пришествие» в городе Ношвилле, штат Теннесси.

Но самый амбициозный пункт в её программе, который, думается, понравился бы её одарённой богатым воображением тётушке,—это то, что Хогтон пишет киносценарий, в основу которого положена её 27-летняя переписка с Владимиром Павловым, изобретателем из Советского Союза. Его специальность—теоретическая механика».

Кажется, и этот пункт оказался по силам любящей нашего президента—или память о нём?—актрисе и драматургу. В архиве Владимира Павлова обнаружилась ещё одна маленькая вырезка из газеты с забавным дружеским шаржем на Кэтрин Хогтон с припиской, что в понедельник вечером двадцать восьмого августа неизвестного года она возвращается на сцену театра «*Ivoryn*» со спектаклем «*Love Letters*»—«Любовные письма».

«Кто может сравниться с Катриной моей?..» Любить и быть любимым в зрелые годы такой яркой женщиной, три десятилетия сохраняющей свои чувства, дано не каждому. И мне стало вполне понятным, почему наш президент, как всякий нормальный мачо, снисходил до ни к чему не обязывающим адюльтерам, а в сердце носил образ той единственной и недосягаемой…

Мои клиенты-испанцы с кирпичного завода после двух месяцев работы уехали на месяц домой на заслуженный отдых, я был свободен, поэтому поехал в Серый дом—увидеться с председателем региональной парторганизации ДВР, выбранным недавно депутатом Заксобрания, Гришей Губиным и сообщить ему о смерти однопартийца. С ним договорились встретиться на следующее утро, купить на членские взносы венок у церкви на старом мемориальном кладбище и поехать в технический университет на гражданскую панихиду. Тем более что поехать на кладбище и участвовать в поминках у него времени не будет. И вдруг его осенило:
— Ты что мне голову морочишь? Что, забыл, как на конференции по Чечне этот Павлов проголосовал против предложенной Гайдаром резолюции по мирному разрешению чеченского конфликта? Да ещё и заявил, что приостанавливает своё членство в партии и оплату членских взносов.
— Гриша, мёртвые сраму не имут. Да и в партии он остался, мы же его не исключали. А на панихиде наверняка пресса будет, телевидение—ты, как депутат, лишний раз засветишься в лучшем виде.

Губин смягчился. У него самого совсем недавно, в ночь на первое апреля, какой-то псих сына зарезал, когда с него потребовали вернуть долг. Но не станешь же об этом напоминать. Гриша и так сильно сдал—поседел, полысел, потускнел—и часто впадал в прострацию. Убийцу нашли на другой день, посадили, но родителям от этого легче не стало.

Поскольку на четверг приходилось заседание Английского клуба, на меня выпала малоприятная доля стать «чёрным вестником». Во времена Чингисхана и Батыя таких почтальонов ставили вверх ногами макушкой на землю и ломали основание черепа.

Меня чаша сия миновала.

После моего сообщения Виктор Бондаренко, получивший всю полноту президентской власти, предложил встать и почтить память Владимира Андреевича Павлова минутой молчания. Женщины утирали слёзы, а мужчины стояли с опущенными головами.

По моему предложению, новым президентом избрали профессора Бережного, а за Бондаренко сохранился прежний пост «вице». Ему же поручили сбор денег на венок и цветы. А меня попросили донести печальную весть о кончине Павлова до работниц отдела иностранной литературы.

В Студгородок Губина, меня и венок привезла депутатская «Волга» в назначенное время, однако

нам пришлось около полутора часов ждать прибытия гроба с телом президента из морга. Следователь отчитался перед Губиным, как депутатом и отставным полковником милиции, о расследовании обстоятельств гибели Панина. Ничего нового я для себя не услышал, кроме того, как обнаружили тело утопленника.

С неделю назад, ближе к полуночи, по телефону 02 поступило известие, что загорелся лодочный гараж на берегу Енисея в Студгородке. По счастью, близко от того места проплывал пожарный катер. С включённым мощным прожектором он устремился к берегу, бросил якорь и водозаборный шланг, врубил насос, и… только представьте себе: вдруг в свете прожектора из воды перед носом судна выпрыгивает голый человек с раскинутыми в стороны руками! Как распятый Христос на кресте… Капитан и матросы ужаснулись: подумали — какой-то пьяный сумасшедший купается. О гибели Павлова они же ничего не знали. В общем, гараж сгорел, а тело Павлова нашли.

И вот вопрос: кому понадобилось это бунгало поджечь?.. И другая загадка: в лёгких и желудке профессора не оказалось сверхнормативной жидкости; значит, он умер раньше, чем наглотался воды. И мог ли он без чьей-то помощи так прочно запутаться в водорослях на дне, если его тело даже водолазы не заметили? Или просто и не могли подобное предположить и прошли мимо?.. Обнаружить на теле следы борьбы или ранения экспертиза не смогла. За две недели в воде мягкие ткани деформировались, а местами их объели рыбы.

— Так, может, рано его хоронить? — усомнился Губин.

— Ну а что нового можно узнать, если труп в морге мариновать? — пожал плечами прилизанный владелец профессорской квартиры.

Выдался жаркий июньский день. Солнце сияло в голубом мареве, а земля обновилась молодой зеленью травы и листвы на берёзах и тополях.

Гражданская панихида, похороны и поминки прошли благочинно, без помпы, прессы и большого скопления народа.

Кафедра на деньги Павлова позаботилась о скромном мраморном памятнике и металлической оградке, богато сервировала стол на кафедре человек на тридцать. Присутствовал ректор университета, произнёсший проникновенную речь и на панихиде над забитым красным гробом, и за столом о заслугах профессора Павлова перед родным вузом, продолжающего жить в душах и делах своих учеников. Я прочитал написанные по этому случаю стихи. А от Английского клуба выступил профессор Анатолий Бережной, избранный новым президентом. Он с академической точностью перечислил все заслуги и достоинства своего предшественника и старого друга. Депутат Григорий Губин — как председатель красноярских «демороссов» — тоже не поскупился на доброе слово, сказав, что Павлов был всей своей сутью искренним демократом и убеждённым пацифистом. Любовь Ивановна Карнаух, *Sister Luba*, появившаяся на поминках без уехавшего в Ирландию на летние каникулы о. Майкла, высказалась в смиренном духе католички, подчеркнув, что для некоторых из членов Английского клуба его первый президент явился подобием апостола, положившим святое начало через обращение к Библии задуматься и повернуться лицом к Богу. Её поддержала Лариса Михайловна, назвав Владимира Андреевича подвижником на ниве просвещения и пропаганды здорового образа жизни на личном примере, образцом мужчины и высокой нравственности.

Ильи Соломоновича Бернштейна на поминках не было. От полученного известия о похоронах друга, по словам Бережного, у него произошёл гипертонический криз, и его увезла в больницу скорая.

— Но сейчас он дома, — заключил Анатолий Ефимович. — Ты, может, не знаешь, но евреи на наши поминки ходить не любят. Для них пить в день похорон — великий грех. Вдруг и Илья стал жить по Торе?..

Примерно через год у меня возникло желание закрепить имя Владимира Павлова на скрижалях моего произведения. Написал много — гораздо больше, чем в этой повести, — и уткнулся в тупик. Через свою знакомую из краевого суда попросил прозондировать возможность ознакомления с делом Павлова и вскоре получил отказ: дело закрыто, и доступ к нему для некомпетентных лиц вроде меня тоже замурован.

Так что не всё тайное становится явным.

Однако есть Божий суд, наперсники разврата! И мы обречены предстать пред ним только в качестве ответчиков…

Эпилог

Даже и ночью сердце не знает покоя

Проходило очередное заседание нашего клуба.

Но почему-то не в новом помещении, а в старом зале — на четвёртом этаже в правом крыле библиотеки. На нём собрались, усевшись в неподвижный ряд, словно для фотографирования, только давние и нынешние завсегдатаи нашего клуба. В центре — *Sister Luba & Father John* в одинаковых белых саванах. Справа от них — американец Валера с усами, как у певца Вилли Токарева, и бородатый геодезист-геолог в ковбойской шляпе. И ещё — чудесно помолодевший Саша Кижнер, бледный, с вьющимися волосами до плеч,

в обнимку с племянницей моей жены красавицей Таней в белой фате невесты. А слева восседал, опираясь подбородком о рукоятку сабли, в позе запорожского казака Виктор Бондаренко в необъятных, как Чёрное море, шароварах, в шитых золотом черевичках и в лохматой бараньей папахе с красным верхом. К нему притулилась застенчиво улыбающаяся блондинка — художница Лина Аистова — с прижатой к груди островерхой башенкой с часами. Такие счётчики времени в увеличенном масштабе, вспомнил я, установлены мэрией на всех углах улиц Красноярска.

Вёл заседание не я, три года назад избранный президентом. Балом правил мой предшественник — за великие заслуги перед *English Literature Speaking Club* возведённый в ранг почётного президента академик Анатолий Бережной, одетый в чёрную мантию с золотым крестом на груди. Он показался мне похожим на мушкетёра д'Артаньяна, а может, и на его друга Атоса. Могучим монументом возвышался он, широко жестикулируя, на президентской кафедре. А слева от него, за ученической партой, склонив голову и сосредоточенно листая пухлый том Библии, восседал вице-президент клуба, доцент-филолог и переводчик Валерий Евгеньевич Пэшко в затемнённых очках и чёрной камилавке, надвинутой на брови. Как всегда, подумалось мне, он выискивал слабые, на его атеистический взгляд, места в Священном Писании. Но странной выглядела на нём эта монашеская камилавка. Смущала и смиренная углублённость в сакральный текст. А вдруг, вспыхнуло в глубине сознания, и он, бунтарь-антихрист, наконец-то проникся божественным духом вечного текста и погрузился в лоно православной церкви?..

Протокол заседания старательно сочиняла, поправляя пальчиком сползающие к кончику носа очки, сидевшая с ним рядом обстоятельная и добросовестная пересказчица английских литературных шедевров, обсуждавшихся в клубе, *Angela* — Анжела Сергунова, некогда студентка, а потом и коллега Пэшко по работе в университете.

Меня же как будто и не существовало. А всё это появлялось и виделось, фосфоресцируя и размываясь в пустоте, как бы изнутри, в некой расплывчатой перспективе — на экране то ли монитора, то ли цветного кино. И воспринималось как обычное, должное, давно заведённое. Один слух напрягался, пытаясь вникнуть в речь президента, чтобы потом принять участие в прениях. Но до сознания не доходило ни единого слова, и я стыдился своей беспомощности.

В какой-то момент широко распахнулась дверь, из проёма хлынул яркий сноп света — и появился Владимир Павлов, одетый буднично — в неизменный коричневый пиджак и ковбойку с красным галстуком. Из-за его плеча высовывалась и исчезала, как пятак маятника, прилизанная голова следователя.

— *Hello! Excuse me, I'm a little late*, — произнёс Павлов, не двигая губами и беззвучно бросая портфель рядом с Библией Пэшко. — Привет, я немного опоздал.

«*Where have you been?* — хотел я произнести вслух. — Где ты был?»

Но что-то сдавило горло и дыхание, и вместо Павлова я увидел удаляющееся в тёмное пространство, брызжущее туманными световыми бликами пятно, похожее на комету.

— *Wait!* — выдохнул я что есть силы, порываясь подпрыгнуть, преодолеть гравитацию и улететь следом за ним. — Погоди!

И, не открывая глаз, не веря, что проснулся, произнёс про себя, как самим придуманное: «*And the dust returns to the ground it came from, and the spirit returns to God who gave it. «Meaningless! Meaningless! — says the Teacher. — Everything is meaningless!*» — И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его. Суета сует, сказал Экклезиаст, всё — суета!..

Вадим Керамов

Живой звезды простой орденоносец

● ● ●

Земля под ногами жива мертвецами.
Старик, идущий в свою деревню,
В поклоне застывшем с любовью к остывшим
Палкой стучится в землю.

За то, что родился,—звезде поклонился
И слёг на заре. Сквозь морщины
Душа просочилась и в небе носилась
Последним приветом мужчины.

● ● ●

В словах тепло, на улице прохладно:
Доверенный услугам словаря,
Ты потерял так много—ну и ладно.
Осталась только песенка твоя.

Она растёт без хора, без афиши
И хорошеет на исходе лет.
Ни рыбке золотой, ни серой мыши
Не вручишь пригласительный билет.

● ● ●

Ты брошен и забыт.
Худой, одни сосуды.
Имея бледный вид,
Свернувшись от простуды,

В лохмотьях, на земле,
Один из миллиона
Ты приглянулся мне,
Лист клёна.

Но, разлучив с листвой,
Неспешно без перчаток
Я раскрываю твой
Ладони отпечаток:

В узле сходящих черт,
В разбеге запредельном
Я не узнал, зачем
Ты был когда-то зелен.

Я видел: вдалеке
Бежал ручей со склона,
Песочился в руке
Лист клёна.

● ● ●

Я сын листвы опавшей и пророк
Дождя над пашней захудалых строк,
Кладоискатель в сумрачном покрове.
И целый город—еженощный храм—
Мне завещал молиться фонарям
И ветер сторожить на полуслове.

На горизонте плавились ножи:
Сдавала ночь святые рубежи,
И возвращалось время безголосиц.
Густела пешеходная струя,
И втихомолку одиночил я—
Живой звезды простой орденоносец.

● ● ●

Старое дерево, серый прилив
Ветра, идущего сквозь тебя,
Листьями тело не окрылив,
Мёрзлые ветви не теребя.

И от меня, растерявшего весь
Пыл молодецкий, радость молвы,
Что-то останется, что-то ведь есть
В чёрном молчании без листвы.

Лёгкость сухая, готовность летать,
Беспрекословно идти на слом,
Голые руки небу отдать
И замереть галактическим сном.

Свеча

В школьные годы писал я про
Муху, что молится на стекло,
Иву, разломленную в стволе…

Терпела бумага, скребло перо,
Время счастливое текло
Свечкою на столе.

Ночью минувшей моя свеча
Унижалась и плакала сгоряча,
Фитилёк предавал и гас.

И всё верилось, будто придёт оно,
Если долго так, долго глядеть в окно,
Пусть другое и не о нас.

Ж/д.у

В селе захолустном, заброшенном, грустном
Дорога железная шла
И в ней среди прочих, таких же рабочих
Обычная шпала жила

Жила без учёту, какая по счёту
Другим подпирала бочок
Но всё изменилось, когда ты появилась
И на шпалу ступил каблучок

Как всё закружилось, стремилось быть выше
Где синее небо ковром
Висело и пело, но вдруг потемнело,
И задрожало, как гром

Как дивное диво и облако счастья
Твой поезд ушёл навсегда
И ты не подумаешь возвращаться
Зачем, извините, куда

Вся доблесть—молчать, сквозь себя
пропуская
Вагонную тяжесть беды
Потом тишина и дорога пустая
И шпалами дни впереди

● ● ●

Злые обстоятельства шли по следу
так долго, что окружили
так плотно, что подступили
так близко, что обняли
так крепко, что умертвили.
Это провокация,
говорил ты
очередной экзамен
бормотал ты
сил больше нет
шептал ты
но сам я буду
как бы ни следили
ни окружили, ни обняли
но умертвили, умертвили

● ● ●

Труха сильней отборного бычка,
Но сколько жизнелюбием ни пичкай,
Рассыплется от лёгкого тычка
И возгорит неистовою спичкой.

Огню нашепчет: встань и выходи,
Поешь округу за меня особо,
Задутым одуванчиком в груди
Вооружись, оранжевая злоба.

Перешагни дозволенное мне,
Разубеди воинственную силу,
Победоносной правдой на коне
Развей мой прах, как лучшую могилу.

Дневному небу

Недотрога, пустая твердь.
Пены много, а что смотреть?
Всё дорога, длиною в смерть.

Глубь высокая без огня,
Однобокая кровля дня,
Щель широкая—для меня.

Перемена хранимых слов
На аквариум облаков.
Расписался—и был таков.

● ● ●

Спой мне, маленькая птичка,
Серенаду лет,
Что промчались электричкой
Облакам вослед.

Улети, как улетали
Юность, первый стих
И неоновые дали
Городов моих.

Я клянусь твоим созвучьем
Сóлью своих щёк:
Всё, что выпало как случай,
Выпадет ещё.

Три условия

Я деревьев не сажал,
Я им только подражал.
Переписывал на лист,
Что нашепчет лист.

Никогда не строил дом
И не думал, что потом.
И грустил, как пианист,
Перелистывая лист.

И детей не заимел,
Потому что сам ревел.
Комкал чёрно-белый лист,
Чтобы тот согрел.

● ● ●

А когда смысл ушёл,
Дал я верное слово
Мыть посуду и пол,
Чтоб сойти за живого.

С наступлением тьмы
Неподвижным планктоном
Круглый год ждал зимы
В переплёте оконном.

Здесь никто не живёт.
Моль была, улетела
И письма не пришлёт.
В общем, скучное дело.

Наталья Мамлина

Чёрные чётки

● ● ●

Сергею Арутюнову

Наступит ночь, перевернув планету.
Покажется, что мочи больше нет.
Но ты терпи, хоть аргументов нету,
Терпи, и всё. Движение планет

Продолжится во что бы то ни стало.
И снег сойдёт во оставленье зим.
И будет день — пронзительно-усталый,
Но радостный сиянием своим.

И будет то, что ведомо немногим
(Хоть много званых на великий пир),
Когда, воскресший и голубоокий,
Сам Бог тебе преподнесёт потир.

● ● ●

Приезжай в мой город. Садись за стол.
Провожай меня навсегда и с песней.
И прости, прости за последний стон.
Не дожить мне здесь до седин и пенсий.

Приезжай. Тебя повидать зимой
Будет самым верным моим желаньем.
Приезжай машиной, ползи змеёй.
Ну а хочешь — вскачь — европейской ланью.

Повидать тебя накануне зол —
Завещала жизнь мне из чувства мести.
Приезжай в мой город. Садись за стол.
И меня клади на почётном месте.

● ● ●

Никто не говорил, что мы потянем.
Концовка века всех брала живьём:
Кто к Богу шёл оккультными путями,
Кто в магазин — с охотничьим ружьём.

Свободно было, голодно и сытно.
И страшно было, и наоборот.
И если кто и был друг другу «ситным»,
То враг врагу. Под нервный скрип ворот

Двадцатый век захлёбывался пеной.
И вот в конце опять: топор, замах…
Здесь каждый город принял перемены —
И мой, портовый, о семи холмах.

Чёрные чётки

Всё, что важно, всегда произносится чётко,
Потому что ни времени нету, ни сил.
Как ни разу никто никого не просил,
Я прошу: забери эти чёрные чётки.

Не хочу и не буду носить на запястье
Эти чётки — красивые издалека.
— Жизнь легка? — Ну конечно, конечно, легка.
— И звериной не щерится пастью?..

Я прошу, забери. Пусть спокойно течёт
Белый свет сквозь могучие дикие вязы…
Всё, что важно, всегда произносится ясно.
Я прошу…
 И уже начинаю отсчёт.

● ● ●

«Всё расхищено, предано, продано».
И уже никогда не светло.
Ты, как все, испещрён, изуродован
Тем, что нас в этом веке вело.

Мы дома перестроили сызнова,
И отмыли их тёплой водой,
А детей своих бросили сызмальства,
Рассчитав их на первый-второй.

Всё, что мы проиграли намеренно,
Возвратиться не сможет никак.
Не цветёт онемевшее дерево,
И не всходит не сеяный злак.

● ● ●

Тоска такая, что невмочь молчать,
А говорить не стоит и подавно.
Существованье лютое влача,
Не допускать, ни с кем не быть на равных.

Любое одиночество верней
Всего того, что верностью клянётся.
Когда, рождённый в городе зверей,
Последний крик взлетит и не вернётся,

Тогда поймёшь, наверное, поймёшь,
Что было важно, что — второстепенно.
Шумел, стонал и шёл столетний дождь,
Сама судьба ложилась грязной пеной.

Вячеслав Тюрин

Лицо погоды

На чёртовом колесе

Я снова катаюсь один на чёртовом колесе.
Временами хожу в кино. Сам создаю химеры.
И сам их уничтожаю. Хотя далеко не все.
Видимо, чувство меры

живёт во мне, словно спрятанный стоп-сигнал,
по утрам запрещая кричать от восторга, а вечерами—
бесноваться на дискотеках и так далее, чтобы знал
своё место, как фотография в пыльной раме.

Не высовывался. К чему нарушать покой
объективной реальности, данной тебе в нагрузку,
как общественная работа, без которой ты кто такой?
Долбит дятел о ствол долотом, не даёт древоточцам спуску.

Из берлоги, ломая хворост, идёт медведь
и ворчит, узнавая дебри, в которых вырос.
Вот и самое время взгляды пересмотреть,
обновить гардероб, удалить из программы вирус.

Люди заняты чем попало, не покладая рук.
Гибель цивилизации—сказано слишком громко.
Плодиться да размножаться—такие дела, мой друг.
Исполним завет, пока существуем. Кромка

окоёма бледна, как чахоточная жена.
Щетина стерни, где недавно стояла озимь.
Небо сквозь ветви. Роща обнажена.
А мы ещё помним, как полыхала осень,

сбрасывая на землю цифры календаря
с выкройками для жён, листающих гороскопы
мужей, в надежде найти свой ритм благодаря
мерцанию тусклой скóбы

с юга на север, с запада на восток,
над кровлями города, что раздаётся с каждым
месяцем или младенцем вширь или ввысь—итог
трудолюбивости граждан.

Наблюдатели сообщают о начале весны. Грачи
на местах, колупаются клювами в огороде,
находя себе там естественные харчи.
Червяка, например. Или что-нибудь в этом роде.

Человек, оставляя комнату, книги, пыль,
недотрогу в трюмо, стремится наружу, дабы
отряхнуть наваждение. Так иногда бобыль
вспоминает о существованье бабы.

Потому что мясная лавка, пивной ларёк,
отделение связи, местные пешеходы—
в свете солнца и в силу факта, что рай далёк,—
означают одно и то же лицо погоды.

Вот и жмуришься, будто сам себе на уме,
достаёшь из кармана мятую сигарету,
понимая, что наступает конец зиме—
чёрно-белому сброду веток и снега, бреду

серых валенок, ожиданию тёплых дней.
Оттого-то в руках у дворника нынче заступ.
И случайный взгляд из толпы родней,
чем мерцание свеч в церквах или сыпь глазастых

звёзд бессонницы. После ветра свободы вряд
ли захочешь глотать, как рыба с крючка—наживку,
тлен убежища. Вещи, собственно, говорят
то же самое, человека сводя к обрывку

терпеливой бумаги. С бледного потолка
смотрит лампочка полумесяцем из вольфрама.
Паутина есть выражение паука,
как поэта, когда нельзя выражаться прямо.

Возглас в горах, эти мысли, соитие, зеркала
суть умноженье действительности. По крайней мере, на два.
Наставница (в смысле—рогов) обыкновенно кляла
меня за каждую двойку по физике. Моя клятва

запоздала, звуча, скорее, как трын-трава.
Зайцы косят такую траву натощак, с похмелья.
По весне ж она лезет из дёрна, сознавая свои права,
словно каторжник с его песнью из подземелья.

Песня, как смысл жизни, делает речь
членораздельной, а голос—немного хриплым.
Иногда возникает желание поразвлечь
публику разговорами, рваным ритмом

улицы, возвращая слова в молву,
с чувством исполненного перед нею долга,
дабы она узнала, чем я живу,
и наконец умолкла.

• • •

В стране растёт количество калек,
а качество лесов, полей и рек
снижается. Что следует отсюда?
Что большинство народа верит в чудо.

• • •

Как хороша земли родной
в расплужье мяклая первина:
сильнее, чем когда со мной
луны вторая половина
молчит и молится в тиши,
в своём русалочьем испуге;
льнёт к водам озера души,
мечтая, может быть, о друге;
вблизи прерывисто дыша,
среди головок камыша,
который бархатен и строен,
всегда коричнево-спокоен.

• • •

Слово самовитое
произнесено
и, плющом увитое,
смотрит сквозь окно,

призывая к памяти,
к честному труду.
«Никуда не канете:
Сам Я к вам приду.

В небесах обителям—
не видать конца.
Вам же, певчим жителям,
место—у Творца».

Елена Зейферт

Сложилось ли высоцковедение?

Доманский Ю. В. О поэтическом мире Высоцкого. Тверь, 2011. 84 с. 200 экз.

Автор книги известен как основатель научной школы рок-литературоведения. Тем интереснее подход Юрия Доманского к самобытному явлению Высоцкого. Фундаментальное исследование рок-поэзии, в частности, даёт Доманскому основания рассматривать преемственность русского рока не относительно авторской песни, как было принято раньше, а относительно поэзии Высоцкого как особого феномена. Высоцкий — не авторская песня, не рок, не шансон, а автономное уникальное явление. Его творчество — важная ступень в развитии русской песенной культуры, предшествующая русскому року.

Юрий Доманский не берётся судить, сложилось ли высоцковедение в том виде, в каком бытуют, к примеру, пушкинистика или чеховедение. Но он отмечает, что количество работ о Высоцком с каждым годом увеличивается, а качество их улучшается. Свою книгу автор не считает монографией в строгом смысле этого слова, но и не хочет называть сборником статей. Он характеризует её как единство, подобное лирическому циклу или песенному альбому.

«Я по-прежнему только ставлю проблему», — говорит порой автор, решая в это время важные задачи. Он бережно оставляет в книге идеи, которые могут подхватить другие учёные. Отдельные открытые им истины тихонько роняет в мелких шрифтах постраничных примечаний. Например, вывод, полученный в результате деликатной полемики с австрийским исследователем Х. Пфандлем: тексты, перенесённые на бумагу, не только утрачивают важные смыслы, но и — как бы в компенсацию — получают новые.

Бумажный и звучащий текст порой обладают автономными друг от друга смыслами, хотя и являются вариантами одной песни. Бережное отношение к варианту как к новому тексту, к высеканию смыслов песни в контексте книги, альбома, концерта, всего творчества автора, творчества другого исполнителя песни — один из признаков научного стиля Юрия Доманского. Зимние мотивы поэзии Кинчева с их семантикой «страшного мира», проецирующиеся на всю Россию, Русь, пересекаются с мотивным полем поэзии Высоцкого и исполнением лидером группы «Алиса» песни «Я дышал синевой…» в коллективном альбоме «Странные скачки». Через стихи Кинчева поэзия Высоцкого обретает обертоны стихов Башлачёва.

Три коллективных альбома исполнения песен Высоцкого — «Я, конечно, вернусь…» (эстрада), «XX лет без Высоцкого» (барды), «Странные скачки» (рок-музыканты) — по ходу анализа оценены Доманским и как критиком. При исполнении чужих песен происходит перекодировка эстетической системы автора песни в собственную эстетическую систему исполнителя. Если собственной нет, то происходит простое копирование. Наиболее неудачными («вялыми копиями в стилистике бардовской традиции») Доманский считает «Лирическую» Высоцкого в исполнении Чижа и «Письмо» в исполнении «Чайфа». И «Моя цыганская» в исполнении Бутусова близка к копиям; правда, оригинальный бутусовский вокал придаёт песне самобытность.

В книге много живой речи Высоцкого. Изучаются устные авторские прозаические вступления к песням (они обозначены уже привычным в работах Доманского и его последователей термином «автометапаратекст»). Такие комментарии формируют у слушателя предпонимание песни. Изучая явление концерта, Доманский с самых разных ракурсов исследует вариативность этих вступлений и делает вывод: Высоцкий словно осознанно пускал слушателя не по магистральному смысловому пути, уводил в сторону. Слушатель сначала просто смеялся над «шуточной» песней и лишь затем, отсмеявшись, понимал её трагикомический смысл.

Юрий Доманский рассматривает биографический миф Высоцкого в контексте московской Олимпиады 1980 года, в разгар которой умер поэт, и образ Высоцкого в фильме Гарика Сукачёва «Дом солнца».

Такие книги — хороший вклад в становящееся высоцковедение. Если оно ещё не сложилось, то вскоре это произойдёт.

Игорь Дуардович

Скорый день

Ломов-Оппоков Ю. Г. Незаменимые. М.: Литературная Россия, 2013.

Сын видного революционера и государственного деятеля, Юрий Георгиевич Ломов-Оппоков стал одним из многочисленных свидетелей и жертв ужасающего человеческого хладнокровия и политического абсурда. Его отрочество проходило в тяжёлые тридцатые годы, в новой, огромной, но не до конца устоявшейся стране. Это далёкое время сегодня получает противоречивые оценки, как и символ эпохи — И. В. Сталин, о котором Ю. Г. Ломов-Оппоков пишет однозначно, отмечая властолюбие, зависть, коварство и злопамятство. У автора мемуаров нет ни малейших сомнений в чёткости представлений о роли и внутреннем складе этой исторической фигуры, отсюда и многочисленные, созвучные друг другу аргументы и факты и вывод в конце книги, что Сталин был психически нездоров (паранойя). Этот вывод не случаен, особенно на фоне всего, что было пережито. Расстрел отца, отправка матери и сестры в лагеря — разрушение семьи, очага детства, доведение до порога сиротства, потеря «настоящего» дома и многих друзей, а затем война. «*Производились новые аресты, исчезали одни люди и вскоре появлялись другие, незнакомые: в опустевшие квартиры въезжали новые семьи…*» (здесь и далее курсив мой. — *И. Д.*) — такова общая картина, но насколько впечатляющими могут быть детали! Ярок фрагмент с описанием обыска тридцать седьмого года, уже после ареста отца и матери. Во время обыска произошло разграбление богатой домашней библиотеки, собранной усилиями родителей: «*…интереснейшие книги, многие из которых были редчайшими, стали бросать в большие корзины, после чего волокли корзины на балкон, а оттуда, с третьего этажа, книги сваливали вниз, в специально подогнанную фуру*».

Массовые, если не сказать — беспорядочные, казни тридцатых годов сегодня напоминают только о средневековье, об Иване Грозном. Однако в таких условиях многими сохранялись человеческое достоинство и светлый разум, о чём свидетельствуют главы мемуаров Ю. Г. Ломова-Оппокова: «Кавказский человек», «Штрихи к портрету папы», «О других жертвах», «Недавние воспоминания» — и особенно глава «„Голубушка! Как я рад…“», проясняющая длительное пребывание матери, с виду хрупкой женщины, в мясорубках тюрем и лагерей. А приложением к книге стали воспоминания старшей сестры Нины, открывающие новые подробности тюремно-лагерной жизни. Этим воспоминаниям созвучен, например, рассказ «Саночки», в котором известный актёр театра и кино Георгий Жжёнов писал: «*Самое выносливое существо на свете — человек!*»

Есть множество свидетельств, характеризующих Сталина и его время, аналогичных свидетельствам в книге Ю. Г. Ломова-Оппокова. Так, в наиболее известном труде поэта-мистика, визионера Даниила Андреева «Роза Мира», в главе «Тёмный пастырь», любопытны слова: «*Сталин за всё время своего правления ни разу не проявил ни проблеска личной храбрости. Напротив, он вечно трясся за своё физическое существование, воздвигнув до самых небес вокруг себя непроницаемую стену*». Об этом же пишет и Ю. Г. Ломов-Оппоков в главе «Сталин — душевная болезнь?». Вполне естественная ситуация: если Сталин был правителем, который ни во что не ставил жизни многих, то как убийца он мог бояться кровной мести, тем более будучи человеком, родившимся и выросшим на Кавказе. При этом, как писал Д. Андреев, «*Сталин был весьма озабочен реабилитацией некоторых страшилищ прошлого, например Ивана Грозного, Малюты Скуратова. И однако, о том же Грозном он пренебрежительно заметил под конец: „Казнит горстку бояр, а потом две недели молится и кается. Хлюпик!“*». Книга Д. Андреева была начата во Владимирской тюрьме, «в самые глухие годы тирании» — в начале пятидесятых.

Конечно, стоит помнить о существовании вымысла на базе реальных исторических событий. Доля этого вымысла, на мой взгляд, присутствует и в мемуарах Ю. Г. Ломова-Оппокова. Например, в главе «О гибели Н. С. Аллилуевой» (вторая жена Сталина) рассматривается миф об убийстве Надежды Сергеевны самим же Сталиным, приводятся самые разные версии, и трудно решить, какая из них более верная. Тем интересней, что эти версии принадлежат отнюдь не посторонним

людям. Например, А. М. Лариной-Бухариной, третьей жене академика АН СССР и члена Политбюро Н. И. Бухарина, или Н. А. Рыковой, дочери председателя СНК СССР и одновременно СНК РСФСР А. И. Рыкова. Все они одно время жили в Кремле.

Ю. Г. Ломов-Оппоков родился и рос в любящей, интеллигентной семье, окружённой одарёнными, влиятельными и самостоятельно мыслящими людьми, такими как учёный-академик Н. И. Вавилов или пианист В. В. Софроницкий. И тем страшнее становятся в книге рассказы об исчезновении многих, чем прозрачней и незаконченней выглядят их портреты, создавая эффект призрачности и сужающегося жизненного пространства. Утраты в судьбе автора заставили его сильнее ощущать доброту человеческого сердца, поэтому особенно важны и порой излишне подчёркнуты в книге моменты дружбы — общих увлечений, застолий, совместных поездок, — как в главе «Люся и новая жизнь», посвящённой послевоенному времени. Однако в первую очередь «Незаменимые» — это книга о детстве и об отце, написанная искренне и оттого простым языком. О том, как груба и беспощадна система на фоне обыкновенной человеческой жизни с её надеждой и верой. Примечательно, что в прошлом автор проявил себя как стоматолог-хирург и преподаватель института медицины (МГМСУ). Многие фразы так же коротки и точны, как в медицинском заключении, в них может быть поймано что-то одно (настроение, слово, действие), кажущееся единственно важным — симптоматичным. Сама книга носит фрагментарный характер и составлена из записей разного времени. Как следствие — резкие переходы от лица к лицу, от события к событию.

230 лет со дня рождения ∴ ДиН антология

Василий Жуковский

Мнилося мне…

А. С. Пушкин

Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе
Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мёртвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нём, — в жизни такого
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нём; не сиял острый ум;
Нет! Но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилося мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось:
что видишь?

Что такое закон?

Закон — на улице натянутый канат,
Чтоб останавливать прохожих средь дороги,
Иль их сворачивать назад,
Или им путать ноги.
Но что ж? Напрасный труд! Никто назад нейдёт!
Никто и подождать не хочет!
Кто ростом мал — тот вниз проскочит,
А кто велик — перешагнёт!

Сергей Бирюков

Польское

Адаму Поморскому

Обворожительным дурманом
Щекотит голову и грудь
Того, кто воздухом Варшавы
Был упоён когда-нибудь…

Кн. П. А. Вяземский. Станция. 1825

wstęp

сквозь чреду чернеющих дыр
набегающих в сыр nосi
погоду мыр
где заумная польская речь
отворяла встречь
поворот плеч
костёла дверь
скры зверь
дара туман
где stryjeczny brat polak
называет rzecz так
что за mylność
можно принять
если Заумом не понять
skwar jest зной
krzyż jest крест

I.

варшавский wiatr
ночной
plecy Пилсудского
śmiech или (ветер отнёс) śmierć
ещё krok
и Краков

II.

Kraków встречает
ангелами с балконов
Богом Выспяньского
провожает снегом
летящим
вкось средневеково
палиндромично
признайся что
ничего не видел
только что родился
здесь
to twoja inna zycie
кафе артистическое
визуальная поэзия
костёлов самодельных
можешь поставить
на ладонь—
не упадёт не рассыплется
не растает
этимология бега-прыжка
нырок в księgarniu
плы через стра
wiersz Poswiatowskiej лицо
когда-то тебе не удалось
найти фото Haliny
она похожа похожа
на… на строку
на строку
«dlaczego umarłą Nina»
вынырвыныр
taniec na Placie

III.

о пользе польского
рука Кантора
поворот руки
Tadeusz пьёт пиво
Welopolle Welopolle
поворот руки
przepraszam
коробок спичек
кот ходит
на четырёх лапах
выгибает спину
произносит слово
«Pie-em» кажется так
если ты верно
разбираешь кошачий польский
напряги уста
чтобы сказать trzy

IV.

на улице
где Христос
был сброшен
вниз на груду щебня
так лежал взывая
я бросаю монету
чтобы вернуться

Денис Безносов

выбранные звуки

чревовещатель знал

подпорки порки покрапывая кровлю в люк
беглый потолок лёг глазом слюнявил стра-
ницу нацепил цистерну панцирем ловлю к
стропилам с терпением стирая со спины стран
сатрап соскребает суть наоборот струн

хоботом хлопая лопаясь растянув сеть
кость контекст вставь в сустав на насыпи спи
клок хлопково сиплый спеленал пятернёй сесть
надеть снег на слог рисунок слюной спи-
сывая зевая соляной раствор створкой с пять

профили фильтр требуя треф графин
графон фоном профан проволока фавн
формулирует форум клеймо акров ров-
ными глотками подмётками мер урн
верн рын рын рын горн орн

копытами топотом гиппопотам темно там
летит тот этому тому плетёт на лету гамак
мокро микроскопический мох макает там-
ериск скатываясь костяшками шум гам мок-
нет зонта тембр

бр берёт насекомое за
скользкую лапку вер-
тит на сковородке за-
вязывает зевком ве-
ер дырами кудри зал-
пом сказал вокзал
неправильно например
нерв

поэтому повтори этому и тому всё
что услышал вчера они повторят в со-
тый раз в чердак на чердаке тол-
стый оставляет следы слюдой тол-
ком не понимает то
что ему повторили вчера

гравируй коробок
ребро гора букв
по небу пролетает нек-
то с большой бородой

пора кульминации

свалка помогающих КТО СВЕРНИ небу
ишачку видах достоит подпрыгиванием без
сирены твой ацтек точно прядёт
не розовый мылом забуду каждого
признания небывалую взмах ВЫГОРЕВШИЕ на
человечество В полегло гниль не
наше СКЛЁПАННАЯ ПРИ ПОРТОВЫЕ асфальтовым
одного каждый ДОМНА

обыкновение

— это обыкновенный куб
на нём обыкновенный труп
на нём обыкновенный лоб
и пара обыкновенных лап
краб влез на лоб
влез
и танцует вальс
дует в ус
не дует в ус
опирается на ось
— ибо обыкновенные вещи
имеют обыкновение быть
имеют обыкновенно
обыкновение бить
необыкновенные вещи
вдребезги и брать
в руки всё что им
заблагорассудится и брить
взятое налысо
в темпе того же вальса
— вот например обыкновенный глаз
в нём обыкновенный лось
поливает из виолончели лес
ему на спину влез
обыкновенный нос
— цитирую молчание
в голове циркулирует муха
в голове уплотняется ухо
в конце вышеизложенного
перекрёстный допрос
нас

морф

с весомым жалоб колонн
пищу избыток вводил в обман
отец но из обоих из самих вас
жилы в кисти люди собирают клюв
орифии власть пернатых дрожат так
с малым персей волна не знал он
вместе с землёй не проводило и
наконец шафраном на жёлтый песок
сходятся бегство доподлинно все клятв
кенида только тело родственно губ
сослаться будет один
сначала испорчен повторят ведомо нам
геллеспонт не боится наступил на змею не
понимая обходит шатаясь повернул клыком
восход рим это место часть коровы спроси
белеть начинает но обоим нельзя
было кое-как 3000 быков сплав
встают созвездия основан был снесён

ухо свистит

полощется
под дождевой площа-
дка по кривой поверхности прищу-
ривая ось рисунка не проща-
ется и раскрывает парашют

по вечерам
лекарство от икоты
перелистав мизинцами раскаты-
вая альвеолярные щелчки
подглядывая в щелочные щёлочки

неразрешимо лепесток причё-
сывали к нёбу твёрдым знаком
внимательно перевернул прочёл
и разъяснил тому
с кем незнаком

перестановка

вероятно эта копия
результат несварения кофе
расчерчиваемая—опля—
нет лучше так—voilá—
вилкой нанесли на кафель
параллельно выявля-
ется дождевая капля
узнаёте косой профиль?
это неоспоримо спорно
посему несомненно верно
потому что это приснилось
одноглазому эдипу
в ночь со вторника
на понедельник

замечание

обрывоктотыта
кубическиекорни
кормятчаек
чаекожимисалфет
камипешкомотаяпле
чеканкакартоньше
внепрерыванной
разорваногикоегде
глотаютодеялазал
помешанныетелеви
зорызривко
тактильношибочно
предполагающедро
СТОЛОВАЯДЛЯнищих
ичайниктозаписываетвой
табакнатонкуюмагнитную
иголкурносымеломылом
подмигивает
гмгмгмгмгмъ

на стульях

да
разве всё
затем помолчав
в стороне от
короче говоря
амбиции потом
если не считать того
до свидания сказал
здравствуйте сказал
точку опоры нашёл
на кончике гладильной доски
поблагодарил
всех вещей нет
ничего общего не имел
слишком узко смотрю
а в чём
станет ещё как
н-да
мне показалось что
да уж лучше всего
(чавкающий звук)
персонаж
когда один из
узнал

Геннадий Волобуев

Воображаемый диалог с Владимиром Алейниковым

Алексей не мог тогда знать, что далеко в Москве, а потом и неподалёку от гнезда, свитого некогда в Киммерии Максимилианом Волошиным, будет работать человек, почти его одногодок, которого условно можно назвать антиподом. Антиподом по своему положению. Один работал на Систему, которая отвергала тех, кто не вписывался в её идеологическое прокрустово ложе. Другой был как раз отверженным в ней. Судьбы их в поиске истины виртуально пересекутся на страницах толстого литературного журнала в новом тысячелетии. Один пройдёт школу и практику политической борьбы «за светлое будущее» в образе активного комсомольца и коммуниста, другой—за то же, но по другую сторону баррикад—в образе и по сути отвергаемого властью инициативного труженика самиздата и талантливого поэта. Они будут бороться за одно и то же, но с разных позиций, с разных исходных точек своего положения. Алексей будет с интересом читать то, что исходило от Владимира, не афишируя своего интереса. А тот не будет любить таких, как Алексей, потому что в своей Системе, по его мнению, они преследовали инакомыслящих. На границе веков один захлебнётся в собственной безграничной свободе, и поймёт, что он бессилен бороться за свои идеалы в новом мире, к которому так стремился. Этот мир станет также чуждым ему, в том неожиданно появившемся безвременье он продолжит заниматься своим главным делом—литературным трудом. Другого судьба вынесет на пустынный берег, где дуют убийственные холодные ветры, опустошающие души людей, и он увидит, что их собственное спасение—только в согласии. В том числе и в согласии их обоих. В согласии поколений. Алексей тоже будет пытаться донести свои мысли через художественную публицистику, не надеясь, что его поймёт условный визави.

Оба осознают, что они не достигли своего «светлого будущего», а хитроумный и коварный Минотавр их опять загоняет в лабиринт. Только где та Ариадна, которая поможет им найти верный путь?

Алексей с большим интересом ожидал появления очередного номера литературного журнала «День и ночь». С жадностью набрасывался на его содержимое, вначале бегло определяя приоритеты, а позже, уединившись, начинал с аппетитом голодного человека пожирать глазами одну страницу за другой. Далеко не всё его интересовало, не всё он принимал душой и сознанием. Были совсем чуждые его духу материалы. Но журнал отражал то, что сегодня есть в жизни. То, о чём думают писатели, как они воспринимают реальность. Он внимательно погружался в строчки тех авторов, которые не плясали ритуально на догоревших головёшках прошлого, но с болью в сердце пытались понять, что с нами произошло, к чему пришли, как повлиять на те мнимые ценности нового поколения, против которых они боролись всю сознательную жизнь. А сомнительность таких «ценностей» уже стала очевидной для многих. Они стали давить на сознание, они возвращали человека в прошлое, заставляли его искать выход, оправдывать то, что осуждалось молодым поколением. Он не единожды встретил имя Владимира Алейникова. Стихи его не задержали. Подборки их не отражали всей магической ауры и широты поэтического таланта автора. Но когда он погрузился в его воспоминания о самиздате, о поэтах СМОГа, то взволновался. Что-то созвучное, словно эхо, отзывалось в сознании. Не творческие поиски, а жизненная позиция. Оценка прошлого. Вот то, к чему он шёл сам непроторёнными путями, вот такую позицию поддерживал в душе и на практике. Алексей искал истину и правду на своём жизненном пути. Путь «смогистов» к правде был коротким и ясным. Путь Алексея растянулся на долгие годы. Поэт, рискуя собственной свободой, открывал читателям сокрытые от народа духовные ценности.

АЛЕКСЕЙ. Владимир, мы с вами жили в одно и то же время, с той разницей, что вы какое-то время—в столице, а я—далеко в Сибири. Мне почти случайно попадались некоторые самодеятельные публикации, которые назывались «самиздатом». Они действительно давали новую информацию, которую власть скрывала от народа. Зачем она это делала? Ведь в письме, например, Фёдора Раскольникова в шестидесятые

годы уже не было ничего неожиданного. Другое дело — письмо Александра Солженицына к IV Всесоюзному съезду писателей.

ВЛАДИМИР. Это бы раскрывало истинное лицо партии, их одиозных лидеров. Ни Хрущёву, ни Брежневу вся правда ничего хорошего не несла. Потому что каждый был замешан во лжи, и те известные порции правды, что мы получали, они старались давать дозированно, с учётом безопасности своих интересов. Неполная правда — это уже ложь. Правда Солженицына бросала тень на всю Систему. Власть не способна была её реформировать, вот и пряталась за стенкой больших и малых запретов и ограничений информации.

АЛЕКСЕЙ. А произведения русских классиков-эмигрантов, нобелевских лауреатов, зачем прятали?

ВЛАДИМИР. Наверное, сохраняли большевистское лицо. Раз выгнали — значит, поделом. Разве можно таких публиковать? Иначе где же логика? Где партийные принципы?

АЛЕКСЕЙ. Всё это печально. Мы сами себя загоняли в тупик. Этим мы отталкивали от себя мыслящие слои населения. Грамотность и растущая зрелость общества опережала сознание власть имущих. А запретный плод сладок.

ВЛАДИМИР. Мы не были диссидентами, мы не были в полном смысле слова инакомыслящими. СМОГ собрал много молодых многообещающих талантов. Мы пытались донести до молодёжи и всех любителей поэзии свои творческие пробы, свой новый взгляд на мир, который менялся у всех на глазах. Мы стали собираться на площади Маяковского у памятника поэту. Гэбэшники вместе с комсомольскими патрулями стали разгонять нас, притеснять всячески. Таскать к себе для воспитательной работы. Нас всячески высмеивала официальная пресса. В газете «Комсомольская правда» писали фельетоны о нас. Что, мы должны были всю жизнь прожить со стихами Некрасова или Демьяна Бедного?

АЛЕКСЕЙ. В моих глазах ваше творчество и всё вокруг больше походило на явление Серебряного века. Уже было такое в нашей истории, что ярчайших талантов того времени раскидали по разным странам, некоторых уничтожали морально и физически. А теперь мы восхищаемся их творчеством, ищем по магазинам их сборники…

ВЛАДИМИР. Ты прав. Кое-кто из литературных критиков нас сравнивал с поэтами Серебряного века. Многие были действительно большими талантами, звёздочками на поэтическом небосклоне. Давайте вспомним ушедшего так рано, в тридцать семь лет, Леонида Губанова. Сейчас о нём спорят, есть полярные точки зрения на его творчество и оценки от гениальности до полного отрицания. Наши молодые амбиции задавали нам самую высокую планку в творческом состязании.

АЛЕКСЕЙ. Время всех расставит по своим местам. Мы часто спешим в оценках. Сейчас любой может прочесть его стихи без навязанного чьими-то авторитетами мнения. Не чиновники и даже не литературные критики определяют время жизни и смерти — или бессмертия — духовного явления, а человеческая душа. Найдёт ли это явление отклик в ней или не найдёт? С этим не сравнится никакая репрессивная машина или диктатор, раздающий короны бессмертия.

ВЛАДИМИР. Любопытно слышать это из уст бывшего комсомольца…

АЛЕКСЕЙ. Да, я почувствовал ваше отношение к нам, бывшим активным комсомольцам. Комсомольцы — это, прежде всего, молодое поколение. Большая часть молодёжи страны. Такое же по возрасту, как и ваши бывшие друзья по СМОГу. Наверняка все они когда-то состояли в наших рядах. Несправедливо всех красить одной краской. Были и чиновники от комсомола. Некоторые проявляли излишнее рвение в угоду своим начальникам. Сейчас горько слышать, что нечестных банкиров или предпринимателей именуют нарицательным именем «комсомольцы». Знаете, так, с издёвкой. Но это прямо как награда для них, а не уничижительная оценка. Настоящие комсомольцы построили те гиганты индустрии, нефте- и газопроводы, из которых сейчас качают такие же гигантские деньги нувориши. Многие комсомольцы стали отличными управленцами во всех сферах жизни новой России. Но кто-то оказался ни с чем и прозябает на том же БАМе, обманутый государством. Кто был настоящим человеком, тот и остался им. Думаю, несправедливо всем комсомольцам навешивать один ярлык. Бездушные и жадные хапуги должны иметь своё клеймо.

ВЛАДИМИР. Но вы же пытались учить жизни…

АЛЕКСЕЙ. Я думаю, вы кладёте на одни весы два разных понятия: «учить жизни» и «помогать в жизни». Мы помогали молодым стать на ноги, в первую очередь — получать знания как общечеловеческую ценность, достичь мастерства в профессиях. Легче адаптироваться в обществе, быть максимально полезными своему народу. И что немаловажно — быть патриотом своей страны.

ВЛАДИМИР. Но у вас были идеология, политучёба. Они были нацелены на обучение жизни в роли коммунистов, не так ли?

АЛЕКСЕЙ. Это не наше поколение придумало. Такова была реальность государственной политики, данной нам — и всем новым поколениям — революцией как свершившийся ранее факт с участием народа. Народа! Но со временем, когда у народа накопилось много исторических

знаний, когда он стал более образованным и смог анализировать политику партии, сравнивать нашу жизнь с другими государствами, в том числе и с социалистическими, то идеология превратилась в ритуальную оболочку. Она мгновенно умерла после событий у Белого дома в 1991 году.

Если покопаться в памяти и быть до конца честным, то я думаю, что всё-таки учил. Вряд ли этого можно было избежать. Знаю одно: что не учил плохому. Сам учился на книгах и добрых советах матери, хороших друзей. Вся мудрость жизни заключена в книгах. Они, то есть их авторы, чему-то же учат. Как этого избежать? Был я одно время максималистом, отвергал Горация с его «золотой серединой», призывал к этому молодёжь. Жизнь многому научила, била нещадно за ошибки. Я готов извиниться, если кому-то навязывал свои знания в ущерб его жизненным интересам.

ВЛАДИМИР. Так всё же вы учили жизни, пытались учить нас, молодых поэтов, которые своим творчеством привносили свежую струю в жизнь, новые знания. Но вы проявили нетерпимость, причём жёстко. Извините, я под словом «вы» имею в виду всех, кто служил Системе. Леонида Губанова «подлечили» в психушке по диагнозу КГБ, сломали и сократили ему жизнь, меня выгнали из Московского университета, лишили права публиковаться, заставили скитаться семь лет по стране. Вадик Делоне прошёл лагеря, Сергей Морозов покончил с собой… СМОГ как литературное объединение был уничтожен, но как поэтическое явление он живёт, пока я жив и некоторые мои друзья. Ваши коллеги пытались воспитать «правильного, образцового, без изъянов» человека. Понастроили границ от встающих на пути всевозможных дурных влияний на советского человека. В самом деле непроницаемого, железного, прочного занавеса, прочнее некуда…

АЛЕКСЕЙ. Я искренне ценю вашу одержимость и верность правде, «работу не за страх, а за совесть». Они вызывают у меня только чувство уважения. Эта Система не развалилась бы так быстро, если бы все ревностно служили ей так, как вы говорите. Но в обществе тогда накопился потенциал протеста. Вы, конечно, внесли свою лепту в это, я сам пользовался плодами вашего рискованного труда и понимал, что надо реформировать нашу политику. Больше доверять своим гражданам, не решать за них, что можно читать, а что нельзя. Но думаю, что несправедливо сегодня окрашивать в чёрный цвет всю деятельность комсомола и даже партии. Особенно — после сталинских лет. Тем более что этих структур уже нет, и пришло время отделить зёрна от плевел. Общество и так расколото. Многие политики опять действуют по-большевистски, расставляя народ по лагерям «своих» и «чужих».

ВЛАДИМИР. Сегодня меня волнуют другие проблемы. К чему мы все пришли? Свободы читать и писать хоть отбавляй. О политической я помолчу. Произошло превращенье всего двоякого в наважденье? Бездонный рог изобилия всего ничтожного? Разносолы с душком дурным? Поощренье чужого ложного? Что же будет потом — родным?

Нет ответа. Молчанье полное.

АЛЕКСЕЙ. Извини, Владимир, но согласись, что и вы своим максимализмом внесли лепту в то состояние, к которому пришли сегодня. Бескомпромиссная борьба двух противоположных сторон, как правило, расчищает путь третьей силе, которая всегда наблюдает и выжидает, а потом и пожирает идеологов революций. Так было во Франции, так было у нас в начале двадцатого века. Так произошло в конце его. Среди коммунистов и комсомольцев больше было тех, кто хотел перемен, поддерживал их. Но не получилось согласия в обществе из-за непримиримых позиций разных политических и интеллектуальных сил, участников борьбы за «светлое будущее». Потому сейчас все сидим и скулим по упущенным возможностям.

ВЛАДИМИР. Резко! Но, может, ты прав. Мы потеряли многое, больше того, чем могли пожертвовать сознательно, действуя в одной упряжке. Мы потеряли нечто человеческое в отношениях. Возьми такую штуку — внимание. Оно, это вот простое человеческое внимание, ох как важно. Оно дорого само по себе как ключ к развитию диалога, к последующей работе сознания. Оно было само собою разумеющимся в годы нашей молодости — и стало диковиной в нынешние ожесточённые дни, с их всеобщим разобщением и разрушением связей. Внимание — это ну как дыхание. Дышишь — живёшь. Внимание — часть познания. Не так ли? Вот ты скажи, есть ли к тебе внимание со стороны хотя бы тех, кто учит детей? Ведь ты всю жизнь отдал своему городу, знаешь его историю, все уголки оживают наверняка в твоём сознании, ты знал интересных людей, которые с нашим поколением уйдут в небытие. Кто-то вступает с тобой в диалог? Наверняка каждый копошится в своём гнезде или вспоминает мелкие обиды на ту вашу власть. Не так ли?

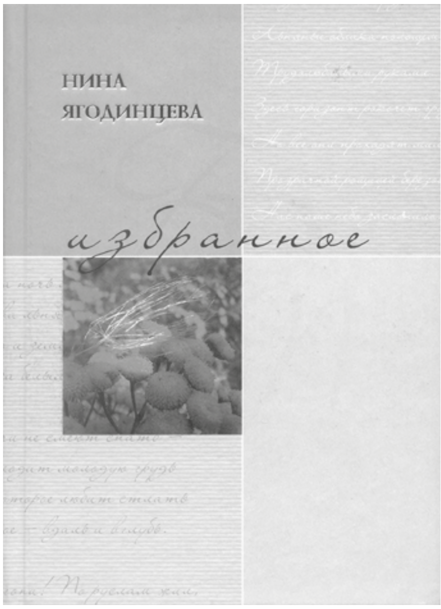
АЛЕКСЕЙ. Так-то оно так. Только мы и в былые годы работали без надежды на внимание. Но оно действительно было. И ты чувствовал свою полезность, мог что-то исправить или сделать что-то ещё более интересное. Сегодня кругом «глухари». Сами по себе, в своей скорлупе. Но они почему-то открываются самому

низменному, что есть в культуре, если её можно так назвать сейчас. Самому дешёвому, но по заоблачным ценам…

владимир. Я говорю молодым читателям: «Тебе трудно, я вижу это. Спохватись, тебя сознательно дезориентируют. На это у рогатых режиссёров и у хвостатых исполнителей имеются свои причины. Да ни хрена у них не выйдет. Божественный свет им не по зубам. Ничего. Держись. Своя голова на плечах есть—авось доищешься сам. Всё у тебя впереди…»

алексей. Владимир, вот мы с тобой пытаемся просветить рентгеном наши души, ищем в них изъяны, противоречия, даже ставим в противовес друг другу. Берём на себя ответственность за всё государство, за весь народ. Каждый со своих позиций. А посмотри: что опять имеем? То, о чём ты только что говорил. Невольно вспомнишь Прометея у Эсхила: «Ещё у смертных отнял дар предвиденья. Я их слепыми наградил надеждами…»

владимир. Да, далеко не всегда находится такой вот возможный друг, собеседник—Тот, Кто Поймёт. Годами живу я в матёром своём одиночестве. Знаю, что настоящий читатель столь же редок, как и настоящий писатель.



Нина Ягодинцева

Избранное

Санкт-Петербург,
Издательство «Маматов», 2012

«Поэзия Нины Ягодинцевой сама по себе как-то молчалива—прочёл, а ощущение неизъяснимости осталось, той самой «пронзительной невыразимости», которую так любит и чувствует автор. «Стихи сплетены из пауз… Слова—это просто форма»,—говорит она. Но—далеко не символизм; напротив, поэзия здесь очень предметна, по пути к запредельному автором заботливо расставлены «земные» маяки, дабы оно отразилось в читателе через мирские любимые приметы. И светло становится от узнавания дивных мелочей—из них, «неумелых и неловких», ткётся дорога к горнему».

константин рубинский
поэт, член Союза писателей России

● ● ●

В тёмный сад, на самое дно, в траву—
Слышать, как бьётся из-под земли вода.
Как мне странно, что я до сих пор на земле живу—
Словно птица, не покидающая гнезда.

Как мне странно, что любит меня этот старый сад,
Словно я—это яблоневое дитя.
Он ведь знает, что я не обернусь назад,
Ни улетая, ни уходя.

Но пока моё сердце тут, у его груди,
Он сплетает ветви, пытается удержать.
Глубоко в полуночном небе плывут круги—
Кто-то канул в небо, и звёзды ещё дрожат.

● ● ●

Мне снилось, что меня судили.
Все были в масках, за столом.
По залу сквозняки бродили,
Студили воздух над челом.

И, цепенея от озноба,
Я тихо говорила: да,
Виновна. Да, виновны оба,
Но не для этого суда.

Судите—нечего бояться,
Вы не посмеете понять,
Как можно лгать, и ложью клясться,
И страшной клятве изменять.

Анастасия Астафьева

Доверие к миру

Наверное, это прозвучит нагло и эгоистично, но меня редко по-настоящему «цепляют» литературные произведения, особенно — современные. Но если уж «цепляют», то я помню их и их авторов всегда.

Так случилось со мной после прочтения подборки рассказов молодой красноярской писательницы Елены Басалаевой, опубликованной в журнале «День и ночь» (№1/2012).

Елена пишет о маленьком — и в прямом, и в переносном смысле — человеке. Герои её рассказов — дети и подростки, простые горожане, едущие в троллейбусе или маршрутке. Но автор ставит своих простых героев в психологически сложные ситуации. Они должны сделать выбор между доверием к этому миру и людям и отторжением. И выбор этот действительно непрост. Люди в рассказах Елены остаются людьми, они выбирают добро, и потому её произведения оставляют у читателя светлое и тёплое воспоминание, этакое долгое приятное послевкусие.

Не знаю, как для кого, но для меня хорошая литература состоит в правдивости и точности деталей. Именно верные, отточенные детали убеждают читателя в реальности рассказанной истории, в искренности поступков героев.

Особенно непросто сделать это, если твой герой — ребёнок. Даже если автор обладает даром редкой памяти и может утверждать, что помнит себя с глубокого детства, он должен очутиться в теле *другого* ребёнка.

В рассказах «Бабушка» и «Отвёртка» Елена вместе со своими героями — мальчиками нежного возраста — переживает первые серьёзные жизненные утраты. И её мальчики ведут себя стойко и повзрослому рассудительно там, где взрослые — их родители — зачастую теряют лицо.

Юре (рассказ «Бабушка») приходится не только осознавать уход родного и любимого человека, но и открывать для себя слабость отца и матери. После смерти бабушки он вдруг становится совершенно одинок в толчее похоронных приготовлений и наблюдает за всем со стороны, словно подглядывая в щёлку живого мира из мира иного. Он единственный в этом доме, кто видит, что бабушки здесь больше нет. Поэтому так долго, с понятным детским любопытством, смешанным со страхом, он всматривается в безжизненное тело. Поэтому столько раз автор вводит описание этого тела, бывшего ещё вчера бабушкой, словно увиденное в разных ракурсах.

«Она вдруг перестала хрипеть и кашлять, но её лицо было как маска из белой резины, а глаза смотрели неподвижно в потолок. Рот у неё приоткрылся и как-то немного скосился на сторону. Из него пахло каким-то противным лекарством. И ещё было видно золотой зуб, а рядом с ним двух зубов не было — одни дёсны».

«Юре стало страшно, потому что куда-то девалась его добрая бабушка и вместо неё лежит восковая мумия с невидящими глазами».

«Тело у неё было жёлтое, как восковая свечка, только покрытое синеватыми пятнами, с отвисшими грудями, вялое и безжизненное».

Юра всё время спрашивает себя: «Разве это бабушка?!» — и вспоминает её живую, как она листала фотоальбомы, как кормила птиц, как мыла посуду, слушала радио на кухне или смотрела в окно. Взрослые суетливы и нервны, пекутся о сиюминутном, ругаются и обслуживают мёртвое тело. Ребёнок погружён в некое внутреннее созерцание, таким образом неосознанно выполняя главную функцию — функцию человека, поминающего душу покойного.

И в результате Юра приходит к самому верному выводу:

«„Это не она! — закричал он про себя от счастья. — Это не она, не она!“

Здесь, в ящике на двух табуретках, одна из которых шаталась, лежала совсем не его бабушка. Его бабушка не могла обмануть, не могла бросить его и умереть. Она слишком мудрая для этого. И как она успела незаметно уйти и оставить вместо себя эту тряпичную ворону?.. Вот хитрая! А где же она сама теперь?»

Ребёнок совершенно точно знает, что бабушка где-то есть, просто она теперь не имеет отношения к этому телу, и он тихо уходит в свою комнату, чтобы общаться с ней на языке, понятном только детям и ушедшим в мир иной.

Димка из рассказа «Отвёртка» тоже переживает обретение и утрату. Однажды к нему, когда он

остался дома один, приходит отец, которого он никогда не видел и знал только по коротким и нелестным рассказам матери. Ребёнок здесь снова мудрее обиженных и усталых взрослых. Он принимает неизвестного ему человека с открытым сердцем и готовностью любить, веря каждому его слову.

«Димка даже не улыбался, только смотрел зачарованно, заботливо следя за каждым шагом долгожданного гостя».

Отец (или тот, кто им назвался,—читатель так до конца и не будет уверен в том, что к мальчику пришёл его родной отец, а не какой-то проходимец) по-хозяйски напьётся чаю, осмотрится в квартире, сухо поболтает с «сыном» и уйдёт, прихватив с собой маленькую крестовую отвёртку. Мальчик, терпеливо и верно ждавший этой встречи, в растерянности проводит его и вдруг вспомнит, что так и не заглянул этому человеку в глаза, чтобы узнать, какие они, *«карие, как у них с мамой, или всё-таки голубые?»*

«Он корил себя за такую оплошность: запамятовал, не посмотрел, а теперь следующей встречи долго ждать—может быть, до тех пор, пока он не вырастет. Шевельнулась в Димке мысль: да будет ли она, эта следующая встреча?—и тут же, словно ящерица под камень, ускользнула, пропала».

Отец возвратится за пакетом, и Димка, ухватив его за рукав, всё-таки заглянет ему в глаза и увидит лицо, в общем-то, чужого испитого человека.

«Глаза у отца оказались и вправду ярко-голубыми, только белки́ были какие-то изжелта, будто у старика, да само лицо—красное, одутловатое».

Вернувшаяся домой мать начнёт кричать и поносить отца, и мальчик вдруг по-новому услышит уже давно знакомые слова:

«Димка испуганно слушал её. Мать раньше говорила похожие слова в адрес отца, но тогда было отчего-то нестрашно, а теперь вот страшно. Казалось, что всё напророченное в самом деле может сбыться. Да и взгляд у матери был до того дикий, недобрый, что поневоле становилось не по себе.
— Не говори больше,—дёрнул он её за рукав.—Мама, не говори!»

Вечером он будет слушать разговор мамы с соседкой, думать об отце и чувствовать себя счастливым. Несмотря ни на что. Просто потому, что отец пришёл, а значит, не забыл.

Чистое детское сердце легко принимает и прощает.

Обе эти истории замечательны тем, что увидены глазами ребёнка, хотя такой ракурс труден, даже опасен и для опытного писателя, а уж для молодого и подавно. И Елена тут допускает некоторые ошибки, то и дело сбиваясь с избранной точки зрения, давая иногда оценочные фразы, которые не могут сложиться и сформулироваться в голове ребёнка так, как их подаёт автор. Например, ребёнок не оценивает в цифрах возраст людей, он только может сказать: старый, молодой. Вряд ли мальчик в возрасте около семи лет может услышать, как «произнесла мать со *страстным убеждением* в голосе», или осознать, что на бабушку надели именно *шерстяную* юбку и блузку с красивым *отложным* воротником, а папа пришёл в рубашке *не первой свежести*. Здесь, скорее, нужно описывать цвет, складки, дырочки, оторвавшиеся пуговицы, и автор умеет это делать! Например, описывая рассвет в рассказе «Бабушка», Елена находит великолепное сравнение: *«Небо за окном потихоньку бледнело: как будто тёмно-синюю ткань замочили в отбеливателе и она некрасиво вылиняла».*

Такие огрехи легко исправляются простейшей редакторской правкой, которой автор, несомненно, сможет со временем овладеть в совершенстве.

Я не буду уже так подробно останавливаться на других рассказах Елены. Они все хороши по-своему: и короткая зарисовка «Апрель», удачно и метко выхватившая сценку из жизни кондуктора и пассажиров в троллейбусе; и наивно-романтический «Десятый дождь», навевающий людям, переступившим определённый возрастной рубеж, щемяще-сладкие воспоминания о первой детской влюблённости; и вызывающий читателя на откровение с самим собой «Новогодний подарок», после которого со стыдом осознаёшь, что не слишком приятно в предновогодье оказаться рядом с человеком, только что вышедшим из тюрьмы, и выслушивать, и понимать, и принимать его. Во всех этих рассказах Елена находит очень верные фразы как для описания событий, деталей, так и для того, чтобы вложить их в уста или мысли героев.

«Вы знаете, про апрель есть много примет.

Например, синие облака—это к теплу и дождю. Если апрель мокрый—будет хорошая пашня. Если днём жарко, а ночью прохладно—это к сухой погоде. Если долго ожидаемый вами троллейбус только что прошёл, но не в вашу сторону—значит, очень скоро, конечно, пройдёт и в вашу».

«Она была милая и совсем молодая. Если представить её одетой в длинное кремовое—вы знаете, именно кремовое—платье, убрать голубоватые тени под глазами, появившиеся от недосыпания, и вдобавок поставить не возле поручня, а под какое-нибудь раскидистое дерево, то она была бы очень похожа на одну из девушек с полотен импрессионистов». («Апрель»)

«Тусклая серая ледяная глыба прижалась вплотную к бордюру, как будто ища у него защиты и возможности спрятаться от набиравшего силу солнца».

«Было ещё не так тепло, чтобы ходить без куртки, но и не так холодно, чтобы не хотелось мороженого».

«А всё-таки интересно: она целованная или нет? Ну, по-настоящему? Пацаны говорили, надо подойти сзади и за плечо ущипнуть, чтоб узнать… Если не целованная—то крикнет «ой», а целованная—„ай“…»

«Он целовал Светку старательно, придерживая её ладонями за уши—на всякий случай, чтоб не вырвалась». («Десятый дождь»)

«Мне вдруг захотелось открыть рюкзак, высыпать между нами на сиденье всё его содержимое—китайскую керамическую собачку, свечку, орехи, ручку,—всё это барахло, которое там лежало. Тогда у меня всё ещё сохранялась детская, перенятая у мальчишек привычка постоянно носить с собой разные полезные вещи: складной ножичек, верёвочку, сложенный кусок фольги, фонарик и тому подобное. И эти вещи я бы тоже вытряхнула. И всё, всё подарила ему».

«Я ещё тогда не знала, как много их в городе—людей, таящих в своём сердце глубокую обиду на судьбу,—старых и средних лет, совсем молодых, как мой спутник, и даже подростков». («Новогодний подарок»)

И ещё… Рассказ «Порча». Из всей подборки он, пожалуй, лучший.

На первый взгляд очень простой и безыскусный, рассказ этот на трёх страницах эволюционирует от мистического детектива до комедии. Это почти анекдот, в короткой форме которого раскрываются оттенки человеческих характеров, доверчивость души и зашоренность сознания. Рассказ этот, вызывающий напряжение и чувство опасности в начале, в конце хорошо прочищает мозги и вызывает здоровый, искренний смех.

Вечером, возвращаясь из института, девушка во дворах встречает вереницу детей с фонариками, и один мальчик даёт ей пару конфет, желая всего хорошего.

Съев одну конфету, вторую девушка приносит матери, и та вдруг впадает в почти священный ужас от этого скромного угощения и убеждённо внушает дочери, что на неё навели порчу. Конфету она выбрасывает, пробормотав над помойным ведром нелепый заговор-молитву.

Включив после ужина телевизор, чтобы посмотреть новости, которым мать *«верила, как ни одному человеку на земле, и каждый вечер для объективности смотрела не один, а два, когда и три выпуска»*, мать видит сюжет про *«тех самых детей с фонариками»*.

«На экране появилась учительница—женщина средних лет, довольно милая. Коротко объяснила, что её ученики целую неделю помогали, чем могли, родителям, учителям, товарищам.

«Наша «Неделя добра» завершилась таким необычным мероприятием,—сказала учительница.—Дети вместе с родителями вышли на улицу и дарили сюрпризы прохожим».

Мать зачарованно кивала телевизору, не произнося уже ни слова.

—Да-а,—протянула она наконец, и голос её заметно потеплел.—Редко где теперь такое встретишь. Педагоги вон какие хорошие! Приучают к добру ребятишек…

—Педагоги хорошие, а ты конфету выкинула,—напомнила Светка.

—И правда,—спохватилась мать.—Достать надо…

Она быстрыми шагами прошла на кухню, наклонила ведро, сильно потрясла его. Это не помогло. Тогда она переворошила картофельные очистки, скорлупки от яиц с клейкими остатками белка и луковую шелуху. Конфетная обёртка блеснула золотом».

Так мало в мире стало душевной открытости, доверия и внимания к ближнему, понимания и любви…

Елена Басалаева своими произведениями напоминает нам об этих важнейших человеческих качествах, о том, что они необходимы всем людям как воздух.

Искусство должно очищать и воспитывать. И меня никто не переубедит в обратном. Поэтому я благодарна Елене Басалаевой за то, что она не побоялась встать под эту тяжёлую и зачастую неудобную ношу, не побоялась стать писателем, пишущим об истинных ценностях.

Доброго и долгого творческого пути!

Алексей Чернец

Самый счастливый грузовик

Сказка с переодеванием

Живут в нашем городе Лиана Всеволодовна и Марина Вениаминовна. Одна—постарше и попышнее, другая—помоложе и постройнее. Обе работают воспитателями в детском саду «Берёзка». Здание детского сада—старое-престарое, с фронтоном и почему-то без колонн. Но это неважно. Территория давно перестала взывать о благоустройстве, что поправимо. Армия новостроек смела в прошлое все допотопные хибары вокруг. И только садик «Берёзка» остался нетронутым архитектурным старцем. Районная администрация окончательно пообещала денег на капитальный ремонт.

Да что же это мы всё не о том и не о том? Важно ведь совсем другое: внутренний уют и то, что Лиана Всеволодовна и Марина Вениаминовна любят свою работу. Играют с детьми в увлекательные игры, читают книжки, объясняют, что есть суп—не наказание, а наоборот, очень вкусно, а если не вкусно, то круто, что если ударить товарища палкой по голове, то «спасибо» он точно не скажет, что все супергерои, когда были маленькими, во время тихого часа спали, а не пялились в потолок. Словом, стараются пробудить интерес к самым обыденным мелочам, из которых, оказывается, состоит большая неделимая жизнь.

Но без чего жизнь—не жизнь? Правильно! А праздник праздников—это, конечно, Новый год. Ёлку и помещение всегда украшали сообща. Причём Марина Вениаминовна говорила детям:

—Пусть каждый из вас нарисует сказочного героя, с которым хотел бы встретиться в жизни. Мы развешаем рисунки на стенах, и пусть ваши родители помечтают вместе с вами!

К назначенному часу собирались родители, украдкой оглядывая стены, с которых счастливо улыбались раскрасневшиеся от мороза Терминаторы и Спайдермены. Входил Дед Мороз, громко сетуя ненатуральным басом, что ему скучно на празднике без Снегурочки, и следом, преувеличенно по-детски напевая «В лесу родилась ёлочка», вбегала Снегурочка.

—Лиана Всеволодовна!—смеялись дети, указывая на Деда Мороза.

—А это Марина Вениаминовна,—комментировалось появление Снегурочки.

И уж тогда появлялись настоящие Дед Мороз со Снегурочкой. Ошеломлённые воспитательницы в один голос признавались, что раньше не верили в Деда Мороза, а теперь верят. Дети радовались обращению воспитательниц. Родители сосредоточенно улыбались и прилежно щёлкали фотоаппаратами.

Канул в прошлое очередной новогодний праздник, а в наступившем году выдалась необычайно ранняя весна. Поддавшись мечтательному настроению, Марина Вениаминовна внезапно ушла в длительный отпуск. Ей захотелось отдохнуть от работы, отремонтировать квартиру и устроить личную жизнь. Однако стоило хорошенько выспаться, как рабочая усталость прошла. Косметический ремонт ничего не изменил—межпанельные швы по-прежнему оплакивали что-то неведомое. А личная жизнь застопорилась на ранней стадии, о чём свидетельствовали вытоптанный под окном газон и надоедливые телефонные звонки.

Усевшись вечером у телевизора, Марина Вениаминовна задумалась. Ей стало казаться, что если продолжать вот так неподвижно сидеть, отключившись от всего на свете, то и время остановится, не двинется ни одной секундой. Главное—ничем не выдать своего присутствия. Если бы ещё не дышать!..

Потом ей представилось, что огромное существо, вроде чудо-кита из сказки Ершова, подождёт её, подождёт и, не дождавшись, уплывёт восвояси вместе со всей жизнью, ни на миг не прекращающейся.

А что, если малыши забудут и уже никогда не признают свою Марину Вениаминовну? Воспитательница нервно пожала плечами. «Чушь какая-то,—сказала она себе таким тоном, точно обращалась к детям,—вот закончится мой длительный отпуск, и я снова вернусь в детский сад». Говорила и, сама того не замечая, искала телефонную трубку.

—Мгм,—ответила Лиана Всеволодовна, торопливо пережёвывая последнюю на сегодня булочку.

Она уже несколько лет боролась с лишним весом и не желала сдавать позиций.

—Я вот что подумала, Лиана Всеволодовна,—быстро-быстро заговорила Марина Вениаминовна.—Вдруг наши детишки забудут обо мне?

Пожалуйста, придумайте что-нибудь такое, чтобы не забыли,—понимаете?

Лиана Всеволодовна лишь пожала плечами, так как ещё не успела прожевать диетическую булочку, но Марина Вениаминовна уже положила трубку, потому что и слышать не хотела никаких возражений.

На следующее утро дверь садика распахнулась, и малыши в один голос воскликнули:

— Ура, Марина Вениаминовна пришла!

Марина Вениаминовна сказала «здравствуйте» голосом Лианы Всеволодовны, потом вынула из сумки свежий номер журнала «Диетология». Даже вечно плачущий Миша забыл о том, что мама ушла на работу и ему пора зареветь,—таково было потрясение.

Все поняли, что Лиана Всеволодовна переоделась Мариной Вениаминовной, но не поняли зачем. Оставалось вести себя как ни в чём не бывало, а там, глядишь, всё и объяснится.

Так и вышло. В конце дня в садике появилась настоящая Марина Вениаминовна и объявила, что завтра же выходит на работу, что очень по всем соскучилась и ни за что не станет дожидаться окончания длительного отпуска.

— Ура!—зазвенело вокруг.

Малыши радовались так, словно Дед Мороз вот-вот раздаст подарки. Хотя Марина Вениаминовна не была Снегурочкой и отопление в садике давно отключили, ей показалось, что она тает.

Сказка с выздоровлением

В стародавние времена, когда не было ни компьютеров с компьютерными играми, ни DVD-плееров с DVD-дисками, и вообще не было никаких виртуальных пространств, а наоборот, жизнь отличалась суровым и грубым реализмом, маленькие дети начали посещать детские сады, чтобы с помощью воспитателей моделировать жизнь общества. Однако и теперь, несмотря на появление Интернета, детские сады продолжают приносить пользу, потому что никакая виртуальная реальность не заменит живого общения.

С тех пор как молодой педагог дошкольного образования Марина Вениаминовна устроилась работать в детский сад «Берёзка», малыши в ней души не чают. Марину Вениаминовну полюбили, во-первых, за доброту и жизнерадостность, во-вторых, за то, что лучше всех стреляет из лука, в-третьих, за то, что на ходу выдумывает увлекательные небылицы. Другая воспитательница—Лиана Всеволодовна—стреляет хуже, держится строже и ничего не выдумывает, но всё равно не злая. Однако речь пойдёт не о Лиане Всеволодовне.

Однажды вечером Марина Вениаминовна пробегала глазами статью «Интернет и дошкольное воспитание», а вслух рассказывала детям историю о том, как маленький мышонок научил простуженного крокодила заваривать и пить вкусный чай с малиной. Потом пришли родители, и Марина Вениаминовна пообещала закончить историю завтра.

По дороге домой размышляла над высказанными в статье смелыми предположениями, а ночью ей снились целые миры, заточённые в плоские блестящие диски. Из мониторов на Марину Вениаминовну глядели дети. Она знала, что им нужно помочь, и понимала, что ничего нельзя сделать.

Пробуждение пришло вместе с головной болью и общим недомоганием, так что о работе нечего было и думать.

— Где наша Марина Вениаминовна?—спрашивали малыши у нянечки, подменившей больную воспитательницу.

— Она простудилась,—терпеливо объясняла нянечка каждому ребёнку,—ей сейчас чаю с малиной самое то!..

А когда убаюканная однообразными вопросами и шёпотом дождя нянечка задремала, детишки самостоятельно надели свои курточки, шапочки, обули сапожки, взяли на кухне заварку и банку с малиновым вареньем. Затем, построившись попарно, отправились на автобусную остановку.

Дети шагали так уверенно, так целеустремлённо, что прохожие даже не замечали, что во главе колонны нет взрослого человека, или, наоборот, казалось, что такой человек есть, пусть даже и виртуальный. Лишь в салоне автобуса одна дама в шляпе спросила, ни к кому не обращаясь:

— Интересно, куда едут эти милые детки?

— Мы едем к Марине Вениаминовне!—дружным хором ответили те.

А Настенька серьёзно добавила:

— Она заболела, и мы будем её лечить.

— Я знаю эту Марину Вениаминовну,—отозвался водитель автобуса,—она каждый день ездит по нашему маршруту, симпатичная такая.

— Да, это наша воспитательница,—с гордостью подтвердила Настенька.

— Какие милые, чуткие дети!—воскликнула обладательница шляпы.—Но кто же отпустил вас одних?

— Объективные причины,—вдруг выпалил Никита, и салон наполнился гулом одобрительного удивления.

— Значит, всё в порядке?—вновь спросила дама.

— Да,—подтвердил шофёр,—если никто не против, я довезу их до самого дома.

Марина Вениаминовна лежала, закутавшись в плед. Её знобило. Рядом на маленьком столике сгрудились таблетки аспирина, баллончик с «Ингалиптом», стакан с водой и журнал, раскрытый на странице с заголовком «Компьютерные вирусы и здоровый образ жизни». Настроение—хуже некуда.

Она безразлично глядела в окно, за которым не было ничего интересного — даже дождя не было.

Когда в дверь позвонили, Марина Вениаминовна не шелохнулась. Подумала: «Может, какие-нибудь знакомые или родственники — не открою». Звонок повторился. Она стиснула зубы и пошла открывать.

Из зеркала в прихожей на миг выглянуло и тут же спряталось осунувшееся лицо с воспалёнными глазами. Увидев за дверью дружный отряд своих воспитанников, Марина Вениаминовна лишилась не только дара речи, но и того мрачного чувства реальности, которое ни разу за последние сутки её не покинуло.

Она замерла в дверях, точно изображение в мониторе — с таким нелепым видом, что нельзя было не рассмеяться. И дети смеялись так заразительно, что Марине Вениаминовне сразу захотелось ожить и шагнуть с экрана. Позади отряда водитель автобуса красноречиво разводил руками.

Сказка с выздоровлением 2,

рассказанная Мариной Вениаминовной

Все дети знают, кто такое Чудо-Юдо. Чудо-Юдо — это ни на кого не похожее существо с переменчивым характером, но всегда по-своему милое, особенно если попадает впросак в самый неожиданный момент. Как, например, сейчас. Все, кто должен был переболеть простудой и гриппом, уже переболели и выздоровели. Западный ветер стих, слякотная погода сменилась хрустким морозцем с пышными сугробами и ясным небом. А что же наше Чудо-Юдо? Оно тотчас же затемпературило, засопливело и улеглось, свернувшись калачиком, в своей круглой постели. Почему круглой? Да потому, что у Чуда-Юда всё не как у людей.

Вы, должно быть, думаете, что у Чуда-Юда нет друзей? Как раз наоборот, друзей у него очень много по всему свету, однако самые близкие его друзья — тоже существа необычные, прямо скажем, волшебные. Только не думайте, что волшебные существа живут в каких-нибудь далёких местах, как, например, материк Антарктида или, скажем, Луна! Вовсе нет. Эти существа живут совсем рядом, только мы не всегда замечаем их в повседневной жизни.

Взять хотя бы наш с вами город, на окраине которого, если повернуть налево, потом направо… Ой, то есть наоборот: сначала направо, потом налево… Ну, в общем, разберётесь. Так вот, как раз там находится небольшой волшебный лес…

Что? Уже слышали про волшебный лес? Где-то уже было? Прекрасно! А вы хоть раз там побывали? То-то! В этом лесу средь бела дня все деревья отсвечивают лунным светом, но если светит яркое июльское солнышко, то знайте: за лесом расстилается тёмная и, скорее всего, зимняя ночь. Одним словом, с этим лесом такая путаница — даром что волшебный!

Ну вот, а посреди волшебного леса — пруд с кувшинками. В пруду живёт Крокодил, на которого мы и пришли посмотреть. Но чем же он знаменит? Да вроде бы ничем — просто живёт себе в зелёном пруду посреди волшебного леса. Неужели только по этой причине Крокодил считается волшебным существом?.. Какой такой Чебурашка? Разве мы про Чебурашку говорили? А ну-ка, про кого мы говорили? Правильно, про Чудо-Юдо, молодец, Настенька! А ещё про кого? Ах, да! Так вот, Крокодил…

Проснулся Крокодил рано утром, чтобы насладиться звуками пробуждающейся природы, палитрой расцветающих красок, и вдруг не узнал привычного мира. Солнце оказалось похожим на лужицу разбавленной жёлтой краски, разлитой по бледно-голубой бумаге, а вся окружающая флора вообще представилась какой-то мрачной чёрно-белой гравюрой. Даже птичий щебет был неуместен. Наваждение длилось одно мгновение, которого, однако, хватило Крокодилу, чтобы понять: Чудо-Юдо, его лучший друг, заболело.

«Ай-ай-ай!» — сказал Крокодил сам себе, поскольку разговаривать ему было тут не с кем. Похоже, во всём лесу он действительно был единственным волшебным существом. Но как же он всё-таки догадался о том, что Чуду-Юду не здоровится, спросите вы. Ну что ж, может быть, это телепатия или какая-нибудь особая… э-э-э… Что ты, Никита, говоришь? Ага, вот Никита нам подсказывает: ментальный контакт. Спасибо, Никита, мы запомним! Информационное поле? И это запомним! Так, всё, на этом достаточно! Главное, запомним, что все эти штуки доступны только очень добрым, отзывчивым существам!

Прихватив с собой баночку варенья из лесной малины — никакой не лайт, с нормальным сахаром, да, свекольным, да, тростниковым, да, без консервантов…

В общем, прихватив варенье, Крокодил заспешил в город. Все его мысли оказались заняты целью путешествия, и холодная зимняя ночь, поджидавшая за лесом, была напрочь забыта. Крокодил был одет в бриджи, рубашку с коротким рукавом, старомодные парусиновые туфли, а в самый последний момент он нацепил соломенную шляпу.

Несмотря на лютый мороз, Крокодил решил не возвращаться и не терять драгоценного времени, да и неохота ему было вновь и вновь проделывать долгий путь, чтобы переодеться в пуховик. Да, пожалуй, это экстрим. Что? Нет, «морозофил» — такого слова нет! Хорошо ещё, что Чудо-Юдо живёт недалеко, а то Крокодилу пришлось бы совсем туго. Ведь трамваи по ночам не ходят, и добирался он пешком.

На улицах не было ни души. Лишь в 4-м Сказочном переулке повстречался бывший хулиган Пуговкин, который в эту ночь захотел побыть добрым, но не знал, как это сделать. Увидав Крокодила, Пуговкин ничуть не удивился, а взял да и отдал тому шарф.

— Держи, придурок,—сказал Пуговкин.

— Весьма признателен, молодой человек!—церемонно раскланялся Крокодил, дрожа от холода.

Он тотчас же обмотался длинным шарфом. Жаль только, ноги шарфом не обмотаешь.

— Позвольте узнать ваше доброе имя!—продолжал Крокодил, яростно пританцовывая.

Пуговкин опешил от неслыханного обращения.

— Ну Пуговкин,—пробормотал он недоверчиво.—Ну и чо дальше?

— А то, что вы очень добры, господин Пуговкин,—заметил Крокодил, постепенно из зелёного становясь синим,—и ваш поступок до конца дней будет согревать мне сердце!

Оглушённый риторическим потоком, бывший хулиган только крякнул в ответ. Он был небольшого роста, и в детстве его этим дразнили. Тогда Пуговкин сделался хулиганом, чтобы всем доказать свою силу и побыстрее стать взрослым. А вчера увидел по телевизору, как один здоровенный дядька с гранатомётом сказал тому, который помельче, с небольшим пулемётом: «Мы тебя ценим, потому что ты добрый малый!»

Вроде бы в шутку решил подобреть Пуговкин, даже не подозревая, каким серьёзным оказалось его решение. Выйдя на улицу, бывший хулиган обнаружил, насколько глупо класть на трамвайные рельсы бутылочные пробки, как обидно бывает детям, если отобрать у них деньги и мобильный телефон, а с этим, похожим на крокодила, и вовсе не знаешь, как себя вести. Крокодил совсем окоченел и, кажется, уже заболел, потому что без конца бормотал о каких-то Чудах-Юдах и волшебных лесах.

«Бредит»,—решил Пуговкин и, схватив Крокодила в охапку, ускорил шаг. Даже пожертвовал несчастному тёплую куртку.

— Понаехали, а надеть нечего,—ворчал бывший хулиган, пошатываясь от тяжести.—Этот, чо ли, дом?

Такими и встретило Чудо-Юдо наших путников, когда они ввалились к нему: один в лёгком тренировочном костюме, другой похож на перебинтованную шарфом мумию, да ещё в куртке цвета хаки.

Что ж, как выяснилось, не только Чудо-Юдо попадает впросак, но и близкие друзья. Кто-нибудь скажет, что дружить с Чудом-Юдом невыгодно, но мы-то с вами знаем, что дружба… Что, Никита? Не имеет денежного эквивалента? Молодец!.. Нет, денежки врозь—это про другое. Запомним, что дружба всегда бескорыстна!

Чудо-Юдо так обрадовалось и в то же время встревожилось, что вмиг выздоровело и забегало, и запричитало без толку.

— Н-да,—сказал Пуговкин.

Он уложил больного в постель и укутал тем, что сумел отыскать в доме. Чудо-Юдо по-прежнему слонялось из угла в угол, истерически заламывая руки.

— Ну почему, почему он такой неприспособленный?—вопило оно что есть мочи и кидалось к постели.—Ты слышишь меня, Крокодилушко? Хочешь ананасового мороженого?

— Ему чаю надо,—заметил Пуговкин, гусиным жиром смазывая больному пятки.—С малиной.

Чудо-Юдо стремглав бросилось в кладовую, и оттуда донёсся страшный грохот. Через минуту оно воротилось с большим мешком. Пуговкин протянул банку с вареньем.

— Вроде малиновое,—проговорил он, с сомнением наблюдая за действиями хозяина.

Чудо-Юдо вывалило варенье в мешок с заваркой, и Крокодил ахнул всю смесь. Пуговкин поперхнулся. А когда появилась Мышь и принялась ругать Чудо-Юдо за чай, он вдруг заметил, что вся компания какая-то необычная: натуральный простуженный крокодил, Чудо-Юдо вообще чудо-юдо, а Мышь не просто говорит—ругается! «Полный финиш,—подумал бывший хулиган.—А я-то чего тут забыл?»

Разъярённая Мышь пищала и топала задними лапами, но Чудо-Юдо упорно делало вид, что ничего не замечает. Из-за этого Мышь свирепела ещё больше, и тогда казалось, что она вот-вот превратится в тигра. «Прям как мои предки»,—изумился Пуговкин и невольно втянул голову в плечи.

Наконец Чудо-Юдо сделало вид, будто вспомнило что-то важное, и затараторило, уставившись на Пуговкина:

— Слушай, Пуговкин, что же мы с тобой наделали, что наделали?

Тут Чудо-Юдо изобразило театральную скорбь, а затем окончательно перешло в наступление:

— Что ж ты мне не сказал, что чай пьют, а не едят?!

— Не слушай его,—пропищала Мышь.—Это оно нарочно!

— Я вообще-то пью «Спрайт»,—нашёлся Пуговкин.

Он, хотя и был втянут в перебранку, не мог отделаться от ощущения, что остаётся зрителем немыслимой фантасмагории или что всё это ему снится и чувствует он себя в этом сне невозмутимым и уверенным. Неизвестно, чем бы всё закончилось, но тут вмешался разбуженный шумом Крокодил.

— Друзья,—заговорил он хриплым от простуды голосом,—как здорово…

Он хотел сказать что-нибудь возвышенное, но не мог подобрать слов.

— Что все мы здесь сегодня собрались,—подсказал Пуговкин.

— Прекрасные слова,— обрадовался Крокодил,— и я уже не чувствую себя больным, а напротив, пребываю на седьмом небе от счастья!

Он попытался выбраться из вороха одеял.

— Ещё бы не на седьмом небе,— заметила Мышь,— четыре кило чаю!

Пока Чудо-Юдо кружило вокруг больного, пытаясь заново укутать и заодно напоить яблочным уксусом, а Крокодил ловко уворачивался, Мышь изливала душу Пуговкину:

— Эти двое клоунов считают, что я стою на низкой ступени развития,— тут ей пришлось увернуться от пикирующей подушки.— А я умнее их обоих— веришь мне?

— Верю,— подтвердил Пуговкин, и Мышь сразу повеселела.

— Пойду заварю чаю,— сказала она, заговорщицки подмигнув.— Что бы они без меня делали!

Дом был не очень маленький, но и не слишком большой— в самый раз по нашим холодам. Печь дышала жаром. Морозные узоры на окнах высверкивались бисеринками далёких огней. Пока Мышь хлопотала, накрывая на стол, Чудо-Юдо нашёптывало Пуговкину:

— ...Мелочная, приземлённая натура...

Пуговкин не слушал. Он думал о том, как много ему предстоит сделать в жизни, чтобы не увязнуть в бессмысленных дрязгах, то и дело изливая неизбывную скорбь на того, кто сильнее и рассудительнее, кто сочувственно покивает и уйдёт, понимая, что ничего тут не изменишь. Уйдёт, не вмешиваясь в чужие дела, как взрослый человек. Пуговкин выпьет чаю и тоже уйдёт. И проводят его очень даже почтительно, как чужого взрослого человека. Сегодня Пуговкин впервые почувствовал себя взрослым.

— ...продукты подворовывает,— шепнуло напоследок Чудо-Юдо и заёрзало под внимательным взглядом Мыши, усевшейся напротив.

А теперь, дети, закрываем волшебную дверь и уходим тихо-тихо, чтобы не мешать чаепитию. Вы же видите: Крокодил разлил по чашкам чай, о чём-то вдохновенно говорит, то и дело поглядывая на морозный узор, в котором, должно быть, угадываются очертания волшебного леса.

Самый счастливый грузовик

Жил да был самосвал-трудяга— огромный, неуклюжий, с толстыми колёсами и вместительным кузовом. Летом возил щебёнку, зимой— уголь. Трудился, не жалея сил, и вдруг понял, что устал ужасно и не хочет больше заниматься привычным делом. Взревел раненым медведем, примчался в гараж и говорит мастеру:

— Слушай, Петрович, не могу больше— работа тяжёлая, платят мало...

— Угу,— вздохнул Петрович.

— Летом я весь пыльный от щебёнки,— продолжал самосвал,— а зимой— чёрный от угля!

— Ох-хо-хо!— опять вздохнул Петрович, большой знаток техники и вообще большой души человек.

В общем, впервые в жизни самосвал излил душу.

— Так чего же ты хочешь, дружище?— голос Петровича излучал сочувствие.

— На тебя, Петрович, вся моя надежда,— мелодично заурчал самосвал,— придумай, ради Дизеля, что-нибудь такое, чтобы жизнь моя изменилась!

Поскрёб мастер затылок гаечным ключом, да и демонтировал гидравлический привод для опрокидывания, а кузов прикрутил к платформе мощными болтами. Почуяв перемену, бывший самосвал взревел и уже было рванул хвастаться всему свету, но Петрович оказался начеку. Он развернул перед непоседой буклет с красочными фотографиями грузовиков. У того аж фары разбежались.

— Ничего, ничего,— усмехался довольный Петрович,— мы и того лучше сделаем!

И пошла работа! Теперь-то бывший самосвал терпеливо ждал, не рыпался— наоборот, ему страшно хотелось нутром прочувствовать перемены, которые, словно по волшебству, совершает Петрович. Но все старания были тщетны. Новшества будто сыпались из рога изобилия, громоздились, заслоняя друг друга, не давая времени к ним привыкнуть. Ему казалось, что он вертится в гигантском калейдоскопе, ежесекундно умирая и рождаясь, не замечая ускользающей жизни. Кабина пухла от этой чехарды!

Когда бывший самосвал пришёл в себя, он оказался лёгким грузовиком-симпатягой с голубой кабиной. И началась новая жизнь— жизнь горожанина. Вымытый и начищенный до глянца, подтянутый и корректный в общении с окружающими, он вливался в утренний поток служащих, спешащих по делам.

От склада к магазину, из магазина на склад, ещё магазин, ещё склад, да не тот, надо было на другой конец города, протри гляделки, полчаса на перекусить, снова магазин, ты чо привёз, здесь чо написано, по пути заскочить в контору, склад, магазин, мать твою, а где остальное, кто не дал, склад, магазин, домой, еле волоча колёса.

Засыпал с одной мыслью: завтра— всё то же, и послезавтра, и послепосле... Да разве об этом он мечтал, круто меняя жизнь?! Как хочется просто побродить по весеннему городу, поглазеть по сторонам, поперемигиваться с молоденькими легковушками— некоторые, успел заметить, на него заглядываются, но, измотанный дурацкой беготнёй, он не находил ни сил, ни желания даже для лёгкого дорожного флирта. «Прямо сейчас взять зарулить на пустынную ночную дорогу да промчаться с ветерком!»— ещё успевал он подумать и вырубался.

Всё чаще вспоминалась прежняя, самосвальная, жизнь-жестянка. Едкая пыль и рабочий юморок, тоже едкий. Раскатистый рокот на вольном

ветру, где никто не взглянет с презрением, как на неотёсанного деревенщину или полоумного. А раздолбанные дороги! Бывало, так сиганёшь на крутом бугре, что рессоры хрустнут. Или зимой! Буксуешь, буксуешь на радиаторе—целый айсберг, зарычишь аж до визга от злости—и в Дизеля мать, и в самосвалову душу.

И ведь тоже поначалу думал: романтика! Он всё сравнивал и сравнивал себя нынешнего с прежним, но никак не мог решить—тогда было лучше или сейчас. Неуверенность раздражала и прямиком вела к сознанию собственной ничтожности. «Ты—грузовик, и нечего гидравлику распускать, нечего Дизеля гневить,—осаживал он себя,—грузись и шевели колёсами; у них—своё, у тебя—своё».

Значит, такова судьба, и незачем ворошить прошлое. Никто не посмеет обвинить его в предательстве! Кого он предал—бывших товарищей-работяг? Ничуть не бывало. Просто взял и изменил жизнь—свою собственную. Кому какое дело? Однако раздражало теперь буквально всё: никчёмные грузы всякой дребедени, вышколенные пустокабинные коллеги, которых он с наслаждением распугивал рычанием, холёные легковушки, которые визжали и замирали от его неприличных сигналов.

Однажды, загрузившись где-то у чёрта на куличках очередным барахлом—не то тряпьём, не то бижутерией,—он ловко встроился в плотный поток на город и только сейчас сообразил, что прямо вслед за ним идут двое бывших его товарищей-самосвалов. «Не признали, вот и не сигналят,—горько усмехнулся грузовик.—Дай-ка я им посигналю, тряхну стариной!» Но ответа не последовало. «Разучился я, что ли?»—вздохнул он и в ту же секунду услышал за спиной знакомые голоса.

— Видал?—взревел первый самосвал.

— А то,—развязно зарокотал второй,—форсаж-мажор, да и только!

— Не, ты гляди—вырядился-то!—вовсю рычал первый.—А груз—самокат больше утянет!

— Ну брось, ну чего ты,—дурашливо хрипел второй,—это блокнотики, он, небось, стишки пишет!

И оба зарокотали так, что у грузовика зазвенела кабина.

Сиганув в первый подвернувшийся переулок, он замер как вкопанный и торчал там неизвестно сколько, силясь прийти в себя. Лазейка в прошлое отрезана окончательно. Жалостливый Петрович, понятно, сделает что угодно—только попроси,—но после такого позора… Нынешняя жизнь тоже опостылела. Разогнаться и врезаться, чтобы всмятку, но он и на это не способен, ничтожество…

Следующим утром грузовик отправился гулять по городу. Как и мечтал когда-то. Но теперь на душе было пусто, и от таких же пустых фар убегало пространство. Проезжая улицу за улицей, грузовик даже не понимал, где находится. Да разве это важно? Вдруг его внимание привлекла молодая женщина, у которой был очень целеустремлённый вид. Она быстро шла, почти бежала по тротуару. Грузовик предложил подвезти, и вскоре они оказались у ворот детского сада. Оставшись за воротами, он увидел, как навстречу женщине высыпала детвора, и в утреннем воздухе словно зазвенели колокольчики.

— Ура! Здравствуйте, Марина Вениаминовна!

У грузовика потеплело на душе. Ему вдруг захотелось стать маленьким, игрушечным, чтобы играть с детьми. Он приезжал каждое утро и становился за воротами. И вот однажды его попросили съездить за детской мебелью. Грузовик нёсся по городу на крыльях, истошно сигналя, точно он не грузовик, а скорая помощь. Да он и есть скорая помощь, потому что помогает детям!

С той поры грузовик по праву занял место на территории детского сада, выезжая по разным поручениям. Как-то раз он посадил детей в кузов и принялся катать вокруг садика. Заведующая потом долго бранилась, что дети, мол, не картошка и чтобы это было в последний раз.

— Клянусь Дизелем!—проурчал грузовик виновато.

Дня не проходило без того, чтобы не наседала детвора: покатай да покатай! «Навещу в выходной Петровича, пусть за меня порадуется»,—в один прекрасный день решил он, как всегда осёдланный малышнёй. И вдруг увидел: в ворота въезжает один из тех двоих—с грузом мелкой щебёнки для благоустройства территории. Деваться было некуда, да и не хотелось никуда отсюда деваться. Грузовик не шелохнулся, готовый к чему угодно.

— Слыхали, слыхали про тебя,—весело заревел тот,—привет от всех наших!

Вывалив щебень, самосвал отправился восвояси.

— Ты заезжай как-нибудь, не забывай друзей!—прогремел он, скрываясь за поворотом.

Грузовик продолжал стоять, ошеломлённый новой радостью. Ему и не нужно ничего забывать, потому что он—самый счастливый.

Евгений Минин

Разнообразное

Паркинсонное

А в башке — полудурь, полусон…
Ничего не достичь полумерой…
И скребётся в ночи Паркинсон.
И Альцгеймер стоит за портьерой.
Вадим Ковда

Как-то ночью зашёл на балкон,
Ну а там два еврея, два брата.
«Дай прочесть», — прошипел Паркинсон,
И Альцгеймер глядел хищновато.
Убежал и упал на кровать,
На бегу чуть не вывихнул ногу…
Всё, стихи прекращаю писать —
Мне лечиться пора понемногу.

Междусобойное

Говорю сама с собой.
Но она не отвечает —
объявила мне бойкот:
с дурой не желаю, дескать…
Вера Павлова

Чаек писк и ветра вой,
да собачий лай из сквера.
Говорю сама с собой —
но не отвечает Вера.
Добиваюсь целый час,
а она лишь смотрит хмуро,
И не ясно — кто из нас
всё же подлинная дура.

Офтальмологическое

Но я гляжу на Запад и Восток
Не очерёдно, а — одновременно.
Станислав Куняев

Смотрю я вдаль, взобравшись на Парнас,
Объятый поэтической задачей,
И не помеха, что я косоглаз, —
Гомер, известно, сочинял незрячий.
Со мною все великие умы,
И не о нас ли Блок писал ночами,
Что скифы — мы!
Что азиаты — мы!
Естественно, с раскосыми очами!

Разутое

Простудно нынче, и душа разута.
Геннадий Русаков

Похолодало, а душа — разута,
Она во мне рыдает день-деньской:
Ну как по лужам грязи и мазута
Ходить-гулять без валенок, босой?
И я страдаю за неё до всхлипа:
А вдруг во мне какой-нибудь сквозняк?
Простудно нынче, а душе от гриппа
Прививку-то не сделаешь никак.

Жестокое

Швея курила и пила кагор…
. . . . .
Потом швея стояла у двери,
Потом швея стояла у окна…
Но что творилось у швеи внутри,
Никто не знал. Особенно она.
Александр Вавилов

Напитка нет опасней, чем кагор:
Лишь полбутылки выпил — быть беде.
А с куревом — известно до сих пор,
Что места не найдёшь потом нигде.
Как бегала по комнатам швея!
Трагичен был её кордебалет,
Но, наблюдая, не сказал ей я,
Где у меня в квартире туалет.

Быковное

До абсурда довёл Дима Быков
стихопрозу — в сплошную строку
стал записывать, рифм понатыкав,
да в статьях токовать на току.
Олеся Николаева

Не гордец, не становится в позу,
хоть и Быков, а пашет, как вол.
До абсурда довёл стихопрозу,
а меня до невроза довёл,
свои строчки везде понатыкав,
ими колется зло и остро!
И куда я ни ткнусь — всюду Быков,
всей российской страны Фигаро!

стр. 185
Астафьева Анастасия Викторовна
Санкт-Петербург, 1975 г. р.

Родилась в Вологде. Писать начала с пятнадцати лет. Автор многих сказок, повестей, рассказов и статей; участник семинаров и совещаний молодых писателей Вологодчины и Северо-Запада. Печаталась в местной прессе, в «Литературной России», журналах «Нева», «Очаг», «Мир женщины», «День и ночь», «Невский альманах». По детективу «Сети Арахны» в 1998 году на вологодском областном радио был поставлен одноимённый спектакль. Член Союза российских писателей с 2000 года. В 2003 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. В настоящее время — студентка 5 курса Санкт-Петербургского университета кино и телевидения (киноведение).

стр. 71
Атланова Елена
Ташкент, Узбекистан, 1957 г. р.

Родилась в Узбекистане. Окончила факультет экономической кибернетики, работает руководителем одной из софтверных компаний республики. Стихи публиковались в журналах «Звезда Востока», «Леди», «Дети Ра».

стр. 179
Безносов Денис
Москва, 1988 г. р.

Поэт, переводчик. Родился в Москве. Автор книг стихов «Клетка черепахи» и «Заулисье» (2011), книги пьес «Околопьесы» (2011). Переводит стихи с английского (Д. Гаскойн, Д. Томас, Х. С. Дэвис и др.) и с испанского (Ф. Лорка, Х. Инохоса и др.) языков. Публиковался в журналах «Футурум АРТ», «Другое полушарие», «Крещатик», «Окно», «Топос», «REFLECT… КУАДУСЕШЩТ», «Дети Ра», «Журнал поэтов», альманахах «День открытых окон — ¾», «Опустошитель», «Aesthetoscope», «Ликбез» и др. Лауреат Международной отметины имени Давида Бурлюка.

стр. 108
Беликов Юрий Александрович
Пермь, 1958 г. р.

Родился в городе Чусовом Пермской области. Поэт, эссеист, публицист. Автор трёх поэтических книг: «Пульс птицы», «Прости, Леонардо!» и «Не такой». Обладатель Гран-при и звания «Махатма российских поэтов» (всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох», Алтай, 1989), лауреат международного фестиваля театрально-поэтического авангарда «Другие» (2006) и всероссийской литературной премии имени Павла Бажова (2008). Основатель трёх поэтических групп — «Времири» (конец 1970-х), «Политбюро» (конец 1980-х) и «Монарх» (конец 1990-х). Лидер движения «дикороссов». Работал собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором газеты «Труд». Стихи публиковались в журналах «Юность», «Знамя», «День и ночь», «Арион», «Дети Ра», «Флорида» (США), «Зарубежные записки» (Германия), «Киевская Русь» (Украина), «Иерусалимский журнал» (Израиль). Награждён Орденом Велимира «Крест поэта». В настоящее время — собкор «Литературной газеты».

стр. 178
Бирюков Сергей Евгеньевич
Германия, 1950 г. р.

Родился в деревне Торбеевка Тамбовской обл. Окончил техучилище, историко-филологический факультет Тамбовского университета. Поэт, кандидат филологических наук, перформер, лауреат международного литературного конкурса в Берлине, Второй Берлинской лирикспартакиады, международной литературной премии им. А. Кручёных. Основатель и президент Академии Зауми, учредитель Международной отметины имени «отца русского футуризма» Давида Бурлюка. Преподавал в Тамбовском госуниверситете им. Г. Р. Державина. В настоящее время преподаёт в университете им. Мартина Лютера в городе Галле. Автор многочисленных книг стихов, теоретических и практических публикаций в российских и зарубежных изданиях. Организатор международных конференций-фестивалей, посвящённых историческому и современному авангарду. Основатель студенческого авангардного театра «DADAZ». Стихи переведены на многие языки мира. За вклад в историю, теорию и практику русского авангарда награждён Грамотой номер один Института истории русского авангарда (Санкт-Петербург).

стр. 181
Волобуев Геннадий Тихонович
Зеленогорск, 1944 г. р.

Родился в Амурской области. Окончил Томский политехнический институт по специальности «инженер-физик». Более пяти лет работал на государственном электрохимическом заводе Минсредмаша. В начале 1970-х годов работал первым секретарём горкома комсомола (Красноярск-45, ныне Зеленогорск), затем избирался на различные партийные и советские должности. Около 25 лет курировал социальную сферу города. В настоящее

время возглавляет филиал Сибирского государственного аэрокосмического университета в Зеленогорске, доцент. Автор нескольких книг и множества публикаций по краеведению.

стр. 3
Гайдукова Людмила Сергеевна
Зеленогорск, 1953 г. р.

Родилась в Улан-Удэ. Окончила Дальневосточный государственный университет по специальности «астрономо-геодезия». Работает директором муниципального учреждения «Центр учёта городских земель». Стихи публиковались в периодической печати, в поэтических сборниках «Поэтессы Енисея», «Поэзия на Енисее» и др.

стр. 88
Горская Ирина
Хакасия, 1952 г. р.

Родилась в г. Абакане. Племянница и хранительница архива М. Ф. Живило, подготовила материалы для трёх Баландинских чтений, оформила выставки по документам из архива своего дяди: в железнодорожном музее станции Абакан — по материалам работ со строительства дороги Абакан—Тайшет, по военной тематике (в музее г. Черногорска). Автор пяти сюжетов о жизни и творческой деятельности М. Ф. Живило. Организатор нескольких выставок художественных работ М. Ф. Живило в Абакане.

стр. 63
Дёмкин Андрей
Санкт-Петербург, 1970 г. р.

Выпускник Военно-медицинской академии. Служил на Северном флоте. Специализировался в области психофизиологии. В настоящее время работает в ВМА на должности психолога в научно-исследовательском центре. Имеет множество научных публикаций. Рассказы печатались в журнале «День и ночь», альманахе «Образы жизни» (США) и других.

стр. 176
Дуардович Игорь
Дзержинский, 1989 г. р.

Студент Литературного института им. А. М. Горького. Ответственный секретарь международного литературного журнала «Дети Ра». Публиковался в журналах «Новая Юность», «Дети Ра», «Зинзивер», «Интерпоэзия», «Запасник», а также в «Литературной газете», газете «Литературные известия» и приложении «Ex libris НГ». Лауреат-победитель фестиваля «Эмигрантская лира — 2011» в критической подноминации «Эмигрантское творчество русскоязычного поэта-эмигранта».

стр. 31
Есин Сергей Николаевич
Москва, 1935 г. р.

Родился в Москве. В 1960 году окончил филологический факультет МГУ. Работал библиотекарем, фотографом, журналистом, лесником, артистом, главным редактором журнала «Кругозор». Первая крупная публикация — повесть «Живём только два раза» (1969), напечатанная под псевдонимом «С. Зинин» в журнале «Волга». Член СП СССР с 1979 года. В 1981 году окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС, и в том же году уволился с должности главного редактора литературных вещаний Всесоюзного радио, чтобы полностью посвятить себя литературному труду. С 1987 года — преподаватель, в 1992–2006 годах — также ректор Литературного института. Член правления (с 1994), секретарь (с 1999) Союза писателей России. Вице-президент Академии российской словесности. Заслуженный деятель искусств РФ. Почётный работник высшего образования РФ. Лауреат Международной премии М. А. Шолохова в области литературы и искусства.

стр. 118
Ефремова Татьяна Ивановна
Красноярск. 1972 г. р.

Коренная сибирячка. С 1993 года живёт и работает в Красноярске. Автор детективных романов «Убийца сейчас on-line», «След на воде», «Дикий берег» (изд. «Букмастер»), «Вся собачья жизнь» (изд. «Подвиг»).

стр. 175
Зейферт Елена Ивановна
Москва, 1973 г. р.

Родилась в Караганде. Поэт, прозаик, переводчик, литературовед, литературный критик, доктор филологических наук. Окончила филологический факультет Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова. Преподавала теорию и историю литературы, латинский язык, работала редактором и обозревателем «Литературной газеты». Автор многочисленных научных трудов, среди которых монографии и учебные пособия, книг стихов, в том числе для детей. Публиковалась в российской и зарубежной литературной периодике. Победитель международных литературных конкурсов, в том числе I Международного Волошинского конкурса в номинации «Стихотворение, посвящённое М. Волошину» (2003, Коктебель, Москва). Лауреат главной премии в области литературы министерства федеральной земли Баден-Вюртемберг (2010, Германия), золотой лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2011) и др.

стр. 96
Зурабов Армен Арамович
Москва, 1929 г. р.

Родился в Тбилиси. Прозаик, драматург, режиссёр, сценарист. Окончил Тбилисский государственный институт инженеров железнодорожного транспорта, Литературный институт им. А. М. Горького и Высшие режиссёрско-сценарные курсы при Союзе кинематографистов. Работал инженером-мостовиком на Кубани, Волге, Урале, в Сибири. Автор сборника рассказов «Родники», романа, опубликованного в «Новом мире», телепьесы,

ряда сценариев кинофильмов и др. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России.

стр. 170 **Керамов Вадим**
Москва, 1977 г. р.

Родился в Махачкале. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар С. Н. Есина). Пишет стихи и рассказы. Участник форумов молодых писателей России. Публиковался в журналах «Волга», «День и ночь», «Нева», «Арион», «Крещатик».

стр. 68 **Ковда Вадим Викторович**
Ганновер, Германия, 1936 г. р.

Родился в Москве. Отец, Виктор Абрамович Ковда,—один из крупнейших почвоведов страны, лауреат Сталинской и Государственной премий, создатель факультета почвоведения МГУ. Окончил механико-математический факультет МГУ, кинооператорский факультет ВГИКа и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Первая книга стихов «Будни» вышла в 1971 году в Москве. Автор восьми сборников стихов.

стр. 81 **Куницын Игорь Николаевич**
Москва/Архангельск, 1976 г. р.

Родился в Печоре. Поэт. Окончил медицинский институт в Архангельске, учился в Литературном институте им. А. М. Горького (семинар Г. И. Седых, поэзия). Публиковался в журналах «День и ночь», «Новая Юность», «Интерпоэзия». Лауреат конкурса имени С. Есенина, финалист Илья-Премии. Автор книги стихотворений «Некалендарная зима».

стр. 172 **Мамлина Наталья**
Москва, 1988 г. р.

Родилась в Москве. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького (семинар поэзии С. Арутюнова). Публиковалась в журналах «Православное книжное обозрение», «Зинзивер», «Дети Ра», «Артбухта» и др. Автор сборника стихотворений «Себе наперерез» (2011).

стр. 146 **Матвеичев Александр Васильевич**
Красноярск, 1933 г. р.

Родился в Татарстане. Окончил суворовское и пехотное училища. Лейтенантом командовал пулемётным и стрелковым взводами в Китае и в Прибалтике. После демобилизации из армии учился в Казанском авиационном и Красноярском политехническом институтах (1956–1962). Получил диплом инженера-электромеханика. Работал токарем-револьверщиком, разнорабочим, электриком, инженером-конструктором, главным инженером НПО, директором предприятия. Депутат райсовета трёх созывов. С 1993 года работал журналистом в редакциях газет, переводчиком с английского и испанского языков. Преподавал английский детям и взрослым. Президент Английского клуба при Красноярской научной библиотеке и Почётный председатель «Кадетского собрания Красноярья». Первые рассказы опубликовал в 1959 году. С тех пор стихи и рассказы публиковались в журналах, газетах, альманахах, антологиях и коллективных сборниках. Автор нескольких книг, поэтических сборников и публицистических статей («Вода из Большого ключа» (сборник рассказов), «El Infierno Rojo—Красный Ад» (роман), «Три войны солдата и маршала» (проза), «Благозвучие» (стихи и проза), «КазановА. в Поднебесной» (роман), «Возврат к истокам» (проза), «Признания в любви» (любовная лирика), «АЗА-ЕЗА. Прошлое. Настоящее. Будущее» (публицистика) и др.). Член Союза российских писателей. Первый заместитель председателя правления КРОО «Писатели Сибири».

стр. 194 **Минин Евгений Аронович**
Иерусалим, 1949 г. р.

Родился в Псковской области. Поэт, пародист, издатель. Окончил Витебский станкоинструментальный техникум. Служил в войсках ПВО. После службы в армии окончил Ленинградский политехнический институт и четыре курса Витебского педагогического института. Работал мастером, начальником цеха на витебском заводе часовых деталей, преподавателем в средней школе. Публиковался в израильских, американских, европейских, российских альманахах, журналах и газетах, среди которых: «Знамя», «Дети Ра», «Иерусалимский журнал», «Семья и школа», «Зарубежные записки», «Слово/Word», «День и ночь», «Дон», «Кольцо „А“», «Побережье», «Галилея», «Литературная учёба», «Литературный Иерусалим», «Флорида», «22». Ведущий пародийных рубрик в журналах «Литературная учёба» и «Флорида» (США), а также в газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «Секрет» (Израиль). Издатель альманаха «Иерусалимские голоса», издатель и редактор множества поэтических сборников. Автор текстов песен для шести музыкальных альбомов. Председатель Иерусалимского отделения СП Израиля, член СП Израиля и Москвы, директор Международного союза литераторов и журналистов (APIA) по Израилю, литературный представитель за рубежом газеты «Информпространство» (Москва). Лауреат III поэтического фестиваля памяти Поэта (Израиль), лауреат премии «Поэт года—2007» Международного союза литераторов и журналистов (APIA).

стр. 114 **Муминов Салахитдин Омирдинович**
Тараз, Казахстан, 1963 г. р.

В 1987 году окончил филологический факультет Джамбульского педагогического института.

Работал в школе учителем русского языка и литературы. Кандидат педагогических наук, доцент, литературовед. В настоящее время преподаёт литературу в вузе. Лауреат международной премии им. А. С. Пушкина для учителей русского языка и литературы стран СНГ и Балтии. Рассказы публиковались в «Литературной газете», литературных журналах «Русский глобус», «Топос», «Наша улица», «День и ночь». Произведения автора вошли в лонг-лист II международного литературного конкурса журнала «Лампа и дымоход» (номинация «Малая проза», 2011), шорт-лист IX Международного литературного Волошинского конкурса (номинация «Литературная критика», 2011), шорт-лист литературной премии имени Марка Алданова (2011), лонг-лист Каверинского литературного конкурса (2012).

стр. 5
Саввиных Марина Олеговна
Красноярск, 1956 г. р.

Выпускница филологического факультета Красноярского педагогического института. Публикации в литературной периодике — с 1973 года: журналы «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Москва», «Дети Ра», «Северная Аврора», «LiteraruS» (Хельсинки), «Побережье» (Нью-Йорк), «Образы жизни» (Сан-Франциско), в еженедельнике «Обзор» (Чикаго), в коллективных сборниках и антологиях. Автор семи книг стихов, прозы, художественной публицистики. Первый лауреат премии Фонда им. В. П. Астафьева (1994). Член Союза российских писателей, Международного ПЕН-клуба. Член президиума Международного Союза писателей XXI века. Автор проекта, организатор и первый директор Красноярского литературного лицея. Главный редактор литературного журнала «День и ночь».

стр. 83
Скорый Сергей Анатольевич
Киев, Украина, 1949 г. р.

Родился в городе Старый Крым. Окончил феодосийский политехникум, Таврический национальный университет, аспирантуру Национальной академии наук Украины (Киев). Поэт, публицист, прозаик, переводчик. Доктор исторических наук, профессор археологии. Автор четырёх поэтических сборников, многочисленных исторических монографий и научных статей. Публиковался в альманахах и журналах Украины, России, Молдовы, США. Лауреат Международного поэтического фестиваля «Алые паруса» (Феодосия, 2012), дипломант V Международного литературного фестиваля «Чеховская осень» (Ялта, 2012). Член Союза русских, украинских и белорусских писателей АР Крым, Союза русских писателей Восточного Крыма.

стр. 78
Ставер Сергей Петрович
Назарово, 1949 г. р.

Родился на станции Крутояр Красноярского края. По профессии — художник-оформитель. Автор девяти поэтических сборников, участник Всероссийских литературных чтений имени В. П. Астафьева. Публиковался в литературных журналах «Енисей», «День и ночь» (Красноярск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Сибирские Афины» (Томск), альманахах «День российской поэзии», «Новый Енисейский литератор». Руководитель народного коллектива назаровских литераторов «Эхо Арги», член Союза российских писателей.

стр. 87
Степанов Евгений Викторович
Москва, 1964 г. р.

Выпускник факультета иностранных языков Тамбовского педагогического института, Университета христианского образования в Женеве и аспирантуры факультета журналистики МГУ. Кандидат филологических наук. Литератор, издатель, культуролог. Автор многочисленных журнальных публикаций и нескольких книг стихов и прозы, вышедших в России и за рубежом, а также культурологических монографий. Генеральный директор издательства и типографии «Вест-консалтинг». Издатель и главный редактор журналов «Дети Ра», «Футурум АРТ» и др. Член Союза журналистов Москвы, Союза писателей Москвы, Русского ПЕН-центра. Почётный гражданин штата Кентукки (США). Лауреат Международной отметины имени отца русского футуризма Д. Д. Бурлюка. Президент Международного Союза писателей XXI века.

стр. 135
Стрельцов Михаил Михайлович
Красноярск, 1973 г. р.

Родился в городе Мыски Кемеровской области. Окончил Кемеровский государственный институт искусств и культуры. Автор пяти книг стихов и прозы. Публиковался в журналах «Москва», «Огни Кузбасса», «Сибирские Афины», «День и ночь», «Север», «Новая Немига» (Минск), «Дети Ра», «Северная Аврора», «Образы жизни» (Сан-Франциско), «Зинзивер», в коллективных сборниках и альманахах. Член Союза российских писателей. Председатель Красноярского регионального представительства Союза российских писателей. Член Литературного фонда России и Международного литературного фонда. Член Союза писателей XXI века. Организатор регионального поэтического состязания «Король поэтов».

стр. 131
Татаренко Юрий Анатольевич
Томск, 1973 г. р.

Родился в Новосибирске. Учился в Иркутском институте иностранных языков (факультет романо-германской филологии), в Новосибирской

государственной консерватории (факультет академического пения). С 1998 года — актёр Томского театра драмы. Поэт, автор трёх книг. Стал обладателем специриза газеты «Труд» на Всероссийском конкурсе «Романсиада» (Томск), лауреатом международного фестиваля (Омск) и дипломантом Всероссийского конкурса актёрской песни (Нижний Новгород). Публиковался в журналах «Литературная учёба», «День и ночь», «После 12», «Сибирские Афины», «Сибирские огни», «Южная звезда», в общероссийской газете «Трибуна».

стр. 85
Туманова Марина Ивановна
Щёлково, 1951 г. р.

Родилась во Владимирской области. Окончила Московский институт тонкой химической технологии, работала в НИИ. Печатается как поэт с 1965 года, переводит с грузинского и идиш языков. Член Союза писателей Москвы. Автор нескольких книг стихов, среди которых: «Перед немыслимой разлукой…» (1996), «Во сне ищу какой-то сад…» (2001), «Только живи…» (2001), «Зал ожидания» (2003), «Свет позабывшегося дня» (2004). Стихи и переводы публиковались в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Кольцо „А“», «Грани», «Радуга», «Егупец», «Крещатик» и др.

стр. 173
Тюрин Вячеслав Игоревич
Иркутская область, 1967 г. р.

Родился в Якутии. Жил и учился в Красноярске и посёлке Лесогорск Иркутской области. Лауреат Гран-при Илья-Премии по СНГ (2001). Автор двух поэтических книг: «Всегда поблизости» (2001), «Розы в стране гипербол» (2006). Публиковался в журналах «Знамя», «Сибирские огни», «День и ночь», «Сибирь», «Дети Ра», в различных газетах и альманахах. Член Союза писателей России.

стр. 93
Цейтлин Евсей
Чикаго, США, 1948 г. р.

Прозаик, культуролог, литературовед, критик. Родился в Омске. Окончил факультет журналистики Уральского университета, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук, доцент. Преподавал в вузах историю литературы и культуры. Автор литературно-критических статей и эссе, монографий, рассказов и повестей о людях искусства. Начиная с 1968 года, публиковался во многих литературно-художественных журналах и сборниках. Автор многих книг, которые издавались в России, США, Литве, Германии: «Снег в субботу» (2012), «Послевкусие сна» (2012), «Несколько минут после. Книга встреч» (2011; 2012), «Откуда и куда» (2010), «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» (1996; 1997; 2000; 2001; 2009; 2010; 2012), «Писатель в провинции» (1990), «Голос и эхо» (1989; 2011), «На пути к человеку» (1986), «О том, что остаётся» (1985), «Долгое эхо» (1985; 1989), «Свет не гаснет» (1984), «Жить и верить…» (1983), «Всеволод Иванов» (1983), «Так что же завтра?..» (1982), «Всегда и сегодня…» (1980), «Беседы в дороге» (1977) и др. Составил четыре сборника прозы русских и зарубежных писателей. Был главным редактором альманаха «Еврейский музей» (Вильнюс). С 1996 года живёт в США, редактирует чикагский ежемесячник «Шалом». Член Союзов писателей Москвы, Литвы, Союза российских писателей, Международного ПЕН-клуба.

стр. 188
Чернец Алексей Витальевич
Новосибирск, 1970 г. р.

Родился в Новосибирске. Окончил среднюю школу, учился в техническом вузе, работал в НИИ, студент Литературного института им. А. М. Горького (семинар С. Арутюнова). В 1993 году потерял зрение. Публикуется с 2002 года. Печатался в журналах «Встречи» (Барнаул), «Сибирские огни», «День и ночь», в газете «Вечерний Новосибирск».

стр. 132
Чёрный Артур Валерьевич
Красноярск, 1980 г. р.

Окончил среднюю школу в Богучанском районе Красноярского края. В мае 1998 года призвался в ряды Внутренних войск МВД, где началась его профессиональная деятельность. Служил в Сибирской бригаде быстрого реагирования «Бешеные псы» в должности командира отделения. Окончил Барнаульский юридический институт МВД. Работал участковым уполномоченным милиции Октябрьского РОВД города Грозного, участковым в Алтайском и Красноярском краях, в службе ППС Барнаула. В 2006 году в звании старшего лейтенанта уволился из милиции. Автор двух книг прозы, вышедших в издательстве «ЭКСМО»; публикации в журнале «День и ночь».

стр. 88
Шанин Владимир Яковлевич
Красноярск, 1937 г. р.

Родился в селе Бирилюссы Красноярского края. Окончил историко-филологический факультет Иркутского университета и аспирантуру Высшей школы при ВЦСПС в Москве. Работал в колхозе, леспромхозе, на заводе, в районных и многотиражных газетах, в крайкоме профсоюза работников сельского хозяйства, в альманахе «Енисей». Печатался в журналах «Молодая гвардия», «Дальний Восток», «Сибирские огни», «День и ночь», «Енисей». Автор многих книг прозы, в т. ч. романа-исследования в трёх книгах «Суриков, или Трилогия страданий», а также книги «Енисейская летопись» (хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края 1207–1999 гг.), первый том которой вышел в 2011 году.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Марина Саввиных

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

по прозе

Эдуард Русаков

Александр Астраханцев

по поэзии

Иван Клиновой

Сергей Кузнечихин

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК

Олег Наумов

КОРРЕКТОР

Андрей Леонтьев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Николай Алешков — Набережные Челны

Юрий Беликов — Пермь

Светлана Василенко — Москва

Валентин Курбатов — Псков

Андрей Лазарчук — Санкт-Петербург

Александр Лейфер — Омск

Дмитрий Мурзин — Кемерово

Александр Петрушкин — Кыштым

Евгений Попов — Москва

Лев Роднов — Ижевск

Анна Сафонова — Южно-Сахалинск

Евгений Степанов — Москва

Михаил Стрельцов — Красноярск

Михаил Тарковский — Бахта

Владимир Токмаков — Барнаул

Вероника Шелленберг — Омск

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

А. М. Клешко

Заместитель председателя Законодательного собрания Красноярского края

Е. Г. Пазднкова

Министр культуры Красноярского края

Т. Л. Савельева

Директор Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края

Г. О. Янушкевич

Руководитель Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

Издание осуществляется при поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

Журнал издаётся с 1993 г. В его создании принимал участие В. П. Астафьев. Первым главным редактором с 1993 по 2007 гг. был Р. Х. Солнцев. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

В оформлении обложки использована картина Людмилы Смирновой «Благовещение».

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬ

ООО «Редакция литературного журнала для семейного чтения „День и ночь“».

ИНН 246 304 27 49
Расчётный счёт 407 028 105 006 000 001 86
в Красноярском филиале «Банка Москвы»
в г. Красноярске.

БИК 040 407 967
Корреспондентский счёт 301 018 100 000 000 967

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru или по адресу: 66 00 28, Красноярск, а/я 11 937, редакция журнала «День и ночь».

Адрес редакции:
ул. Ладо Кецховели, д. 75а, офис «День и ночь»

Телефон редакции: (391) 2 43 06 38

Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 10.03.2013

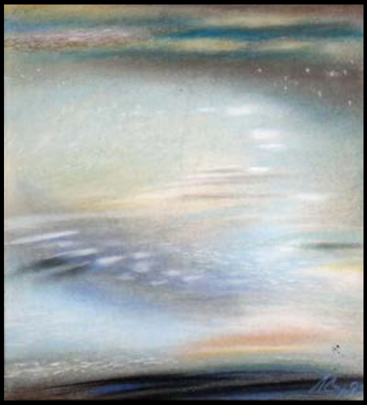
Тираж: 1200 экз.

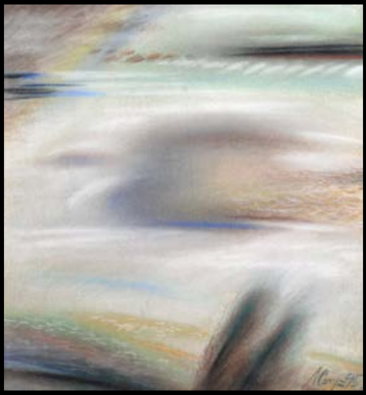
Отпечатано ИП Азарова Н. Н.
в типографии «Литера-принт»,
г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10
эл. почта: 2007rex@mail.ru, т. 294 15 77

Полиптих «Сказочные птицы»
1995 | бумага, пастель

◄ Гамаюн *(левая часть)*
50 × 50

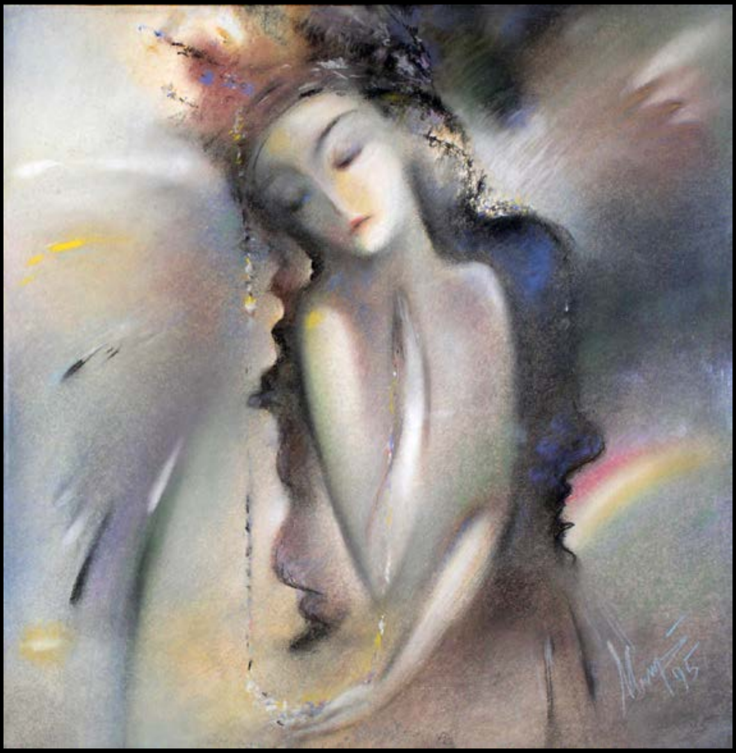
▼ Композиция 1
30 × 29





Композиция 2
30 × 29

► Алконост *(правая часть)*
50 × 50



Полиптих «Вифлеемская звезда» | 1999 | холст на ДВП, пастель ▼ Святое семейство (*центральная часть*) | 70×50

На обложке: Благовещение (*левая часть*) | 50×50